

Александр
ДУХНОВ

КАРТОННАЯ
ШУБЯ

...Единственная утренняя газета, из которой можно хоть что-то узнать, называется «Вечерний Новосибирск». В восемь часов утра я взял ее в киоске на улице Фрунзе. Та-ак. Есть! «Вчера в Новосибирск произошло очередное громкое убийство. В поселке Новом, расположенном в Заельцовском бору, в одном из домов обнаружен труп директора Малиновского графитного комбината Павла Краснопольского со множественными ранениями. В доме обнаружен еще один труп. Судя по всему, речь идет о заказном убийстве»... Обо всём этом и не только в книге Картонная пуля.

Александр Духнов

Картонная пуля

Нет такого человека в Новосибирске, кто не знает столовую на улице Ленина рядом с «Победой», напротив «Универсама». Лет сто она называлась диетической, а их последняя «фишка» — обеды из сои.

У меня есть знакомая семья — жена работает во «Внешторгбанке», а муж в НГТУ — они ничего, кроме сои, не едят, ну и еще, конечно, капусту. Причем странный рацион вызван не столько санитарно-гигиеническими показаниями, сколько философско-религиозными, я бы даже сказал, мистическими. Ни за что они не станут есть тех, в ком бьется живая душа — ни корову, ни лягушку, ни неведому зверюшку. Вот, собственно, и все, что я знаю про сою.

Вру. Один раз попробовал из экспериментальных соображений соевую котлету: что это за еда такая, в которой не бьется душа?.. Что вам сказать?.. Оказывается, то, в чем нет души, есть неинтересно; по вкусу соя мало отличается от пластилина. Второй раз такие котлеты я не стану пробовать даже под дулом пистолета.

Опять вру. Под дулом вполне съедобными покажутся и пластилин, и подошвы от собственных ботинок. Уж я-то знаю.

В столовой на Ленина мы с друзьями никогда не едим ничего, кроме абсолютно недиетических шашлыков. И даже их не едим, а ими закусьваем. В столовой на Ленина работает коллектив, воспитанный в лучших демократических традициях. Они не гонят от себя алкашей, наоборот, разговаривают с ними, то есть с нами, вполне вежливо. Мы пьем принесенную с собой водку, зато запиваем местным пивом и закусьваем местными шашлыками. А еще среди нас есть такой Саша Хальзов, он вообще-то стоматолог, человек тонкой душевной организации, но в плечах у него косая сажень, а весит он столько же, сколько дорогой засыпной сейф. Поэтому с ним везде разговаривают вежливо.

Второй мой друг по имени Саша Терехин работает в некой имиджмейкерской конторе, которая официально именуется Центром политических технологий. Я говорю некая контора, потому что как личность сугубо аполитичная никогда в деталях не интересовался, чем конкретно занимается Терехин, кстати, человек не самый разговорчивый, когда дело касается служебных интересов. Известно только, что он постоянно ошивается то в Красноярске, то в Кемерово, то в Новокузнецке, то в Омске, а когда все-таки объявляется в Новосибирске, вот тут-то мы втроем и оказываемся в диетической столовой.

Замечу, что оба Саши по отчеству Николаевичи, и чтобы покончить с формальностями, сообщу, что меня зовут Сергей Бобров. Род занятий неопределенный, а доходы по большей части случайные.

Сидим мы в столовой, пьем водку, и Терехин рассказывает про Красноярск, как он там выпил в кабаке, отстал от коллег и полночи искал гостиницу, где они остановились. Название гостиницы у него из головы вылетело безоговорочно, а про улицу он только то и запомнил, что она связана с восходом солнца. Полночи таксисты помогали ему обследовать улицы Красных зорь, Солнечной долины, Лучезарную, а также почему-то Амурскую и Майскую, а гостиница тем временем мирно стояла на улице Рассветной.

— А у меня тоже был случай, связанный с восходом солнца, — тут же припомнил Хальзов, — в Новосибирске. Знаете в Октябрьском районе улицу Новая заря? Я забыл, как она точно называется, и говорю таксисту: «Мне нужна улица Ясная заря, или Ранняя заря, или Малая земля, а может, Молодая гвардия». По этим приметам и доехали.

Мне тоже было, что рассказать про один великолепный восход солнца на берегу Тихого океана, я ничего про него не забыл, а наоборот, отлично запомнил, как встретил его с любимой девушкой, которая потом изменила мне с негром. И я уже набрал в легкие воздуха, но в этот момент в кармане моей куртки запиликали сибирские сотовые системы.

— Привет, — сказала трубка мужским голосом — это Котяныч.

Котянычем называется мой приятель Константин Альбертович Воронов, начальник службы безопасности известной в городе фирмы «Геннадий Степаныч», в немыслимых объемах переваривающей продукты питания и алкоголизм.

— Есть базар, — сообщил он.

Котяныч — исключительно интеллигентный человек, на ночь любит почитать «Войну и мир», но, общаясь со мной, иногда переходит на птичий язык. Как видно, полагает, что я другого не понимаю.

— Пожалуйста, — говорю.

— Ты сейчас где?

— В столовой.

— Вот это прикол! Столовых в городе не осталось. Где ты ее нашел?

— На Ленина. Знаешь диетическую?..

— Знаю. А ты в форме? В смысле поговорить... Или на завтра перенесем?

— Я всегда в форме. Если только поговорить.

Через пятнадцать минут Котяныч заглянул в зал, и мы вместе вышли на крылечко. Оказывается, пока наша компания пила водку, наступила ночь, пошел снег, и мой «Форд», притихший возле «Универсама», стал похож на сугроб.

— Знаешь, что у нашего шефа есть дочка? — взял быка за рога Воронов.

— Откуда? Что, я всех дочек, что ли обязан знать?

— Девятнадцать лет. Учится на третьем курсе Академии госслужащих. Специализация — экономика. Из породы ортодоксальных отличниц и домашних детей. Вроде бы. Во всяком случае, воспитывается в строгости. Без баловства. Поклонников особых вокруг как будто не наблюдается, хотя девка хоть куда... Ну и вот, шеф вдруг начал замечать, что у нее стали появляться неучтенные деньги. Не такие уж великие суммы, конечно. Рублей, может, пятьсот. Но папаша насторожился. Дочка молчит, как...

Воронов призадумался, подыскивая сравнение:

— ...В общем, молчит. Папа волнуется и начинает уже подозревать бог знает что. Он мне сегодня утром рассказал... Предлагает установить наружку. Но только не из наших, то есть не из моих братанов, чтобы утечки не было. В общем, поручил подобрать надежного человека. И про кого, ты думаешь, я вспомнил в первую очередь?

— Ты уж что-то слишком высокого мнения о моих умственных способностях. Даже не догадываюсь.

— Правильно. Про тебя. Если ты сейчас, конечно, ничем не занят. И если тебе не в лом заниматься такой фигней. Но деньги неплохие. Они даже не столько за работу, сколько за конфиденциальность. Ну, как?

— Во, дожили! — я тяжело вздохнул.

Давненько мне никто не предлагал наружкой заниматься. А все алкоголизм! Серьезные люди уже всерьез не воспринимают.

— А что такое? — забеспокоился Котяныч.

— Да нет, ничего. Уже за собственными детьми слезку устраивают!

— Видишь, дело такое... У тебя детей нет, а если бы были, еще неизвестно, как все повернулось.

В голосе Котяныча прозвучала неожиданная печаль многодетного отца, хотя он не то что замужем никогда не был, я его и с девушками ни разу не видел. Может, шифруется...

— Не спорю. Завтра начинать?

— Шеф сроков не устанавливал. Ему главное, узнать. Сможешь завтра, давай завтра. Вот фотография, на обороте домашний адрес и телефон. Зовется Настей. Обычно из дома выходит в восемь и идет постигать премудрости госслужбы. А дальше разберешься.

— На машине возят или сама ходит? — уточнил я.

— Сама. Я ж говорю, шеф ее не балует. Как Золушку.

Я мельком бросил взгляд на фотографию. Во-первых, мельком, во-вторых, в темноте. Но мне и не было нужды внимательно рассматривать. Потому что Настю не так давно мне довелось увидеть живьем.

Знаете Проничева? Сергея Дмитриевича? Перед Новым годом он устраивал дни рождения в «Отдыхе» с военным духовым оркестром и ансамблем балерин на роликовых коньках. Про духовую музыку-то давно известно, что он ее любит, одно время даже активно спонсировал джазовый ансамбль Толкачева, а про балерин точно не знаю, врать не буду. Да это и не важно. Мы с Проничевым никакие не близкие родственники, и я на день рождения попал случайно — друг позвал... Ладно, не друг. Подруга. Ничего особенного, можно сказать, почти деловая подруга... На празднике я Настю и увидел. Там и папа был, и мама, и дочка в кожаной мини-юбке и с такими дивными ногами, которым позавидовала бы любая дамочка из «Космополитена».

Мы с ней, то есть с Настей, столкнулись в туалете. Ну, не то чтобы... Я выходил, а она спускалась по лестнице. Вид снизу на ноги подействовал на меня, как замерзшая вода на «Титаник». Катастрофа. Заговорить с ней не удалось. Да я не очень и рвался, застеснявшись. Зато путем сложных комбинаций узнал, что она пришла на праздник в качестве дочери Геннадия Степановича Треухина, руководителя одноименной продовольственной компании.

Об этом мало кто помнит, но сначала Треухин возглавлял фирму «Стена», и когда уровень ворованных денег приблизился к критической отметке, возникла необходимость закрываться, распускаться и учреждаться под новой вывеской. Как свидетельствуют очевидцы, в кабинете генерального собрались несколько приближенных лиц, стали перебирать названия, но все как-то не звучало. Вконец измученный директор постановил: «Хватит! Надоело! Сейчас первый, кто войдет в кабинет, что-нибудь скажет, первые слова и будут названием». Как в сказке про короля Дроздоборода, где папаша выдал дочку-принцессу за вшивого нищего.

Первым вошел участник же совещания, незадолго до того покинувший кабинет... по личным надобностям. Войдя, он произнес историческую фразу: «Блядь, в сортире совсем перестали убирать». Все в ужасе посмотрели на директора, лицо которого медленно наливалось венозной кровью. Положение спасла Треуховская секретарша. Заглянув в дверь, она сказала: «Геннадий Степанович, чаю подать?» В срочном порядке первое явление признали недействительным, а фирму назвали скромно и со вкусом — «Геннадий Степанович».

...Не могу сказать, что в тот вечер, когда мы выпивали в столовой, я представлял из себя обеспеченного человека, однако мог себе позволить отказаться от роли филера.

...Если бы в деле не фигурировала Настя Треухина со своими необыкновенными

ногами.

Почему-то в клубе «Отдых» она не произвела на меня впечатление такой уж домашней девочки.

Все верно. Нет ей никакой необходимости с Шевченковского жилмассива ездить в академию на машине, когда от дома пешком двадцать минут.

Настя Треухина вышла из подъезда без нескольких минут восемь — в светлой дубленке до колена, высоких коричневых сапогах, ушанке из чернобурки...

В одном смешном романе, не помню названия, изображался иронический мир, по которому разгуливают странно одетые граждане. Например, шел мужик совсем голый, зато с галстуком на шее. Другой мужик тоже был голый, но в шляпе и с портфелем. Это был мир литературных героев. И точно, в книжках ведь всегда так пишут: «...из-за угла появился гражданин в шляпе и с портфелем».

Я тоже не умею правильно расписывать людей, только скажу так: даже в своей меховой одежде она производила впечатление модели, с которой неизвестный мне древний грек или римлянин ваял знаменитую безрукую Венеру, которую теперь печатают во всех учебниках истории и других художественных журналах. Не в том смысле, что Настя казалась столь же пышнобедрой, а в том, что если этой статуэткой не перестают восхищаться люди с изысканным вкусом, воспитанные на Равеле и Прусте, значит, что-то в ней есть. А сам-то я сторонник более астеничных форм. И все же, как бы не менялись вкусы, думаю, если бы тот античный парень познакомился с Настей Треухиной, он бы доломал свою Венеру до конца и тут же принялся за новый образ.

Не обратив внимания на припаркованную в сторонке машину, девушка направилась в сторону улицы Кирова, а я, выдерживая дистанцию, пополз следом. Все-таки интересно, откуда у нее лишние деньги?

Раньше мне не приходилось бывать в академии госслужащих. Со стороны выглядит прилично, и потом еще при развитом социализме строящиеся корпуса предназначались для партшколы. Помните, раньше была такая партия — коммунистическая? Я думал, там хоромы, думал, уж коммунисты для себя-то постараются, а оказалось хуже больницы. Несколько первых минут меня пугало ощущение, что я задену головой потолок. Зато в холле у гардероба толпилось столько девчонок, сколько я не видел со своих студенческих времен. Мужской контингент представляли отдельные экземпляры, невзрачные, но почему-то ужасно гордые, как поэт Александр Блок на фотографиях. Вот это и есть наши будущие государственные служащие?! Эх, страна!

Настины светлые волосы мелькали впереди. Не приближаясь, я отследил ее маршрут по коридорам и лестницам к аудитории номер триста пять.

Пять лет назад мой бывший тренер-покойничек, можно сказать, научил меня делать то, чем я и поныне занимаюсь. И был в моей практике похожий случай, когда я подрабатывал телохранителем при такой же вот студенточке. Папашу ее, весьма обеспеченного человека, вскоре пристрелили на летном поле аэропорта «Толмачево». Через месяц его дочка стала моей женой, а еще через полгода я обнаружил ее, в постели с негром. Негр был не Майк Тайсон, не Дэнис Родман, а так, величиной с Анатолия Карпова. Но я его бить не стал. Да и не в обиде дело. А в том, что студентки пятилетней давности, сколько мне помнится, с утра похмелялись в видеобаре гостиницы «Сибирь», к обеду, то есть к окончанию занятий, подтягивались к институту, а вечером танцевали на дискотеке и потом в подсобке столовой занимались оральной любовью с однокурсником. Вот это жизнь!

Почему-то мне казалось, что если пять лет назад студентки считали посещение лекций ниже своего достоинства, то уж сейчас нравы упростились и подавно. Тем более, человек уже на третьем курсе. А выяснилось, что мой длинноногий контрагент намерен освоить сегодняшний учебный план на все сто процентов.

После второй пары она посетила буфет, товарный ассортимент которого я от скуки успел изучить в перерыве между переменами. По крайней мере, водку здесь не наливали, и закуска выглядела слабовато. Составить представление о гастрономических предпочтениях дочери обеспеченных родителей мне не удалось — лишний раз я к ней не приближался, чтобы не «засветить» свою привлекательную внешность.

Игра в прятки продолжалась четыре пары. Книжку я с собой не догадался захватить, а без особой необходимости читать газеты брезгую. Наконец попытка высшим образованием кончилась. Я, правда, побаивался, что после обязательной программы последует нечто вроде читального зала, однако, весело щебеча, с подружкой Треухин поскакала по ступенькам к гардеробу.

Из корпуса она вышла в сопровождении той же подружки и молодого человека, более других похожего на автора революционной поэмы «Двенадцать». Помните? По вечерам, над ресторанами... Какая правда жизни! Кажется, Блок кончил жизнь неважно — без купюр. Вот и его нынешний двойник не напоминал человека, сорящего деньгами.

Я ехал за ними до улицы Кирова. После чего срочно пришлось искать более-менее приемлемое место для парковки, потому что троица нырнула в метро. На такой случай я заранее запасся четырьмя жетонами, а им еще пришлось в кассу стоять.

Будущие госслужащие проследовали к «Гриль-мастеру», где и обосновались часа на два, подкрепляясь едой и кофе. Юноша взял себе пива. Рассчитывались, похоже, в складчину.

Я к кофе равнодушен, но, чтобы не сидеть без дела после легкого ланча, выпил три кружки. Или, как они называются, — чашки. Устроился я так, что студентов мне почти не было видно, тем более слышно. Зато рядом бесконечно сидели — наверное, пришли сюда сразу после школы — шесть болтушек-старшекласниц, любительниц новосибирской рок-музыки. Сроду я не знал, что Новосибирск столь богат рок-звездами. «Калинов мост» — ладно. Еще пару раз по радио в машине я слышал неплохую вещь «Не пускай зверя в дверь» группы «Форт Роял». Но были еще, оказывается, крутые Панкраты, Дики и даже какой-то капитан Черныш.

У дверей «Гриль-мастера» троица расслоилась. Подружка с юношей направились в сторону Советской, а Настя Треухина...

Вот сейчас оно и начнется... Днем она примерная ученица, но чуть только вечер опустится на город, происходят превращения, способные повергнуть в ужас слабые души, — из девушки выползает зверь. Пантера. И, срыгивая остатки вчерашней пищи, отправляется по новому кровавому следу.

По идее, ей следовало бы переодеться, сменить мирный прикид и портфельчик на латы и копьё, но сойдет и так.

Не тут-то было! В метро Настя вернулась обратно и прямым ходом вышла к родному дому... Может, все-таки чтобы сменить имидж перед ночной охотой?

Я сходил за машиной — не мерзнуть же под февральским небом... Через два часа меня стали мучить сомнения в том смысле, что я мог зазеваться и пропустить ее выход. Тем более после вчерашней пирушки в организме ощущалась сонливость. Я набрал номер с обратной стороны выданной мне цветной фотографии. Ответил спокойный женский голос.

— Здравствуйте, — сказал я, — можно Настю?

— Да, слушаю.

Но слушать оказалось нечего и некого — я нажал на «отбой».

В начале двенадцатого ночи похожий на космический корабль «Понтиак» доставил домой главу фирмы «Геннадий Степаныч» Геннадия Степановича Треухина, и стало ясно, что сегодня моя вахта окончена.

Назавтра с небольшими вариациями повторилась та же образовательная история. И в среду за личиной примерной отличницы я, как ни старался, не разглядел в Насте зверя, промышляющего неучтенными деньгами. Может, она их нашла однажды, шла по улице и нашла, а папа наворотил подозрений? Или папа напился и с выключенным сознанием сам вручил презент любимой дочке? Или мама спонсировала втайне от папы?

Котяныч, с которым я делился наблюдениями и соображениями, советовал проявлять терпение. Да я не жалуясь. Не самая худшая работа в мире — сидеть на подоконнике в академии госслужащих и читать Бушкова. Единственная проблема — прятаться становилось все сложнее. И без того уже Настя пару раз натыкалась взглядом на мое умное мужественное лицо. И вообще, некоторые девушки начинали откровенно рассматривать странного посетителя ВУЗа.

...А в четверг все и началось.

Звонок позвал желающих на вторую пару. Предчувствуя очередную паузу в работе, я прикидывал: то ли наведаться в буфет, то ли покончить с Бушковым? И в этот момент Настя Треухина, изменив привычкам, вместо аудитории направилась к выходу.

Неподалеку от академии есть такая слегка матерщинная улица Сакко и Ванцетти. Смысла я не понимаю, могу лишь предположить, что называли ее по той же технологии, что и в известной продуктовой компании. На этой довольно глухой улочке примерная студентка приостановилась с явной целью кого-то дождаться.

Неизвестный прибыл, но не просто так, а на шикарном темно-синем «Марке-П» — В260КО. Задняя правая дверца распахнулась, и девушка нырнула под тонированные стекла. Это что значит? Что в машине уже есть пассажир? Или по протоколу положено? Некоторые особо гордые мужчины и жейщины ниже своего достоинства считают находиться рядом с водителем.

Драйвер в «Марке» сидел аккуратный. На встречную полосу не лез, никого не подрезал. Законопослушным манером мы проехали чуть ли не полгорода, миновали самое известное городское кладбище и свернули на проселок, ведущий к поселку новых коттеджей. Вернее, «Марк» свернул, а я некоторое время следил с главной трассы, пытаюсь уловить ход его сверкающей полировкой мысли.

Эти места мне пару раз доводилось проезжать. Архитекторы новой жизни разместили поселение в глубине соснового бора. Разместили, построили домики на разный вкус и кошелек, но потом дело застопорилось. Толстосумы почему-то не спешили вкладывать сюда свои денежки. Наверное, вокруг города полно мест, гораздо более уютных, или по деньгам оказалось неподходяще. В двух-трех коттеджах жизнь теплилась, но все равно место напоминало нечто среднее между заброшенной строительной площадкой и кладбищем погибших кораблей.

В260КО причалил к одному из коттеджей. С моего места сквозь сосновые заросли, хоть и через бинокль, я только и смог разглядеть, что из машины вышли и скрылись в трехэтажном домишке двое мужчин и Настя. Машину оставили снаружи, хотя при доме имелся гараж.

Вот это другое дело! Свежим воздухом выбралась подышать, а то все кабинет, кабинет... Что ж они там, втроем, что ли, будут?

Увидеть, что происходит в коттедже, было затруднительно. Окна первого этажа защищали металлические ставни. А чтобы заглянуть на второй, нужно было лезть на сосну. Но я счел это необязательным — перепачкаешься, одежду порвешь, и где гарантия, что они поднялись на второй этаж?

Я приготовился к долгому ожиданию и, коротая время, позвонил приятелю в Калининскую ГАИ, или, как они себя сейчас смешно именуют, — ГИБДД. Через три минуты знакомый гибддэшник любезно предоставил информацию о владельце В260КО:

— Числится на балансе Малиновского графитового комбината. Водитель — Баринов Анатолий Тимофеевич, семьдесят первого года рождения.

Снова непонятно: или Настя дружит с водителем, а при нем сегодня приятель оказался, или дружит с «шишкой», у которого имеется служебный автомобиль? С каким-нибудь замом по сбыту... Очень возможно; которые по сбыту, они шустрые. И коттедж — такой не у

каждого шофера същется... А если с замом, зачем им лишний свидетель в лице водителя — которые по сбыту всегда сами умеют баранку крутить.

...Прошло часа полтора, но из-за туч и черных еловых ветвей создавалось впечатление, что наступили сумерки. А тут еще сверху полетел мохнатый снег... Я вышел из машины размяться и... понятно, что... Но успел сделать лишь пару шагов в сторону, к сосенке, как мне на плечо свалилась чья-то рука и резко развернула на сто восемьдесят градусов.

Посередине сосновой чащи, которую вы считаете почти необитаемой, вам вдруг кладут на плечо руку! Кошмар! Я лично первым делом подумал, что это медведь, хозяин тайги. Выбрался из берлоги, злой, голодный и удачно набрел на сочный бифштекс. С кровью.

В лицо мне мчался кулак, затянутый в черную кожаную перчатку — не боксерскую, а от зимней стужи — за которой угадывался человеческий силуэт. Не медвежий — уже легче, с человеком, мне кажется, проще договориться. Чуть позади за развитием событий следил второй мужик.

Следующая после медведя мысль была та, что хозяева «Марка» обнаружили слежку и явились наводить разборки. Могли выйти из дома через черный ход, который с моего места не видно.

Кулак мчался быстрее, чем хотелось бы. Все же я успел отклониться, смягчив силу удара, однако свою замечательную реакцию продемонстрировать не стал, а наоборот, картинно рухнув под колеса «Форда», прикинулся дохлым жуком.

— Все в порядке, — раздался голос неизвестного. — Он тут один. Кто такой, пока не знаем. Я его выключил... Не, не насмерть. Минут через пятнадцать очухается. Мы его пока в багажник упакуем, а там видно будет... Ниче, не замерзнет... Сейчас закончим и присоединимся... Коля, давай наручники...

Сквозь опущенные ресницы я почувствовал, как надо мной, не подозревая засады, склоняется отвратительная физиономия... Звякнули наручники... Я нанес удар почти наугад, по направлению дыхания, зато со скоростью теннисного мяча, запущенного в эйс, — двести километров в час. Если правильно попасть, таким манером можно раздробить лицевую кость. Я попал слегка не в центр, но мужик дернулся и повалился в снег, одновременно проваливаясь в глубокий нокаут.

Второй с ходу не мог сообразить, за что хвататься — за меня или за автомат, болтавшийся на ремне под расстегнутой кожаной курткой. Решил было, что ствол надежнее, и ошибся. Потому что за это время я успел подняться. Собственно, у него в любом случае не было шансов в силу щедушного телосложения и тугодумия. Отступая назад, он нашаривал автомат, когда я достал его в ухо чем-то отдаленно смахивающим на мавашу. А добил хуком.

Других посторонних лиц в сфере обзора не наблюдалось. Бросая взгляды по сторонам, я одновременно бегло изучал размазанных по снегу противников. У обоих, естественно, открылось носовое кровотечение. Обыкновенные ребята, в джинсах, куртках и спортивных шапочках. Первый — поздравее, и не просто поздравее, натуральный слон, второй, Коля, комплекцией напоминает подростка, но, судя по мордам, обоим лет по тридцать. И совсем бы они были обыкновенными, если бы не Колин автомат и не облезлый ПСМ, который я выудил из кармана здоровяка. Рядом на снегу валялась соскочившая с пострадавшей головы компактная радиостанция в виде гарнитуры — миниатюрный приемник и микрофон на пластиковом рычажке. Наушник не фонил — понятно, чего еще ожидать после моего кулака? На брючные ремни оба воина присобачили ножи в кожаных ножнах. Холодное оружие я, понятно, тоже реквизировал.

Вряд ли это те ребята, которые приехали на «Марке». Было бы странно, если бы мужики, собираясь на свидание с девушкой, снаряжались подобным манером. Обыкновенно для таких случаев хорошо подходит шампанское, шоколад и презервативы, а никак ни АКСУ с запасным рожком... Разве только предположить, что я стал свидетелем не сексуальной интрижки, а Настя на самом деле — Никита, сибирский вариант, и у них тут террористический центр... Но это уже совсем «Шизофрения-2». Тоже фильм такой.

Может, это здешняя служба безопасности? Что значит — здешняя? Кого охраняют-то? Дом того же зама по сбыту? Интересно, за чей счет? Опять же баланс графитового комбината?

Пока во мне пульсировали соображения, события приняли совсем уж необычный оборот. Возле взятого под наблюдение коттеджа мелькнула крадущаяся человеческая фигура. И еще одна. Издалека судить трудно, но, похоже, дружки моих медведей.

Кто им нужен? Настя — дочка состоятельных родителей — в заложницы будущего финансового успеха? Вряд ли. Настю, наверное, проще брать в городе, без помпезности. Вероятнее, что охоту ведут на одного из... или обоих ее спутников. Но опять же с целью убийства или захвата? Допустим, Настин ухажер — сынок состоятельного папы и тоже годится для выкупа?

То ли дверь в коттедж оказалась незапертой, то ли неизвестная пара располагала ключом, но внутрь они попали без заминки.

Я еще не решил, как реагировать, но однозначно нельзя было оставлять в тылу двух врагов.

Мой милый «Форд» на постоянной основе оборудован некоторыми нестандартными вещами и в том числе парой браслетов. Так, на всякий случай — для эротических экспериментов. И только по желанию партнерши, потому что лично мне западные новшества совсем не по вкусу. Вторую пару наручников, которой собирались сковать меня, я отыскал в снегу.

Не выпуская из поля зрения дом, я подтащил оба тела к ближайшей сосне и соорудил композицию, напоминающую кольцо. Теперь, чтобы освободиться, пленникам придется или перегрызть дерево, или одновременно подпрыгнуть... метров на пятнадцать.

Одновременно я считал про себя секунды. Между семнадцатой и восемнадцатой из коттеджа раздался одиночный выстрел и следом — длинная автоматная очередь.

Люди с нормальным чувством самосохранения всегда падают головой от взрыва, а я, наоборот, не разбирая дороги и застревая в снегу, побежал к дому. Впрочем, одно из трех соображений, двигавших моими ногами, базировалось, безусловно, на чувстве самосохранения. Серьезные бандиты, занятые не каким-нибудь там фуфлом, а ответственным делом, вряд ли захотят оставить в живых невольного свидетеля латентной работы. Да они его из-под земли достанут и обратно же спрячут. Значит, уже по одному этому падать головой от взрыва бесполезно. Во-вторых, как я буду смотреть в безутешные глаза главы продуктовой фирмы, повествуя о своем бегстве с поля боя? Наконец, я просто не хочу, чтобы Настя умерла — нас еще даже не представили друг другу.

В коттедже били уже из двух автоматов. Выжить под таким градом свинца очень трудно.

Над заброшенной деревушкой орала снявшаяся с ветвей вороны. Или сороки, я в них не разбираюсь.

...В доме стеной стояла синяя гарь, как после сварных работ. Пол устилали остывающие

гильзы и осколки стекла. Я встал.

Стволы молчали. Со второго этажа доносился скрип половиц.

Размерами прихожая напоминала балетный класс. На второй этаж вела деревянная винтовая лестница. Другая лестница, в два пролета, связывала первый этаж с цокольным. Еще был широкий коридор, из которого неподвижно торчали ноги в расшнурованных кроссовках «Фила»...

Верхний человек, пройдя над моей головой, приблизился к лестнице и начал спускаться. На ступеньках показались ноги в синих джинсах и черных ботинках. Сырых от снега. Значит, гость.

Позиция у меня была неудобная, рискуя быть обнаруженным, я все же передвинулся в сторону кроссовок. Под ногами зазвенели гильзы.

— Витька, ты? — спросили сверху.

— Ага, — буркнул я, как можно невнятнее.

— Ну, что там?

— Ага, — тупо отозвался я.

Передо мной открылся вид на самого хозяина «Филы», который в данный момент представлял из себя расцвеченный кровавыми мазками труп в спортивном костюме с безобразно задравшейся майкой. Неподалеку валялся пистолет. Судя по домашнему прикиду, мертвец относился к линии защиты...

...Верхний человек спустился еще на одну ступеньку.

Я приготовил экспроприированный автомат. Убивать я никого не собирался...

Я нажал на спуск. Пуля прошла навывлет сквозь синие джинсы. Все, парня смело можно направлять на ВТЭК, первая группа обеспечена.

Раненый запричитал таким высоким голосом, каким во времена моего детства распевал по радио певец Полад Бюль-Бюль-Оглы.

— В чем дело, Толян? — раздался голос снизу.

— Там еще один на первом этаже! — сквозь причитания закричал покалеченный.

В тот же миг из подвала по мне пустили очередь. Но угол был неудобный, пули веером рассыпались справа над головой.

Чем было хорошо при социализме — так это фильмом «Ирония судьбы, или с легким паром». И дома, и квартиры напоминали друг друга, как чашки одного сервиза. Теперь архитекторам дали волю. Понастроили так, что в жилище заблудиться можно. Вот что это за дверь? В туалет?

Но оказалось — не в туалет, а в другой коридорчик, коротенький и узенький, зато еще с двумя дверями, за которыми опять же скрываются неведомо какие пространства.

Я отдавал отчет, что могу оказаться в идеальной ловушке, но и ждать на месте не имело смысла.

Прыгнув в коридор, я толкнулся в правую дверь и провалился в темную, глухую кладовую. Не задерживаясь, врезался корпусом в дверь напротив. Внутри тонко звякнула ломающаяся задвижка... Раздался женский вопль, настолько пронзительный, что голубой в цветочек сливной бачок сработал сам по себе, и в унитаз, формами напоминающий лилию, хлынул поток воды.

Вопила Настя, живая, облаченная в полосатую мужскую сорочку, каковой весь ее гардероб, кажется, и исчерпывался.

— Тихо, я свой! — крикнул я и бросился обратно в холл, потому что здесь точно был

тупик и надо было успеть вернуть хотя бы прежнюю позицию...

...Что мне и удалось сделать.

В шахматы я играю слабо, но, что такое пат, знаю. Сейчас все получалось, как в шахматах. Неизвестные Толян с Витькой контролировали единственный выход. А я не позволял им высунуть головы... Кто-нибудь в округе да услышал выстрелы. В милицию позвонить не ' трудно.

Из туалета боязливо высовывалась и рассматривала меня половина Настиной головы.

— Я свой, — повторил я.

Настя молчала, вращая широко открытым глазом.

— ...Я здесь случайно оказался. Проходил мимо... Лесник я здешний... Местный...

Слышу, стреляют... Думал, браконьеры по лосям... Я за тебя. Хочу тебе помочь.

Никогда не умел с девушками разговаривать, вечно несу всякую чушь, а тут еще отвлекают. Но по крайней мере до Насти дошло, что я не собираюсь ее прямо сейчас убивать.

— Кто это? — вдруг спросила она.

— Где?

— Кто там? — она повела глазом по направлению моего ствола.

Ведь она ничего не понимает и не знает. Случайно оказалась в туалете, каковой факт, собственно, и продлил ей жизнь, услышала выстрелы, перепугалась... Тут, я вваливаюсь...

— Это на вас бандиты напали, — объяснил я.

— Много?

— Не-а. Двое. Осталось.

— Где они?

— В этом и проблема. Один в подвале... Там у вас что?

— Сауна и спортзал.

Спортзал! Крытый стадион с футбольным полем и двухсотметровой беговой дорожкой! Во, народ растолстел!

— ...Другой на втором этаже. Они, понимаешь, нам выход отрезали... А на втором этаже что?

— Просто комнаты. Спальня...

— Твоя одежда там?

— Да... Послушай, здесь окно есть. Может, через него можно?

— Где?

— Там, — она кивнула на кладовку.

— С чего вдруг в кладовке окно?

— Там ванная должна была быть. По проекту...

Логично. Лежишь в горячей ванне, любишь зимним пейзажем...

— ...Только оно фанерой забито. И железный ставень...

Фанера еще ладно, а сквозь сталь я точно проходить не умею. Небось, миллиметра три. Здесь вообще-то везде окна, но все бронированные.

Снаружи издали донеслись два выстрела. Кто же это там развлекается?

Из подвала вновь раздался крик:

— Толян! Ты живой? Куда он тебя задел?.. Эй...

Сверху не отвечали. Возможно, Толяна свалил болевой шок.

— Сейчас, по моей команде перебегаем на второй этаж, — шепнул я Насте. — Вперед!

Поливая из автомата вход в сауну и спортзал, я бросился на прорыв. Настя держалась сзади. На винтовой лестнице я пропустил ее вперед. Если от звуков пальбы верхний человек очнется, нам конец. Сначала Насте, потом мне.

Точно, кроме рубашки на ней ничего не было.

На втором этаже, возле лестницы, с кровавыми потеками вокруг рта, без сознания валялся мужик с автоматом. Вокруг на сером пробковом полу блестели свежие кровавые же пятна. В кармане толяновской куртки весьма кстати обнаружился полный автоматный рожок.

За распахнутыми настежь двойными дверями наблюдалась картина разрухи и смерти. С распоротого автоматными очередями сексодрома вниз головой свешивалось голое тело мертвого мужчины без лица и, можно сказать, без головы. Возле левой руки на полу лежал пистолет. Вскрытие покажет, сколько раз его убили, но исчислять свинец, застрявший в мертвеце, наверное, придется в килограммах.

— Одевайся быстро! — прикрикнул я на Настю.

У новосибирской команды КВН есть такая смешная интермедия «Криминальная жизнь черепах». Но сейчас мне было не смешно.

— Быстрее, быстрее, — торопил я.

От того места за соснами, где я устроил наблюдательный пункт к дому, прыгая через сугробы, спешили три фигуры. Значит был пятый, освободивший пленников сосны. Разбив прикладом оконное стекло, я дал две короткие очереди. Братаны, как по команде, плюхнулись в снег... Как же теперь добраться до машины? В обход? Или бежать к трассе?

Желтая от переживаний Настя в незастегнутых джинсах, словно в замедленной съемке, выуживала недостающие детали туалета из беспорядочно сваленной на полу одежды...

...Из кармана мужского пиджака выскользнула на пол связка ключей с пультом дистанционного управления.

— Это его машина? — кивнул я вниз.

— Да.

— Готова ты, наконец?

— Второй ботинок не могу найти...

— Не плачь, не плачь, не плачь, — повторил я несколько раз не потому, что без ума от «Иванушек», а просто не мог затормозить, как зайка. — Купим тебе другой... Сейчас прыгаем отсюда. Не бойся, снег мягкий.

Я доломал раму, очистив лаз от осколков. Нажал на пульт — «Марк» внизу вздрогнул и довольно заурчал. С заснеженного, поля в оконное стекло справа прилетела пуля. Я выпустил ответную очередь, не целясь, и погнал Настю.

Худенькая девушка вонзилась в снег, как гвоздь. Я ухнул следом и, проваливаясь по пояс, запрыгал к «Марку». Дверца открылась так же легко, как спичечный коробок, а тут и Настя подроспела.

В задний ход я запустил весь возможный газ. Тоненько взвыли прокручивающиеся в снегу шины. Подпрыгнув на ухабе, «Марк» выскочил на проторенную дорожку. Я переключил скорость и, уже набирая ход, увидел, как из дома выскакивает мужик с автоматом, скользит по обледеневшему крыльцу, машет руками, не удержав равновесия, валится на бок и продолжает скользить.

Он, правда, успел выпустить очередь, но смертоносные осы ушли выше, сбивая с сосен хвою... А может, стреляли те трое.

Ехать домой я не решился. По брошенному «Форду» ушлые парни вычислят меня в пять минут точно так же, как пару часов назад я вычислил Малиновское производство. Вряд ли, конечно, сразу бросятся в погоню, сначала раны зализжут. И все же береженого бог бережет.

Сибирские сотовые системы соединили меня с Терехиным.

— Сань, — сказал я, — это Бобров. Пусти в гости.

— С удовольствием, — кисло откликнулся гостеприимный друг. — Только я должен уйти через полчаса.

— Это даже очень кстати. Ты мне особо и не понадобишься.

— Я с девушкой, понимаешь? Крыша нужна на несколько часов.

Такой поворот событий Терехину понравился еще меньше:

— А к себе чего не хочешь?

— Понимаешь, подруга из верхних эшелонов. Ты же знаешь, какой у меня сарай и презервативы на полу вечно валяются... Уборку некогда делать, а тут такое дело, можно сказать, срочное.

— Знаешь, в каких случаях нужна спешка?

— Сань, не будь занудой.

— Ладно, приезжай. Только поторопись.

— Куда мы едем? — насторожилась Настя.

Всю дорогу она сидела в кресле наподобие вялой рыбы, насмотревшейся «жутиков», если, конечно, предположить, что рыбы сидят в креслах, а тут встрепенулась.

— А куда ты хочешь?

— Домой.

— Мама не поймет. Посмотри, на кого ты похожа. Сначала приведешь себя в порядок.

— А вы все-таки кто?

— Я — друг. Лесник. Друг животных, я ж говорил.

...Когда Терехин, уже собравшийся уходить по своим политическим делам, увидел в прихожей девушку из верхних эшелонов, он чуть навсегда не остался зайкой и во всяком случае сильно пожалел, что позволил ее привести. Вместо глаз на Настином лице зияли две черные ямы, волосы вдоль серых щек заменяла торчащая пакля, губы растворились. Но главный эффект производили две босые грязные ноги — один ботинок она так и не успела найти, второй утонул в сугробе. Весной оттаает... К тому же из-за ссадин и порезов девушка еще и хромила на обе стороны, как это демонстративно исполняют колченогие нищие в метро.

— Ты с-с-серьезно? — пришел в ужас хозяин, пряча от Насти брезгливый взгляд.

А надо заметить, что Терехина при всем желании нельзя снять в передаче «Без галстука», потому что даже за домашний завтрак он без этого, на мой взгляд, бесполезного предмета не садится. И в его квартире на полу не то, что презервативы, но даже и пылинки чувствуют себя сиротливо.

— ...Ребята, вы тут все же поосторожнее, — жалобно упрашивал он на прощание.

...Настя не меньше часа приводила себя в порядок, зато девушка, вышедшая из ванной комнаты, Терехину понравилась бы гораздо больше. И прихрамывала меньше — раны на подошвах залепила пластырем.

К этому моменту я дважды согрел воду для кофе, по телефону сообщил Геннадию Степановичу Треухину, что у меня имеется информация, и договорился об аудиенции. Но главное, в моей голове, наконец, мухи начали выстраиваться отдельно от щей.

— Меня зовут Сергей Бобров, — представился я.

— Я вас видела в нашей академии... И еще раньше.

Похоже, она имела в виду историческую встречу возле туалета. С одной стороны, приятно, что тебя помнят, с другой, талантливый сыщик расшифровался, видимо, гораздо раньше, чем предполагал.

— Тогда, значит, давай перейдем на «ты». Я все расскажу про себя, а ты — про себя. Идет?.. Отец, Геннадий Степанович, хотел узнать про твою личную жизнь и нанял меня... Ну, понятно?.. Гримасы строить не обязательно. Когда у тебя будут свои дети, еще неизвестно, как ты себя поведешь. А если ты на мой счет, то... тут спору нет, я не профессор математики, не художник Дейнека и не композитор Джакомо Пуччини... Думаешь, безработным быть лучше?

— Совсем я не на твой счет. Просто как-то неожиданно... Давно за мной хвост?

— Три дня.

— А в «Отдыхе», значит, случайно...

— Вот именно. Говорю, три дня. Зачем мне врать-то?.. В общем, приехал за вами в Мочище. И тут началась эта эпопея, к которой я по глупости подключился. Вот вкратце и все. Вопросы есть?

— Н-не знаю.

— Тогда переходим к тебе. Рассказывай.

— Что?

— Все. Я ведь ничего не знаю. Кто это был? С кем ты была? Теперь все равно о твоём приятеле узнают. Я ведь не из любопытства спрашиваю. Не исключено, что опасность еще не миновала. И имей в виду, ты не в милиции, так что давай на полную откровенность.

— Его зовут Павел... Павел Леонидович Краснопольский.

— И он работает на Малиновском графитовом комбинате?

— Да.

— Кем?

— Директором.

Я присвистнул:

— Каким директором? Самым главным?

— Да.

— У тебя хороший вкус.

Вообще-то губа не дура.

— При чем здесь вкус? — Настя зажмурилась, из-под плотно сжатых ресниц блеснули слезинки.

— Извини. Ты его любила?

— Я? Не знаю...

Пришлось ждать, пока она вновь соберется с духом.

— Будешь еще кофе? — спросил я.

— Давай.

— Сколько ему лет?

— Сорок семь, кажется.

— Давно дружите?

— Меньше двух месяцев. На дне рождения Сергея Дмитриевича познакомились. Нас с мамой туда папа взял... Ты ведь тоже там был...

— Чем же он так тебя увлек?

Вопрос, конечно, к делу не относился, но я не удержался.

— Не знаю. Может, просто устала — все время одна да одна... Дома и дома... Мне, наверное, тогда все равно было.

Можно сказать, на моих глазах, из-под носа девушку увели! А ведь прояви настойчивость, чем черт не шутит, и я мог оказаться на месте этого Краснопольского. Не в том смысле, что без головы, а в смысле лекарства от одиночества.

— Часто встречались?

— Всего раз пять или шесть. В основном, как раз по четвергам. У него четверг — самый свободный день.

— Всегда в этом коттедже?

— Да.

— Какой-то странный он себе коттедж выбрал.

— Это не его. Какого-то его друга. Свой тоже есть. Где-то ближе к Искитиму. Он ведь женат... Был... Поэтому не мог себя...

— Деньги давал? Извини, я не в том смысле, что... Просто отца твоего как раз и насторожило, что он у тебя деньги заметил.

— Я не хотела брать. Просто рассказала без задней мысли, что у нас в семье строгое отношение к деньгам. Отец дает понемногу, сколько считает нужным. Вот Павел и стал предлагать. Я отказывалась. А потом подумала, может, это его возбуждает? Может, ему так проще со мной общаться? Может, это придает ему уверенности?

— Он что — неуверенный?

— Вообще-то не производит впечатления неуверенного. Но внутрь-то не заглянешь.

— Кто еще был в машине?

— Шофер. И охрана по совместительству.

— Как шофер? Почему же ключи у Краснопольского в пиджаке оказались?

— Он сам иногда ездит... Ездил. Ему нравилось. У него ж две машины. Одна служебная, другая личная — джип.

— Что же он без охраны с тобой не мог встречаться?

— Ему без охраны не полагается. По статусу... Да и не в этом дело. Просто он же, ну, немного выпивал, когда мы... встречались.

Где моя голова!? Это же только я после попойки сажусь за руль, рискуя правами. А у нормальных людей на такой случай водитель имеется...

— Сейчас отвезу тебя домой, — постановил я. — Отцу придется все рассказать, а с милицией... Так или иначе, они на тебя скоро выйдут... Как я понимаю, и портфельчик твой там остался с тетрадками, и вообще, такую связь, скорей всего, не утаишь...

— Я никому из своих не рассказывала.

— Но это не значит, что твой директор не рассказывал.

— Он тоже, вроде, не из болтливых. И не в его интересах было афишировать... Женатый же человек все-таки.

— Не важно... В милицию не торопись, а сами найдут, расскажешь все, как было, как началась стрельба... Скажешь, что спряталась в бпальне и, улучив момент, выскочила в

окно... Машину водить умеешь?

— Курсы заканчивала...

— Значит, выскочила в окно и уехала домой. Про меня молчи. Были только бандиты и вы. Никого из бандитов ты рассмотреть не успела. Понятно?

— Да. А почему нельзя про тебя рассказывать? Ты ведь только защищался?

— Не те у меня отношения с милицией, чтобы с ней в разборки вступать. И арестовать могут, а уж задержать-то — сто процентов.

Настя понятливо кивнула.

— ...Но это не главное... Возможно, банда, которая на вас навалилась, решит, что им ни к чему лишние свидетели... Ты не очень бойся, потому что я, может, и преувеличиваю. Но все же оптимальный вариант для тебя — исчезнуть из Новосибирска, уж не знаю насколько. И отец, наверное, будет того же мнения.

— А ты? — спросила чудесная девушка...

Отправив Настю домой, я не без сожаления навсегда захлопнул блестящую дверцу «Марка» и в офис «Геннадия Степановича» поехал на метро.

Кроме Треухина, в кабинете присутствовал верный пес директора Котяныч. Я не стал скрывать правду, поведав ее в нескольких фразах. Котянычем овладела немота. На лице Треухина затряслись толстые, похожие на мочалку, щеки.

— Надеюсь, юноша, вы не шутите... — выдавил он с угрозой и принялся звонить домой.

Что и говорить, случай приключился невероятный, к тому же несло от него свежим жаром жирного блина, сдернутого с раскаленной сковородки.

— Настя, с тобой все в порядке? — прогундосил директор в трубку. — У меня в кабинете один человек, твой знакомый. Сергей... Рассказывает невероятные вещи о том, что произошло сегодня... Скажи только: правда или нет?.. Да... Хорошо... Сиди дома и никому не открывай...

Судя по отрывистым репликам, директор опасался «жучков» и не хотел афишировать свои проблемы перед специалистами-энтомологами.

— Нет, ну каков козел! — зарычал Геннадий Степаныч, закончив переговоры с дочерью. — Мне даже не жаль, что он так плохо кончил! А ведь были знакомы! Кто бы мог подумать!

Я наблюдал за странной человеческой натурой, выпускающей пар. По дочери только что молотили из автоматов, а он переживает из-за паршивого секса. К тому же Котяныч не однажды намекал, что Треухин, несмотря на толстые щеки и преклонный возраст, и сам не чужд известных банно-массажных процедур. Наверное, про «массажисток» ему не приходит в голову, что они тоже чьи-то дочки.

Мне, естественно, пришлось повторить рассказ со всеми возможными подробностями, а затем мы выработали план действий. Собственно, договариваться пришлось всего о трех вещах.

Все согласились, что Настю от греха следует отправить подальше, что в деле, по крайней мере до поры до времени, не должна фигурировать моя персона, а я попробую докопаться до истины, используя личные возможности. И на третье, опасаясь, что работодатель сам никогда о таком пустяке не вспомнит, я тонко повернул разговор в сторону причитающейся мне премии. На крыльце соевой столовой Котяныч обещал по пятьсот рублей за каждый день работы плюс трешник за результат. Правда, никто не ожидал, что результат окажется таким впечатляющим. Строго говоря, я нанимался только следить за человеком, а не лезть вместо него под пули. Мой героический поступок вполне можно было засчитать за сверхурочную работу или что-то вроде того...

Однако, я давно заметил, что большинство предпринимателей привыкли ориентироваться на букву закона, когда эта буква охраняет их персональный сейф. Треухин отслюнил четыре с половиной тысячи и для очистки совести расплывчато пообещал дать еще, когда все закончится. Когда закончится? И что это за сумма такая — еще? А я, можно сказать, жизнь девочке спас. В моем личном рейтинге господин Треухин сразу рухнул на последнюю ступеньку, где уже толпилось несколько похожих личностей.

— Есть еще нюанс, — заметил я, укладывая деньги в карман. — Машина.

— Что машина? — занервничал Геннадий Степанович.

...Теперь я понимаю, почему Настя рада была подружиться с первым встречным директором графитного производства. При таком занудном папе любой встречный покажется капитаном Греем из «Алых парусов»...

Возможно, «Форд» так и остался под соснами Заельцовского бора, тогда идея скрыть от милиции участие в заельцовских событиях выглядит так же нелепо, как железнодорожная прогулка Человека Рассеянного в отцепленном вагоне.

Но я рассуждал иначе. По номеру автоматчики выяснили, что я не мент. Они могли предположить, что человек с моими привычками не заинтересован в общении с милицией, а они, в свою очередь, не заинтересованы в том, чтобы милиция в тот же день получила свидетеля. Я отдавал отчет в том, что вышеизложенные умозаключения могли и не коснуться их ума, но и в таком случае оставались еще две причины, чтобы угнать машину — месть и жадность. Хотел бы я видеть человека, который не позарится на брошенный посреди леса «Форд» девяносто четвертого года...

— ...Я потерял ее, выручая вашу дочь, — пояснил я.

Даже такой откровенный жмот, как Треухин, не мог не признать справедливость этой мысли.

— Я, безусловно, возьму материальный ущерб, — нехотя согласился он. — В пределах разумного. Но сначала надо узнать: где машина? Может, она никуда не пропала.

— Но пока все прояснится, могу я попросить любую другую из вашего парка на несколько дней?

Машины у него, естественно, без дела не простаивали, но под моим нажимом он изыскал резерв. Еще некоторое время мы уточняли гарантии сторон.

Зря я сказал, любую... Получилось, как в любимом кинофильме моего детства «Морозко». Выдавая Иванушке какие-то лохмотья, баба Яга приговаривала, дескать, не забудь вернуть, тулупчик еще новенький...

* * *

Вернувшийся под вечер Терехин первым делом не преминул поделиться впечатлениями:

— Сейчас на нашей стоянке повстречал удивительную ванну на четырех колесах, ровесницу революции. «Вольво». Посмотри.

Я подошел к окну, раз просили. Я не такой сноб, как мой друг имиджмейкер. На ванну похоже, не спорю. Но сам я, может, и не обратил внимания на формы, и на семьдесят восьмой год выпуска, если бы она еще маслом не брызгалась, как чебурек...

Вторым делом Терехин сообщил:

— А еще убили директора графитового комбината.

— Да что ты! — всплеснул я руками.

Видно, искренности в голосе не хватило или, наоборот, лишняя оказалась, потому что, глянув внимательней обычного, Саня подозрительно поинтересовался:

— А ты не слышал, что ли?

— Откуда?! Я ж тут... Ты ж знаешь, мне сегодня не до графита было... А графит — это что? Из него карандаши, что ли, делают?

Недоверчивый Саня продолжал препарировать меня отточенным, как скальпель,

взглядом.

— Какие подробности? — спросил я. — Где убили и за что?

— Подробности в утренних газетах... Где мои тапочки?

Черт пунктуальный! Тапочки я отдал Насте, не босиком же ей было домой возвращаться. Теперь он мне эти тапочки до конца жизни не простит.

* * *

Единственная утренняя газета, из которой можно хоть что-то узнать, называется парадоксально — «Вечерний Новосибирск». В восемь утра я взял ее в киоске на улице Фрунзе.

Тамошний корреспондент И. Инзов живописал обстоятельства так: «Вчера в Новосибирске произошло очередное громкое убийство. В поселке Новом, расположенном в Заельцовском бору, в одном из домов обнаружен труп директора Малиновского графитового комбината Павла Краснопольского, 1952 года рождения, со множественными ранениями. В доме обнаружен еще один труп. Судя по всему, речь идет о заказном убийстве».

* * *

Со следователем областной прокуратуры Анатолием Быковым меня познакомил мой старинный приятель Александр Иванович Новиков. Несколько лет назад Александра Ивановича на моих глазах убили восьмью автоматными пулями после того, как сам он застрелил моего тестя. Быков отошел ко мне как бы по наследству. Много денег следователь не требовал, с информацией расставался спокойно, а сам лишних вопросов не задавал.

Я предложил встретиться в кафе «Городском» недалеко от прокуратуры и опоздал минут на пятнадцать. Хорошо хоть вообще доехал. Оказывается, у новосибирских водителей полностью отсутствует уважение к покрытым ржавчиной предметам антиквариата — все гордые такие, даже на «Жигулях» норовят спихнуть на обочину.

Наступило время обеда, но Быков дождался за пустым столом. Народ, известно, пошел экономический...

Официантка с толстенькими ножками, но в короткой юбочке доставила меню, и я передвинул его следователю, призвав не стесняться...

Наверное, это их Алла Пугачева научила не шибко переживать по поводу незадавшихся форм. Разговаривая с барменом, официантка навалилась на стойку и теперь ее скудных одежд только и хватило на то, чтобы едва прикрыть обширные... э..: прелести, если можно так выразиться. Впрочем, все на любителя, я знаком с людьми, уважающими объем. Вон и Быков, старый кобель, аж сглотнул слюну... Нет, похоже, это реакция на меню.

Следователь и не подумал стесняться, заказывая два разных салата, солянку, эскалоп, пирог с маком, эклер и сок манго. Наверное, считал естественным, что представители криминального мира должны подкармливать правоохранительные органы. Сразу оговорюсь, сам себя я криминальным представителем не считаю, скорее латентным...

...Помните, как Шварценеггера в фильме «Коммандо» девушка спросила, много ли он убил людей, и получила исчерпывающий ответ: «Они все были плохие»...

После эскалопа мы перешли к сути.

— Не слишком много удалось узнать, — оправдывался следователь. — Наши пока секретничают... В общих чертах... Дом принадлежит одному барыге по фамилии Краббе, но его уже недели две или около того нет в городе.

— Может, заказчик? Для алиби смотался?

— Все может быть. Сейчас еще непонятно... Дальше... Значит, они были друзьями, этот Краббе и Краснопольский. Краббе разрешал Краснопольскому в конспиративных целях пользоваться своим домом. В последнее время у Краснопольского появилась новая подружка, студентка, подробностей не знаю, но дочка высокопоставленных родителей. Во время свидания их и накрыли. Девка как-то выбралась, в общем, сумела улизнуть в суматохе. Говорят, что чуть ли не в одном белье по снегу бежала. Но с ней еще такая проблема. Вчера вечером ее успели бегло допросить, а сегодня утром родители выслали дочку из города. Для безопасности. Не знаю куда. Наверное, тамошним ребятам придется ее допрашивать, а отчеты присылать по электронной почте. Но, похоже, от нее мало толку... Вообще-то имеется и другой свидетель...

Быков сделал многозначительную паузу, а я непроизвольно до боли сцепил под столом руки — сейчас с торжествующим видом он произнесет мое имя... Или скажет, что есть машина, и осталось только найти владельца... Тогда окончательно придется переходить на нелегальное положение. В ментовку я сяду, как муха в клейстер, не только из-за неопределенности вчерашних событий, но и за кучу предыдущих сомнительных упражнений в стрельбе и прочих единоборствах, которые до сих пор сходили мне с рук.

Быков покрутил перед глазами эклер, пронзая его взглядом, приобретенным за долгие годы общения с подследственными, и вернул на тарелочку...

— ...Есть еще свидетель, но он тоже ни бэ ни мэ...

— Кто таков?

— Водитель Краснополого... Тьфу, то есть Краснопольского, по фамилии Баринов. Он же охрана...

У меня перед глазами, как живой, встал труп мужика в кроссовках «Фила». Вообще-то, если вдуматься, одежда на трупе, действительно, была чуть более домашняя, чем требовал статус водителя и телохранителя крупного директора, но тогда я не обратил внимания на несоответствие.

— Значит, охранник выжил? — уточнил я. — А в газетах писали... Ранен?

— Даже не поцарапался. Когда все началось, закрылся в туалете и отсиделся...

Что-то слишком много их отсиживалось по туалетам...

— ...Ребята рассказывают, довольно жалкое зрелище. Ему говорят: ты же телохранитель, тебе ж за это деньги платят, что ж ты в туалете прятался, вместо того, чтобы шефа спасти? А он: испужался. Не скрывает. Да что уж теперь скрывать? Естественно, сидя в туалете, много не разглядишь.

— Но ведь все говорят, что трупов два...

— Правильно. Никто и не спорит — два. Первый, понятно, директор. Второй — сторож в этом домике. Личность пока не установлена. Баринов знает его только по имени и знает, что он дом сторожил. Было, что сторожить. Скорей всего, человек этого Краббе, и, скорей всего, маргинал... По нападавшим выясняется, что было их, минимум, пятеро, может больше. Минимум, одного из них подстрелили. Насмерть или как — неизвестно, его с собой утащили. Прибыли и убыли на двух машинах. А вообще снаружи следы плохие — днем снег

шел.

— Версии есть? — спросил я.

— Версии всегда есть, а что толку?

— Заказ?

— Возможно. Завод стратегический. На стыке интересов разных финансовых групп. А может, и попытка ограбления.

— Ну уж!

— Там весь гараж забит стиральными машинами «Бош». Говорят, штук пятьдесят — неплохая прибавка к стипендии... Допустим, нацеливались на стиральные агрегаты, а не ожидали, что такой шум поднимется. Хотя вряд ли... Могли другое время выбрать... И следы грузовика поблизости пока не обнаружены... Могли что-нибудь и от девки хотеть, но и это вряд ли...

Следователь прокуратуры все-таки решился съесть эклер и, исполнив намерение в два приема, запил соком.

— Слушай, а сколько там туалетов? — поинтересовался я.

— Где? — переспросил Быков, озираясь по сторонам.

— В доме.

— Понятия не имею.

Быков покосился на меня со странным выражением — придумают же о чем спросить!

— Раздобудешь адрес Барина? — спросил я...

До конца вечера я занимался рутинной оперативной работой по своим каналам. Побывал на Первомайке в двух местах, и в Ленинке, и в Октябрьском районе, и на Золотой горке. Одни каналы пожимали плечами, другие разводили руками, в результате я начал склоняться к выводу, довольно правдоподобному, что в Заельповском бору работала приезжая бригада. Возможно, сразу и убыли в направлении привычных мест обитания, и я зря боюсь ночевать дома.

Это я еще только начал склоняться, поэтому ночевать поехал опять не домой, а к Терехину, рискуя навлечь на себя его окончательное неудовольствие.

Еще когда я открывал дверь, мне уже что-то не понравилось. Возможно, табачный дым, притом противный. Имиджмейкер курить бросил, а я вообще никогда не увлекался. Выпить — другое дело. Накурить могли и в подъезде, но из квартиры как будто тянуло более конкретно...

Имиджмейкер — человек обеспеченный. В трехкомнатной хрущевке он переставил стенки по собственному усмотрению. Раньше это называлось евроремонт, то есть только евреи умели делать, теперь и наши научились. Прихожая у Терехина отсутствует вовсе, и с порога сразу открывается вид на просторную комнату. Так вот, второй раз мне не понравилось, когда, открыв дверь, я увидел на подоконнике возле идеально отутюженной занавески пустой стакан. Стаканы в квартире моего друга имеют право стоять только на столе или в буфете. Третьего не дано. Согласен, на подоконник мог поставить я. Мог, но сегодня не ставил хотя бы потому, что Саша уходил позже меня и никогда бы не смирился с таким вопиющим фактом неряшливости...

...И в третий раз, уже окончательно, мне не понравилось, когда к моей голове приставили глушитель. Вернее, хотели приставить, потому что, предупрежденный шестым чувством, я внутренне приготовился к неожиданностям. Мгновенно выскользнув из-под смертоносной траектории и, наклоняясь, я одновременно ударил коленом. Куда попаду, не знал. Попал в пах или близко к тому.

С другой стороны ко мне тянулся второй ствол, но я всегда утверждал, что руки и ноги у меня работают лучше головы. В свое время в институт меня зачислили отнюдь не благодаря интеллекту, а за высокие спортивные достижения на ринге. Я подумать ни о чем не успел, а левой ногой уже выбил оружие из руки... человека, смутно знакомого... Позже, когда появилось время, я сообразил, что вчера в лесу именно у него отобрал автомат... Пистолет заскользил на полу и скрылся под бархатным брюхом дивана... Почти не глядя, локтем я добавил гаденышу с глушителем, и тот (не глушитель, а гаденыш) всей своей массой вломился и повалил на пол любимый Санысин «Пентиум»...

Сначала тапочки, теперь компьютер — можно считать, друга я потерял.

Я выскочил на лестницу, захлопнув за собой дверь.

... Снизу доносился гулкий лошадиный топот. Два человека, прыгая через ступеньки, мчались вверх, производя столько же шума, сколько махновская конница во времена ее расцвета. Кто там топал, черт его знает, на всякий случай я побежал вверх.

Выход на чердак в Терехинском подъезде забит гвоздями. С ЖЭУ много не возьмешь, поэтому пожарная бдительность здесь слегка притуплена... И даже, наоборот, с точки зрения пожарной безопасности хорошо, что люк превратили в танковую броню — дети со

спичками на чердак не пролезут... Значит, сейчас добегу до девятого этажа и начну отстреливаться. Кого-нибудь зацеплю... Свинцовая гирька шлепнется на весы федерального правосудия, а инспектор ИТК мне уже и без того прогулы ставит... Но вероятнее, что зацепят меня и не просто так, а с летальным исходом...

...На восьмом этаже чудесная девушка Фортуна вдруг улыбнулась мне во весь свой белозубый древнегреческий рот.

Некоторые жены не любят, когда их мужья курят в квартире, поэтому некоторые мужья с сигаретами выходят на лестничную площадку...

...Может, отсюда с самого начала и тянуло скверным табачищем? И точно, с жирной губы свешивается окурок... сигары. Не самокрутка, не «Бонд»... А говорят, народу зарплату не выдают...

Двухведерное пузо ответственного квартиросъемщика обтягивала голубая, как Черное море, майка. В это самое море я ткнулся корпусом, освобождая путь к приоткрытой двери. Живот пошел волнами. Мужик пошатнулся. Я шмыгнул в дверь, увлекая ее за собой.

Если Фортуна кому-то улыбается, это значит, что одновременно она к кому-то поворачивается совсем другим местом...

...Хотя, если вдуматься, ее другое место должно выглядеть не хуже первого. Многие ценители дорого бы дали, чтобы хоть увидеть, не говоря, чтобы, скажем, погладить...

...Не знаю, куда больше любит смотреть мистер Твистер с сигарой, но точно, что сейчас наступят не лучшие минуты его жизни... Убивать вряд ли станут, а рукояткой по голове, как минимум, треснут.

Восемьдесят процентов новосибирцев за короткий период демократии успели обзавестись металлическими дверями. Мне с процентами не повезло. Моя дверь, хоть и с тремя замками, продержится максимум тридцать секунд.

— Аскольд Филиппыч, — из кухни высывалась ничего не подозревающая женская голова. — Пельмени гото... А... Э...

В другой раз я бы от пельменей не отказался.

Я в три прыжка форсировал уютную гостиную, минуя шпингалеты, рванул дверь, еще одну... и оказался на заваленной снегом лоджии. Перебраться отсюда к соседям — дело пяти секунд, главное, не сорваться.

Я ударился в холодные двери не хуже Финиста Ясного Сокола, на мою голову посыпался град осколков. Тут я пожалел, что сегодня не надел шапку — показалось, что тепло... Зато путь был свободен.

В соседней квартире пельменей не варили. Здесь на ободранном диване, стыдливо прикрытом мятой простыней, при моем волшебном появлении друг от друга отпрянули две обнаженные фигуры. Причем женщине к этому моменту успело стукнуть никак не меньше сорока, а юноша смотрелся не старше студента техникума. Называется, муж неожиданно вернулся из командировки. Тетка, хоть и перепугалась, но словно бы попыталась прикрыть своим телом приятеля, который, в свою очередь, резко сморщился, сделавшись похожим на человеческий мозг, каким его рисуют в учебниках анатомии.

Поливая пол кровью, я потрусил мимо дивана в прихожую, откуда открывалась чудесная перспектива на соседний, свободный от засады, подъезд.

В экстренных случаях я обращаюсь в поликлинику номер один возле оперного театра. Здесь, конечно, сначала просят предъявить страховой полис, интересуются, из какого я района и откуда на моей груди ожог первой степени, формой напоминающий утюг. А я отвечаю, что только что приехал из Барнаула. А насчет ожога — что заснул в автобусе, во сне как будто прислонился к утюгу, и моя тонкая нервная система тотчас спровоцировала кожную гиперемиию. И ничего странного, похожие случаи описаны в психиатрических пособиях.

Нынче, по поводу порезов головы, трагическим голосом я пересказал травматологу известный анекдот. Мол, иду через стройку — вечер — и вдруг — навстречу здоровенный мужик с растопыренными руками — прямо на меня, будто хочет заключить в объятия, а я терпеть не могу никакого гомосексуализма; сначала хотел убежать, а потом собрался с духом да как пну его по... в живот, тут звон! Охи! — а оказалось, это он со стройки стекло хотел своровать.

Главное, что в части осколков я ничуть не соврал.

Травматолог поднял на меня усталые глаза стареющего семейного мужчины, где тускло отражалось его будущее на несколько ближайших часов, то есть сегодняшнее ночное дежурство, в котором гарантированно должны были возникнуть окровавленные ушибы еще покруче меня, и не стал уточнять детали.

А может, он еще потому не стал акцентироваться на анамнезе, что, снимая куртку, я выронил на пол «Беретту»...

...Да, забыл сказать... В поликлинике номер один в любое время суток приема у травматолога хоть два-три инвалида да дожидаются. Застолбив очередь и отойдя в сторонку, я нанес пару телефонных звонков. Сначала связался с Быковым насчет местожительства Баринаова. Потом позвонил Терехину на сотовый.

— Сань, ты где? — спросил я.

— А что?

— С тобой все в порядке?

— В каком смысле?

Если переспрашивает, значит, по крайней мере, пыток над ним не чинили.

— В смысле, насморк не мучает?

— Напился, что ли? — догадался Терехин.

— Еще не успел. Все-таки отвечай, когда спрашивают: ты сейчас где?

— К дому подъезжаю. А ты где?

— Ты это... Там это... Слышал, что сегодня в Новосибирске было землетрясение? Ничего особенного, ноль целых, пять десятых балла... Но с эпицентром на улице Фрунзе.

— Ты на что, гад, намекаешь? — насторожился имиджмейкер.

С Терехиным я знаком лет сто. Мог он меня сдать? Что за вопрос? С удовольствием, кому угодно, но только не в своей квартире. К тому же, как бы они на него вышли?

С засадой выходила полная головоломка. О моем временном местопребывании конкретно знали два человека — Терехин и Настя. Настя могла рассказать отцу...

— Сань, а ты никому случайно не рассказывал, что я у тебя поселился?

— Никому...

— Повспоминай.

— Что вспоминать!?!.. Ну, то есть... У меня одна девушка в последнее время ночует... Я ее предупредил, чтобы она пока, то есть некоторое время, не приходила... И все, больше

никому...

— Хорошенькая?

— Достал! Объясни, что случилось?

— Просто в твоей квартире полчаса назад какие-то подростки устроили на меня засаду с пушками. Еле ушел. Ей-богу, не хотел я там у тебя землетрясение устраивать.

— Seriously, что ли?.. Постой, постой! — Терехин нервно засопел. — А засада точно на тебя?

Ничего себе! Никогда мне не приходило в голову, что профессия моего друга может представлять для него опасность. Мирный человек. В галстучке...

— На меня, точно, — успокоил я. — Я их узнал. В общем, извини, если что не так. Еще поговорим...

— Ты там трупов-то хоть не оставил?..

Трубы и корпуса графитового комбината накатили из темноты, словно гигантский корабль-призрак, подсвеченный огнями святого Эльма. Из иллюминаторов и с верхних палуб водопадами и мелкими ручейками стекала веселенькая музыка, и будто бы даже за круглыми стеклами металась тень танцующих пар, и все же каждому проезжающему по Барнаульскому шоссе в этот ужасный час становилось ясно, что судьба столкнула его не с флагманом российской индустрии, а с проклятием морей и океанов «Летучим Голландцем».

Порывы ветра и удары волн дирижировали голландским оркестром мертвецов, которому в кают-компании внимала истлевшая команда.

Если уж быть до конца точным, били в барабаны и дергали за гитарные струны не голландцы, а шведы, а именно новоявленная группа «Вакуум». В Новосибирске в последнее время ее гоняют по всем радиоканалам. Теперь звуки доносились не из приемника и не с комбината, как мне представилось в первый миг, а из придорожной забегаловки, возле которой я свернул к заводскому поселку. Хозяева снабдили музыкальное заведение многозначительной вывеской — «Титаник». По мотивам одноименного фильма.

...Лет двадцать назад, в аккурат за три дня до окончания эры социализма, страна Советов объявила Малиново комсомольско-молодежной стройкой, поэтому поселок состариться не успел, и нынче представляет из себя не обычные российские деревянные трущобы, а цивилизованный микрорайон пяти и девятиэтажек с асфальтовыми дорожками...

— ...Кто там? — раздался слабый женский голос из-за двери на втором этаже.

— Милиция! — заорал я грубым волчьим голосом. — Нужен Баринов Анатолий Тимофеевич.

Дверь приоткрылась. В образовавшуюся щель поверх цепочки выглядывал настороженный глаз, в какой-то я и ткнул удостоверением, приобретенным на Октябрьской барахолке за полтинник.

Под давлением столь серьезного аргумента худенькая поселянка лет пятидесяти, в ситцевом халатике, сбросила цепочку. Встречал я таких женщин — не то что по жизни, но даже и в своей прихожей они чувствуют себя случайными гостями. Впрочем, столкнувшись с такой образиной, как я, любой покажется себе лишним, особенно сегодня — куртка разорвана и заляпана кровью, а голову имиджмейкеры из первой поликлиники упаковали в марлевый шлем. В настенном зеркале на миг отразился человек-водолаз после встречи со стадом пираний.

— Толя уже лег спать, — объяснила хозяйка виновато. — Разбудить?

— Ничего, я сам. Только покажите где? Вы ему кем будете?

— Мать я.

— А по имени-отчеству?

— Людмила Геннадьевна... Может, чаю поставить?..

Мне такие Людмилы Геннадьевны нравятся. Они похожи на неяркие лесные цветы. Рядом с ними я чувствую себя бульдозером, и мне делается стыдно за железные гусеницы...

Только непонятно, как такие цветы могут производить на свет столь мосластую охрану. Баринов, усевшийся на тахте и злобно шутившийся на нежданного водолаза, имел совершенно обезьяньи кондиции — шерстяной торс, длинные руки и низкий лоб. Наверное, от папы. У меня у самого руки — ничего себе. Но тут я позавидовал. Мне бы такие лет

десять назад, никто бы от меня с ринга не уполз. Хотя, конечно, руки — не главное.

Обезьянник напоминал музейный склад или художественную мастерскую. Вдоль стен штабелями пылились живописные полотна. Перед окном возвышалась деревянная конструкция с незаконченным сюжетом.

Со всех картин, сколько я мог охватить взглядом, в мою сторону недоверчиво косилось одно и то же плоское женское лицо с персидскими миндалевидными глазами, уголки которых завивались в самые немислимые лекала.

Был у меня давно один знакомый художник. Однажды за пьяное хулиганство попался на пятнадцать суток. Ему говорят: раз ты художник, вот тебе краски, иди и раскрась урны на вокзале. Знакомый подошел к делу творчески. Урны выкрасил в желтый цвет с синей полосой и на каждой подписал: «МУСОР». Чтобы ошибки не было. Через пятнадцать суток художника, как полагается, отпустили домой. Без фронтальных зубов.

— Анатолий Тимофеевич? — уточнил я.

— Ну и что?

— Ваши картины?

— Ну, мои...

— Лежите, лежите. Не смею вас утруждать. Уголовный розыск. Капитан Петров.

— Удостоверение покажите, — буркнул Баринов.

Выватив из кармана куртки «Беретту», я направил ее в лоб портретиста и для наглядности щелкнул предохранителем туда и обратно. После чего убрал удостоверение обратно.

— Уточню несколько деталей и уйду, — пообещал я. — Так в каком туалете ты отсиживался, пока твоего хозяина «мочили»?

На лице обезьяны, как ни странно, не отразилось страха. Или я плохо разбираюсь в обезьяньих лицах? Говорят, для негров все белые похожи друг на друга, как овца Долли на свой клон. И наоборот — все негры для белых... Но лично я по крайней мере одного негра научился отличать от остальных. Впрочем, видал я таких. Ничего странного — отсутствие отражения вовсе не означает, что страха нет.

— Ты кто? — поинтересовался художник-водитель.

— Удостоверение видел?

— Ну и что?

— Повторяю. В каком туалете отсиживался?

— В каком-каком? — нехотя буркнул Баринов. — Там один туалет — на первом этаже. Второй, в сауне, не работает. Я ведь уже все рассказывал.

— Значит, все время, пока шла перестрелка, ты провел в туалете на первом этаже?

— Допустим...

Под короткими, будто обрубленными ресницами Анатолия Тимофеевича зазмеились искорки. Мог занервничать насчет туалета, но, скорее всего, готовился поменяться со мной ролями с точностью до наоборот — чтобы не я на него пистолет наставлял. Сколько я таких искорок отследил на ринге в глазах напротив!

Конечно, волосатый Баринов видел перед собой худосочную фигуру с добрыми интеллигентными глазами и пораненной головой, и ствол доходяги покоился далеко-далеко в кармане. Собственные длинные руки казались ему совершенным оружием — вот он и кинулся, захватывая по ходу движения одеяло, простыню, подушку и часть картин... Одеяло убежало... Он кинулся, но для меня это выглядело медленней, чем зевок милой

австралийской зверюшки коалы. Правой ногой я почти не промахиваюсь. Художника Барина я уничтожил попаданием в подвздошную область. Он разинул пасть с таким надрывом, будто хотел заглотить половину земной атмосферы.

На полу рядом с тахтой валялась картонная фиגня с размазанными масляными красками, вернее, кусок оргалита, превращенный в палитру. Я взял лицо художника и окунул в цветущую радугу масла. А сверху плавно, как рыба скат, на нас опускалась розовая в цветочек простыня.

Парень и раньше-то не отличался красотой, но после соприкосновения с орудием живописного труда стал страшней Франкенштейна. Я подарил ему десяток секунд на восстановление жизненных функций, после чего ткнул пистолетом в переносицу.

— Толя, что там у тебя? — раздался из-за двери добрый материнский вопрос.

— Скажи, что все в порядке, — велел я, — что мольберт от сквозняка упал.

Художник повторил задание негнушимся языком.

— Я ищу людей, которые убили Краснопольского, — негромко, но отчетливо объяснил я. — Я не из ментовки и церемоний с тобой разводить не намерен... А ребята мне нужны для некоторых дружеских уточнений... Ты с ними в одной бригаде? С теми, кто убил Краснопольского?

— Нет. Я...

— Что?

— Меня заставили, — простонал он жалобнее сироты. — Убери пистолет. Пожалуйста.

— Толя, не ври. Расскажи откровенно, как все было. И сколько тебе заплатили? Я знаю достаточно, но хочу узнать последний маленький кусочек правды.

— Я всю расскажу, — пообещал художник-водитель, трясая головой и свиваясь в кольца наподобие длиннорукого дождевого червяка. — Нисколько они мне не платили! Я ж говорю, убить обещали...

Я аж испугался такой бурной реакции.

Каким бы обезьяньим ни было твое лицо, какими гантелями ты ни упражнялся и какой бы калибр ни носил в кармане, мать — это половина твоей души...

А тут выходила совсем другая история. Больше всего Анатолий Тимофеевич напоминал человека, которого угораздило родиться между ног у Медузы Горгоны на стол с объедками после скверной попойки... Если из головы твоей матери растут змеи, а язык ей заменяет водочная бутылка с липовой акцизной маркой, тогда ты лишен обычных человеческих понятий — любви, совести и даже, как ни странно, страха. У зачатых упырями и рожденных пьяными ведьмами вместо любви — похоть, вместо совести — блевотина, а вместо страха — хитрость и поросячий визг...

По статистике в Новосибирском СИЗО, где содержатся Медузы, правда далеко-далеко не все каждый год рождается порядка двадцати младенцев. Не от количества, а от самого факта меня иногда начинает знобить. Во-первых, вся страна — тюрьма. Во-вторых, Сибирь — капкан. В-третьих, посередине Новосибирска на улице Караваева и вовсе стоит настоящая тюрьма, называется СИЗО-1. А дети рождаются в самом что ни на есть нутре паршивой матрешки. Какой Ян Амос Каменский после этого научит их любви, совести и страху? Рожденные в СИЗО, шипя, расползаются по загаженной земле...

...Анатолия Тимофеевича Барина погубили детские впечатления. Сколько он себя помнил, у него были самые длинные руки и низкий лоб. С первоклассником Бариновым опасались связываться хулиганствующие третьеклассники. Когда Анатолий Тимофеевич

перешел в седьмой класс, ему уважительно или опасливо протягивали руку выпускники... Но однажды в местной же школе отыскался восьмиклассник, урожденный едва ли не в самом центре матрешки. По совпадению тоже Толя. А по фамилии Ширяев. Этот Ширяев естественным образом подавил сознание юного Баринова и приручил. Но не так, как Маленький Принц — Лиса, а гораздо хуже.

— ...Они потом уехали, — размазывая по лицу краску, рассказывал художник. — Всей семьей переехали в Воркуту. И вдруг через много лет он появился снова, Ширяев... В общем они сказали, что, если я не сделаю, как они хотят, мне не жить...

— Кто они? — переспросил я.

— Он, Ширяев. Он сказал, что у них целая команда. Но это и без пояснений было ясно, что он не один... Они собирались убить Краснопольского. А он, Краснопольский, мне что — родня?..

Родня — не родня, а все-таки деньги платил.

— Значит, это ты рассказал Ширяеву расписание директора?.. — догадался я.

— ...Потом открыл дверь в коттедж и спрятался... Где? В подвал ушел... Там у них сауна недостроенная...

Я ни в кого не стрелял...

— Ясный перец! Но насчет этого пусть прокуратура разбирается. А мне скажи, как Ширяева найти и его дружбанов.

— Не знаю. Истинный крест!

Художник, да еще и верующий попался.

— Толя, ты меня изумляешь!..

— Точно не знаю! Откуда мне знать? Ширяев ко мне сам подошел на улице. Прописку я у него не спрашивал. — Значит, с тех пор, как они уехали, ты больше его не видел?

— Не видел.

— И старому дружбану он не рассказал, чем занимается и где живет?

— Чем занимается, и без того ясно. А где живет не говорил.

— А родители его кем работали до того, как в Воркуту переехали?

— На комбинате...

— Как выглядит?

— Кто?

— Да Ширяев же!

— Такой небольшой, обыкновенный... Как объяснить?

Художник называется, внешность запомнить не может! Я было решил заставить его рисовать портрет, но потом посмотрел на миндалевидные глаза и передумал.

Зря я сюда приехал, перепугал человека до смерти. Баринов это тупик. Как в стихотворении: стою на асфальте, в лыжи обутой... А лыжи не едут. Я спрятал пистолет и предупредил:

— Разумеется, о моем визите никому ни слова. Я, конечно, не лучший друг твоего детства, но при случае завалю не хуже любого друга. А?

— Конечно, — поспешил согласиться Баринов. — Зачем мне кому-то рассказывать?

— Ну да... А это кто? Девушка твоя? — я кивнул на художественное творчество. — Симпатичная... Что у нее с глазами? Конъюнктивит?

Одиноко и страшно ночью человеку с забинтованной головой вдали от родного города. Хотя и в родном-то городе податься некуда... Возле выезда на трассу светится очаг местной национальной культуры придорожное кафе «Титаник», из которого давеча напевала группа «Вакуум». Есть не хотелось, пить... не то чтобы... Я хоть и алкоголик, но тормозная жидкость из меня еще не окончательно вылилась. И все же нога невольно потянулась к педали автостопа — что-то в этом есть, когда посередине спящей ночной тьмы и снега вдруг натыкаешься на круг света, откуда доносится музыка и где в микроволновке для запоздалого путешественника подогреваются пирожки с луком, с яйцами. Все-таки все мы немного... Нет, не лошади. Бабочки.

Дисплей сибирских сотовых систем подтвердил свою готовность связать меня с областным центром. Я набрал два номера. Второй номер вернул безапелляционную серию длинных гудков. А первый отозвался сонным Яниным голосом. Яна — это такая девушка. Я с ней дружил не так давно, а раздружился, может быть, и по недоразумению. Сейчас мне почему-то показалось возможным, что она, если и не выкажет радости от моего звонка, то хотя бы и не пошлет с ходу подальше.

— Можно к тебе приехать? — спросил я. Чем занимаешься?

— Сплю.

«С кем?» — хотел спросить я, но удержался, потому что вопроса тупее еще никто на свете не мог придумать. А потом все-таки спросил:

— С кем?

— Какая тебе разница?

У меня такое впечатление, что к любой девушке можно напроситься в гости хоть в час ночи, даже если три месяца назад открытым текстом она навсегда отправила тебя из своей личной жизни, только для этого нужны особые слова. Что за слова такие? Говорят, лет двести назад их хорошо знал один француз по имени Сирано де Бержерак, и за это ему ни в чем и никогда не было отказа от женщин. А другой жил в Испании — Дон Гуан, он даже на могиле мог любую уговорить. Я таких слов не знаю, вот и сижу в дырявом корыте посреди ночи на смычке между городом и деревней, вместо того, чтобы прижиматься щекой к яниной груди.

...Перед баром в тесном прокуренном зальчике не хотели расставаться со вчерашним днем три компании. Три негромких мужика допивали флакон КАОЛВИ; не первый флакон, если судить по размягченным лицам. Две раскрашенные девицы, коих законопослушная контролерша могла бы, пожалуй, не пустить на фильм до шестнадцати, при моем появлении прервали общение между собой, исполнив собачью стойку. Возле оконца, сдвинув столики, шумно гуляла последняя фракция — три парня и две девушки пролетарского происхождения.

Сквозь сигаретный дым отчетливо пробивался запах борща. И я вдруг понял, что не отказался бы от тарелочки горяченького да под водочку. Нет, без водочки.

— Борща? — удивилась немолодая смутно знакомая барменша (или как правильно назвать — барвуменша?) — Нету.

— А вроде пахнет же...

— Это ухой из сайры пахнет.

Вон оно что!

Где я мог ее видеть? Причем недавно. Причем как будто мы хорошо знакомы. Мистика.
— Мы раньше не встречались? — поинтересовался я.

Ничего такого у меня и в мыслях не было, тем более, что по самым благосклонным прикидкам девушке перевалило за сорок, но за барменшу вдруг решил обидеться один из веселой компании у окна:

— Эй, тебе же сказали: нет борща!

Это все интеллигентные глаза подводят. Из-за них меня никто всерьез не воспринимает. Я ж не могу всем объяснять, что внешность обманчива, что внутри я — конкретное быдло и слово «собака» никогда принципиально не пишу через «о». А еще голова обвязана, кровь на рукаве, вроде каждый меня — подходи и обижай. А уху из сайры я люблю не меньше, чем борщ.

Не оборачиваясь, я так и сказал:

— Тогда можно тарелочку ухи?

Женщина потянулась к кастрюле, и в этот момент я вспомнил, что буквально двадцать минут назад видел ее... в комнате Баринаова на десятках картин. Правда, та, в исполнении Анатолия Тимофеевича, выглядела помоложе, посимпатичней, и уголки глаз в жизни не так закручивались. О, чудеса искусства! Увидел на картине, и будто с живым человеком пообщался! И чудеса жизни! Под пером влюбленного живописца стареющая селянка из придорожной забегаловки превращается прям в Шамаханскую царицу!

В ожидании, пока подогреется заказ, я устроился возле вешалки, отягощенной десятком мужских и женских курток и пальто. Все крючки были заняты не по разу, я подумал и раздеваться не стал.

За спиной трое ценителей КАОЛВИ обсуждали новость дня.

— ...На пятаки режь — голову отрезали!

— Да не отрезали! Голову ему пулей раздробили... А вот интересно, зарплату теперь будут давать?

— Отрезали. Мне знакомый из мусарни говорил.

— Неважно, мужики, отрезали или раздробили. Я вот только что стихотворение сочинил... Русское грядущее прекрасно. Путь России тяжек, но высок. Мы в дерьме варились не напрасно. Жалко, что впитали этот сок!

За спиной наступило замороженное молчание. Мне стихи тоже понравились. Особенно последняя строчка. Если уж у нас уха из сайры пахнет борщом, а стоит восемнадцать рублей, о чем базар! Но главное, совершенно не ожидаешь — бандит-охранник в свободное время рисует картины, в любом вшивом кафетерии пьяница тебе такие стихи сочинит, что хоть сейчас в роман-газету отсылай... Как там Евтушенко писал? Поэтов в России больше, чем дерьма... Как верно подмечено!

Барменша принесла уху.

— Тогда уж и ложку, — вежливо попросил я.

— Ой, извините, — предмет творческих мук Баринаова побежал за ложкой.

Одновременно из-за дальних столов поднялся мужик, похоже тот самый, что выступал насчет борща, и направился к стойке. Был он большой, больше всей комнаты и выше потолка, да еще в норковой шапке, поэтому не удивительно, что, проходя мимо, лошадиным бедром зацепил мой столик. Вся сайра из тарелки тут же выплеснулась наружу, а я едва успел отскочить, чтобы не заляпать джинсы.

Мужик остановился и принялся хмуро изучать мою реакцию. И все остальные, включая

женщину с прижатой к груди ложкой, отложив дела, уставились в ту же сторону... Впрочем, реакция оказалась скучней лесных ромашек. Я просто стоял и радовался, что джинсы не попали под суп.

— Сейчас подотру, — встрепенулась барменша и завозюкала по столу серой, в дырочку тряпицей.

Мужик в шапке потоптался, потоптался и, поскольку ничего интересного не происходило, вернулся на место.

— Добавки можно? — спросил я.

— Восемнадцать рублей, — подчеркнула барменша, опасавшаяся, что забинтованный клиент потребует вторую порцию за счет заведения.

Я отдал двадцатку. Ночная жизнь вернулась в прежнюю колею.

Разговор за соседним столиком от стихов перешел на высокую политику:

— Слышали, что губернатором в Новосибирске скоро будет Макашов?

— Это кто?

— Пень! Это ж генерал! Который против евреев.

— Сам ты пень! Это Березовский против евреев. А Макашов за евреев.

— Как это Березовский против евреев, если он сам еврей?

— О, брат, это тонкая политика! Вот слушайте, опять сочинил. Им друг — лишь только волк тамбовский. Плита надгробная — венец. Но каждый третий — Березовский. Рокфеллер — на худой конец.

— Слава, блин, ты гений!

— Талант! Ты бы не пил больше, а то талант пропьешь.

— Ну, один-то можно пропить.

Тем временем подоспела добавка. Я чуть-чуть обождал, давая возможность бугаю в шапке вновь проявить себя во всей красе. Но, видно, бугаю надоели бесперспективные наезды на скромного интеллигента, а может, он не успел сообразить, потому что дверь в кафе внезапно распахнулась, и на пороге образовались три фигуры, экипированные по последней голливудской моде — в черные джинсы, черные тужурки, черные же вязаные шапочки с прорезями и главное — вооруженные автоматами. Одному из этих исчадий киноискусства следовало бы сантиметров на десять подрезать руки, если он не хотел, чтобы его везде узнавали даже с шапочкой вместо лица.

Недооценил я Баринова. Думал, человек переживает над мольбертом, а он собрал бригаду и бросился вдогонку за незнакомым обидчиком.

Первая же пуля грохнула по тарелке со злосчастной сайрой.

Брызги ухи еще не успели осесть на стенах и лицах посетителей, а я уже катился по полу под столик к двум подружкам, выдергивая из кармана «Беретту». Все присутствующие девки, завизжав, тоже повалились на пол, зато мужская часть публики на своих местах застыла, как холодец. Я не самый большой на свете поклонник женских талантов, но надо отдать должное, иногда женщины соображают быстрее. Я чуть не носом угодил в чьи-то капроновые коленки.

Трижды я нажал на спуск, никуда особенно не целясь и думая лишь о том, как не зацепить мирных жителей.

Натолкнувшись на ответный огонь, трое черных произвели рекогносцировку, двое отпрянули в прихожую, а один, гимнастически изогнувшись, прыгнул за барную стойку. Я выстрелил вслед. На полке, уставленной кухонной утварью и бутылками, взорвалась банка

не то с мукой, не то с крахмалом. Над потолком повисло пушистое облако.

Делать здесь было больше нечего, жалко только, что с ухой так получилось. Оттолкнувшись от чужих коленок, я сделал два гигантских шага, запрыгнул на стол так, что из-под башмаков в разные стороны брызнули салаты и соусы, и спиной вперед катапультировался в окно.

Последнее, что я успел с удовлетворением заметить, покидая борт «Титаника», это жидкое картофельное пюре, стекающее с толстых щек здоровяка, испортившего мой ужин.

Приземлившись на четвереньки, я подхватил выпавший пистолет и, огибая угол, побежал к своему самовару. Из дверей кафе высунулся было автоматчик, но я загнал его обратно двумя выстрелами. Последнюю пулю из обоймы я выпустил по «Титанику», выдергивая подсос. Если бы люди в черном выскочили сразу, то мой рыдван из чуда техники моментально превратился бы во вместительный пятиместный гроб на одну персону. Но они появились, только услышав визг покрышек.

Вслед застучали автоматы, кабина наполнилась звоном и грохотом, заднее стекло превратилось в паутину, тут же развалившуюся на куски. Обветшавшую обшивку сверху распорили два или три заряда, будто Фредди Крюгер полоснул бритвами, которые у него растут на месте ногтей. Ни живой ни мертвый, спрятавшись за спинку сиденья, я удерживал руль посередине осинового роя. В любой момент любая глупая оса могла найти для себя лучшее применение, чем портить внешний вид машины. Но, к счастью, дорога ухнула вниз.

От толчка ни с того ни с сего включился приемник, настроенный на радио «Лотос». Когда говорят автоматы, скрипка молчит, но как только автоматы выдыхаются, начинается Субраманиам. Лет сто не слышал этот концерт, где Субраманиам играет с Граппелли... Оказавшись под защитой косогора, я чуть осмелел и приподнял голову.

Барнаульская трасса не засыпает ни днем, ни ночью. Навстречу ползут два желтых пятна света, и впереди, удаляясь, идет тачка — метрах в двухстах. Горизонт подсвечивают редкие огоньки Искитима.

Поменяв обойму, я стал осторожно притапливать педаль газа, ожидая любой пакости от первенца автомобилестроения, только что продравшегося сквозь свинцовый град. Движок держался, но скорость не росла. Времена, когда монстр мог побеждать в гонках, миновали лет пятнадцать назад.

Тем временем позади занимался рассвет. В час ночи.

Карл Брюллов. Последний день Помпеи. С пригорка, с Везувия, значит, стекает огненная река. И не просто стекает, а мчится со скоростью двести километров в час. И даже самому быстроногому помпейцу слабо от нее убежать.

Только не думайте, что я что-нибудь понимаю в живописи. Лет десять назад эта картинка висела на дверце шкафа у знакомой девушки, и когда... В общем, постоянно маячила перед глазами, и я все удивлялся: до чего они упитанные, древние люди! А раньше я думал, что до тысяча девятьсот семнадцатого года все люди ходили худыми, и только эра социализма открыла перед ними возможность прибавлять в весе.

С пригорка позади со скоростью двести километров в час накатывалась волна электрического света, за которой угадывались смутные очертания чего-то большого и серого. Судя по скорости и размерам, за мной гнался не иначе, как грузовой «мерс», король автострады. Он по мне прокатится и не заметит.

По краям дороги лежали белые поля. Куда бежать? До Искитима минут пять. Перед въездом — автозаправка и пост ГИБДД.

Позади снова загавкал автомат, в метре от обочины подпрыгнули снежные фонтанчики.

Одновременно слева промчалась длинная, как железнодорожный состав, встречная фура, окутанная турбулентными завихрениями, которые писатель Гоголь в девятнадцатом веке называл разорванным в куски воздухом. Я аж подпрыгнул на воздушной подушке. Метров через шестьсот от первой машины убивала пространство еще одна такая же...

Я вышел на встречную полосу, изображая не то итальянского пилота Гастелло, совершившего первый в мире воздушный таран, не то «напудренного» бандита, возвращающегося со стрелки. Фура ужасно перепугалась, уперлась в землю передними копытами, отчего хвост стал обгонять голову, разворачиваясь поперек шоссе. Там еще оставалась узкая щель. Вильнув и зацепив снежную кромку, я попытался прошмыгнуть мимо, но, что говорить, шведы, строившие мой аппарат четверть века назад, не постеснялись снабдить его выдающимися габаритами. Задний угол фургона за полсекунды уничтожил левый бок «Вольво», превратив его в смятую промокательную бумагу. К счастью, мотор не остановился, хоть и начал плевать.

Перегородив дорогу, грузовик стал заваливаться набок, из распахнувшейся задней дверцы посыпались на землю и запрыгали тропические плоды ананасы, похожие на гранаты Ф-1. Жалко барнаульцев — к концу зимы остались без витаминов. И меня жалко. Теперь за мной начнет охотиться еще и хозяин ананасов. Поймает, отберет движимость и недвижимость и еще заставит съесть испорченные фрукты. Или они овощи?

Не стоило слишком обольщаться насчет воздвигнутой преграды: несколько секунд я выиграл, но обочины — жесткие, отутюженные ветром, погоня пройдет по ним, как по взлетной полосе...

Дорога снова провалилась в ложбину, где в свете фар мелькнул узкий мост...

Сильно не хотелось февральской ночью посреди поля остаться без колес, но длиннорукая обезьяна Баринов не оставил выбора. Затормозив на мосту, я сдал назад, развернулся поперек и, бросив машину, побежал в сторону утопавших в снегу ив.

«Мерс» (а может, коробка совсем другой породы — я так впопыхах и не разобрал, но несомненно микроавтобус) прыгнул с косогора, как Баба Яга в ступе. Сам Шумахер в такой ситуации не успел бы затормозить или уйти в сторону. Произошел редкостной красоты фейерверк. Врезавшись передком в остатки моей «Вольво», автобус подскочил вверх, рухнул на край моста вверх колесами, сполз вниз и, коснувшись земли, взорвался всей мощностью своего семидесятилитрового бака. Горячая волна усадила меня в снег, а над ложбиной в огненном облаке поплыли в небо обломки моста и жженая резина короля автострады.

Хальзов — лучший стоматолог Новосибирска. Впрочем, я других не знаю. Любой самый страшный зуб он убирает легким движением руки так, что все парадонтозные и кариесные в первый момент ничего не могут понять, дрожат и жалобно интересуются: когда же начнется самое страшное?

Один мой знакомый, завсегдатай театральных залов, выразился так: «Побывал на приеме у Хальзова, а как будто в Милан на премьеру в «Ла Скалу» скатался».

— Он тебе арии пел? — недопонял я.

— Зуб лечил. Но ощущения те же.

При этом я точно знаю, что завсегдатай не то что в Милане, но и вообще в Италии не был.

Пальцы у Шуры чисто плоскогубцы, во всех любительских турнирах по армрестлингу он занимает первые места, общее впечатление от него, как от сейфа — я уже говорил. И при этом над каждым пульпитом он страдает, как над родным.

Однажды забежал к нему поболтать. Он работает, порхает и со мной успевает общаться. В дверь заглядывает незнакомый мне крендель, мол, здрасьте. При виде кренделя Шура оживился, будто ему пенсию за два месяца на дом принесли.

Паренек говорит:

— Александр Николаевич, я маму привел, как договаривались.

— Маму привел!? Молодец! Отлично! Отлично!!!

Хальзов пришел в такой восторг, что я аж испугался, как бы его кондратий не хватил. Чуть вприсядку не пошел от счастья.

— Сейчас, — говорит, — закончу минут через пятнадцать и вашу уважаемую маму приму.

Я начал голову ломать, что это за тип, и кто у него мама, если Хальзов перед ними готов в пляс пуститься.

Минут через двадцать в кабинет заглядывает женщина и вежливо объясняет, что она мать Эдика.

— Какого Эдика? — удивился Хальзов.

И про Эдика, и про его мать он тут же забыл! Потом-то, ясное дело, маму принял, как полагается.

Позже я спросил:

— Что за люди?

— Не помню, хоть задушись. Лицо у парня, у Эдика этого, вроде, знакомое...

...Я явился к Хальзову в шестом часу, как договаривались. Он трудился над девушкой, а я пока присел возле стеклянного шкафа с инструментарием.

Из-за спинки стоматологического кресла виднелся белокурый локон и часть ноги в черных колготках и черном ботинке. Великий поэт Пушкин, роман в стихах которого теперь каждый день читают по телевизору то курсанты кремлевского училища, то артисты больших и малых театров, то бомжи с Павелецкого вокзала, умел по одному лишь большому пальцу левой ноги мысленно воссоздать женскую фигуру. То же самое, спустя почти два столетия, проделал и я, исходя из имеющейся фактуры. Получилась замечательная девушка. В Шуриных глазах я попытался прочесть подтверждение своих предположений, но там

светилась только бесконечная забота о правильном прикусе. Несколько раз он заставлял ее жевать кусок синей кальки, и наконец нужный результат был достигнут.

Когда пациентка восстала из кресла, я понял, что любое воображение меркнет перед правдой жизни...

...Возле входа на стадион «Спартак» устроена аллея новосибирцев — олимпийских чемпионов в виде живописных портретов. Спринтер Виктор Маркин, по жизни симпатичный интеллигентный парень, кстати, кандидат наук, висит в виде кривенько улыбающегося дауна, мастера биатлона Сергея Булыгина снабдили носом, какому позавидовал бы сам Буратино... Понятно, что Александра Карелина даже самый откровенный подхалим не осмелится назвать писаным красавцем, зато он чертовски сильный и умный, у него много денег, его уважает мафия, однако анонимный живописец напрочь лишил его перечисленных достоинств, выпукло оттенив лишь лицевые кости.

Прогуливаясь вдоль аллеи, я всякий раз задаюсь вопросом: кто он, бессмертный автор, герой первой пятилетки капитализма? Почему-то мне кажется, что это обязательно какой-нибудь заслуженный художник, или член союза, или лауреат, и в свое время за этот заказ он срубил много бабок. Товарищ срубил, и после этого олимпийское движение в Новосибирске встало. Кому, спрашивается, захочется потеть, чтобы тебя потом за весь твой терпеж изобразили в таком виде?..

К чему это я об олимпийском движении? Ах да, наваяла пациентка, сошедшая с кресла и повернувшаяся ко мне передом, а к креслу задом. А если не заглядывать в лицо, то все нормально — вот удивительно!

Девушка ушла, и Хальзов взялся за мою голову. Я бы и сам разбинтовался, но мы договорились вечером вместе сходить в одно место, к тому же зря, что ли, он шесть лет учился?

В бинте я выглядел, как водолаз, но и без бинта лучше не стало. Медсестру, готовившую операционное поле, меньше всего заботила эстетическая сторона вопроса. Хотя, думаю, и Видал Сассун, и Жак Дессанж бессильно опустили бы руки перед таким клиентом, как я. Прошлой ночью я дергался от боли, а голову сначала ошипывали механической машинкой, похожей на ту, которой в кино стригли кудри солдата Ивана Бровкина, потом в нескольких местах прошлись бритвой... А теперь еще Хальзов не пожалел зеленки на закровившие рубцы.

— Как же теперь в свете появляться? — призадумался я, разглядывая свою образину в зеркале. — Надолго это?

— Нитка шелковая. Дня через три-четыре можно будет снять. Может, раньше — на тебе ж всегда, как на собаке...

Как я уже упомянул, к Хальзову меня привела не только голова, и даже не столько голова...

...Нынче ночью я не стал дожидаться, пока возле подорванного моста появится милиция, пешком ушел в Искитим и добрался до Новосибирска на площадке грузового вагона. Опять от меня сбежала последняя электричка, а тут как раз перед семафором притормозил загулявший в ночи порожняк.

В Новосибирске первым делом я связался по телефону с Котяннычем.

— Знаешь, сколько времени? — заворчал тот спросонья.

— Я тебе затем и звоню, чтобы время узнать. У меня часы сломались. И не только часы. «Вольво», которую Треухин ссудил, тоже сломалась и восстановлению не подлежит. Короче,

я с ней в одну историю попал.:. Нехорошую... Можешь ее с утра в розыск поставить?

— То есть заявить об угоне, чтобы ты не фигурировал?

— Совершенно верно. Все равно же придут спрашивать.

— А что я скажу, почему сразу не заявил?

— Костя, ну, ты же умный человек, ну придумай что-нибудь. Скажешь, что у вас этих машин, как грязи, за всеми не уследишь.

— Ладно, придумаю что-нибудь. С какого времени?

— Со вчерашнего дня. Например, с вечера.

— Ладно. Что стряслось-то?

— Потом расскажу... Завтра с Треухиным можно встретиться?

— Есть новости?

— Не то, чтобы... Просто поговорить надо.

— Не получится. В командировку улетел на несколько дней. О чем поговорить-то?

О засаде в квартире Терехина. Не вы ли, дескать, Геннадий Степанович, на меня навели и с какой целью?.. Мотива у него не проглядывает никакого. А какой мотив у Терехина?

На остаток ночи меня приютил Серега Самаковский, приятель еще со времен Леонида Борисовича Соколова, моего скоропостижно убитого тестя.

Проснувшись в полдень, первым делом связался с давним милицейским другом Владимиром Антуанычем Михальцовым и попросил навести справки относительно некоего Анатолия Ширяева, человека с нелегким воркутинским прошлым и сомнительным настоящим.

— Меня не только он сам интересуется, но главным образом его связи, — дополнил я.

...Карманный телефон Терехина сторожил автомат, женским голосом твердивший в ответ: «Абонент временно недоступен». Зато Хальзов сообщил по телефону, что у Терехина сегодня тусняк в «Сибири» по случаю годовщины их конторы, то бишь Центра политических технологий, и он, Хальзов, туда зван.

Теперь я вспомнил, что про годовщину расслабившийся Терехин, действительно, обмолвился несколько дней назад в соевой столовой. Обмолвился и, наверное, пожалел, потому что мы, конечно, не могли спокойно пройти мимо такого замечательного факта, как банкет в интуристовском отеле.

— Вы там со скуки помрете. Люди соберутся малопьющие... — попытался отмазаться Терехин.

— А женщины?

— Что женщины?

— Женщины будут?

— О, друзья! Женщины буду?. Но! Женщины в политике — это особый разговор. Женщина-политик напоминает мне морскую свинку: и не свинка, и не морская.

...Короче говоря, Хальзову Терехин про банкет напомнил, а мне не удосужился. Друг называется! Из-за каких-то паршивых тапочек! С другой стороны, друзей на день рождения не зовут, они сами приходят.

Мы с Хальзовым уже собирались выходить, когда вдруг вернулась давешняя страшенькая пациентка в черных колготках. Стоматолог расплылся в радушной улыбке, кивнул и неожиданно сказал:

— Здравствуйте, здравствуйте. Что стряслось?

Девушка опешила и, косясь на мою страшную репу, торопливо напомнила:

— Александр Николаевич, вы меня только что на рентген направляли. Я снимок принесла.

— Чудесно, чудесно! — ничуть не смутился доктор, разглядывая черную в белых разводах пленку. — Картина более, чем ясная! Нам его не спасти!

* * *

— ...Подходит мужик к киоску:

— «Пакетик «Нескафе» и презерватив»...

Подходит второй:

— «Пакетик «Нескафе» и презерватив»...

Третий — то же самое. Четвертый — то же самое. Продавщица заинтересовалась:

— «А че это вы все берете одно и то же?»

— «Просто мы все любим бывать у Нади»...

Людмила Викторовна посмотрела на меня выжидающе.

— Забавный анекдот, — похвалил я, пряча зевок.

— Хотите еще?

— Политический?

— Нет. Знаете Ивана-царевича, который в лягушку стрелял?

— Ну.

— Так вот, приходит он домой и говорит жене: «Слушай, — говорит, — голова раскалывается, дай десятку». Жена: «Иванушка, а казна-то пуста». Иван-царевич: «Эх, как была ты жаба, так и осталась».

Эх, прав был Терехин насчет морских свинок...

...Мы с Хальзовым подоспели в аккурат к окончанию пресс-конференции и началу банкета, который на самом деле представлял из себя не банкет, а фуршет, но зато весьма обильный с разнообразными закусками, в том числе и горячими котлетами — де валяй, что ли... — из куриного филе, фаршированного грибами.

Я знал, что Терехин — человек небедный, но не до такой же степени! У народа картошку на полях воруют, зарплату в принципе перестали платить, на рубль ничего не купишь, бакс перерос башню в Останкино, а у имиджмейкера стол прогибается от одних только бутербродов с икрой из осетра. Один стол прогибается под икрой, второй шатается от коньяка, а между столами важные, как Израильская алмазная биржа, гуляют официанты и подливают всем подливку.

Публика, между тем, подобралась вся в галстуках, в том числе даже и одна женщина была в галстук, ей-богу, не вру. Интеллигентные люди, но многие предпочитали не коньяк, а водочку. Наверное, чтобы быть ближе к народу. Между прочим, присутствовал и ректор академии госслужбы, который мне, конечно, никакая не родня, чтобы его выделять; просто, когда объявили, что он произнесет очередной тост в пользу именинника, я вспомнил Настю.

Ректор и сам на меня глазел в самом начале. Впрочем, как и все остальные. Уж больно я от них отличался, как негр — от белых медведей: в дешевых черных джинсах, сером джемпере и при этом в ярко-голубой, как весеннее небо, вязаной шапочке на голове. Я уж не говорю про желтые круги вокруг интеллигентных глаз.

Терехин, когда меня увидел, так вообще чуть не лопнул от злости — как это я после всех

тапочек решил прийти. Это он внутри чуть-не лопнул, а снаружи сохранил застывшую улыбку радушного хозяина. И сквозь резиновые губы прошипел:

— Привет, привет. Чертовски рад... Ты хоть бы шапку эту снял, что ли...

— Другой нет. А без шапки еще хуже будет, уж поверь... Поговорить бы надо...

— Не сейчас, не сейчас...

...Минут через двадцать после первого тоста среди присутствующих произошел легкий водоворот, словно ветерок над полем пшеницы, пролетело мурлыканье: мэр, мэр, мэр приехал.

В сопровождении двух или трех человек появился мэр, которого до сегодняшнего дня я видел только по телевизору. Терехин тотчас вручил ему фужер с шампанским. Мэр откликнулся длинным тостом, в котором напирал на цивилизованные методы ведения политической борьбы, в том смысле, что пока методы у нас нецивилизованные, а благодаря Центру политических технологий, несомненно, должны измениться в лучшую сторону. Впрочем, я особо не прислушивался.

Нас таких двое оказалось, кто не прислушивался, — я и Хальзов. Народ подтянулся, в смысле животы подтянул, как на конкурсе красоты ЗЖБИ-4, прекратил жевать, и даже официанты выстроились возле своей двери, чтобы не пропустить ни одного слова. В почтительной тишине, сопровождавшей спич, далекий от политики доктор, обрадовавшись, что ему никто не мешает, набуцкал себе полстакана водки, начал выпивать и... то ли пожадничал, то ли поторопился, но только вдруг его охватил такой надсадный кашель, какой редко услышишь даже от больного туберкулезом на последней стадии, за три дня до смерти.

Надо отдать должное, мэр, видимо приученный ко всякого рода неожиданностям, даже бровью не повел в сторону погибающего от удушья стоматолога и, ловко завершив тост многочисленными пожеланиями, отпил глоток шампанского. Терехин стоял рядом красный. Терехину было нестерпимо стыдно за своих друзей — за одного и за другого. Терехин с горьким сожалением вспоминал те два дня в своей жизни, когда судьба столкнула его сначала со мной, а потом с Хальзовым... Но продолжал улыбаться! Великий человек!

Мэр закусывать не стал — что он, икры, что ли, не видел? — перекинулся парой слов с парой присутствующих и удалился в сопровождении короткой свиты так же стремительно, как и появился.

Кстати, насчет ЗЖБИ никакой ошибки нет. Каждый год там, действительно, проводят конкурс на звание «Мисс Железобетон». Сам я ни разу не видел, но один информированный знакомый рассказывал, как там сражаются за призы тети, достойные титула... А еще на одном новосибирском заводе проводили конкурс «Мисс Мягкая кровля». Не вру, чтоб мне подавиться, как Хальзову! Остроумные люди населяют суровый край Сибирь!

Публика начала разогреваться, но не прошло и двадцати минут, как где-то далеко за дверью зародился рокот, вновь заставивший всех допивать и дожевывать начатое, дабы ничто не отвлекало от главного... Терехин никогда не говорил, что дружит с губернатором.

Губернатор, которого я, также как и мэра, первый раз увидел живьем, да еще на расстоянии вытянутой руки, чем-то неуловимо напоминал трактор. То ли уверенной манерой двигаться, то ли неподвижным квадратным лицом... Да ему и по должности положено издавать лязгающие тракторные звуки — губерррр...наторрр...

— Они с мэром никогда не пересекаются, — зашептала поблизости от меня дама, оказавшаяся впоследствии Людмилой Викторовной. — Ходят на разные мероприятия, а если, как сейчас, нужно обоим побывать, то всегда по времени разводятся. Наверное, при

них люди специальные есть — хронометристы.

— Почему не пересекаются? — живо заинтересовался крендель, к которому обращалась дама.

— Потому, — с готовностью объяснила будущая Людмила Викторовна, бросая в мою сторону горделивые взгляды сведущего человека, — что их поссорил бюджет. Город дает в бюджет основные деньги, а распоряжается ими область. Какому мэру это понравится? В Екатеринбурге Россель с Чернецким уже чуть не стреляются. А Кресс с Макаровым? Друг для друга — враги номер один. Я уж не говорю про Наздратенко и Черепкова...

Я, конечно, не знаю, что такое Кресс и Россель, зато я знаю, что такое «Ростсельмаш», но это совсем не значит, что я стану демонстрировать свои глубокие футбольные познания перед первым встречным. Скромнее Надо быть, тогда люди к тебе и потянутся.

Губернатор без труда проложил гусеницами дорогу к столу, оставляя позади вывороченную с корнями траву. Губернатору подали водки. Терехин беспокойно озирался, стараясь не выпускать из виду ни меня, ни Хальзова. Я-то еще ничего, я не пил, правда, голубая шапочка на фоне поголовных смокингов может смутить любого политика. А Хальзов, непредсказуемая фигура, вполне способен был на глазах у изумленной публики повторить действие, перпендикулярное выпивке.

Губернатор оказался деловым человеком, в отличие от мэра, не стал разводить антимионии, коротко и веско прошелся по цивилизованным и нецивилизованным методам политической борьбы, хлопнул водки и быстро закусил огурчиком, не оставив, таким образом, стоматологу времени на какую-либо антиобщественную выходку. И как видно, в ходе тоста пошутил. Смысла шутки я не уловил, но гости вокруг подобострастно захихикали. Терехин продолжал угрюмо улыбаться.

Тракторrrr...наторrrr... не постеснялся ради хорошей компании раздавить еще рюмочку — на посошок. И уполз, лязгая гусеницами, очевидно, на очередной раут, согласно расписанию.

...Вот тут-то ко мне и подгрехала давешняя дама, знаток бюджета и специалист в области межличностных отношений.

— Я давно за вами наблюдаю, — призналась она жеманно.

— А я за вами.

Не знаю, зачем я это брякнул, но дама тут же оживилась. Ей можно было бы дать лет тридцать пять-тридцать восемь. Вот, собственно, и все, что я могу сказать о ее внешности. Таких людей только покойничек Гоголь Николай Васильевич умел описывать — не высокая, не низкая, не толстая, не тонкая, не уродина и не красавица... И лишь одну особую примету можно было внести в милицейскую ориентировку, если бы однажды кому-то пришлось в голову ее составить — пронизывающий взгляд умной женщины, давно успевшей утвердиться в мысли, что окружающие мужчины есть низший разряд существ, пригодный разве что для удовлетворения ее сексуальных потребностей.

— Вас как зовут? — тут же спросила она.

Я назвал по имени-отчеству, сочтя неловким в столь фешенебельном окружении обойтись одним именем. Оно, конечно, я не догадался повязать галстук, зато натянул спортивную шапочку, и отчество у меня еще осталось.

— А я Людмила Викторовна, — представилась невнятная незнакомка. — Но можно просто Люда... А вы кто? Вы такой романтичный.

Уж лучше Людмила Викторовна.

— Я, видите ли... Э-э-э... По линии жениха. Ой! То есть по линии именинника.

— Наверное, журналист?

— Вот именно.

— Что вы думаете по поводу последних перестановок на ГэТээРКа?

Как многие цивилизованные люди, я слышал, конечно, о смене руководства на телевидении, но мне не приходило в голову что-то об этом думать. Хватает своих тем для размышлений. Особенно сейчас.

— Думаю, что они давно назрели, — ляпнул я наугад.

— Вы действительно так считаете? — ехидно переспросила Людмила Викторовна. — Разве вы сторонник губернатора?

Я сторонник пельменей под водку, когда позволяют обстоятельства; сторонник своих друзей; сторонник «Пинк Флойда» и Шарон Стоун из «Основного инстинкта»; сторонник киевского «Динамо» и заводных девушек; в конце концов, я даже сторонник той идеи, чтобы вернуть Крым России... А на губернатора мне, честно говоря, начихать. С какой стати мне быть его сторонником или противником? Но видя настрой умной Людмилы Викторовны, я счел необходимым слабенько возмутиться:

— Сторонником губернатора? Как можно!?

— Вот именно. Его даже в «Отечество» не берут. Он туда рвется всеми фибрами, а его вежливо отодвигают. Что вы хотите — непроходная фигура.

Некоторое время она развлекала меня местными политическими сплетнями, но, видя мою слабую подкованность, решила попробовать в другом направлении:

— Вы Мамлеева читали?..

Не то что не читал, даже и фамилии такой никогда прежде не слышал.

— ...Его сейчас все читают...

Я оглянулся по сторонам. Никто ничего не читал, все пили.

— ...Он замахивается на основные мифологемы нашего времени, из-за чего сюжеты приобретают менструозные формы...

Я сделал усилие над собой, чтобы не поперхнуться и не выпучить глаза. Вообще-то, по смыслу, пожалуй, можно догадаться, что это за формы такие, просто странно слышать от женщины подобные определения.

— Какие-какие формы? — на всякий случай переспросил я.

— Менструозные.

Скоро выяснилось, что на мифологемы я реагирую даже еще меньше, чем на политику, тогда Людмила Викторовна до предела опустила планку, перейдя на анекдоты. Анекдоты она рассказывала тоже самые что ни на есть мужские...

— А такой знаете?.. Студент опоздал на лекцию. Профессор его спрашивает: «Вы почему опоздали?» Тот отвечает: «Понимаете, я участвовал в ралли, потому и опоздал». — «Ладно, садитесь». Следом заходит еще один опоздавший. Профессор: «Вы тоже с ралли?» — «Нет, я курил»...

...Оказывается, к нам незаметно подрулил Хальзов. Последняя история прищлась ему по душе, и он с удовольствием захрюкал, а я с облегчением ушел в сторону — дал форсаж и разворот с места, как истребитель.

Терехин все еще был нарасхват, но на короткий миг мне удалось поймать его за рукав и выдернуть из круга политически озабоченных личностей:

— Саня, как насчет переговоров?

— Знаешь что?.. Здесь через час все закончится. Можно поехать ко мне в контору на Восход...

— Ладно... Сань...

— Что?

— Что это за тетка в сером? Людмила Викторовна.

— Тоже специалист. По технологиям...

— Ужасно умная.

— Ну, так!..

— Сань.

— Что?

— Ты Мамлеева читал?

— Пробовал.

— Знаешь, что она мне про него сказала?

— Что?

— Что он замахивается на какие-то мифологемы, поэтому его сюжеты приобретают менструозные формы.

— Какие-какие?

— То-то и оно. Менструозные!

— Сергуня, у тебя сколько классов образования?

— Четыре.

— Оно и видно! Не менструозные, а монструозные! Чувствуешь разницу — мон-стру-оз-ны-е!

— Как это?

— Значит, извращенные. От слова монстр, а совсем не от того, что ты подумал. Плохие, в общем...

...Терехин вернулся к своим обязанностям радушного хозяина, оставив меня размышлять над особенностями орфоэпии, от каких размышлений меня оторвал Хальзов со стаканом коньяка в руке.

— Где ты такую подругу нашел? — спросил он, имея в виду Людмилу Викторовну.

— Сама нашлась.

— Знаешь, что она сказала?

— Про Мамлеева?

— Почему про Мамлеева? А кто это?

— Шура, ты темень! Его сейчас все читают. Между прочим, он замахивается на мифологемы...

— Серега, тебе надо художественную литературу в университете преподавать... Не думал, что ты так тонко чувствуешь... Нет, не про Мамлеева, а про тебя сказала... Что такому мужчине, как ты, отдалась бы хоть прямо сейчас!

От такой перспективы я почувствовал себя неуютно!..

...Кто не знает, в гостинице «Сибирь» фуршеты устраивают на втором этаже, а наискосок через холл расположен ресторан. В холле курили распаренные политологи, да еще из ресторана выползли какие-то девчонки с парнями... Я постоял немного в синем облаке, соображая, как убить час. Как говаривал Мягков в «Иронии судьбы» — «Есть не хочу, пить тоже не хочу... О! В туалет хочу».

Дверь в туалет неожиданно открылась прямо перед моим носом...

Давеча про одного брата я выразился, что он медленно шевелит мозгами. Теперь то же самое можно было сказать про меня. Чертова Людмила Викторовна, запорошила сознание анекдотами!..

Из туалета, не подозревая засады, прямо на меня пер тот самый бандит из леса, у которого я отобрал автомат. Коля! То ли я его с ходу не узнал — там он был в куртке и вязаной шапочке, а сейчас принарядился в черную рубашку с мелким рисунком и светлый пиджак; то ли, занятый своими мыслями, просто смотрел насквозь — просто видел перед собой невысокого худенького паренька, симпатичного блондинчика с румяным от алкоголя лицом и затуманенными глазами.

Я оплошал, а бандюган, напротив, блеснул реакцией. Оттолкнув меня, метнулся к лестнице, расшвыривая на ходу встречных и поперечных и сверкая шпидлетами яркого вишневого цвета. Наконец, и до меня дошло, что происходит. Парень врезался в кутивших гостей и прочих завсегдатаев ресторана наподобие шара в кегельбане — кегли повалились в разные стороны, мешая моей погоне. И я сам стал их расталкивать, невзирая на чины и пол.

...Одна из неизвестных мне политических фигур, отскочившая от моего плеча, налетела на появившуюся из фуршетного зала Людмилу Викторовну... Соскучилась по романтичному журналисту и отправилась на его поиски, а может, просто решила перекурить — женщины с таким взглядом всегда курят. Размахивая руками и вращая умными глазами, Людмила Викторовна повалилась назад и, в свою очередь, ткнулась в корпус сопровождавшего ее Хальзова...

В обычной жизни Хальзов одной рукой останавливает танк. Если бы Людмила Викторовна врезалась в него в обычной жизни — это как если бы среднестатистического новосибирца стукнула в лоб бабочка-капустница... Возможно, доктор перебрал дармового коньяка, или именно в это несчастливое мгновение неправильно расположил центр тяжести, но только от легкого толчка вся эта пирамида мускулов зашаталась и посыпалась...

Нет, не зря в этот день Александр Николаевич Терехин не ждал от своих друзей ничего хорошего. Стокилограммовый стоматолог упал на стол, сметая на пол недопитую водку и недоеденные салаты. На потрясенную политическую тусовку обрушился вечерний звон битого хрусталя, возвещающего о преждевременном и непредусмотренном протоколом окончании праздника.

Всю эту трагическую картину я успел заметить краем глаза в то время, как середина обоих глаз вцепилась в спину одного нехорошего знакомого. В тот самый миг, когда Хальзов окончательно испортил всем настроение, блондин совершил трюк, достойный гимнастической чемпионки Ольги Корбут. Вместо того, чтобы сбежать вниз по лестнице, он, оттолкнувшись от перил, спрыгнул вниз на первый этаж. Было там метра четыре, а ступеньки гранитные, твердые, сломать ногу на такой высоте проще, чем отгадать загадку «Висит груша, нельзя скушать»... Еще в таком деле от массы многое зависит: если таракана сбросить с пятого этажа, он, пожалуй, и пяток не отшибет, а если слон спрыгнет со второго, можно венки заказывать. Теряя время, я побежал по ступенькам.

На первом этаже в «Сибири» есть еще один ресторан. Вместо того, чтобы бежать к выходу, блондин ушел вправо, на запах свежих огурцов и звуки музыки — «Какао, какао, о-о-о-о». Ворвавшись следом, я уперся взглядом в ствол, который, в свою очередь, на расстоянии метров с десяти упирался в мой взгляд. Братан выстрелил, но чуть раньше я успел повалиться на пол под ноги официантке, руки которой в данный момент были заняты симпатичным фарфоровым судком, за цветастыми стенками которого угадывалась ароматная пышущая

жаром уха из сайры. Кому суждено быть облитой ухой из сайры, тот сливовой косточкой не подавится.

Вслед за выстрелом раздался серебристый звон заскакавших по полу вилок и рассыпающихся на сегменты тарелок. Сразу несколько сообразительных посетителей, следуя моему примеру, попадали со стульев на пол, утягивая за собой скатерти с незаконченным ужином.

Словно замороженный, не в силах избежать ужасной напасти, я наблюдал, как перепуганная официантка разжимает пальцы... Проваливаясь вниз, огромная фарфоровая посуда медленно переворачивается, крышка сползает в сторону, и на меня обрушивается окутанный белым паром поток светлого бульона с мелкими коричневыми гренками. Хорошо хоть они не смертельный кипяток клиентам раздают. Сама официантка рухнула на меня как подкошенная следом за бульоном.

Как я из-под нее выкарабкивался — отдельная история, но чтобы не отвлекать чужое внимание от главных событий, замечу лишь, что со стороны это могло выглядеть, как неистовая схватка любовников, обезумевших после трехмесячного воздержания. Самое интересное, что накрахмаленная девушка, похоже, и сама подумала, что какой-то тип посягает на ее честь, и брыкалась по-настоящему. Борьбу в партере сопровождал оглушительный женский визг, доносившийся со всех сторон.

Грохнул еще один выстрел. Коля пальнул вверх для профилактики. Когда я, наконец, поднялся на ноги, он поравнялся со сценой, где «живой» оркестр изображал из себя восковые фигуры мадам Тюссо. Длинноволосый певец, похожий на артиста Конкина, замер с открытым ртом, но паралич голосовых связок странным образом ничуть не сказался на качестве песни. Динамики продолжали весело квакать: «Какао, какао, о-о-о-о...»

Блондин юркнул в дверь кухни. Опасаясь получить пулю в упор из-за угла, я приостановился, переводя дыхание... Однако так можно было до вечера простоять. Из-за двери донесся грохот...

...В проходах между испаряющими кулинарные запахи печками застыли пять или шесть кухонных работников с высоко поднятыми руками, как будто я застал их за исполнением популярного при социализме физкультурного упражнения — руки вверх, в стороны, вперед, присесть... В густой кроваво-красной луже соуса на керамическом полу валялась и еще слегка подрагивала огромная кастрюля, в какие солдаты РА обыкновенно чистят картошку.

Я успел выстрелить вслед мелькнувшему в противоположном конце кухни светлому пиджаку, но не попал. Вернее, как говаривал медвежонок Винни-Пух, не то чтобы не попал, а в спину не попал. Рядом с дверью кулинары для красоты прикрепили лакированную доску с изображением глухаря. В эту промысловую птицу и ударилась пуля. Глухарь вздрогнул и свалился на пол, как настоящий.

Спина мелькнула и исчезла. Перепрыгнув через соус, я пробежал вдоль печек.

Кухня плавно переходила в короткий коридорчик с несколькими подсобными помещениями, одно из которых, в частности, было увенчано зловещей табличкой «Разделочная». Опять же, чтобы бесповоротно разделаться с поднадоевшим частным детективом, невысокий блондин в вишневых ботинках мог притаиться в одном из цехов, поэтому я миновал отрезок со всеми возможными предосторожностями. Засады не оказалось, только из овощного отделения неожиданно выдвинулось испуганное женское лицо. Я едва не нажал на спуск... Лицо сказала: «Ой!» и спряталось обратно.

Коридор имел два выхода, я выбрал один наугад и... ошибся. Дверь привела в боковую

рекреацию гостиничного холла, куда на шум торопилась местная пятнистая охрана в количестве пяти бойцов с двумя стволами.

— Бросить оружие! Руки за голову! — профессионально поставленным голосом рявкнул неприятный тип с кривым носом.

Если он такой крутой, что ж тогда убивает лучшие годы в гостинице? Или здесь деньги платят?

— Ребята, — сказал я, миролюбиво опуская пистолет. — 51 свой. Здесь не пробегал такой тип — блондин в... ботинках.

Определение прозвучало довольно нелепо. Хотел сказать в вишневых ботинках. Но уж больно это смахивало на название французской комедии — ребята могли решить, что над ними издеваются.

— Ствол на пол! Руки за голову! — повторил Кривой нос с такой окончательной интонацией, что я решил: хрен с ним, с французским блондином, самому быть бы живу.

...И я совсем уже был готов подчиниться, как вдруг из-за спины у меня наружу вывалился человек-гора Хальзов, настоящий товарищ. Не успел он разобрататься в обстановке, как рябой заехал ему рукояткой пистолета по уху. Доктор встал, покачиваясь, словно оглушенный бык. Он и был-то оглушенный, мало что после коньяка соображал, а еще по уху... Но постепенно в его глазах затеплились тусклые лампочки сознания.

— Разве вы меня не помните? — обратился Хальзов к рябому с горючей обидой в голосе.

Я всегда удивлялся количеству его знакомых. Когда Саня идет по центру города, пешеходы раскланиваются с ним через каждые двести метров. Среди них водитель троллейбуса номер семь и стриптизерша из «Вавилона», центровая женской баскетбольной команды мастеров и киномеханик «Победы», начальник управления охотничьих ресурсов областной администрации и дворник магазина «Универсам», известный бандит Зефир и хрупкая кареглазая секретарша Заельцовского народного суда. С центровой баскетболисткой Шура и меня однажды познакомил. Ее розовые ушные раковины маячили очень высоко, я испугался, что если с ней заговорить, то получится, как во время телефонных переговоров со штатом Флорида — ответа дожидаясь пару секунд, но девушка оказалась на удивление реактивной и общалась остроумно.

...Однако Кривой Нос Хальзова узнавать не спешил:

— Кто ты такой, что я тебя должен помнить? — высокомерно поинтересовался он.

— А сейчас?

Хальзов прикрыл ладонями нижнюю половину лица, изображая стоматолога в марлевой маске. Нос прищурился, его и без того неровное лицо еще более исказило мыслительное усилие.

— Завтра в двенадцать, — неожиданно назначил Хальзов.

— Что в двенадцать?

— Приходите завтра в двенадцать, я вас приму.

С этими странными словами доктор ударил рябого по зубам так, что они брызнули в разные стороны.

Произошла свалка, в центре которой, похожий на оживший сейф, возился Хальзов. Воспользовавшись суматохой, я совершил поступок, недостойный верного друга, — сбежал. Единственный охранник, не пожелавший связываться с Хальзовым, следил за мной с холодным интересом. Когда я двинулся мимо него, вежливо посторонился, вероятно

испугавшись пистолета, и преследовать не стал. Станный тип...

Ввязаться в затяжную потасовку означало для меня прямым ходом направиться в Железнодорожный райотдел, а оттуда, вероятнее всего, на улицу Караваяева. А Хальзову все равно ничего не сделается — он бронированный.

Головной офис Центра политических технологий размещается в трехкомнатной квартире на улице Восход в пятиэтажке рядом с «Аквариумом». Еще этот пивбар называют «Стекляшкой», но для меня он с детства — «Аквариум».

С полгода назад, прошлым летом я заезжал в Центр мимоходом вместе с Терехиным. Ничего особенного — и не квартира, и не офис. На кухне плита, три табурета и стол с круглыми следами от кофейных чашек, в гостиной диван под старым полосатым покрывалом, ученический письменный стол, книжный шкаф с двумя рядами нечеловеческих по глубине художественного содержания изданий, от брошюры с бессмертными ленинскими шагами — «то вперед, то назад» до «Последнего вагона на Север» и такого же последнего «Броска на юг»...

И лишь одна деталь ярко светилась среди неброского интерьера — секретарь-референт Марина, девушка лет двадцати пяти. Точнее сказать: не светилась, а сверкала загаром. Бессменной терехинский заместитель Миша, заметив мой интерес, проинформировал шепотом, что она такая загорелая везде, то есть во всех местах. От этого мне стало немного грустно — не от того, что референт загорелая во всех местах, а от того, что об этом знает заместитель.

Теперь, в конце зимы, никаких существенных перемен в Центре политических технологий не произошло, не считая того, что кухонный стол завалили остатками сегодняшнего роскошного фуршета. И к сожалению, в квартире не наблюдалось референта.

В большой комнате с ленинским наследием Терехин вел негромкие переговоры с незнакомой мне холеной личностью мужского пола, хотя насчет пола, может быть, и не следовало бы так безапелляционно утверждать.

Терехин из-за стола окатил меня недовольным взглядом, сделав знак рукой, который можно было интерпретировать как «ах, оставь меня, постылый!», но я предпочел решить, что он просит обождать. Миша, присутствовавший на фуршете, тоже демонстрировал презрение к моей персоне — открыл дверь, бросил взгляд исподлобья и, не обмолвившись ни словом, вернулся на кухню к продуктам.

Бесцельно прогулявшись по коридору, я заглянул в обе пустые комнаты, вернулся к кухне и заметил, чтобы завязать разговор:

— А референта вашего, значит, нет?..

Миша не хотел со мной разговаривать, но как вежливый человек бзфкнул:

— Значит, нет.

— Она как?.. Все такая же загорелая?

— Все такая же.

Мишу понять можно, но все же стоит ли так убиваться? Если бы он незваным притащился на мой день рождения, развязал войну и уронил на тарелки громилу Хальзова, я бы не стал дуться, а только вежливо сказал: «Миша, нельзя ли поосторожнее?»

Разговор не клеился, и я вновь ушел в свободную комнату, где на стене, как в школьном кабинете географии, были собраны на рейках одна над другой с десятков больших карт и поверх остальных подробная карта Европы на английском языке, исчерченная черным и красным фломастерами. Соединяя Германию, Грецию, Венгрию и Англию с Белградом, висели недвусмысленные черные стрелы. При виде схемы боевых действий меня охватило

странное чувство, будто я очутился в бункере Гитлера, где рождались грандиозные замыслы.

Наткнуться в офисе Терехина на живой, то есть изменяющийся план далекой войны, было так же странно и неожиданно, как под Новый год повстречать распевующую песни тропическую лягушку возле чума чукотского оленевода. Чуть какая-то! Замаскированный командный пункт, откуда тайная группа натовских генералов руководит воздушными налетами на нестигаемых сербов!

Приподняв край полыхающей огнем Европы, я обнаружил под ней просторы Новосибирской области издания местной картографической фабрики. Мирный сибирский уголок, разрисованный рукой неугомонного стратега, выглядел похлеще Югославии. Стрелы и кружочки, непонятные аббревиатуры и крестики несомненно свидетельствовали о существовании планов вторжения в Новосибирскую область неизвестных орд. Может, это схема распространения клещевого энцефалита или сельскохозяйственных вредителей? А при чем здесь Центр политических технологий?

Каково же было мое удивление, когда почти случайно я наткнулся взглядом на поселок Малиново Искитимского района! Комсомольско-молодежный объект оказался заключенным внутри небрежного красного овала, увенчанного двумя литерами — «ПК» — с восклицательным знаком. Длинная стрела бежала от поселка куда-то аж в необитаемые степи Кулунды, заканчиваясь подле нанесенных красным же фломастером двух нулей, какими частенько обозначают туалет.

Насчет туалета точно не знаю, но за «ПК» определенно скрывался не какой-нибудь пожарный кран, а Павел Краснопольский, бывший директор графитового комбината! Какой еще в Малиново может быть «ПК»?!

Когда меня ждала засада в квартире Терехина, свои подозрения относительно старинного приятеля я отодвинул в задний темный угол сознания. Когда во время презентации мимо пьяных политологов спокойно разгуливал убийца из Заельцовского бора, я решил, что это случайность. Но теперь, можно сказать, неопровержимый географический документ свидетельствует об интересе моего друга или бывшего друга к фигуре застреленного директора.

Мирная с виду квартира на Восходе приобретала все более зловещие черты. Точно не из центра управления НАТО в Брюсселе, а отсюда, из центра Сибири отдаются приказы об авиационных налетах на мирные сербские поселения. Здесь же разрабатываются планы убийства важных директоров... Шутки шутками, и все же интересно, в какой момент престарелый Настин любовник заинтересовал имиджмейкера — до своей гибели или после?

— Географией решил заняться? — недовольно буркнул Терехин, заглядывая в комнату. — Прежде за тобой не водилось.

Я вздрогнул от неожиданности и выпустил нижний край Европы из рук. Интересно, какие тайные стрелы скрываются под Новосибирской областью?

— Не водилось, не водилось. Зато ты, я гляжу, исследователь...

— Ладно, — оборвал Терехин, — про науки потом. Сначала будь добр, объясни: что означают твои бандитские разборки и при чем здесь я? Выходи на улицу, выезжай куда-нибудь за город и хоть стреляй, хоть гранаты взрывай...

Сдержанный имиджмейкер выглядел не на шутку взбешенным — того и гляди с кулаками кинется... Кстати, крайняя степень бешенства у него выражается в легкой доброжелательной улыбке... Нет, не кинется — не то воспитание, а потом на меня все равно бесполезно кидаться — себе же хуже сделаешь...

— Не-а, — возразил я. — Объяснять будешь ты.

— Я-то что должен объяснять?

— Все. Все про Краснополяского.

— Какого Краснополяского?

Придуривается.

— Которому полголовы из автомата снесли.

— Вот тебе раз! А при чем здесь Краснополяский?

— Саня, имей в виду, я не посмотрю, что ты мне друг и мы с тобой цистерну водки выпили... Кто убил Краснополяского? И кто заказал?

— А я-то при чем?! Я что — уголовный розыск, что ли?.. С какой стати тебя интересует Краснополяский?

В таком роде мы перепирались некоторое время, пока, наконец, Терехин, человек более разумный, чем упрямый, не сдался:

— Ничего особенного в этих стрелках нет. Это Миша у нас географ. Развлекается. Значки на карте области обозначают избирательные округа, и кто из контрагентов какое друг на друга оказывает влияние. Ничего секретного и вообще ничего особенного. Просто у Миши такие гуси, он когда карту видит, лучше соображает.

— Что конкретно обозначает «ПК», соединенное с этим клозетом?

— Это не клозет.

— Два нуля — не клозет?

— Это не нули, это два «О» — Олег Олегович Коржов. Знаешь такого?

— Знать не знаю, но, вроде, слышал. Какой-то бывший... Не то мэр, не то секретарь исполкома... У него еще клуб какой-то есть для элиты, не то «Задуй свечу», не то «Засунь свечу», не то «Налей бокал»...

— Ну да, где-то так, примерно, семь-восемь... Начальник. В свое время сильно лоббировал интересы графитового комбината. Миша предположил, что ему могло быть выгодно убийство нынешнего директора.

— А зачем вообще вашему Центру искать виноватых?

— Мы не то что виноватых ищем... Просто такие сомнительные вещи можно использовать в предвыборной пропаганде или контрпропаганде, хотя бы в виде намеков. Иной раз грамотно сделанного намека достаточно, чтобы у электората отбить интерес к кандидату.

— О каких выборах все время базар? Выборы, выборы, кого опять выбираем?

Подавив тяжелый вздох, Терехин терпеливо объяснил:

— Губернатора и одновременно в Думу. Любой пятиклассник знает, что выборы в декабре... А дубль О обязательно ползет на губернатора.

— Значит, говоришь, он заинтересован в устранении нынешнего графитового директора? — задумался я. — А почему?

— Долго объяснять... В общем, несколько лет назад комбинат, можно сказать, принадлежал так называемой Трансконтинентальной группе, это такая международная корпорация, которая контролирует половину всей мировой алюминиевой промышленности и не только алюминиевой. Они ввалили в Малиново кучу долларов. Уж не знаю сколько. Инвестировали, в общем. Не без поддержки Коржова, который тогда много что решал и много что мог. И, между прочим, для получения режима наибольшего благоприятствования от властей тогда же в виде поощрительного приза выделили Новосибирской области кредит

в десять миллионов баксов на социальную программу. Но произошла смена власти, пришла другая команда во главе с новым губернатором, которая взяла и «кинула» ТКГ.

— Какую еще ТКГ?

— Трансконтинентальную группу. Там кредит был оформлен... такой один пункт был невнятный, что возвращать деньги можно и в валюте, И в древесине. В рублях, значит. Им в рублях и выплатили. А в рублях в условиях инфляции — это, считай, ничего.

— Разве американцы такие дураки, что не умеют правильно оформлять кредиты?

— Какие американцы?

— Ну, эти — из ТКГ?

— При чем здесь американцы? В ТКГ наш народ сидит. Братья Белые — слышал?

— Вроде слышал. Только знаешь, я в алюминиевой промышленности понимаю столько же, сколько в агрохимии, то есть знаю, что она есть, и все.

— Я тоже.

— Пустячок, а приятно. Я ж патриот, ты знаешь. Я думал, если половина мировой промышленности, значит, обязательно американцы. А тут все-таки наши. Могут же, если захотят, в мировом масштабе!

— Ну, наши — это тоже условное понятие. Вообще-то они скорее из семнадцатой союзной республики.

— Никогда про такую не слышал. Болгарию одно время называли шестнадцатой...

— Это я так шучу неудачно про Израиль. Там же на четверть бывший наш народ.

— В конце концов неважно, американцы или евреи. Я говорю, если у них половина промышленности, что же они до сих пор не научились правильно договоры оформлять?

— Видишь ли, это такая скрытая форма взятки...

Значит, они купили Коржова, а потом пришел новый губернатор и все сломал? — сделал я самостоятельный вывод.

— Можно и так сказать. Только на этом, разумеется, дело не кончилось. Потому что существует еще Уральская стальная компания, конкурирующая с ТКГ. Эти ребята пришли в Новосибирск, принесли деньги новой команде, и теперь распоряжаются на комбинате... Чего опечалился?

— Коржова жалко. И братьев Серых... Я все-таки не понимаю: пришел один, заплатил денег другому и стал главным на комбинате, пришел третий, заплатил денег четвертому и тоже стал главным. Это вообще чья собственность?

— О! Вот вопрос! Собственность исключительно федеральная. Но в свое время влиятельный Олег Олегович договорился с Москвой, что область имеет право распоряжаться пятьюдесятью одним процентом акций. Чувствуешь — кормушка? А комбинат этот — не какой-нибудь там вшивый ЖБИ. Построили-то его недавно, заржаветь не успел. Таких заводов в мире, может, штуки три. Они даже в Америку продукцию отгружают.

— А Коржов теперь при чем? Мстит, что ли?

— Во-первых, Коржов — только один из многих, кого не устраивает нынешнее положение дел. Во-вторых, борьба ТКГ с Уралом вовсе не закончилась... В-третьих, я сам всего не знаю, это же дело тонкое и темное... Взятка — это как вокзал: всегда для двоих...

— Что знают двое, знает и ФСБ.

— Тоже верно... В-четвертых, у меня все. Теперь твоя очередь.

Терехин, конечно, — фигура Скрытная. Когда он говорит: «у меня все», это значит, что он даже еще не открывал рот. Но по части Краснопольского, возможно, и не врет, во всяком

случае, я обмана не почувствовал. Впрочем, я не детектор лжи.

— О'кей, — согласился я. — Дело в том, что я случайно видел, как убивали Краснопольского.

— Шутишь? — и без того длинное лицо Терехина вытянулось, как в испорченном телевизоре. — Как это было?

— В Заельцовском бору. Он с подругой развлекался в коттедже. На них напала команда, пять человек, вооруженные, как Рэмбо.

— А ты там как оказался?

— Грибы собирал!..

Замешкавшись на мгновенье, я решил, что играть с имиджмейкером в жмурки не функционально, и, опустив лишь некоторые детали, в том числе имя Треухина, пересказал историю своих злоключений — и про покушение, и про засаду, и про сгоревшую звезду Искитимской автострады, и про сегодняшний конфуз на фуршете. Узнав про мои уважительные причины, имиджмейкер слегка смягчился, но только слегка — никакими причинами не исправишь тягостное впечатление от испорченного праздника, разбитого «Пентиума» и похищенных домашних тапочек.

— Измена в твоём отсеке — главная загадка уходящего века, — объяснил я. — Про то, что я у тебя остановился, знали только три человека — ты и девушка, Настя то есть. Значит, кто-то из вас... э-э-э... Даже не знаю, как сказать... Подруге, вроде, смысла нет стучать, да и кому? Разве что папе по глупости сболтнула... Но опять же, и папе нет особого резона меня... того... этого... Значит, остается кто?..

— Не-а, — авторитетно заявил имиджмейкер. — Он не мог. Да оно и глупо — засада в своей квартире...

— Не так уж и глупо — что-то вроде алиби...

— А кто третий?

— Третий я.

Напевая под нос что-то вроде «Биг, биг велд», Терехин подошел к карте, пару минут изучал диспозицию локального конфликта, грозящего перерасти в третью мировую войну, и, не оборачиваясь, спросил:

— Сергуня, ты кому-нибудь от меня звонил?

— Э-э-э, да... Папаше этой Насти. А что?

— Можешь занести в свой список четвертого, а может, и пятого.

— Хочешь сказать, что к телефону приделаны лишние уши?

— Вот именно. И не исключено, что не одна пара.

— Сань, в натуре, ты гонишь! То, чем ты занимаешься, действительно представляет такой интерес?!

— А что здесь удивительного?

— Я всегда думал, что нет ничего скучнее, чем выборы... На них никто никогда не ходит. Голосуют только убогие. Я лично никогда не хожу.

— Вот именно, выбирают убогие. А в тебя же потом стреляют из-за каждого угла.

— Ты эту свою пропаганду брось, я тебе не какой-нибудь... электорат. В меня при любом правительстве стреляют — характер такой... Значит, те, кто тебя слушают, и прикончили Краснопольского? И кто?

— ФСБ подключается определенно. И еще чей-то жучок с недавних пор стоит.

— Чей?

— Если б я знал. Могу лишь предполагать.

— Так предполагай!

— Есть хочешь? — неожиданно сменил тему Терехин.

— А кого надо съесть? — я кровожадно оглянулся по сторонам. — Вообще-то я только что с фуршета — один крендель день рождения фирмы отмечал...

— А я только пару бутербродов и успел перехватить. Совсем уж было собрался плотно поужинать, а тут — осадки, Хальзов сверху на стол выпал. Неожиданный, как майская гроза... Пошли на кухню, там море закуски осталось. Выпьем...

Отправив помощника Мишу домой, имиджмейкер извлек из холодильника бутылку «Тройки» и придвинул поближе куриные котлеты. Я от водки отказался.

— Печень? — вполне равнодушно поинтересовался Терехин, наливая себе.

— Это у Хальзова печень, — поправил я, — а у меня — зарок. Если живым останусь, то выпью.

— Забавное обязательство... Слушай, если уж все так запущено... В общем, родилась идея... Тебе, я вижу, останавливаться на достигнутом нельзя, все равно придется разбираться до победного конца... Или ты, или тебя... Уж прости за прямоту... А я бы... А мне бы...

— Сань, ты чего стесняешься, как девушка? — подбодрил я друга.

— В общем, я хотел тебя нанять или что-то в таком роде, чтобы ты в этом деле разобрался — насчет Краснопольского. На исполнителей мне чихать, а за имя заказчика я бы заплатил.

— И почему сейчас имена?

— Тысячу-полторы. Долларов.

— Тебе это так интересно?

— Интересно? Лично мне? Разве что на один доллар. Я ж человек нелюбопытный, но для работы может пригодиться. И потом, в нашем деле наверняка найдутся люди, которым эту информацию можно продать. Бизнес.

— А если милиция раньше меня сообразит?

— Тогда плакали твои денежки... Только опыт подсказывает, что вряд ли раньше сообразит, а если и сообразит неформально, с общественностью делиться не станет... Ну как?

— Заметано. Как насчет аванса?

Имиджмейкер слегка погрузтел и налил себе еще водки. Мне и самому была неудобно спрашивать. Как говаривал Бендер — хорошая папка, даже жаль продавать, но деньги сильно нужны. И потом, никто его за язык не тянул, сам сказал, что можно перепродать, что это бизнес.

Закусив котлеткой, Терехин кивнул:

— Это можно... Слушай, а кто все-таки этот тип, которого дочка?.. Ладно, не жадничай. Ты ж деньги за информацию получаешь...

Вообще-то все пока только обещают... Тот же Треухин намекал... Вообще-то Геннадий Степанович просил сохранить тайну наших с ним взаимоотношений, однако ситуация стремительно меняется. Если так дальше пойдет, то лично я нашу тайну унесу в могилу скорее, чем планирую.

— Ты, может, не знаешь такого... Треухин... Начальник одной фирмы, можно сказать, одноименной...

— Фью-фью, — присвистнул Александр Николаевич, — как не знать... Ты его все-таки тоже проверь насчет, болтала ему дочка или нет. На графитовом деле у Треухина свой интерес присутствует. И самый прямой. У него там большие деньги остались в виде инвестиций, а они там сейчас себя пытаются обанкротить, чтобы по долгам не платить...

Вот где разница между частным детективом среднего пошиба и имиджмейкером. Кто кого хочет обанкротить? И какой кому от этого интерес?

— Слушай, Сань, я в инвестициях мачо что смыслю, если, конечно, это не инвестиции в мой карман, но Треухин никак не может быть заказчиком. Они там чуть его дочь не положили. Если б не я... Не такой же он зверь, чтобы дочкой рисковать...

Странный ты человек! Откуда же он знал, что его родная дочка с директором встречается! Он же тебя для того и нанял, чтобы выяснить, с кем она шляется.

Вот это да! Всего пять дней не пью, а голова совсем перестала соображать... Если директора графитового комбината действительно заказал Треухин, драматическая-предраматическая получается картина: являются исполнители и вместе с жертвой, можно сказать случайно, убивают дочь заказчика. Прямо Вильям наш Шекспир. Безутешный отец ломает руки, подсчитывая страшный баланс: на одной чашке — прибыль от инвестиций, на противоположной — мертвая дочь. А еще говорят, предпринимателем быть приятно — виллы яхты...

— Ладно, — согласился я. — Треухина я проверю, а можешь ты еще назвать людей, прямо или косвенно заинтересованных в смерти Краснопольского?

— Прямо или косвенно? Думаю, их так много, что проще назвать тех, кто не заинтересован. Любой слесарь комбината заинтересован, им зарплату три месяца не дают.

— Слесарь, да еще и без зарплаты не станет нанимать бригаду киллеров.

— Нанимать не станет, а свою собственную команду сколотить — всегда пожалуйста... Шучу, шучу... Наверное, в первую очередь заинтересованы те, кто давал деньги комбинату. Списка предоставить не могу, я ж не специалист, специально вопрос не изучал. А про Треухина, можно сказать, почти случайно знаю.

— Сань, ты ведь еще хотел назвать тех, кто тебя слушает. Предположительных...

— Хотел. Но мне немного подумать надо, навести свои справки. А потом я тебе все доложу. Завтра утром я в Москве. Через два дня в Красноярске. А через три вернусь. Тогда и поговорим...

Уже собравшись уходить, натянув шапку на израненную голову, я спросил:

— Сань, а ты вообще-то за кого: за большевиков или за коммунистов?

— В смысле?

— В смысле, политические убеждения у тебя есть?

— Еще бы! Я всегда за тех, у кого деньги. Устраивает такое убеждение?

— Устраивает. А сейчас на кого работаешь?

— Сложный вопрос...

— Не смущайся, здесь все свои.

— Я не смущаюсь... Ну, например... Есть в Москве один многодетный аграрий, который не прочь занять кресло губернатора...

...Вечером после исторического фуршета в честь первой годовщины Центра политических технологий на кухне у Сереги Самаковского мы развлекались чаем, в дополнение к которому хозяин выкатил полкоробки «Сникерсов».

Я к сладкому равнодушен, могу, конечно, но без восторга. А после натовских бомбардировок ни о каких заморских шоколадках и вовсе не могло быть речи, тем более, что и Терехинские котлеты еще давили на горло. Не говоря о том, что после вчерашних и сегодняшних разборок я засыпал за столом, а чай вливал в себя через силу.

Серега Самаковский, у которого я после огнеопасных автогонок на Искитимском шоссе на время арендовал угол, живет в просторном, выстроенном своими руками двухэтажном доме на Волочаевской и держит киоск со «Сникерсами», водкой и «Тампаксами». По странной иронии он не употребляет в пищу ни первого, ни второго и, по понятным причинам, не пользуется третьим. Символический парадокс: вот так и вся наша жизнь проходит среди чуждого нам иллюзорного окружения, а настоящие, напитанные энергией, атрибуты чаще всего проплывают мимо вдалеке — серебряные «Мерседесы», кареглазые блондинки, бассейны с голубой водой и устрицы, упрятанные в черную скорлупу...

Года три назад, когда Серега отошел от охранной деятельности и занялся мирной торговлей, в только что открытый киоск наведалься местный хрен, ни имени, ни погоняла которого я не знаю, и потребовал долю. Самаковский объяснил, что у него уже есть «крыша». Хрен сказал, что на Волочаевской главнее его бандита нет, и любую «крышу» он размесит, только укажи пальцем. «Стрелку» назначили на следующий день здесь же в киоске. «Крыша» испугалась и не пришла, а Самаковскому очень не хотелось платить этому конкретному хрену по причине какой-то давней неприязни, чуть ли еще не со школьных времен. Он принес в киоск охотничье ружье и, не долго думая, застрелил вымогателя в порядке самообороны.

Выстрел, можно сказать, прогремел чуть ли не на весь город, вызвал резонанс — не каждый день, защищая честь и достоинство, а хотя бы и личную собственность, мирные граждане побеждают жадных бандюганов. Общественность в лице СМИ горячо вступилась в защиту гордого и свободолюбивого торговца «Сникерсами» и кровожадно сожалела, что в хрена попала всего одна пуля. Тем не менее месяца полтора Самаковского преследовал страшный призрак тюремных нар, и заключенные через решетку тянулись за ним крючковатыми пальцами. Впрочем, следователь попался нормальный мужик и дело закрыл.

Чуть ли не на тор же неделе, как прекратили следствие, в известный киоск вернулась старая «крыша» и робко намекнула, что хорошо бы возобновить ежемесячные платежи. Самаковский ничего не сказал, а только придал лицу изумленное выражение. В тот же миг, поняв всю беспочвенность своих притязаний, «крыша» уползла, оставшись с храбрым продавцом в добрососедских отношениях.

...Я в те поры грел живот на пляжах Флориды и ничего не знал о разыгравшейся драме и вообще был страшно далек от того, что происходит на многострадальной земле России...

...В соседней комнате Ира, жена Самаковского, укладывала дочку. Я бы и сам рухнул не раздеваясь. Но хозяин жаловался на трудности жизни и приходилось кивать... На днях РУБОП прикрыл ночную барахолку, половину улицы Волочаевской, и Ира в том числе тут же осталась без работы, потому что продавцами на главной новосибирской барахолке с

древнейших времен работают именно волочаевские.

Я про эту историю, естественно, знал. Там заправляла армянская диаспора, а РУБОГ начал их потихоньку выдавливать с главенствующих высот новосибирской экономики. Ничего необычного, вот только методы неуклюжие, даже немножко обидно за своих и стыдно перед армянами. Это как если бы муха залетела в музей хрустальных ваз, а за ней стали гоняться с железным ломом. С другой стороны, хитрых рэкетиров просто так в кулак не поймаешь. Милиция — случай, а рэкет — система, какой нормальный барахольный продавец поднимется против системы? Разве что на кухне будет ругаться, как ругались недовольные интеллигенты при социализме. Вообще-то, проблемы ночной торговли меня мало волнуют, но, будучи бесправным непрошеным гостем, приходится выслушивать самаковские комментарии и кивать в положенных местах.

— Вечером приехала команда в масках. — бубнил Самаковский, — с автоматами, народ разогнали, на входе поставили заслон из колючей проволоки. Объясняли, что, мол, на ночной барахолке всем заправляют криминальные элементы. Глупость какая-то! А где сейчас не заправляют криминальные элементы? Главное, что получилось? Мирных граждан, наверное, не меньше тысячи остались без работы и средств к существованию, а бандиты-то все равно на месте сидят и с теми же доходами, просто с дневных продавцов стали больше брать и все дела. Во комедия! А еще там кто-то додумался подать иск в арбитражный суд на неправомерность действий РУБОПа. Еще одна комедия. Первый суд сказал: «РУБОП, руки прочь от барахолки.» Второй суд сказал: «РУБОП, лучше б ты ушел от греха». Третий суд сказал: «РУБОП, а может, ты прав?» А четвертый сказал: «Народ, че ты гонишь, РУБОГ лучше знает, что делает». Потом ребята рассказывали, что к судьям пришли люди в штатском и сказали: «Вы, граждане судьи, наверное, офонарели, что идете против государственной власти и его официального стального щита в лице РУБОПа! Вам бесплатные квартиры кто дает? Государство! Зарплату кто платит? Опять государство! Оно врачам не платит, а вам платит! За что? Думайте, граждане судьи!..» Как при социализме государство было сволочью, так и сейчас осталось...

Траж-ж-ждане судьи, граж-ж-ждане судьи...» Я и не заметил, как в мою порезанную и побитую черепную коробку через ухо заползла жирная муха и, чем-то похожая на циркового мотоциклиста внутри железного сетчатого шара, теперь летает вдоль внутренних стенок.

Я чуть носом не ударился о край бокала с остывшим чаем.

— Э-э-э, земляк, да ты спишь, — догадался старый приятель. — Сам-то я — сова, сижу, болтаю...

Я поплелся в отведенную мне комнату, на ходу расстегивая ремень джинсов... О чем только что говорил Самаковский? Что-то интересное сказал.. Он сказал, а издали отозвалось эхо. Про барахолку? Нет... Про арбитражный суд? Суд, вроде, ближе к истине... Ну и что суд?..

Со мной так иногда бывает. Кажется, что добравшись до подушки, тотчас и провалишься сквозь нее в сладкое царство сна без сновидений, но вдруг откуда-то со стороны мозжечка, как из геенны огненной, выползает червяк с мокрыми крылышками, некоторое время слабо шевелится, а, обсохнув и освоившись, начинает кружиться внутри головы, жужжа. И нет от него покоя, и нет из-за него сна.

На этот раз летали две неоформленные мысли с крылышками. Во-первых, почему-то постоянно возникало пред мысленным, одурманенным усталостью взором лицо странного охранника из гостиницы «Сибирь», который отодвинулся в сторонку, пропуская меня к

выходу, а во-вторых, в полудреме я от Самаковского услышал нечто такое, что, таинственным образом сопрягаясь с охранником, окончательно лишило меня сна — суд или РУБОП... РУБОП, суд, охранник, гостиница «Сибирь»... Галиматья! Я уже начал бояться что с этой несъедобной кашей в голове придется встречать рассвет, но орбиты двух червяков неожиданно пересеклись, может, они воевали друг с другом и, израсходовав боезапас, приняли одновременное решение пойти на таран. Они столкнулись, и я все понял: никакой не РУБОП, а коротко и ясно — ОМОН.

С этим парнем из охраны «Сибири» мы вместе работали на Соколова, правда недолго — дня два или три, а потом он исчез с горизонта в неизвестном направлении. Потому я его и не запомнил. Начальник соколовской охраны Александр Иванович Новиков, уважаемый человек, ныне покойник со стажем, как-то даже мимоходом сообщил, что парень пришел к ним из ОМОНа, откуда его уволили не то за взятки, — не то за вымогательство, каковые два понятия в конечном итоге мало отличаются друг от друга. Помнится, у интеллигентного Александра Ивановича для этого вымогателя еще имелось странное погоняло — ОМОН РА. ОМОН еще объясним, а РА? Российская армия? Зато теперь понятно, почему он меня пропустил — узнал и сделал доброе дело для бывшего соратника.

Оказывается, этот ОМОН РА меня сильно интересовал, только до тарана в голове я об этом не догадывался. А тут подскочил с диванчика и в чем был побежал к спальне Самаковского, не опасаясь его особо побеспокоить по причине им же широко заявленных свиных свойств.

В полумраке Самаковский сказал «Ой!» или «Ух» и неуклюже заворочался на семейном одре, пытаясь прикрыть себя и жену сползшим одеялом...

Я почувствовал себя бородатым Карабасом Барабасом, который все время гонялся за чужим счастьем и хотел его разрушить. Главное, я честно предполагал, что когда мужчина и женщина прожили под одной крышей несколько лет, они уже этим не занимаются... Впрочем, мой приятель всегда производил немного странное впечатление...

...Самаковский, наконец, принял приличествующую положению позу, как он ее понимал — что-то вроде полуприкрытого простыней и возложившего голову на локоть завсегдатая римских бань.

— Извините, ребята, я не хотел, — сказал я. — Кошмар привиделся, будто живые мертвецы окружают, я и побежал. За подмогой к живым.

— Знаю. Со мной тоже один раз так было, — оживился тезка. — Мы с Ирккой из Крыма возвращались на поезде, я три ночи спал на верхней полке и все боялся упасть... А приехали домой, сплю и чувствую: все... падаю... я крутанулся... как прыгну! Чтоб не вниз головой. Как Тарзан. С дивана. Ирка говорит: «Ты че, дурак?» Я говорю: «Сама дура, я сейчас чуть с верхней полки не упал»...

— О, и у меня один раз... — решила поддержать вечер воспоминаний Ира. — Я тогда в столовой работала, и будто наша завпроизводством говорит: «Самаковская, беги скорее в бухгалтерию, зарплату дают за июнь!» Я натурально вскочила и побежала. Сережа проснулся, перепугался, кричит: «Ирка, ты куда?», а я на полном серьезе объясняю: «Зарплату дают за июнь». А он говорит: " Че ты гонишь, ты же вчера за июнь получила».

— Это еще пустяки, — заметил Самаковский. — ...Как сейчас помню, было это два года назад, в аккурат на двадцать третье февраля. Ты знаешь, я не пью, но тут бес попутал...

— Да какой там бес! — перебила Ира. — Макс Кашицин!

— Ну да. Короче, набрались мы с ним. Домой кое-как добрался. Посреди ночи

просыпаюсь, чувствую, трусы на мне какие-то не такие, чужие... Женские! Смотрю дальше — и майка женская! Вот это номер! Рядом Ирка спит. Думаю: сейчас проснется, надо что-то врать. Дальше чувствую: а в трусах что-то мешает! Я так осторожно проверяю и вытаскиваю... бумажник! Тут у меня в голове немного прояснилось. Вспомнил, что это мне вечером Ирка на двадцать третье подарила бумажник и французский спальный гарнитур. Ты ж знаешь, у них, у французов, даже на мужиков шьют, как на баб! Я, чтобы сделать Ирке приятное, тут же гарнитур напялил, а тут еще кошелек... Некуда девать, а расстаться жалко, ну я и сунул его в трусы...

Они, эта странная парочка, муж с женой, еще долго могли бы вспоминать, это точно, но я твердо их перебил:

— Серега, помнишь на Соколова работал бывший омоновец, ему еще Новиков погоняло придумал: ОМОН РА?..

— Не ОМОН РА, а ОМОН РАК. Потому что у него фамилия была Раков.

— Да? Я как раз хотел у тебя фамилию спросить. А звали как?

— Витькой. А что? Это он, что ли, за тобой гнался в мертвом виде?..

* * *

...В восемь утра, выяснив в справочном телефон гостиницы «Сибирь», я разыскал Витьку Ракова.

— Вить, — сказал я. — Спасибо за вчерашнее. Сразу хотел тебя поблагодарить, но на бегу как-то неудобно было.

— Пустяки, — отозвался в трубке глухой голос. — Круговорот взаимопомощи в природе. Я тебе помог, чем мог, при случае ты мне поможешь.

— Базара нет... Вить, ты этого парня видел, за которым я бежал?

— Ага.

— Знаешь его?

— Не-а.

— Вообще раньше не видел?

— Вроде видел, как он оформлялся позавчера.

— В каком смысле оформлялся? В смысле, он в гостинице останавливался?

— Правильно.

— Может, и сейчас живет?

— Понятия не имею.

— Можешь узнать?

— А как? Я ж фамилии не знаю.

— Вить, ты же умный, придумай что-нибудь.

— Ладно, посмотрим.

— Тогда я заеду через час?

— Вообще-то я со смены уже домой собирался...

— Вить, очень надо. А я тебя как-нибудь два раза выручу... Знаешь еще что? Что с этим парнем, который со мной был?

— На сейф похож который? Ничего особенного. В вытрезвитель отдали. Помяли немного и сдали...

...Обыкновенные люди с утра могут выпить чашку чая или кофе с тонким бутербродом. Но не таков Самаковский. Сейчас таких людей уже нет, они вымерли сразу после кончины писателя Рабле, выжил только один, с улицы Волочаевской. За завтраком потомок героев эпоса съел две большие тарелки борща, густо заправленного сметаной, полкилограмма жареных пельменей, порцию давленого картофеля с двумя голубцами, запив все это киселем с двумя же бутербродами. Насчет бутербродов он, правда, сначала засомневался, но, внимательно прислушавшись к ощущениям внутри желудка, понял, что свободного места хватит. Заметив некоторую растерянность в моем взгляде, полиглот счел нужным оправдаться:

— Я ж теперь до обеда ничего не буду есть. Некогда сегодня.

(Многие ошибочно полагают, что полиглотами называются знатоки иностранных языков. При чем здесь иностранные языки?)

Замечу, что Самаковский никакой не толстяк, нельзя сказать, что стройный, как тростинка, крепенький, но толстяком точно не назовешь.

После легкого завтрака Сергей на своем «шиньоне», как обычно, отправился к знакомому оптовому за товаром и заодно подбросил меня к отелю «Сибирь».

Вчерашние зеленые ягуары сменились, так что я почти не опасался продолжения вчерашней стычки, разыскивая в «Сибири» комнату охраны и в ней дремавшего в кресле Витю Ракова.

— Еще раз спасибо, — поблагодарил я. — Если бы не ты...

— Пустяки... Между прочим я вчера случайно в смене оказался. И вообще с сегодняшнего дня в отпуске.

— Чего зимой-то?

— Да, понимаешь, деньги срочно понадобились. Пришлось из-за отпускных оформляться. Недельку поболтаюсь и снова выйду.

— Понял... Как насчет моего дела?

— Тебе повезло, — сообщил Раков, протягивая из-жульканый обрывок гостиничного бланка, — наша наблюдательная администраторша, ей бы в «Моссаде» подрабатывать, опознала твоего приятеля по приметам. Он позавчера с приятелем поселился в двухместном номере, четыреста шестом, однако вчера же после известных событий оба выбыли. Там на листочке их данные. Из Кемерово ребята... Все, что могу.

— А почему в «Моссаде», а не, допустим, в ГРУ? — рассеянно спросил я.

— Ей «Моссад» по национальности больше подходит...

Я уже собрался выходить, когда в голову пришла одна мысль.

— Вить, — сказал я. — Если тебе деньги нужны... Есть одно простенькое дельце... Знаешь, где я живу?

— Где-то возле цирка.

Я предпочитаю говорить — возле церкви. У нас в городе цирк построили возле главной церкви. Попы сначала морщились, потом привыкли.

— Верно, — подтвердил я. — Видишь ли, я тут попал в одну историю:.. В общем, кажется, за моим домом, точнее за квартирой, поставили наружку... Не, не менты, самодеятельность. Я-то сам пока там не появляюсь. Ты бы не мог посмотреть, что к чему?

То есть определить наблюдателя. Ну, покрутишься там, сообразишь...

— Только определить?

— Ага. И мне показать. Никакой опасности. За день должен управиться. Ну, за два дня верности. Пятьсот рэ...

— Идет, — без раздумий согласился Раков. — Тыщца. Когда начинать?

* * *

... На мятом бланке бледным стержнем были начертаны паспортные данные на жителей Кемерова Пильщикова Святослава Виленовича и Кондратенко Леонида Кондратьевича.

Эх, надо было мне сразу звонить моему старому знакомому Владимиру Антуановичу Михальцову из Центральной уголовки, который благосклонно реагирует на некоторые мои просьбы. Не из-за какой-нибудь корысти реагирует, а из личной симпатии и добрых побуждений, знает, что не ради баловства интересуюсь и не имея злого умысла. Вчера я уже попросил его раздобыть фактуру на некоего господина Анатолия Ширяева, школьного друга этого дурика Анатолия Тимофеевича Баринова, сгоревшего позавчера в бензиновых парах на Искитимской трассе...

Эх, говорю, надо было звонить Михальцову насчет двух новых фамилий и сматываться из гостиницы. Вернее, сначала сматываться, а потом звонить. Но я же частный детектив! Я же голливудских боевиков не меньше, чем водки, переварил! Я же отлично знаю, как в таких случаях поступают профессионалы. Профессионалы в таких случаях поднимаются на четвертый этаж и обшаривают двухместный четыреста шестой номер в поисках улик. Вот и я поперся.

Дверь номера, естественно, не поддалась.

— Молодой человек, вы что хотели? — забеспокоилась бдительная дежурная по этажу, лет двадцать назад слывшая симпатичной блондинкой.

— Капитан Петров, уголовный розыск, — представился я, помаячив издали фальшивым документом. — У вас тут вчера стрельба была. Надо кое-что проверить в отношении жильцов из этого номера — Пильщикова и Кондратенко. Откройте, пожалуйста, номер.

Дежурная могла бы, пожалуй, заартачиться, потребовать дополнительных полномочий, но я улыбался так, как ей не улыбались уже двадцать лет.

Номер, конечно, успели прибрать. Сменили постельное белье, ковровое покрытие пропылесосили, из тумбочек и из мусорной корзины в туалете выгребли и выбросили весь хлам, включая возможные улики. На всякий случай я заглянул под кровати.

— Что-нибудь особенное за жильцами замечали? — спросил я.

— Ребята как ребята, — пожалала плечами бывшая блондинка. — Да они и прожили-то всего сутки.

— Вышивали?

— Я ж не нарколог. Вроде, бутылки после них выносили...

— Понятно... А гости у них были? — спросил я со значением.

— Что ж, нормальные ребята, не без того...

— Девушки? — уточнил я.

— Да.

— Сколько?

— Две.

— Ваши?

— Не-а.

— Точно?

— Точно. Похоже, по телефону...

— Раньше их видели?

— Нет. Истинный крест!

Спрашивать, вроде, было больше нечего, и все же на свою голову я задал последний вопрос:

— Давно здесь уборку делали?

— Сегодня утром. Софья Константиновна делала. Она сейчас здесь, если хотите что-то уточнить...

Конечно, мне хотелось уточнить, аж зуд начался.

Сухоньякая немолодая особа Софья Константиновна угощалась чаем в служебной комнате.

— Да, — не отрицала она. — Я уборку делала. Ничего там особенного не было.

— А газеты? — уточнил я.

— Газеты? Кажется, были.

— «Доска объявлений»?

— Не помню. Может, и «Доска».

В «Доске объявлений» представлен широкий спектр известных услуг, и мне пришло в голову, что кемеровские пацаны могли пометить телефон, по которому вызывали подруг.

— Может, и «Доска», — продолжала Софья Константиновна, — я ж убираюсь, мне ж мусор некогда рассматривать. Каждый день вон сколько приходится вытаскивать...

Она махнула рукой в сторону двери, рядом с которой, действительно, загоразивал коридор черный пластиковый мешок внушительных габаритов.

— Это сегодняшней мусор? — обрадовался я, как дитя.

— Ну да. Со всего этажа.

— Так, значит. Мусор я забираю.

— Это еще зачем? — на всякий случай насторожилась горничная.

— Капитан Петров, уголовный розыск, — представился я, предполагая, что в самой должности, несомненно, заключено объяснение странных желаний.

Вместо удостоверения я достал сложенную пополам десятирублевую бумажку и вручил пораженной Софье в качестве дополнительного аргумента... Наверняка до меня никому не приходило в голову платить горничной за возможность завладеть свежим мусором.

Как дурак, я выволок мешок во внутренний двор гостиницы и, как полный идиот устроившись возле помойных ящиков, полчаса разбирал отвратительные отбросы человеческой жизнедеятельности. Мимо сновали симпатичные молодые девушки из кухни и прочих гостиничных служб. Каждая непременно окидывала мою загадочную работу взглядом, где перемешивались любопытство и брезгливость. Что оставалось делать? Я ж не мог всем объяснять, что я — капитан Петров и возле вонючих помойных ящиков занимаюсь расследованием ужасного уголовного преступления. Разбирая предметы личной гигиены с крылышками и без, я пытался сохранять вид деловой и отстраненный.

Никакой «Доски объявлений» в мешке не оказалось. И вообще Софья Константиновна

свободно могла надуть — не ради корысти, а от непонимания всей важности моей работы, мусор мог оказаться и вчерашним, и вообще не с четвертого этажа.

Еще некоторое время, не в силах поверить в свою глупость, я, как замороженный, разглядывал разбросанный по заснеженному асфальту результат селекционного труда. Между тем от железных ворот к кухонному подъезду торопилась молодящаяся подруга в короткой норковой шубке, обнажавшей толстые капроновые колени. Высокие черные сапоги на шпильке оставляли в грязной ледяной корке следы, на которые непременно обратил бы внимание северный охотник в расписной кухлянке. «Однако, норка прошла», — решил бы он и не ошибся.

Женщина представляла из себя высшую гостиничную власть, это точно. Может, секретаршу директора. Просто так она не могла пройти мимо беспорядка.

— Ты кто такой? — властно окликнула она. — Чего здесь делаешь? Зачем мусор раскидал?

Я повернул к ней лицо. Не обычное интеллигентное, а совсем даже наоборот, не мог я после перенесенного унижения показать свое истинное. Сведенные к переносице зрачки бессмысленно уставились из-под нависших бровей, изо рта торчал тупой конец языка...

Демонстрировать директорские амбиции перед несчастным придурком не имело никакого смысла. Подруга в сапогах не то поперхнулась, не то сплюнула кислую слюну разочарования и зацокала прежним путем, бросив в сердцах:

— Б... олигофренов развелось! Куда хирурги смотрят!?

К вечеру мой милицейский друг Владимир Антуанович Михальцов через глобальную сеть GSM доставил свежие новости:

— Гражданин Пильщиков (семьдесят первого года, женат, имеет двоих детей от первого брака и одного от второго) проживает в городе Кемерово, радуя жителей мирными фантазиями из Бизе.

— Аккомпаниатор, что ли? — недопонял я.

— Кто аккомпаниатор? Какой аккомпаниатор? Кулинар. То есть этот, как его?.. Кондитер в тамошнем ресторане. Семнадцатого августа прошлого года заявил об утере паспорта.

— Наверное, он свое бизе в доллары не вкладывал и паспорт от расстройства потерял, — предположил я. — А Кондратенко тоже потерял?

— Не-а. Впрочем, точно не знаю. Во всяком случае, в милицию не обращался. Скончался твой Кондратенко прошлой осенью от аспирации рвотными массами.

Печально. Не то печально, что настоящий Кондратенко скончался, а то, что моя вылазка в трехзвездочный отель «Сибирь» не дала ничего существенного, кроме обязательства два раза выручить ОМОНА Ракова... И заплатить ему же тысячу рублей. Впрочем, нет, на Ракова я сильно рассчитывал. Если выведет на банду, можно и больше заплатить. А парень он серьезный, сообразительный, можно сказать, сканер.

— Насчет Ширяева есть что-нибудь? — напомнил я.

— Официально последнее место жительства Салехард, но по оперативке, вроде, ошивался в Кемерово. Коллеги обещали подробности, но пока ничего нет... Теперь насчет сводки...

Пошуршав в трубке бумагами, Антуаныч доложил:

— ...Ничего интересного. Один шизик, тридцать первого года, в Ленинском районе с криком «Прощайте, козлы из профсоюза!» прыгнул с опоры ЛЭП... Это сколько ему?.. Шестьдесят восемь... Надо же, сколько здоровья у человека, что на ЛЭП вскарабкался!.. Еще одного (полтинник ему) две тетki замочили на Степной. Застрыл в луже на «Запорржце». Мимо ехали две подруги на «Мазде». Он говорит: «Вытащите, бутылку водки дам». Те его дернули, давай, — говорят, — водку. Он говорит, извините, денег нет. Они его и замочили.

— Чем? — вяло заинтересовался я.

— Ничем. Вручную и каблуками добавили... Эх, жизнь...

* * *

...Окончание дня и два последующих я почти безвылазно скрывался у Самаковских. Раков не звонил, а других ходов выйти на банду я изобрести не мог... Помогал Ире торговать «Сникерсами» или, лежа на диване, смотрел телек, перемежая собранного Самаковским неунывающего Джекки Чена выпусками местных новостей, из которых, Впрочем, практически исчезла живо интересовавшая меня тема графитового комбината и смертоубийства директора.

На всех каналах мэр ругался с губернатором из-за бюджета. Губернатор оппонировал

весьма умело. У меня, говорит, в Хренодыровке врачи не получают зарплату уже год, а в Новосибирске платят почти вовремя. Где социальная справедливость? Надо сделать так, чтобы никто не получал. Тогда всем будет не обидно. Логично? Сверкая блеском стали, губернатор проявлял заботу обо всех без исключения подданных, из самых отдаленных аулов. От него не отставал мэр. Они всегда заботу проявляют. А наша задача ее ощущать.

В натуре, начальство всегда оперирует заботой очень умело, оно ее вбивает, как гвозди, в мозги простого народонаселения. Или как пули. Слушаешь их и начинаешь понимать: Господи, да мы же без начальства пропадем!

В четверг часов в восемь прорезался Терехин. Позвонил на трубку, сказал: «Привет» — и замолчал.

— Привет, — отозвался я. — Как съездил?

— Нормально...

— Сань, не поужинал, что ли?

— Поужинал, поужинал. Ты сейчас где?

— В одном месте.

— Понятно... Встретиться бы надо. Есть что перетереть. Прямо сейчас. Если можешь...

— К тебе подъехать?

— Нет. Я сейчас не дома. Улицу Сургутскую знаешь? В районе Владимировской...

— Найду.

Терехин назвал номер дома, предупредив, что строение носит частный характер. Я не успел удивиться, чего его туда занесло — вместо имиджмейкера в трубке тикали короткие гудки.

...Владимировская — не самое приятное место в городе, а деревянные трущобы, скатывающиеся от улицы к реке, у иной нежной природы и вовсе могут спровоцировать рвотный рефлекс. Сбросив скорость до минимума, на «шиньоне», арендованном у Самаковского, я свернул на Сургутскую и медленно крался за двумя прыгающими пятнами света вдоль черных домов по дороге-не-дороге, тропе-не-тропе, серой от печной золы и помоев... Как же они тут весной? Вонь же, наверное..

За звонком Терехина скрывалось нечто непостижимое, как в «Секретных материалах». Хоть убейся, не сочетался имидж имиджмейкера с разворачивающейся рисологией. Что могло его заставить сюда забраться? «Наверное, потом неделю в шампунях будет отмываться», — подумал я не без злорадства.

За очередной колдобинной, или, как выражаются в моих кругах, колдоебинах, и плавным поворотом свет фар догнал темно-синюю терехинскую «Тойоту», притулившуюся у дырявого забора, за которым слабо светилась двумя окошками искомая частная собственность с полуразобранной крышей и покосившимися стенами.

В машине никого не было. Рядом с задним бампером из стороны в сторону болталась несмазанная калитка, равномерностью движений напоминая рыбий плавник. За плавником угадывалась узкая тропинка к неосвященному крыльцу. Если бы не «Тойота», тропинка и свет в кривых окошках, домишко выглядел бы неживым, в смысле нежилым.

Как умный человек, я проехал мимо, свернул в следующем проулке и остановился на параллельной улице. Теперь от места, обозначенного Терехиным, меня отделяла еще одна одноэтажная халупа, не считая двух заборов.

Второй дом производил гораздо более благоприятное впечатление, нежели первый. Архитектурное сходство, конечно, прослеживалось, зато теперь изнутри доносились звуки

магнитофонной музыки и два-три пьяных голоса — все-таки не унывают люди перед угрозой экономического коллапса и третьей мировой войны.

Лишь бы собаки не было!

Утопая в снегу, я прокрался по узенькому дворику вдоль стены. Никто не лаял, значит секретность соблюдена. Не без труда перевалившись через утонувшее в сугробе ветхое подобие забора, я оказался в соседнем дворе с задней стороны дома, где должен был ждать Александр Николаевич.

Заклеенное в нескольких местах синей изолентой окно, с внутренней стороны до половины прикрытое желтой газетой «Советская Сибирь», нижним краем некрашеной рамы почти упиралось в сугроб...

Когда я сказал, что «Советская Сибирь» желтая, имелся в виду исключительно цвет бумаги, а не содержание. Содержание у «Советской Сибири» самое что ни на есть положительное, особенно ее любят читать колхозники, по-нынешнему аграрии...

Сквозь мутное двойное стекло я успел разглядеть угол пустой комнаты...

За спиной раздался скрип снега...

Откуда он взялся? Под снегом, что ли, прятался? Подснежник... Из-за темного угла неслышно подкрался, будто по воздуху...

В грязном свете, сочившимся из-под «Советской Сибири», я узнал блондина в красных шпиблетах. Опять же Колю. Впрочем, сейчас-то наверняка он шпиблеты сменил на бесшумные кроссовки, приспособленные для выслеживания человеческих жертв. Ноги утонули в рыхлом снегу, поэтому не видно обуви.

С Колей мы встречаемся четвертый раз и всегда при сомнительных обстоятельствах — он или собирается меня прикончить, или убегает через кухню, разбрасывая кастрюли. Или он убегает, или я убегаю — странно складываются человеческие отношения... И сейчас блондин не скрывает зловещих намерений, направляя на меня короткий ствол с автоматической передачей.

— Грабли вверх! Живо! Раз... два...

Я едва успел выдернуть руки из карманов. Мерзкая скотина, не сообщил до сколько ведется счет. Я автоматически предположил, что до трех, и вряд ли ошибся. О том, чтобы воспользоваться пистолетом, не могло быть и речи.

— Чего так быстро считаешь? — возмутился я. — Сообразить некогда.

— Вперед! — скомандовал блондин, дернув стволом в направлении крыльца.

Гадство, неужто я ошибся в Терехине? Друг называется. С другой стороны, кто я ему? Что ему во мне? Он дружит с серьезными людьми, американскими президентами, выглядывающими из овальных окошечек на зеленоватом фоне...

Мы выбрались из сугроба на узкую обледеневшую площадку перед крыльцом. Дверь распахнулась, и из темноты сеней выползло наружу Лох-Несское чудовище с белеющей поверх носа марлевой повязкой и с синевой, густо залившей лицо вокруг глаз. Вот так встреча! Тот самый громила, которого одним движением я отправил в нокаут в Заельцовском бору. Шнобель я, похоже, качественно раздробил.

И это чудовище улыбалось! Увидев меня, он так обрадовался, будто в кока-кольной лотерее выиграл половину велосипеда.

Блондин Коля в ботинке мог спокойно решить проблему на месте. Взял бы и выстрелил. Кто бы ему помешал? Но, видно, люди хотели обставить событие с особой торжественностью, реабилитировать полученные зуботычины. А этот Несси и вовсе трясся

от удовольствия — так обрадовался, так хотел похвастаться за нос. Обрадовался и как будто даже на миг растерялся от счастья. Наверняка готовил заранее спич, какую-нибудь пошлость типа: «Еще никто не смел ломать мой нос! И за этот нос ты сейчас ответишь по самые ягодицы!..» И он уже о чем-то таком заикнулся, но я не успел понять, о чем...

Позади раздалось судорожное ругательство типа: е-е-е-о-о-о. Блондин в кроссовках без посторонней помощи поскользнулся на льду и, размахивая автоматом, проваливался вниз.

Блондин падал, а Нэсси наблюдал за происходящим со спокойствием удава. Впрочем, дело не в спокойствии. Почему динозавры вымерли? Нейроны у них были шибко толстые, а мозг маленький, с греческий орех, поэтому они медленно соображали. Нэсси воспринимал своего приятеля, как свет далекой звезды — звезда давно погасла, а свет продолжает бежать. Блондин поскользнулся и рухнул, а для Нэсси он все еще стоял на ногах.

Я подхватил автомат.

Нэсси попятился в дом, зацепился каблуком за порог и с металлическим или скорее стеклянным звоном рухнул в сени — лампочками, что ли, обожрался или пустые бутылки в карманах носит?

Из дома доносился шум растревоженной бандитской засады. Сколько их там? Пятеро во главе с Терехиным? Очень хотелось всех увидеть. И заглянуть в глаза имиджмейкеру. Но еще больше хотелось выжить.

Проклятье! Ведь были предчувствия и думал о том, чтобы вызвать на стрелку старых дружков. Пожадничал, да собственно и рассчитывать пока нечем.

Бандит в вишневом ботинке лежал в снегу жалкий, и в его светлых на фоне темного вечера глазах отражались высокие ворота с часовым по имени Петр. Хотя нет, блондину в другую сторону, в ад.

А как называется альтернативный привратник я, кстати, и не знаю; не сам же Сатана караулит. Надо будет при случае изучить все в деталях, не ровен час самому придется стучаться, а обращаться туда лучше с полным уважением, по имени-отчеству, может, какая скидка выйдет.

Жизнь нужно прожить так, чтобы потом на сковородке не было мучительно горячо.

Блондин продолжал покорно изображать мишень. Я хотел нажать на спуск хотя бы из самого элементарного соображения — чтобы их стало меньше. Но тут кто-то вложил в мою голову мысль: этого я хоть в лицо знаю, вдруг сей факт пригодится...

Я пнул Колю ботинком в голову и, утопая в снегу, побежал обратно к «шиньону».

Мне по жизни спорадически снятся три кошмара. То вдруг выясняется, что я не дослужил в армии, приходят офицеры из военкомата и объясняют, так мол и так, произошло недоразуменье, забриваем тебя еще на полгода. Служу по второму разу, служба тянется, а все забыли, что я здесь всего на шесть дополнительных месяцев, я всем доказываю, что я же давно чистый дембель, но доказать не могу, и проходит еще год, и полтора, и получается, что я отдаю священный долг Родине уже почти в два раза дольше, чем требует основной закон государства, и я понимаю, что пытка армией не кончится никогда. За беленым бетонным забором идет нормальная гражданская жизнь, девчонки, мои подруги, все замужем давно...

Потом, конечно, просыпаюсь и соображаю: за что мне такое виденье? И ответ получается следующий. Их собственно два. Номер один — что в прошлом я кому-то остался сильно должен. И номер два — что никакого виденья нет, а натурально за забором идет нормальная жизнь, а я не могу в нее включиться, ни понять, ни включиться, живу в своих собственных выделениях, как Ихтиандр в тюремной бочке.

Второй кошмар простой, но от этого не менее противный: бегу, утопая в снегу. И даже не в том смысле, что от кого-то убегаю или догоняю. Просто исчезла свобода движений. Рвусь из сухожилий, чувствую, что усилия-то применяю обычные, но все движения съедает снег. А снег необычный — не холодный, даже теплый. Может, не снег, а вата?

Про третий сон рассказывать не буду — так, ничего особенного, чисто личное.

...Сейчас из самого что ни на есть кипенья жизни я как раз и провалился во второй кошмар. И главное, снег, как до сне, горячий. И вот-вот в спину застучит свинцовый град — еще горячее. На секунду меня охватило чувство, похожее на то, что описывал мой любимый писатель Дюма-пэр в сцене казни миледи. Миледи бросилась бежать и споткнулась, она могла бы подскочить и мчаться дальше, но решила, что это знак свыше, и ее мышцы превратились в неуправляемый кисель. А мне показалось, если я очутился в старом сне, значит, и свинец окажется ненастоящим.

Кое-как я добрался до забора и перевалился в соседний двор. На всю деревянную округу прогремели два выстрела, позади мелькнула большая тень, похожая на тень вымершего динозавра. Я дал ответную очередь. Тень резво нырнула за угол. Не мешкая, я возобновил медленное продвижение к машине и, наконец, выбрался на вытоптаный участок двора.

На крыльце этого, второго, дома стоял мужчина в огромных трусах, майке, растоптанных валенках и занимался... э-э-э... энурезом. Раздавшаяся почти под ухом стрельба отрезвила аборигена и заставила насторожиться. Увидев меня, мужик засуетился и побежал прятаться за дверь, мочевого пузырь тем временем испугаться не успел и продолжал функционировать в автономном режиме.

Прежние подозрения в отношении Терехина ожили и вновь приобрели окраску, свойственную русской реалистической школе живописи, можно сказать, репинскую окраску. Однако в равной степени имиджмейкер мог управлять бандой и стать заложником ее действий. Иными словами, его могли взять в плен и заставили позвонить старому другу.

Что кривить душой, если бы мне в рот сунули ствол, я бы и сам позвонил Александру Николаевичу и, как миленький, назначил встречу, где велели. Хотя, если в рот, говорить трудно. Второй вариант событий, в свою очередь, делится еще на два без остатка: после звонка Терехина убили или, связав по рукам и ногам, оставили до лучших времен. И снова последний вариант имеет два исхода: или таскают с собой, например, в багажнике или бросили. Например, в его же квартире.

Вроде логично: засаду удобнее всего устраивать в квартире, тем более и опыт имеется, или возле квартиры. Или в офисе? Так или иначе, сейчас я направлялся к дому Терехина, стараясь перехитрить очередной светофор.

На случай, если несчастный имиджмейкер, связанный, с приклеенными к скотчу губами, замерзает в не-топленном доме с разобранной крышей, я позвонил в милицию и наябедничал загробным голосом анонима: «А на Сургутской стреляют из автоматов».

Местные жители — хорошие люди, пьют водку и слушают магнитофон, но вряд ли кому-нибудь придет в голову обращаться в ментовку из-за двух-трех паршивых выстрелов, не того сорта публики, чтобы лишний раз обращаться, да и до ближайшего телефона по морозу бежать через две улицы...

В подъезде Терехина у дверей его квартиры трясла ключами неизвестная девушка, в просторном желтом пальто напоминающая сноп соломы, а может, сена, в общем, сноп чего-то сельскохозяйственного, не сказать, чтобы ликом безобразная, но далеко не из тех, вслед кому хочется обернуться, чтобы посмотреть, не обернулась ли она.

Как ни в чем не бывало я остановился рядом.

Сноп окинул меня растерянным взглядом.

— Открывайте, открывайте, — подбодрил я.

— А вы кто?

— Я лучший друг Александра Николаевича Сергей Иванович Бобров. Может, слышали?

— Слышала, Саша про вас говорил.

— А вы кто?

— Знакомая Кристина, может, слышали?

— Само собой, он только о вас и говорит, можно сказать, бредит, — соврал я из вежливости.

Девушка, кажется, не особенно поверила.

Я кивнул на дверь.

— Нету дома?

— Вообще-то должен быть. Может, вышел ненадолго...

— Давайте ключи. Я помогу.

— Я сама... Всего на один замок закрыто... Наверное, вышел куда-нибудь ненадолго. Может, в магазин?..

...Первое, что бросилось в глаза в квартире, — это разбитый вдребезги монитор и

растоптанная чьим-то безжалостным каблуком клавиатура. Второй компьютер за неделю. Плохими машинами Терехин не пользуется не потому, что такой увлеченный компьютерщик, а потому, что сноб. Во сколько же я ему обхожусь?

Терехин лежал на полу, примотанный скотчем к венскому стулу спиной к входной двери и всем своим неподвижным видом вызывал нехорошие предчувствия...

— Саша, — жалобно позвала Кристина.

Стул зашевелился. Значит, живой. Не стул, конечно.

Пострадал он гораздо меньше, чем я ожидал. По крайней мере, утюгом его не нагревали и в унитазе с головой не топили. В общем, недолго уговаривали заманить лучшего друга в ловушку. По физиономии, впрочем, прошлись — один глаз заплыл и почти закрылся. Левая сторона нижней губы распухла, почернела и закровила, когда я отдираю от нее широкую полосу скотча.

Несколько минут Терехин только охал и грязно ругался, пытаясь вернуть кровообращение в скрюченных конечностях.

— Роклятье! От роклятье! — без конца повторял он страшное слово, морщась от боли и пытаясь разогнуть руки и ноги.

Получается, что имиджмейкер несколько часов провел без движения. Я один раз тоже за полчаса ногу так отсидел, что потом не мог наступить.

Наконец, двигательная активность вернулась к Александру Николаевичу, хотя и не в полной мере, и тогда первым делом он заковылял к зеркалу. Кого-то он мне напоминал со спины. Кристина кривилась от сочувствия и все порывалась подставить плечо калеке, но не решалась — чувствуется, Саша ее воспитал держаться слегка на расстоянии. Вспомнил! Точно так же передвигался пораженный радикулитом премьер правительства Примаков на встрече с Камдессю. Их в новостях по телевизору показывали.

Охи перешли в горестные стоны, когда Терехин наткнулся на свое отражение в зеркале.

— У Вилли! — возопил он.

С ума, что ли, сошел от неподвижности? У какого, к черту, Вилли? Кристина тоже замерла от неожиданности.

— Как же теерь с таким лисоу!?! — недоумевал Терехин, разглядывая себя со всех сторон. — Уне же раотать надо.

Понял, не «у вилли», а «убили». Ему же больно двигать ртом, поэтому губные звуки исчезли. Может, и зубы не все целы.

— Ты разве лицом работаешь? — попытался я его приободрить. — Ты же головой работаешь! А голова — это гораздо больше, чем лицо.

Терехин не счел нужным отвечать, только бросил такой взгляд — как камень, которым будущий еврейский царь пришел Голиафа. А может, мне так показалось. Что там разберешь — лицо в сплошных гематомах. Просто у меня чувство вины сильно развито. Спору нет, Терехин меня сдал, но ведь сначала я втянул его в чудовищные разборки. А еще кажется, у Достоевского есть такой диалог: — За что ты его так ненавидишь? Разве он сделал тебе что-то плохое? — Он-то не сделал. Зато я сделал. Поэтому и ненавижу.

Так или иначе, я счел за лучшее заткнуться и молчал все время, пока они с Кристиной в ванной комнате занимались оказанием первой помощи — промывали глаз перекисью и красили губы зеленкой.

После реставрации Терехин приободрился, и с артикуляцией как будто наладилось. Пряча от меня глаза, он вернулся к зеркалу и объяснил:

— Завтра в Москву лететь. В Думе с людьми встречаться, а с таким лицом в самолет не пустят, не то что в Думу.

— Не преувеличивай. Они там, депутаты, тоже друг друга по мордам хлещут на всю страну и за волосы таскают.

— Ну, не до такой же степени. И потом для них это часть спектакля. Отрежиссировано. Работает на популярность... Слушай, ты меня, того, извини... Я ведь не хотел... Сам знаешь, как это бывает. Рукояткой по глазу и ствол в лоб... Я пытался тебе намекнуть... Интонациями...

— Ага... Интонациями... Как все произошло?

— Возле подъезда. Только припарковался, рядом джипер остановился. То ли они меня вели, то ли возле дома дожидались. Вышли трое или четверо. Вроде, их четверо было, но четвертого не могу вспомнить. Я и сообразить ничего не успел. Пистолет в бок, так и привел их к себе. Главное, полный двор народу. Дворник рядом копался. И не крикнуть, и не дернуться... Я раньше думал, они хоть какие-то меры предосторожности предпринимают. Ночью там или рано утром. А им все по барабану. А что такого — пустили пулю в бок, сели и уехали, дворник, что ли, за ними погонится с лопатой?

— Кто они-то?

— Кто-кто?.. Вы... Бандиты... Два замка сменил — что толку? Что еще рассказывать?.. Сразу про тебя спросили. Где тебя искать. Я сказал, что не знаю... Потом пришлось звонить... Все, собственно.

История, рассказанная имиджмейкером, поразила меня в солнечное сплетенье. Все должно было быть совсем не так.

— Точно подошли на улице? — переспросил я.

— Почему бы нет?

— То есть морды не прятали? Без масок были?

— Я ж говорю, все так по-семейному произошло. Подъехали друзья на двух машинах. Зашли в подъезд. Во дворе вообще никто ничего не понял, не заметил...

— И можешь их узнать?

— Двоих-то точно.

— Как выглядели?

— Обыкновенно. Один небольшой. Голос у него такой несильный.

— Как это?

— Высоковатый.

— Колоратурное сопрано?

— Нет, конечно. Разве что в том смысле, что калорий ему в детстве не хватило. А другой — высокий. В смысле роста. Модный такой. С тонкими чертами. Не бритый — трехдневная щетина. Описать сложно, а увижу — узнаю.

— А не было такого — здоровый, похож на тиранозавра, с повязкой на носу?

— С повязкой, вроде, не было. У этого, колоратурного, лицо в ссадинах. А с повязкой не заметил.

— Который в ссадинах — не блондин?

— Может, и блондин. Они в шапках были. Их же не учили в детстве, что в помещении шапки надо снимать.

Все неправильно! С самого начала я предположил, что бригада ударников киллерского труда охотится в моем лице за случайным свидетелем преступления, А они не особо и

маскируются. Засветились перед Терехиным. Если, конечно, имиджмейкер не ломает комедию, наподобие нардепов, у которых все отрежиссировано. Выплеснул перед телекамерой стакан воды на кудрявого оппонента, и рейтинг потолстел на сто очков.

— Извини, а с тобой-то как все обошлось? — спросил Терехин.

«Чуть позже тебе все доложат в подробностях», — хотел я огрызнуться, но вместо этого почти вежливо вкратце пересказал, как мне удалось уйти живым с улицы Сургутской.

Все это время девушка Кристина, без пальто переставшая напоминать сноп знаков, слушала наши пересказы, молча переводя взгляд с одного на другого. Сашины реплики отзывались в ее глазах болью, а моя непонятная персона вызывала откровенную неприязнь, особенно после того, как Терехин походя причислил меня к партии криминальных элементов.

— Слушай, — сказал я. — Тебе не кажется, что здесь опасно оставаться? Вернуться же могут.

Вопрос был задан с целью проверки, правда, довольно нелепой.

— Кажется, — с готовностью согласился имиджмейкер. — А что делать? Сегодня-то я найду, где переночевать. Допустим, завтра все же улечу. Ну, пять дней, ну, неделя... А мне работать надо. Я не могу, как ты, жить на нелегальном положении.

— Ого! — возмутился я. — А мне, значит, ужасно приятно прятаться!.. Ладно, не будем спорить, кому приятней... Ты обещал подумать и назвать человека, который приделал уши к телефону...

— Обещал, — неохотно согласился Терехин. — Подумать-то я подумал, а вот назвать... Если бы я сам точно знал... Ну, может быть... Слышат про такого — Яблокова?

— Это, если я правильно понял, кто-то из начальства, чуть ли не заместитель губернатора?

— Верно. И весьма приближенный.

Никогда особо не интересовался, но думаю, что у губернатора много заместителей. Но ни одного никогда не знал ни по имени, ни по фамилии — страшно далеки они от народа... Кроме Яблокова...

Я пощелкал пальцами:

— Как его?..

— Василий Андреевич.

Правильно. Можно сказать, что Василия Андреевича я знаю за то, что он близок к народу. Примерно год назад по телевизору показывали интервью. Почесывая наманиюоренным ногтем длинный пористый нос, Василий Андреевич с удовольствием рассказывал, что в районе Лънихи у него недостроенная (вот этими самыми руками) дача, а жена ужасно любит копаться в земле — выращивает морковку. «Это, говорит, не только для душевного равновесия полезно, но и для семейного бюджета». Точно не помню, как он тогда выразился, но смысл заложил именно такой: морковка, выращенная на собственной грядке, помогает ему выживать в условиях развалившейся экономики, короче, чуть ли не от голода спасает, чем сильно приближает его к простому трудовому народу... А глаза светились неподдельной гордостью...

Пассаж про корнеплоды выглядел чертовски забавно, но не могу сказать, что я лопнул от смеха. За три недели до этого пришлось схоронить одного своего знакомого, мелкого жулика по фамилии Кашталобов, впрочем, человека довольно приятного в общении. А еще недели за три он рассказывал историю неких продовольственных закупок для детских домов

Новосибирской области, в которых ему не дали принять участие.

По поручению областной администрации торговые операции на территории дружественного Казахстана осуществляла фирма «Евдокия и К⁰». Они там закупили море алычового компота и целый Эверест сгнивших сухофруктов, сэкономив для себя лично порядка пятисот тысяч всенародных долларов. По этому поводу будто бы даже слабенько возмутилась наша прокуратура — слегка дернулась и успокоилась. В конце концов, стоит ли раздувать скандал из-за пятисот тысяч? Тем более, что в Казахстане теперь все говорят исключительно по-казахски, и концов не найдешь, да и бумаги в порядке. Правда, килограмм сухофруктов получился едва ли не дороже килограмма красной икры, а следствием употребления компота являлся неременный понос, но это уже детали.

Пытаясь получить выгодный подряд на закупку витаминов для сирот, мой приятный мелкий жулик участвовал в конкурсе, но мог ли он опередить «Евдокию»? Нет, не мог, потому что «Евдокией» на тот момент руководил некий Зиновий, известный новосибирский авторитет и по совместительству... племянник Яблокова.

Коммерческий успех конкурента развил в моем знакомом жулике нехорошее чувство зависти. «Нет, ты, конечно, укради, — возмущался он. — Но это же дети, нельзя же так беззастенчиво!» Уж не знаю, какая сумма навару соответствовала уровню совести Кашгалобова. И теперь не узнаю никогда. Может, при удачном раскладе он сэкономил бы еще больше...

Убили его, впрочем, не за то, что он распространял гадкие слухи про важного государственного чиновника, а совсем из-за другого косяка — стукнули железной трубой по голове в собственном подъезде.

Никогда не относил себя к друзьям детей. Врать не буду, рассказ об украденных витаминах не вызвал во мне особых эмоций ни сразу, ни после. И операция сама по себе стандартная, и приз на фоне прочих достижений на ниве народного хозяйства не особенно впечатляет. И про Яблокова с его племянником я давно знал.

Если мы живем в стране воров, значит, это кому-нибудь нужно. Но если ты вор, то хотя бы молчи и не лезь в телевизор со своей морковкой, не строй из себя героя сельскохозяйственного труда. И самое главное, не проявляй заботу о трудящихся. Слава богу, он в том интервью про детей ничего не сказал, как он о них заботится. Не потому не сказал, что ощутил приступ совести, а потому, что разговор не зашел. А с совестью они отлично ладят.

— И какой у Яблокова интерес тебя слушать?

— Чтобы все знать... Видишь ли, это же довольно дорогостоящее мероприятие — слушать. А ему средства вполне позволяют. Он же здесь не один год собирается воровать, а для этого за конъюнктурой нужно следить.

— Не особенно убедительный мотив. Что ему конкретно от тебя нужно? Да ты не темни. Может статься, нас с тобой в один гроб спрячут, будем лежать, как близнецы-братья, только тогда уже поздно будет делиться секретами.

— Да мало ли что конкретно, — неохотно протянул Терехин, косясь на Кристину и даже слегка розовея бледными щеками. — Ну, например, чьи у меня деньги? Лебедевские или от алюминиевой мафии?

— Лебедевские — это, в смысле, Лебедь из Красноярска?

— Ага.

— И большие деньги?

— Да ну, какие там деньги? Это же я так, для примера...

Я вспомнил куриные котлеты с шампанским на сто персон и счел за лучшее сменить тему.

— А к графитовому заводу Яблоков какое имеет отношение?

— Тоже проблема... Скажем так, отношение имеет, и, возможное дело, долю. Но теоретически ему незачем убивать директора. Теоретически это его директор. Я правда деталей не знаю. Сам знаешь, бизнес — штука запутанная. Может, и есть у него интерес...

Я побарабанил пальцами по подоконнику.

— А этот ваш, Коржов, мог тебя слушать?

— Вряд ли. С бабками проблема. Но в то же время к убийству может иметь отношение.

— Кого еще включаем в круг подозреваемых?

— Того же Треухина.

— Про него я помню.

— Еще ФСБ. У этих средств на все хватит, но мотивы их никому не ведомы. Если на тс пошло, здесь кто угодно может иметь интерес. Вплоть до «Моссада».

— Ну уж!

— Почему бы нет? А американский след — чем не вариант? У них там, в США, есть своя монополия на производство стержней и, представь себе, есть закон, ограничивающий монополию. По этому закону на американском металлургическом рынке должна быть представлена продукция из других стран. То есть сами американские производители стержней заинтересованы в нашем графите, а иначе с них безумные штрафы снимают. Другой вопрос: по какой цене и в каких количествах? Это я тебе совершенно точно говорю. Странно, но факт.

— Представляю, как через Обскую губу в Обь входит американская подводная лодка и в Новосибирске высаживаются «зеленые береты».

— Или «морские котики», — поддакнул Терехин.

...У Конан-Дойля, кажется, в «Собаке Баскервилей», а может, и в другом месте однажды возникает полное впечатление, что преступление могла совершить только нечистая сила. «Эту версию мы сразу отметаем, — заявляет Шерлок Холмс, — не потому, что нечистой силы не существует, а потому, что бороться с ней не в наших человеческих возможностях». А может, ничего такого он и не говорил, а я сам все придумал. Так или иначе, но версии о «Беретах», «Котиках», «Моссаде» и «ФСБ» я хоть и не отмел окончательно, но все же задвинул в тайники сознания.

Чистоплотный имиджмейкер собрал в один комок и запихал в полиэтиленовый пакет разрезанный на куски скотч. Из шкафчика в прихожей достал картонную упаковку от компьютера и, опустившись на колени, принялся торопливо сгребать в нее мелкие детали разбитой клавиатуры.

— Ты ведь говорил, что у вас все тихо прошло, посемейному, — напомнил я. — Двинули тебе по глазу, и всего делов. А разрушения откуда?

— Это придурок калорийный, уходя, все разворотил. Взял и пнул просто так. Из удалства, что ли... Каратист!

— Странно, — пробормотал я. — Маньяк, что ли? Не может пройти первый уровень «Тетриса» и теперь уничтожает все компьютеры на своем пути?..

...Придав интерьеру более-менее благопристойный вид, Терехин приступил к сборам — из шкафа перекладывал в темно-синюю сумку вещи, заранее аккуратно упакованные в

прозрачные мешочки. От этого занятия его отвлекла телефонная трель.

— Алло, — сказал он.

— Здравствуйте, — сказал я в свою мобильную трубку. — Мне нужен Александр Николаевич Терехин.

Икнув, имиджмейкер воззрился на меня с изумлением, переходящим в укоризну, дескать, нашел время шутить, отвлекая от важных дел. Но я воздел кверху указательный палец, призывая сохранять серьезность и довериться моей причуде.

— Ну, я Терехин. Слушаю, — выдавил Саша, продолжая буровить меня недоверчивым взглядом одного здорового глаза и одного сморщенного до китайских кондиций.

— Красноярские друзья просили передать, что деньги вы получите на этой неделе. Всю сумму, в чемоданчике, мелкими купюрами, как заказывали.

— Э-э-э... — только и мог выдохнуть Терехин.

— А точнее — о месте и времени передачи договоримся завтра. Я перезвоню в промежутке от шести до восьми утра.

Я дал отбой. Положив трубку, Терехин заметил:

— Имей в виду, я принимаю только юани.

— Естественно, разве я похож на человека, который предлагает баксы?

— А если серьезно, что это значит?

— Да ничего не значит. Пошутить, что ли, нельзя?

В разновеликих глазах Терехина я прочитал горячее желание — покрутить пальцем у виска. Но имиджмейкер никогда не позволяет себе оскорбительных жестов. А самое страшное ругательство для него — «Проклятье!»

По своей социальной сути Самаковский — конкретный мелкий буржуй, следовательно, человек, всяко чуждый коммунистической идеологии. Однако удивительным образом на последних президентских выборах в бюллетене он подчеркнул Зюганова, каковой факт не то что не скрывает, а даже им гордится.

Я говорю:

— Серега, разве ты хочешь все свои нажитые непосильным трудом «Сникерсы» и остальной товарно-денежный оборот в одночасье безвозмездно передать пролетариату?

— Почему это? — удивляется он.

— Потому что конфискуют. Потому что нищие тоже хотят есть шоколад. Потому что ты враг.

— Какой же я враг, если голосую за коммунистов?

— Ну, если не враг, тогда, конечно, не конфискуют. Тогда ты сам по доброй воле весь капитал, первоначальный и последующий, должен им с радостью вручить. Как известный ударник капиталистического труда Савва Морозов.

— Геннадий Андреевич этого не допустит... А кто такой Савва Морозов?

— Савва Морозов? Знаменитый человек! Сын боярыни Морозовой и отец Павлика Морозова...

...С одной стороны, Самаковский — мелкий лавочник, с другой — в прошлом полукриминальный элемент, может, поэтому душа его оккупирована коммунизмом? Ведь говорят же, что криминальные элементы — опора коммунистов. Взять хоть известного коротко стриженного налетчика Григория Котовского или, наоборот, волосатого Нестора Махно. Правда, Нестора скоро перевели в другой список. Верные ленинцы всегда недолюбливали патлатых. Из-за этого они и «Битлз» запрещали...

С другой стороны, у нынешних демократов разве другая опора? Во всех учебниках написано — первоначальное накопление капитала. Бей, воруй, а уже потом твои денежки начнут цивилизованную работу.

Вообще-то я уже говорил, что мало интересуюсь политикой. Мне все равно, за кого голосуют мои знакомые. Мне даже все равно, за кого я сам голосую, разве что не за коммунистов. Я и Ельцина в свое время выбрал, лишь бы красные не прошли. Коммунистов я не люблю всего по двум причинам — они заставляли меня стоять в очереди и не разрешали любить «Пинк Флойд». Кому как, а мне и двух причин вполне достаточно...

А о политических пристрастиях Самаковского я заговорил вот почему. Пожалуйста, выбирай хоть Зюганова, хоть Амангельды Тулеева, хоть Нину Андрееву, но Самаковский пошел гораздо дальше обыкновенного электората, где-то раздобыл трехчасовую видеокассету с выступлениями Геннадия Андреевича — и в Думе, и в Луганском геодезическом университете, и на полях Брянского колхоза, доведенного до последней крайности антинародным режимом, и даже на съезде аграрной партии России, посвященном вопросам партийного строительства в условиях предстоящего сева зерновых в средней полосе Нечерноземья. И теперь эта кассета стала для Самаковского хитом сезона, отодвинув на второе место Джеки Чана. В детстве был у меня такой случай, когда в кинотеатре «Пионер» за один день я пять раз посмотрел «Кавказскую пленницу» — чем не рекорд? Но для Самаковского это не предел.

— В чем кайф-то? — поинтересовался я.

— Сам послушай. По телевизору, в новостях, всегда дают отрывки и специально выбирают не самые лучшие. Впечатление совсем другое.

— Да? — сделав усилие, я прислушался.

Зюганов объяснял, что никакие отставки в правительстве не остановят процедуру импичмента.

— Ну как? — поинтересовался Самаковский, спустя пять минут.

В его голосе звучала такая гордость, как будто я свой любимый «Пинк Флойд» всю жизнь гонял на двести девятой «Комете», а он, Самаковский, по широте душевной подарил мне немецкий «Хай-Фай» с полным, собранием компактв.

— Цицерон, — одобрил я.

В этот момент запиликал мой телефон.

— Алло, — сказал противный голос следователя прокуратуры Быкова. — Серега, ты чего это трупами разбрасываешься?

— Какими трупами?

— Трупами старых знакомых.

— Говори толком.

— Сегодня утром в подъезде возле твоей квартиры подняли тело. Некто Раков Виктор Васильевич. Заточкой в сердце...

* * *

С вечера и почти всю ночь шел снег. А к шести часам утра сверху городские кварталы накрыл странный фосфоресцирующий колпак. Вроде, и тучи разбежались, и звезд не видно. Висит над крышами прозрачный туман и полыхает бледным пламенем. А снизу снег излучает розовое сиянье, будто отражая тот вечный свет, от которого наливаются клейким соком райские яблоки и который смертные могут увидеть лишь в тридцать третьем отражении.

Я ходил вокруг терехинского дома, с каждым разом увеличивая радиус круга, и окидывал пронизательным взглядом частного детектива немногочисленные автомобили, припаркованные возле подъездов жилых домов. Изредка навстречу попадались торопливые пешеходы, в большинстве своем почему-то женского пола. Или повара, или водители трамваев, или новая генерация нового времени, уличные торговки — все еще спят, а у них рабочий день в разгаре. А может, это любовницы, выпорхнувшие из чужих постелей, спешат вернуться домой, пока не кончилась ночь, чтобы прийти в себя и приготовиться к событиям нового дня?.. Вряд ли любовницы, уж больно строгий вид. Как у вагоновожатых. Опять же возраст...

Все же необычное утро. Ни с того ни с сего мне пришло в голову, что мы живем в середине елочной игрушки, что наша вселенная расположена в полупрозрачном шаре, за ниточку подвешенном к мохнатой ветке. Снаружи вспыхивает гирлянда, а для нас это — день и ночь. За стеклянными стенками неведомые великаны смеются, поют, говорят тосты и закусывают зимним салатом и пельменями. А нам и невдомек, что вокруг праздник, и мы, как ни странно, — самый главный и красивый его атрибут. Вместо того чтобы радоваться со всеми, не выспавшиеся, мы спешим в трамвайное депо или рыскаем по ночи в поисках

убийц.

...Я шпионских курсов не заканчивал, но некоторые понятия имею, наверное, с молоком матери впитал: «жучки», приклеенные к телефонной паре, передают радиосигнал на расстояние до пятисот метров. Разумеется, я имею в виду стандартные приспособления, которые можно купить на нашей барахолке в электротехнических рядах.

Я рассудил так: если Терехина слушают и если вчера неизвестные приняли мой звонок насчет мешка юаней, то уж сегодня с шести до восьми они и подавно должны наострить уши. И я могу их засечь в радиусе до пятисот метров от того места, куда миниатюрный передатчик вцепился своими медными усиками.

Я, конечно, не знаю, куда посадили хитрое насекомое, но наверняка недалеко от терехинской квартиры в одну из распределительных коробок или в коммутационный шкаф.

В моем рассуждении существовали и другие вольные допущения. Например, если слушает ФСБ, то им «жучки» без надобности, весь город отработан в стационарном режиме. Это раз. Слушатели могут расположиться не в машине, а в квартире. Это два. Впрочем, квартира требует большей организационной суеты — найти подходящую, платить деньги, кроме того, имиджмейкер месяцами не появляется дома, так что держать под него жилплощадь тем более нерентабельно... Так или иначе, я проверял автомобили.

...Никогда мне не стать Шерлоком Холмсом. Часы показывали начало восьмого, заканчивался третий, самый длинный маршрут вокруг терехинской девятиэтажки, а ни одной подозрительной машины не встретилось.

В довершение всего, обследуя местность возле четырех самовольных металлических гаражей, я поскользнулся и упал, ударившись ладонью о глыбу смерзшихся ископаемых. Какие-то пролетарии землеройного труда вырыли яму и ограждение не поставили.

Мой любимый тренер, несколько лет назад бесславно скончавшийся на Тайване (не том Тайване, который в Китае, а который на Обском море), любил повторять, что при правильной организации тренировочного процесса и хорошем душевном самочувствии спортивные травмы исключены, если не считать неизбежных в нашем деле синяков. А тем более любые другие, бытовые травмы. В обобщенном виде мудрый русский народ выразил эту же идею в короткой и слегка нелицеприятной формуле: просто так даже прыщик не вскочит. Шеф конкретизировал: человек просто так даже споткнуться не может или удариться лбом о низкую притолоку в деревенском доме. Если споткнулся, значит, что-то не в порядке с душевным равновесием. Значит, насторожись, загляни внутрь себя и определи, что именно там сломалось.

Мне далеко внутрь заглядывать не надо, чтобы разглядеть свои проблемы, а тут еще Раков... Так я ему и остался должен два желания...

Присел неподалеку от места катастрофы на полузанесенную снегом скамейку... Может, и не слушает Терехина никто? Я бы лично не стал — скучное, утомительное занятие.

Жаль, что подлог с юанями не удался. Главное, не выспался. А еще нужно где-то убить пару часов, пока у нормальных людей не начнется рабочий день. Вчера Котяннич сообщил, что Треухин возвращается сегодня ночью. То есть, надо полагать, уже прилетел... Значит, сегодня же и надо его раскручивать. Сначала Треухина, как более доступный вариант. Потом Яблокова, к которому пока вообще непонятно, как подгрести. На прием, что ли, записаться? Записаться на прием и задать прямой и честный вопрос: зачем ты, гад, убил Краснопольского?

Отсутствующий взгляд скользил по окружающим предметам, всякий раз возвращаясь к

яме, возле которой я упал. В нашей стране по-другому и не бывает. Ямы копают зимой, когда грунт на метр промерзает, а чтобы положить асфальт, обязательно выбирают момент, когда идет дождь. Ментальность такая... Что они тут раскапывали?..

Вообще-то, в коробке обнаружить «жучок» легче легкого, правильнее цеплять его прямо к кабелю. Правда, и возни больше — раскопать и главное отыскать нужную пару, причем методом тыка... Может в этом месте залегать телефонный кабель? Вполне... Достали схему технических коммуникаций, подогнали экскаватор — кто заподозрит в злом умысле бригаду ремонтников?

Определив новый центр окружности, я начал обход и уже в круге первом, можно сказать, нос к носу столкнулся с подозрительным автомобилем. Из выхлопной трубы светлой «Газели», по периметру украшенной веселенькими зелеными занавесочками, выбегала тонкая струйка белого дыма. Передние сиденья пустовали, а заднюю часть салона от них отделяла темная пластиковая перегородка. Свет в машине не горел. А зачем? В наушниках можно и в темноте сидеть.

Прошло минут десять. Из подъездов длинной девятиэтажки сонной чередой тянулись граждане и гражданки, занятые на производстве, но «Газель» никто не хотел признавать своей. Метрах в двадцати дворник, изнуренный алкоголизмом мужичок лет пятидесяти, энергично орудовал скребком в борьбе с осадками.

Водитель мог отлучиться в круглосуточный магазин за кефиром и сигаретами или перебраться в салон для компании. Сколько их там всего? Водитель — раз, связист — два. Боевик с крупнокалиберным пулеметом? Вряд ли. Люди выполняют тонкую латентную работу — зачем им охрана?

С безразличным видом постороннего человека я приблизился к микроавтобусу и попытался резко открыть боковую дверь, однако не тут-то было. Когда я нахожусь в машине, мне не приходит в голову запираяться изнутри, но оказывается, не у всех людей одинаковые привычки... А может, там и нет никого?..

Нет, есть. Машину тряхнуло от рывка, в ответ внутри сдвинулась шторка цвета весенней травы и в окне нарисовалась заросшая черной кудрявой проволокой объемная физиономия с толстыми губами, похожими на синие сардельки. Арап Петра Первого. Чернила, что ли, пил?

В свою очередь, как мог низко, я отвесил собственную губу, придал взгляду младенческую бессмысленность и, качнувшись для полного скотства, то есть сходства с пьяной свиньей, заорал:

— Мужики, закурить не найдется?

Шторка упала, арап исчез.

Я забарабанил кулаком по стеклу, изображая пьяную настойчивость. Если не откроют, придется разбивать — не будешь же устраивать осаду по всем правилам — с временным лагерем, публичным домом... А если там нормальные граждане, никакие не шпионы, если я оторвал арапа от освежающего утреннего секса? Нет, трудно представить, чтобы у таких людей был секс. Разве что грубые, лишённые духовности половые акты на ребристой плоскости задних сидений.

Делая вид, что ничего особенного не происходит, тщедушный дворник отбрасывая снег все дальше от машины.

— Открывай, сволочь! — заорал я. — Видишь, человек курить хочет.

Я добавил еще несколько громких непечатных терминов, всем своим нетипичным

поведением выражая полное нежелание оставить в покое странных обитателей «Газели». Если они те, за кого я их принимаю, шумиха им ни к чему — недовольные скандалом жильцы дома могут вызвать ментовку, начнутся разборки, не отмоешься... С другой стороны, ввязываться в драку с придурками тоже не входит в их служебные полномочия.

Чего не ожидал, того не ожидал — окошечко отодвинулось на сантиметр и в узкую щель мне подали сигарету. Ошеломленный, я принял цилиндрик, и стекло тут же встало на место.

Значит, что? Все-таки придется разбивать? Как честный человек, я должен признать, что в число моих талантов, к сержалению, не входит скорость мышления, но на этот раз я превзошел самого себя. Я еще до конца сам не понял, что происходит, а из горла уже летела очередная порция брани:

— Да ты что, гад, мне дал?! Это же «Парламент»! Ты что, американские сигареты куришь?! Они бомбят наших братьев сербов, а ты куришь их сигареты?! Ну, конец тебе! Выходи, натовский ублюдок, я тебе нос сломаю!

Может быть, кудрявого арапа вывела из себя совокупность оскорблений, но не исключено, что подействовало только последнее... Надо сказать, в Новосибирске чрезвычайно сильны патриотические настроения. На днях горсовет даже принял решение буквально смести с лица города всю рекламу стран-участниц НАТО.

Арап из «Газели» не вынес оскорбления и ринулся наружу, готовый превратить меня в говяжий фарш. Однако его встретил такой молниеносный хук, какого ему, верно, прежде испытывать на себе не приходилось, во всяком случае, он никак не ожидал найти столько прыти в надравшемся с утра придурке.

Арап завалился обратно в машину, и я ринулся, можно сказать, по живому телу. Из полумрака салона, как сова из дупла, на меня испуганно таращился худосочный паренек с внешностью выпускника БГТУ или, точнее, диджея на тамошней дискотеке. На металлическом столике, прихваченные винтами к панели, поблескивали пятисотметровыми катушками два магнитофона со светящимися индикаторами, судя по лэйблу и внешнему неказистому виду, древние-предревные машины «Комета», продукция давно забытого одноименного НПО. Рядом на столике лежала радиогарнитура.

Радиотехническая обстановка в машине не оставляла сомнений в том, что я чертовски умный частный детектив, один из лучших специалистов если не всей страны, то, по крайней мере, Западно-Сибирского региона.

Арап бессознательным образом продолжал загораживать изогнувшимся туловищем дверь, голова валялась внутри, ноги в немецких зимних ботинках с развязанными шнурками торчали наружу. Неужели от удара развязались? Раньше бывали такие случаи. Ладно, небось не успеет пятки отморозить.

— На кого работаете? — начал я без предисловий.

— Э-э... А вы кто?

— Инспектор по делам несовершеннолетних.

Я выхватил ствол и приставил к вспотевшему лбу связиста. Надо признать, юноша сразу сообразил, что имеет дело с безжалостным головорезом:

— На... Есть такое агентство — «Катран».

Я присвистнул. Ну уж и агентство! Года два назад его организовал неудавшийся бандит Гена Скотников. В гангстеры он не прошел из-за своего чрезвычайно легкого, даже веселого нрава. С таким характером лучше всего работать коммивояжером, знаете, ходят такие по улицам — «у нашей фирмы сегодня презентация, и мы хотим вам сделать совершенно

бесплатный подарок, к тому же крайне необходимый в хозяйстве — ручку от примуса, только нужно оплатить расходы по доставке», и еще хорошо работать в сетевом маркетинге. По сценарию Скотников должен клиенту по зубам врезать, а он улыбается, вызывая к своей персоне не страх, а совсем даже напротив — дружеское расположение.

В криминальную среду Гена окунулся из-за своих обширных связей и романтического мироощущения. Ему казалось, что бандиты только и делают, что разъезжают по городу на отполированных до зеркального блеска автомобилях, отдыхают в Дагомысе, ужинают с красавицами из модельного агентства Людмилы Селютиной и нигде не работают. В бизнес его привел одноклассник, лет пять назад обещавший превратиться в крепкого исполнителя. Вместо этого лет пять назад одноклассник превратился в корм для омуля на озере Байкал — ходили такие слухи, что именно там он нашел последний приют.

После смерти протеже Гена быстро растерял остатки уважения к своей персоне со стороны широких слоев законспирированной общественности, практически вывалился из дела и с горя организовал частное охранное предприятие «Катран», состоявшее собственно из одного человека — он же директор, он же бухгалтер, он же рекламный агент, он же оперативник.

Я его за конкурента никогда не держал и делами «Катрана» не интересовался, а человек, оказывается, вон как приподнялся и даже техническим отделом обзавелся. И все же личность Скотникова в моем сознании слабо ассоциировалась с какими бы то ни было серьезными делами, — тем более с убийством директора крупного комбината.

Сопоставляя несопоставимое, я почти рассеянно поинтересовался:

— Давно слушаете?

— Четвертый день.

— Ваша работа? — я кивнул на яму возле гаражей.

— Где?

— Вы копали?

— Нет. Зачем?

— А где «жучок»?

— В квартире.

— Как четвертый день!?! — дошло до меня. — Че ты гонишь?!

— Правду говорю, — не на шутку перепугался связист.

— Так... Четвертый день слушаете кого?

— Этот, как его?.. Бизнесмен один по фамилии Мурин, Борис.

— Где живет?

— На Революции. А здесь у него тоже квартира. Для встреч, — связист кивнул в сторону дома, рядом с которым припарковалась начиненная магнитофонами «Газель».

— Одного Мурина слушаете или еще кого?

— Одного.

Я уже понял, что поторопился с выводами относительно лучшего сыщика Западной Сибири. Но однако же, насколько в Новосибирске развит шпионаж! Ткнул пальцем почти случайно и пожалуйста — слежка. Все за всеми следят, как в романе «1984».

Я печально спрятал пистолет в карман, зато юноша заметно приободрился.

— Кто он, этот Мурин? Что у вас к нему?

— Его жена заказала. Подозревает в неверности.

— Круто. Это ж сколько стоит? — я обвел глазами оборудование. — И все для того,

чтобы залепить пощечину любимому мужу или закатить истерику?

— Недешево, — согласился связист. — Но она больше рассчитывает взять. Не ради пощечины. Она развестись хочет и так, чтобы имущество поровну поделить.

— И как успехи?

— Есть кое-что.

— Дай послушать. Что-нибудь из последнего.

Связист отмотал назад и включил воспроизведение:

— ...А почему? А если хочется? — спросил похотливый мужской голос. — А у нас такие правила, что сюда нельзя, — отозвался слащавый женский. — А за дополнительные филки? — За дополнительные договоримся... Но на сухую все равно не получится... — А если сюда вставить? — Если встанет... Ой! А это что? — Нравится?..

— О чем это они? — переспросил я брезгливо. — Это он с проституткой, что ли? Кажется, насчет анального секса договариваются? Встанет, не встанет...

— Не похоже... Это он евроремонт в квартире делает. А тетка — прораб или бригадир, здоровая такая, типа железнодорожной цистерны. Вряд ли насчет секса... Это они про шпукатурку говорят или про панели.

Я недоверчиво pokrutil головой: как, однако, секс может временами смахивать на евроремонт!

Дальнейшие расспросы потеряли всякий смысл, как и мое пребывание в машине, тем более, что арап принялся тяжело вздыхать и ворочаться.

— Все, пока, — обрадовал я связиста. — Привет Скотникову... Как он поживает?

— Нормально... А от кого привет?

В восемь утра мой милицейский друг Владимир Антуанович Михальцов сиплым голосом по телефону из автомата перечислял основные происшествия прошедших суток:

— ... В пойме Каменки четверо в масках возле гаража напали на гражданина Пунгина, тыща девятьсот шестьдесят второго года, треснули по башке, забрали древесины на двадцать одну тысячу и ключи от квартиры, пошли к нему домой, где в этот момент никого не было, забрали восемнадцать тысяч баксов и драгоценностей еще на сто пятьдесят две тысячи...

— Откуда такая точность? — удивился я. — Неужто они цену всего своего добра помнят?

— Просто люди умеют считать деньги. Поэтому они у них и есть. То есть были... Может, записывают в специальную тетрадку?.. Баба у этого Пунгина, в смысле жена — предпринимательница, а мужик ейный, то есть Пунгин, при ней шофером служит.

— А двадцать тысяч он с собой таскает, наверное, на бензин... Антуаныч, что у тебя с голосом? С похмелья?

— Ангина... Во, дают! На Кирова сбили неустановленную тетку. Водитель как будто не заметил, протацил ее за собой двести пятьдесят метров. После чего на нее наехал другой автомобиль и протацил еще пятьсот семьдесят метров, до «Глобуса». После чего тетенька сделалась более чем мертвой... Подснежник в Кировском районе... Смотри, как забавно! В Бугринской роще прямо на снегу — мужик бабу, значит, того, имел...

— Снежную?

— Не указано... Как романтично! Имел, имел, вдруг видит — рядом из снега башмак торчит. Раскопали — труп. Без головы и рук. По самые плечи отрубили, похоже «синяк». Да еще и со свеженьким пулевым ранением в правую голень... Так... Еще один труп. Октябрьский район. Китайцы готовились к конкурсу ледяных скульптур, из Оби выпиливали лед да и выпилили утопленницу с удавкой из проволоки. Примет нет. Двадцать пять — пятьдесят лет...

Прямо Снегурочка какая-то... Впрочем, факт выпиливания ледяной женщины я отметил неким задним умом, а передний в этот момент был занят пулевым отверстием в правую голень... Вот нога наступает на деревянную ступеньку, и в следующий миг автоматная пуля пробивает синие джинсы...

— Там про джинсы еще что-нибудь есть? — перебил я доклад.

— Про что?

— Про этого, с пулевым.

— Ничего, как на духу. А при чем здесь джинсы?..

Про джинсы через день-два я еще уточню в судмедэкспертизе, но уже и сейчас ясно, что снежные люди в Бугринской роще откопали моего киллера по имени Толян. А может быть, он же — Ширяев. С моим пулевым отверстием. Сколько в Новосибирске приключается пулевых ранений в правую голень в год? Ноль целых три десятых. А дыра свежая. Чьей она может быть, если не моей?

Голова и руки — понятно. Непонятно — сам умер... например, от сепсиса... или свои добили, как немецко-фашистские диверсанты в кино «А зори здесь тихие»? Без головы, без рук, бросили в снег...

— Антуаныч, хочешь подсказку насчет подснежника без головы? — спросил я.

— Вообще-то он не по моему ведомству, но все равно давай.

— Возможно, это один мой знакомый по фамилии Ширяев. Анатолий... Записал?..

Антуаныч, а че ты мне про Ракова ничего не рассказываешь?

— Про какого Ракова?

— Будто бы вчера на пороге моего дома труп подняли...

— Да? Интересно! А я, честно говоря, вчерашние сводки еще не успел посмотреть. Я ж два дня болел, из дома не выходил...

* * *

При входе в контору «Геннадий Степанович» навстречу подался бдительный охранник, элегантный, как известный новосибирский шоумен Виктор Буланкин. Ему только бабочки не хватало, я имею в виду охранника, и можно напрямик дуть на заключительный вечер кинофестиваля в Кайнах. Раньше я его здесь не встречал.

По селектору «Буланкин» связался с Вороновым и, предложив пройти в комнату семь, проводил мою расслабленную походку бывшего боксера длинным пронизательным взглядом.

Большой ложкой Котяныч жадно поглощал салаты из прозрачных ванночек. На столе, прямо на деловых бумагах перед ним лежало пять или шесть пустых посуды и столько же или даже больше неначатых.

— Хочешь? — гостеприимно, впрочем не без тени сомнения, переходящей в сожаление, предложил он, с трудом ворочая языком в набитом рту.

Зверский аппетит Котяныча внезапно пробудил во мне ответное чувство. К тому же я вспомнил, что с утра действительно не ел, а встал рано.

Оказалось, что салат во всех упаковках один и тот же — огурцы и горошек, перемешанные с миллиграммовыми дробинками крабовых палочек.

Мне досталась неудобная пластмассовая вилочка, которая за один раз больше одной горошины зацепить не могла, и я с завистью поглядывал на горы салата, которые Котяныч отправлял в рот ложкой. Огурцы с горошком — не бог весть какая еда, когда желудок пустой...

— Огурцы любишь? — поинтересовался я.

— Есть люблю, а так не очень... Шучу. Просто в магазине других салатов не было, а мясо я не ем, ты же знаешь... Проголодался... В пять утра шефа встречал, потом замотался...

Про мясо я слышал первый раз в жизни. Может, он и говорил раньше, но мне абсолютно поровну, кто что ест или не ест.

Котяныч успел убрать еще пять упаковок,» пока я при помощи несовершенной вилки справился с двумя.

— У вас сегодня свадьба? — спросил я.

— Почему?

— Охранник — такой пижон. Как свидетель на свадьбе.

— Скорее, как свидетель на похоронах. Похороны у нас. Слыхал?

— Не-а.

Воронов неторопливо составил прозрачные ванночки одна в другую, стряхнул с деловых бумаг крошки, после чего неохотно соблаговолит объяснить:

— Вчера вечером жена шефа погибла. Сбили машиной.

— В смысле, жена Треухина?! — не поверил я.

— Ну да, у меня пока другого шефа нет... На Кирова... Переходила дорогу в неполюженном месте...

— Это ее, что ли, по дороге протащили чуть не километр?

— А ты откуда знаешь?

— Весь город только об этом и говорит.

— Да ну? Городу больше не о чем поговорить? Вон Ульяна Лопаткина завтра приезжает...

— Кто это?

— Нда... — Котяннч увел в сторону смущенный взгляд потомственного интеллигента, повстречавшего на дороге зачуханного пэтэушника. — Я думал, про нее все знают... Балерина. Лучшая в мире. Рост сто восемьдесят, а, как приподнимется на цыпочки, так и все два... Серьезно: откуда про жену информация?

Котяннч — человек умный, спору нет. Искусством интересуется. Но в нем самом росту содержится всего метр семьдесят. Конечно, он генетически обязан тянуться к барышням, в которых от ста восьмидесяти до двух... Поэтому и знает про балерин.

— Сводку читал. Но там она как неопознанная, — объяснил я насчет наезда.

— Опустили сегодня ночью... Вот, значит, оно как...

Костя философски вздохнул, намекая на иллюзорность человеческого бытия: сегодня ты жена преуспевающего коммерсанта, а завтра тебя сбивает автомобиль, как простую работницу Октябрьской птицефабрики...

— Слышал, что однажды случилось с женой одного крутого областного начальника по фамилии Яблоков? — неожиданно спросил он.

...Если бы я умел вздрагивать, то при этом случайном упоминании знаменитого заместителя губернатора я бы почти вздрогнул...

— ...Не знаешь? Ну неважно... Она... Вот представь... Дама лет сорока, ужасно фешенебельная, у нее домашний бюстгальтер, я думаю, из соболей... И трусы из соболей. Подбитые соболями...

...Котяннч мечтательно воздел глаза кверху. Вправду он, что ли, считает, что трусы, подбитые сободем, выглядят сексуальней прочего белья?..

— ...Хотя из соболей щекотно, наверное... Но не в щекотке дело... Представь светскую львицу — театральные премьеры, рауты, «Ягуар» с собственным водителем... И тут вдруг какая-то фигня — то ли водитель поносом заболел, то ли в самом «Ягуаре» шина сломалась, а она куда-то опаздывает с утра... В общем, эта Ольга Михайловна, как обыкновенная тетя Маша, садится в обыкновенный троллейбус со спешащим на смену пролетариатом и хочет проехать три остановки. Давка. Она, естественно, последняя... И на повороте выпадывает из дверей в грязный сугроб. Она даже понять не могла, что произошло, лежит в своей длинной шубе, болтает ногами в колготках и подняться не может... Троллейбус тормозит, из задних дверей высовывается мужчина и раздраженно говорит: «Женщина! Ну, вы едете дальше или нет?» Типа: вас ждать или что?.. Прикинь ее эмоции...

Наверное, я должен был расхохотаться или прикинуть эмоции жены областного начальника, но мне не хотелось ни смеяться, ни прикидывать. Я так и сказал по чистой совести:

— Ну и что?

Костя тут же тоже сделался серьезным:

— А то, что я чуть не поседел за вчера и сегодня. Когда узнал про жену Треухина. Это же я шефу звонил, сообщал... Потом встречал в порту...

— Машину с водителем, конечно, так и не нашли? — спросил я.

— Ночь, улица... Кому охота останавливаться и звонить в ментовку: «Знаете, я только что случайно сбил кого-то, не могли бы вы подъехать, чтобы срочно определить меня на нары?»

— Мужик сильно убивается? — осторожно поинтересовался я.

Вот еще одна проблема. С Треухиным нужно составлять серьезный разговор, а у Него — беда, жена погибла. Не могу же я к нему подойти и над гробом сказать: мне твои проблемы пофиг, давай мои решать. Или могу?

— А ты бы как, если бы по любимой жене — автомобилем? — кривенько усмехнулся начальник охраны, ценитель балета.

— Не знаю, у меня никогда любимой жены не было.

Котяныч окинул меня недоверчивым взглядом. В принципе вся околкриминальная среда Новосибирска так или иначе в курсе моих давних проблем с бывшей женой — как она в центре Америки изменяла мне с негром. Собственно, в свое время я из этой истории не стремился сделать тайну. В жизни каждого почти неизбежно встречается свой неф — это почти норма. Чего мне норму скрывать?..

Чтоб мне немедленно подавиться стружками крабовой палочки — не знаю, как бы я переживал, если бы она не с негром, а с автомобилем... Кажется, у меня с переживаниями вообще не очень... Как у кусочков льда в стакане, которые переживают только на одну тему: лишь бы сверху на них полилась пепси-кола.

— Мне с ним нужно поговорить, — сказал я. — Кое-что уточнить, и вообще... Он, поди, дома сейчас? Или хлопочет насчет похорон?

— Зачем ему хлопотать? Есть кому хлопотать... Здесь он. Работает.

— Чего? Здесь в конторе работает?

— Вот именно. Убивается, но работает.

В первый момент я почти не поверил. Жена остывает в гробу до температуры окружающей среды... Уж я не знаю... Или ты в этот момент думай о вечности, или заказывай венки, или в крайнем случае напейся...

— Seriously? — уточнил я.

— Он бы и не стал, но еще за неделю условились о встрече. Знаешь, с одним кузбасским олигархом. Олигарх специально все бросил и прилетел на час в Новосибирск на своем самолете, не мог же Треухин ему сказать: «Извини, у меня на сегодня другие планы, мол, у жены проблемы, и все такое»... Собрал волю в кулак...

— Зачем ему олигарх? — спросил я, чтобы разговор поддержать.

— Как зачем? — чуть ли не обиделся Котяныч за то, что я недооцениваю его шефа. — Тонна угля в Кузбассе стоит сто двадцать рублей, а в нашей области ее покупают за двести пятьдесят. Должен же кто-то украсть разницу! А ты говоришь, похороны...

Уголь — это именно то, что в жизни меня занимает меньше всего. Зато занимают странные ДТП.

Случай толкнул Настину мать под колеса или чей-то злой умысел? Выглядит все чертовски неслучайно. Если предположить, что команда киллеров пытается ликвидировать свидетелей убийства, теракт на дороге представляется оправданным ходом. Дочка приезжает

на похороны, тут-то они ее и достают. Но ведь вот что странно. Настя может опознать только одного и как раз того самого, кому я прострелил ногу и кого без головы и рук закопали в Бутринской роще. Иными словами теперь она не может опознать никого и тем самым из важного свидетеля превращается в обыкновенного гражданина. Вторая странность заключается в том, что бригада чуть не в полном составе засветилась перед Терехиным, однако Терехин их как свидетель не пугает, а я продолжаю интересоваться... А может быть, замысел направлен против меня? Тогда цепочка удлинится: мать — Настя — я... Однако с чего они взяли, что я явлюсь на похороны жены Терехина? Свободно могу не являться, хоть там Настя, хоть кто... Но ведь явлюсь. Если придет Настя, то я явлюсь...

— Значит, свидетелей вчера вечером на дороге не было? — пробормотал я.

— Может, и были, но милиции об их существовании ничего неизвестно. Вообще-то дали в «Вечерку» объявление, насчет, если кто видел, чтоб позвонили... У тебя по этому поводу какие-нибудь мысли есть? Тот же след? Та же бригада, которая Краснопольского?..

Я пожал плечами, и в свою очередь спросил, что думает об этом сам Воронов.

— Все может быть, — признал Котяныч. — Я бы не стал исключать такую вероятность — что через матушку хотят выйти на дочку.

— Когда похороны?

— Завтра в два.

— Настю вызвали?

Котяныч кивнул.

— Откуда?

— Понятия не имею. Шеф ее сам прятал... Наверное, в Москве... Прбсто я высказал свою точку зрения — что это может быть опасно, а он сказал, что уж один-то день он своей дочери безопасность может обеспечить. Может, он и не хотел, чтобы она приезжала, но ведь мать все-таки...

— Сегодня приезжает?

— Не знаю.

— Разве не ты встречаешь?

— Если шеф ничего не сказал, значит не я. Перестраховывается. Как бы хуже не вышло...

...Дверь резко распахнулась и в проеме образовался Треухин — вполне ухоженный, непомятый, серьезный, но без следов особой скорби на лице. А чего я ожидал — встретить страдающую развалину? Один мой знакомый по фамилии Пермин любит повторять: «Вот все говорят: жена, жена... если задерживаешься на работе, нужно обязательно позвонить жене, деньги отдаешь жене... А что жена? Чужая тетка».

Может быть, Треухин и хотел зайти, но, увидев меня, передумал. Коротко кивнув мне, обратился к Котянычу:

— Я сейчас в судмедэкспертизу. Сегодня меня не будет.

...И собирался уже исчезнуть...

— Геннадий Степанович, — сделал я попытку его затормозить. — Поговорить надо.

— Но ведь особых новостей, судя по информации Константина Альбертовича, нет...

Если я еще не говорил, Альбертович и Котяныч — это одно и то же... Вообще-то за три дня, пока Треухин занимался своими делами в неизвестном направлении, меня могли, как минимум, дважды прописать на кладбище. Но для крупного угольного спекулянта это, разумеется, не новость. В конце концов каждый день из Новосибирска на тот свет разными

способами выбывают порядка пятидесяти человек, и никого это особо не удивляет.

— И все же... Есть вопросы, которые нужно решить... — настаивал я.

— Позже... э-э-э... Позже. Ну, понимаешь, сегодня такой день... Вопросы сегодня и завтра пусть решает Константин Альбертович. Санкцию я даю.

Наверняка я бы нашел аргументы, чтобы задержать Треухина и провентилировать некоторые свои сомнения, но в тот же миг я резко сдулся, как стратостат Ильи Усыскина (был до войны такой знаменитый стратостат «ОСОАВИАХИМ-1» и такой знаменитый Усыскин, Илья Данилович).

Треухин захлопнул дверь, а я некоторое время соображал по поводу странного ступора, в который впал.

А эта странная фраза — «...сегодня такой день...» Непреднамеренно вырвалась, или смерть жены по значимости для него не перевешивает неких критических дней, приключившихся у одной молоденькой москвички? Именно так изъясняется девушка из рекламного ролика про прокладки. В сегодняшней ситуации знаменитый слоган прозвучал настолько нелепо, что на несколько мгновений пережег предохранитель в моем мозгу. А я еще полагал, что я циничный.

— Какие вопросы? — вывел меня из задумчивости Котяныч.

— Вопрос первый: мне снова нужна машина...

Пять старух в черном слетелись к подъезду на сладкий запах смерти.

Наши старухи почему-то всегда в черном, даже если наденут пальто зеленой травы или красной вишни. Сверху еще как будто накидывают специальный саван... А в Америке старух вообще нет. Чтоб мне подавиться! Они там взрослеют, взрослеют, а потом вдруг в одночасье превращаются в детей — порхают светлые одуванчики с широко открытыми глазами из автобуса в отель и обратно. Сначала такая метаморфоза меня удивляла, а потом стала раздражать. Все равно дети получались ненастоящими — карлика с ребенком нелегко опутать даже со спины. И руки в коричневых пятнах.

Что-то им мешает, тамошним старухам, нормально завершить цикл; щелк, и вместо того, чтобы с достоинством готовиться к заключительному акту драмы, они будто начинают жить заново. А заново еще ни у кого не получалось. Кстати, многие наши к этому даже совсем не стремятся. Такой странный сегмент отечественной ментальности запечатлел еще любимый писатель счастливой советской детворы Аркадий Гайдар в программной вещи «Горячий камень». Старик там категорически отказывался прожить жизнь заново. Возможное дело, просто перепугался: жизнь на шестой части света — она ведь, как ни старайся, всегда открытая рана. Даже для Березовского, у которого денег больше, чем у Билла Гейтса, даже для чемпионки красоты Анны Самохиной, даже для Никиты Михалкова, у которого, казалось бы, все есть, ан нет — еще одного «Оскара» нет... Мучиться осталось год да маленько, а тут предлагают заново начать. Нет уж, дудки!..

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Вот только насчет Жириновского у меня сомнения. Ему, по-моему, всегда хорошо. Только вчера на выборах в Белгороде пролетел, как фанера, а сегодня утром по телевизору показывали — опять счастлив и всем доволен...

А белгородцы, по-моему, редкостные дураки. Какая по большому счету разница: свой Сидоров или чужой Вольфович? Но! Жириновский же ясно сказал: «Вот придет на выборы Лебедь. Ему скажут: а что ты в своем Красноярске для народа сделал? Руцкого спросят про Курск, Тулеева про Кузбасс. А им ответить нечего. А я за год в Белгороде коммунизм построю. Не в смысле политэкономии, а в смысле, что всем будет хорошо». Он бы за год туда столько бабок ввалил, что каждому еще лет на пять хватило, городок-то со спичечную коробку. Хотя бы год по-человечески пожили...

...Через тонированные стекла «Ауди», которую для служебного пользования щедро выделил Котьяныч, я оглядывал диспозицию. Напротив Настиного подъезда убегала в небо красно-белая двенадцатиэтажная крепость, в каждом из ста тридцати двух окон которой легко мог устроить засаду снайпер. Может, никто никого не собирается убивать, может, я преувеличиваю их возможности, все-таки снайпер и налетчик — это две не самые смежные специальности, и все равно не стоило подвергать Настю риску. Хотя бы и мать умерла...

Я подъехал к двенадцати, к часу никакого оживления возле подъезда не происходило, кроме размеренной, неторопливой смены черного караула. И знакомые лица, накрытые печатью настоящей или фальшивой скорби, не мелькали. Нарастающее недоумение развеял звонок Котьяныча.

— На похороны собираешься? — спросил он.

— Собираюсь. Уже собрался. Только, кроме меня, здесь нет никого.

— Ты на Шевченковском?

— Да.

— Все будет по адресу Депутатская, два. Знаешь новый дом возле десятой школы? У Треухина здесь еще одна квартира.

— Найду. Раньше не мог предупредить?

— Шеф немножко шифруется. Все в последний момент узнали... Серега, тебе, в общем-то, не обязательно приезжать. Насчет девочки не беспокойся — здесь все наши и половина городской милиции. Зато тебя никто охранять не будет...

...Насчет милиции Воронов не соврал. Гибддэшные патрули дежурили на каждом перекрестке улицы Ленина, как это было полгода назад, когда на персональном самолете прилетал Филипп Киркоров. Как сейчас помню, была жара, кондиционер не работал, мы собирались с подружкой на пляж, я опаздывал, а гибддэшники (ну как их еще после этого называть?) заворачивали транспорт в узкие боковые улицы, по которым нельзя было проехать из-за заборов. Зато перед кучкой болванов Филипп без помех вывел: «Здравствуй, я твоя мышка, яркая вспышка»... Мне этот Филипп всегда был по барабану, но после того случая я как-то его особенно не того...

Вокруг дома два по улице Депутатской шныряли патрули в форме и подозрительные типы в гражданском. Подозрительные в том смысле, что всех входящих и исходящих подозрительно обзревали. Я даже удивился, почему меня никто не останавливает и не дактилоскопирует.

Подъезды к дому загораживали не меньше пары десятков иномарок, но я решительно проложил себе дорогу во двор, где с трудом нашел свободное местечко, ткнувшись задним бампером в сугроб. Двор напоминал автостоянку. Почтить память жены бизнесмена съехались человек пятьдесят солидных мужиков с женами.

Возле подъезда умелые руки сотрудников похоронной службы соорудили целый ритуальный комплекс — подиум, огороженный красным бархатным канатом и частоколом бронзовых электрических светильников. Хрустальные свечи слабо теплились в свете ясного дня. На гроб бережливый Треухин тоже не поскупился, похоже, решил, что на смерти экономить неприлично.

Об этих, что ли, гробах недавно писали в «Вечерке» — что парочку доставили из Греции на пробу? Не успели цену назначить, как тут же и клиенты отыскались. Между прочим однокомнатная квартира в центре Новосибирска дешевле обойдется. Один чуть ли не на второй день в Кемерово увезли. Второй вот Треухин успел отхватить. Гробы, конечно, изрядные, чуть ли не с паровым отоплением, телевизором, телефоном и холодильником с набором продуктов на первое время. И ничего смешного. Предки уж, наверное, понимали про смерть не хуже нас. А они туда и лошадь, и жену...

Перед гробом принимали соболезнования от прибывающих гостей. Или в таких случаях они не гостями называются? А как? Спутниками смерти?

С моего места из машины я не мог разглядеть ни Насти, ни Геннадия Степановича. Несколько раз в толпе мелькали знакомые личности из вороновской команды. И сам Воронов вынырнул из похоронного водоворота с отсутствующим выражением дворника, которого чужие проблемы не волнуют, лишь бы гады окурки и обрывки газет на тротуар не бросали. Или вот еще ходят бомжи — ищут бутылки. Людей они не замечают в принципе. Они видят не человека с бутылкой, а бутылку у человека. Разумеется, Котянч выискивал не стеклотару. Заметив мою «Ауди» (или свою «Ауди») он помахал рукой, хотя за

тонированными стеклами наверняка не мог разглядеть внутренностей салона.

Прибыл и губернатор. Я сначала внимания не обратил на черную «Волгу», решил, что это еще один партнер по бизнесу. Засвидетельствовать. Тем более, что самого губернатора я все равно не увидел из-за скопления публики. Но народ вокруг начал принимать гренадерские позы, приосаниваться, вообще шевелиться и беспокойно вытягивать шеи, а потом шепоток побежал — побежал, пробежал мимо меня, просочился сквозь кирпичные стены стоящего поблизости детского садика и разбился об апломб лучшей городской школы — десятой — развалился на крошки, после чего жирная городская птица голубь с удовольствием их склевала.

Губернатор выразил, что хотел, и скоро уехал.

В начале третьего огромный гроб не без труда погрузили в специализированный черный «Мерседес». Мне показалось, что я увидел усаживающуюся в машину Настю в черной шубке и черном сбившемся платке...

...И в этот миг я смог окончательно признаться себе в том, что приехал сюда не потому, что переживаю за Настину безопасность, вернее не потому, что был уверен, будто один способен обеспечить эту безопасность...

...Не за тем я сюда притащился, чтобы ее спасти, а затем, чтобы увидеть, а может быть, и перекинуться парой слов. Причем эта пара слов не обязательно должна быть на самом деле живо интересующим меня вопросом: не говорила ли она кому-нибудь, например отцу, про квартиру Терехина? Скажем, я бы сказал: как дела? Ничего себе вопросик на похоронах! Я мог бы сказать: крепись, малыш! И пожать озябшую руку... Тоже выглядит пошловато... Вот что значит плохо учиться в школе — ни сказать, ни пожать.

Глупость какая! Человеку тридцать три года, а он, словно подросток, мечтает увидеть девушку! К тому же чужую.

...Подле новенькой часовни на Заельцовском кладбище заиндедевшая старушка в армяке, то бишь в чем-то, одновременно напоминающем фуфайку и плюшевый жакет, выставила перед собой на снег обыкновенный для кладбища самодельный ассортимент цветов из бумаги. Или глаза у старушки уже не те, или на хорошую бумагу денег не хватает, но только цветы получились блеклыми, как из старых обоев, не просто неживыми, а как минимум умершими лет десять назад.

— Кого хоронят? — спросила она у меня, как у наиболее демократично одетого участника церемонии.

— Одну женщину.

Бабка скорбно поджала тонкие губы и, тяжело вздохнув, философски произнесла самое печальное русское слово:

— Да...

Сидеть в машине, пока продолжается погребенье, мне показалось глупым и — главное — скучным. К тому же слабо верилось, что покушение — хоть на Настину жизнь, хоть на мою — можно организовать на кладбище в присутствии беспрецедентного скопления родственников и друзей. Тут надо всех оставлять, в смысле уложить. Или снайпер должен вскарабкаться на какую-нибудь особую сосну.

Ничего подозрительного с ходу в глаза не бросалось. Сосны в снежных шапках стояли прочно, как бетонные столбы. И только дятел выдавал пулеметные очереди, гулко разносившиеся над кладбищенской холмистой тишиной.

— ...Что? — переспросил я.

— Молодая, женщина-то? — повторила старушка.

— Э-э-э, не очень. Даже скорее пожилая.

— Видать, любили ее люди-то. Вон сколько народу.

«Люди всегда любили и будут любить деньги», — хотел возразить я, но вместо этого согласно кивнул:

— Еще как!

— А я думала, опять какого-нибудь вора хоронят. У них, у воров, так заведено, что много дружков съезжается. А если обыкновенный кто помрет, вряд ли много соберется. Придут зри старухи, жена, дети, с работы представители... Учительница, наверное... У них учеников много...

...В толпе происходило слабенекое шевеленье. Возле самой могилы я теперь мог видеть Настю... Издалека. Вместе с Котянычем мы стояли недалеко от черного «Мерседеса», наблюдая за происходящим со стороны.

В землю с трудом опустили поблескивающий в свете зимнего дня гроб с холодильником... Народ, который пообразованней в похоронных делах, заспешил, потянулся, чтобы бросить персональный комок глины на полированную крышку. Возникла легкая бестолковая давка, как на колхозном рынке...

Из чего возник сей странный обычай — бросить собственную горсть? Из естественного желания скорее упрятать поглубже в землю человека, который успел тебе так надоесть, что мочи нет, как хочется его больше никогда не видеть? Или каждый посвященный в таинство бросает эту горсть на себя, на свой будущий труп, сообщая тем самым о покорной готовности исполнить предначертанный путь? Эх, надо было историю в школе учить... А что сейчас чувствует покойница? Может, слышит стук земли и даже видит и запоминает тех, кто бросает?

И тут рядом со мной раздалась трель сотового телефона. Только что я живо представлял себе состояние неживого человека под крышкой, и к тому же настолько был потрясен щедростью мужа, закупившего для жены построенный по последнему слову техники гроб, что в первый миг мне представилось, будто звонит покойница из земли, будто для нее там, действительно, установили телефон. Но почему именно мне? Оказалось, что писк доносится из кармана Котяныча.

— Ага, — сказал Котяныч. — На завтра... Вечер... Не помню, кажется, пол восьмого... «Сибирь»... Два... Ты меня изумляешь... Еще бы... Пока.

— Настя завтра улетает? — предположил я. — В Москву?

— Нет. Настей шеф сам занимается, никому не доверяет, опасается утечки. Куда и когда, только он знает. Это он сам завтра улетает. Как ты правильно догадался, в Москву.

— С тобой?

— С замом.

— Мне же с ним все-таки поговорить надо, — напомнил я. — Завтра с утра получится?

— Вряд ли. Он сказал, что завтра на работе не появится. Может, с утра Настей будет заниматься...

— Тогда сегодня.

— И подавно не получится. Поминки, то, се... Опять же состояние... Безутешность...

— Если украсть сто тридцать рублей на каждой тонне угля, то состояние позволяет...

— То — рубли, а то — ты: Нет, даже не мечтай.

Я сам не особенно верю, что Треухин может иметь отношение к убийству директора

графитового комбината и к последующей охоте на мою скромную персону. Но когда меня начинают откровенно избегать, это становится подозрительным. И потом, меня задел безапелляционный тон Котяныча. Что значит — «даже не мечтай»? Сам-то я человек релятивистский, поэтому чужая безапелляционность убивает во мне всяческий релятивизм, и я делаюсь абсолютно непреклонным. А я еще и по гороскопу Телец, то есть бык, то есть по определению обязан быть упрямым...

Я видел, как Треухин сквозь толпу пробирается к выходу, движется в нашу сторону. Может, он не переносит состояние внутри толпы, страдает клаустрофобией?

— Скажи мне, Костя, — я прищурился, как бы подчеркивая свою проницательность, — а не отдавал ли тебе шеф специальное распоряжение со мной не соединять?

Картинно всплеснув руками, Воронов воскликнул:

— От вас, частных детективов, ничего не скроешь. Только сугубо конфиденциально: действительно, была такая неформальная установка — чтобы вся информация по твоему делу шла через меня.

— С чего вдруг? Как-нибудь мотивировал?

— Ага, Василий Иванович. И тебя мотивировал, и меня мотивировал... Шучу, это анекдот такой... Никак особо не мотивировал. Может, ты ему не показался, откуда я знаю? У богатых свои причуды... О которых я могу только догадываться.

— Не тяни. Выкладывай свои догадки... Давай, давай, коллега, мы же с тобой одной крови.

...Каждый желающий бросил свою горсть внутрь могилы, и за дело взялись профессионалы с лопатами... Настю опять заслонило множество скорбящих тел.

— ...Ну, можешь ты, например, допустить, что Треухин относится к дочке с особым трепетом? Любит, понимаешь? И не просто так, а сильно или даже болезненно. Знаешь, все эти отцовские заморочки, комплексы... Он, может быть, до последних дней был уверен, что у нее в мыслях нет с кем-то спать. А тут ты появляешься и рассказываешь такое!.. Что она пожилому, женатому мужику подставляется регулярно на какой-то даче! Его чуть кондратий не хватил! Может, он в душе доволен, что человек, соблазвивший Настю, мертв... Но при этом жив ты — свидетель позора...

Я чуть не онемел от такого мотива, но, судя по выражению лица, Котяныч и не думал шутить.

У меня есть один знакомый, Коля Солитер. Коля — тощий, а пищу поглощает тоннами, как на девятом месяце. За это друзья и прозвали его Солитером... Ест он качественно, но еще никогда прежде я не видел, чтобы люди так реагировали на порнофильмы, во всяком случае, в мужской компании во время какой-нибудь пьянки, когда кто-нибудь запустит кассету невинной забавы ради. Ну, иногда удивляешься, какие в природе случаются габариты, иногда отпускаешь скабрзные замечания, но чаще зеваешь и следишь за, с позволения сказать, сюжетом в полглаза, и вообще больше двадцати минут это зрелище вынести нельзя. Коля же всегда наблюдает за процессом молча, на пустяки не отвлекается, водку выпивает судорожно и не морщась, на второй минуте дыханье его делается хриплым, как у злой собаки на цепи, лицо синее, а глаза наливаются кровью. Странно, что при таком напряженном интересе наливаются глаза, а не другой орган чувств.

Котяныч напомнил мне Солитера, вкушающего порнофильм. А еще такой же замутненный взгляд, как теперь у Котяныча, в прошлом веке на одной картине изобразил художник Суриков; называется «Боярыня Морозова» — фанатический взгляд... Только не

подумайте, что я такой наблюдательный насчет Сурикова и все такое — это мне одна образованная знакомая рассказывала из архитектурной академии.

Я осторожно хлопнул Воронова по плечу:

— Костя, опомнись! Че ты гонишь? Сексуальная революция была тридцать лет назад! Какого еще, на хрен, позора свидетель?.. Какой позор?! Для нынешней молодежи сексом заняться все равно, что котлету съесть.

— Вот именно, что для молодежи! А когда у тебя появится дочь, посмотрим... — зловеще пообещал Воронов, у которого, кстати, своих детей сроду не было.

И вообще, начальник треухинской охраны, как я уже говорил, в связях не замечен. Шифруется или больной. Может, поэтому и синеет, когда заводит речь о позоре?

— ...Это только догадки, — усмехнулся Котяныч. — Вообще-то есть еще одна версия... Если уж мы одной крови, то так и быть... Может, она тебе больше понравится...

— Ну.

— Кажется, он тебе не доверяет.

— В каком смысле?

— Все, что ты рассказываешь... Свидетелей-то у тебя нет. Как ты Настю спас. Выглядит уж больно феерически. Отбить девушку у вооруженной банды из пяти или шести человек... Это, знаешь ли, любого насторожит.

— А Настя разве не свидетель?

— По большому счету не свидетель. Что она видела? Просидела в туалете. Потом видела, как ты стрелял по стенам. Потом на втором этаже видела труп одного из банды, или он там без сознания валялся. Может, это вовсе и не ты его подстрелил. Потом в вашу сторону молотили из нескольких автоматов и даже близко не попали. Смахивает на имитацию? А?..

— А зачем мне что-то имитировать?

— Это другой вопрос. Может, у тебя задание — втереться к Треухину в доверие?

— От кого задание?

— И это другой вопрос.

— Ага, втереться в доверие, подсидеть тебя и стать начальником охраны!

Забавно! Раньше мне и в голову не приходило, что расстрел директора можно интерпретировать таким казуистическим образом. Главное, звучит убедительно.

— Кажется, что не доверяет, или натурально не доверяет? — уточнил я.

— Когда все случилось, когда ты приехал в контору и все рассказал, после твоего ухода он тотчас и разложил все по-своему. Правда, сам тут же и признал, что это всего лишь версия. Так что точно не могу ответить.

Я еще хотел спросить насчет самого Котяныча, он-то мне доверяет или как? Но передумал. Вопрос прозвучал бы чересчур высокопарно, да еще посреди кладбища, а на самом деле, какая мне разница, доверяет или проверяет?

Треухин отделился от толпы, в середине которой как на дрожжах выросла продолговатый холмик глины, и направился к серому БМВ, затормозившему позади черного «Мерседеса» похоронной службы.

Поймав мой взгляд, Котяныч отрицательно покачал головой и во избежание каких-либо необдуманных поступков с моей стороны даже взял меня под руку. Так же бережно поддерживают престарелых инфарктников.

— Гера, отнеси туда водки, — довольно бодрым голосом распорядился Треухин, подойдя к машине. — Может, кто захочет прямо здесь помянуть.

Водитель БМВ Гера достал из багажника желтый бумажный мешок с спозвякивающим содержимым.

— Постой, плесни сначала мне.

Что-то в интонациях Геннадия Степановича я никак не могу расслышать скорби. С похожим выражением на лице пьют за удачную рыбалку.

Можно было, конечно, удариться перед Вороновым в объяснения, но не хотелось времени терять. Я сделал короткую подсечку и слегка придержал Котяныча, чтобы он не ушибся, падая на обледеневший снег.

Треухин запустил недовольный взгляд в сторону барахтающегося под колесами «Мерседеса» начальника собственной охраны и вполне радушно обратился ко мне:

— А, Серега! Как дела? Выпьешь?

— Не пью.

— А говорили, что даже очень не прочь...

Вот гады! Воронов, что ли, слухи распространяет? Конечно, он, кому же еще? Впрочем, это входит в его обязанности — давать шефу полную информацию.

— Поговорить надо.

— Хорошо, только позже. Сам понимаешь, сейчас не очень удачный момент.

— Нормальный момент, — буркнул я угрюмо и сунул правую руку в карман.

Просто нравится держать руки в карманах. Мне и в голову не приходило пугать Треухина, но, похоже, он осмыслил ситуацию по-своему, или не знаю почему, в общем, тут же согласился на переговоры.

— Пройдемся, — предложил я.

И Воронов, раздувавший от злости ноздри, и Гера с мешком застыли неподалеку в позе тигров, готовых — прыгнуть на антилопу.

— Гера, отнеси водку, а ты, Костя, подожди здесь... развел охрану Треухин.

— ...Ну, выкладывай, что там у тебя срочного, — заторопил он, когда мы удалились на несколько шагов в сторону по дорожке.

— Есть такая идея, Геннадий Степаныч, что это вы заказали Краснопольского.

...С какой стати мне переживать за его паршивые чувства?

— Забавно. Ты меня теперь шантажировать станешь или заявление в милицию напишешь?..

Такой реакции я не ожидал, поэтому слегка растерялся. Это что значит? Что он признается?

Треухин окинул меня взглядом, в котором светилось сочувствие:

— Меня предупреждали, что у тебя... Н-да... Сережа, ведь у тебя твердые кулаки и длинные ноги, которыми ты садишься на поперечный шпагат, зачем же тебе еще голову напрягать? Делать умозаключения — не твоя работа.

— Но ведь у вас был интерес на графитовом комбинате? — едва не вскричал я.

— Совершенно верно. И был, и есть. Я даже тебе страшную тайну открою. Четыре года назад я поставил туда огнеупорного кирпича и металлоконструкций на полмиллиона долларов и рассчитывал получить графита на миллион, однако власть переменялась, комбинат объявили банкротом, все инвестиции мгновенно покрылись инеем, и если когда-нибудь ко мне и вернутся мои деньги, то произойдет это не-раньше, чем через десять лет. Но что-то мне подсказывает, что деньги не вернутся и через десять лет. Впрочем, должен тебя разочаровать, никакой тайны здесь нет. И не один я оказался в такой ситуации. Что ж мне на

этом основании заказывать директора? Я не убийца. Я честный предприниматель. Я налоги плачу.

Он и не думал бояться пистолета в моем правом кармане. Глава фирмы получал удовольствие от общения с недалеким частным детективом, забыв, что в сотне, метров в землю закапывают его жену.

— Кроме вас, никто не знал про квартиру моего друга, куда мы с Настей приехали после убийства. А на следующий день там была засада, — сделал я еще одну попытку его расколоть.

— Костя Воронов, действительно, рассказывал про засаду. С твоих же слов. Но с чего ты взял, что я знал про квартиру раньше? Я не то что про квартиры, про друзей твоих ничего не знаю. Они меня не интересуют. Могут меня не интересовать твои друзья? Не обижаешься на такое равнодушие?

— Значит, Настя вам ничего не говорила насчет квартиры?

— Говорила, но адрес не называла. Да я и не интересовался.

С чего я взял, что после разговора с Треухиным окружающий меня туман развеет свежим ветром? Прав Геннадий Степанович насчет кулаков и мозгов. Он, может, врет, а я понять ничего не могу. Эх, не умею я с интеллигентными людьми! Вот ткнуть бы ему пистолетом в нос, он по-другому бы заговорил. Но нельзя. Вон сколько вокруг людей, живых и мертвых.

Вечер, можно сказать, пропал. Собственно, ничего хорошего от сегодняшнего дня я не ожидал. Была такая идея, что удастся перекинуться с Настей парой слов. А в итоге и увидеть-то удалось только издали.

Мне бензина не жалко — часа полтора я бесцельно кружил по центру города. Я бы даже подвез кого-нибудь пусть даже на Затулинку, девушку какую-нибудь, студентку, не для чего-либо, а просто так, и денег бы не взял. Так я думал. И даже увидел одну с поднятой рукой, и уже начал перестраиваться, но тут справа выскочил расторопный зеленый «Жигуленок» и увез мой приз.

Позвонил Хальзову, но тот как раз примеривался к одному полуразвалившемуся зубу.

— А попозже? — не отставал я.

— Знаешь, жена сегодня возвращается из командировки. Надо как-то подготовиться...

Если бы она месяц отсутствовала или, скажем, возвращалась с Северного полюса, но ведь вся командировка — три дня в Коченево. К чему готовиться? Их, женатых стоматологов, не поймешь.

Наконец, мне пришло в голову искать отдыха для измученной тотальным одиночеством души в каком-нибудь питейном заведении. А за стеклом «Ауди» как раз проплывал «Пятьсот первый» бар. Кто не знает, «501» — это название такое в честь джинсов. Там все бармены ходят в коттоне с ног до головы. Вернее, на голове у каждого ковбойская шляпа, уж не знаю, из коттона или из чего. Почему-то мне кажется, что в этом месте висят снобистски настроенные личности, которые всяко, то есть несомненно, отличат пятьсот первую модель от пятьсот второй. Сам же я, к стыду, не отличу «Левайс» от «Рэнглера». Для частного детектива это недопустимо. Шерлок Холмс, например, не то что джинсы, а даже и сигаретного пепла насчитывал двести сорок сортов, о чем в свое время не поленился написать монографию... А может быть, пятьсот второй модели в природе не существует? Точно так же после ТУ-104 сразу следует ТУ-134.

За дальним от входа столом в «501-м» за двумя кружками пива прятались две подружки не самой плохой наружности — одна в очках, попроще и посимпатичней, вторая — навороченная, в одноименных, то есть пятьсот первых или типа того, джинсах.

Как выяснилось на второй минуте общения, первая обучалась на предпоследнем курсе педагогического колледжа и звалась Ирой, вторая, Наташа, работала продавцом и, несмотря на престижную (или некогда престижную) профессию и узкие штаны, держалась запросто и первым делом сообщила, что никаких приятелей рядом с ней на данном историческом отрезке не существует. «Я одна», — сообщила она. И при этом, кажется, ничего такого не имела в виду. Серьезно, хорошие оказались девушки, зашли просадить стипендию на двух кружках пива.

Мы почти побратались. Я заказал им по шашлыку, а сам пил несоленый томатный сок без закуски, чем сначала вызывал удивление присутствующих за столом барышень.

— Вы, наверное, за рулем, — кокетливо интересовались барышни.

— За рулем, — с готовностью соглашался я, — но к томатному соку это отношения не имеет. Просто у меня сейчас работа такая, на которой без чистых мозгов нельзя. Вот я их и промываю помидорными выжимками.

Насчет работы я нагнал такого тумана, что они, возможно, решили, что я крутой магнат,

владелец яхты и маленького острова в Тихом океане, но вероятнее всего — что я другой магнат, владелец помятых «Жигулей» и запущенной однокомнатной квартиры в Кировском районе.

Оказывается, до моего появления девушки обсуждали важную проблему из личной жизни. И я тут же с жаром подключился к этой проблеме.

Ире девятнадцать лет, из которых два последних года она беззаветно принадлежит одному человеку, который, теперь это уже совершенно ясно, ее не любит, но пользуется удобствами, тем более что ко всем прочим женским удобствам добавляется отдельная однокомнатная квартира. И вот этот хмырь приходит, когда захочет, а не хотеть он может и два дня, и неделю, и две недели.

Ситуация до боли знакомая. Разумеется, по фильмам.

Я так авторитетно и заявил:

— У тебя нет шансов победить его искусственно. То есть, нету смысла искать победы в области разума...

На этой формулировке у обеих собеседниц глаза расширились до бровей. Как видно, с таким лингвистическим уровнем им прежде сталкиваться не доводилось. Взять хоть Наташу, от покупателей ей, что ли, ждать таких откровений?

— ...Вот что я имею в виду. Если ты думаешь, что для того, чтобы завоевать, точнее, вернуть утраченную любовь, нужно получше накраситься или укоротить и ушить юбку, то это чудовищное женское заблуждение всех времен и народов. Точно так же не вернешь и приготовлением курицы в фольге. Не вернешь нежностью, покорностью, готовностью к любым ласкам в любой момент и, наоборот, нарочитой холодностью. Точно так же не вернешь и более изысканными способами. Даже если заведешь себе любовника и потом будешь им размахивать, как флагом.

— Как же быть? — спросила замороженная Ира. — Неужели нет выхода?

У нее даже очки запотели от нарисованных мною мрачных перспектив. Наташа внимала мужским истинам, молча алея щеками.

— Есть! Застрелить данного хмыря, а потом застрелиться самой. Щучу. Есть еще вариант — разлюбить.

— А о чем я мечтаю вот уже два года?!

— И мечтай. Мечты — это наши воспоминания о будущем. Они же не откуда-то там в голове заводятся. Все уже было. Если мечтаешь, значит разлюбишь. Но возможно, это случится не скоро. Скажем, еще через год. Проблема в том, что насладиться вновь вспыхнувшей любовью своего приятеля ты не сумеешь.

— Почему?

— Очень просто. Потому что она, его любовь, уже будет тебе на фиг не нужна. Да он тебя просто достанет своей любовью. Ты не будешь знать, куда от нее убежать. О! Вот в чем проблема! В несовпадении чувств во времени... Но ясно одно: ты вылечишься от любви. Другой вопрос: хорошо ли это?

— Разве может быть два ответа? — вступила в диспут Наташа. — Для девушки очень важно, чтобы ее любили. Понимаете? Ее! А ей любить необязательно.

— Тогда вы девушки — странные существа. У мужчин все иначе...

Я мог развить и эту идею, и собирался уже это сделать, и вообще я был чертовски рад, что повстречал продавщицу с подругой, которые сами того не подозревая, убивали мое одиночество уже второй час. Но в это время спокойный гул голосов и мирный перезвон

пивных кружек в «501-м» разрежала телефонная трель. Вся немногочисленная публика мгновенно притихла, а я подумал: если ты такой интеллигентный, что посещаешь такие недешевые заведения, то по крайней мере убавь громкость своего аппарата, чтобы не смущать покой других интеллигентных людей.

Телефон продолжал взывать, но никто из присутствующих не собирался отзываться. Наконец, я сообразил, что звуки исходят из моего кармана.

— Да, — сказал я и не узнал свой голос.

С чего мне пришло в голову, что звонит Настя? Она и номера моего не знает. Да и мысли ее сейчас заняты другим.

— Серега, привет, есть новости, — раздался в ушной раковине голос моего милицейского друга Владимира Антуановича Михальцова. — Насчет Ширяева...

— Ага, — сказал я.

— Кемеровские ребята рассказывают вот что... Это, как ты правильно предположил, личность не просто сама по себе, а окруженная другими личностями... Короче, мне назвали еще трех ребят, с которыми общался твой Ширяев. Не знаю, насколько тебе это будет полезно... Записываешь или запоминаешь?

С салфетками на столе проблем не было, а ручка нашлась у студентки педагогического колледжа.

— Значит, так, — диктовал Михальцов, — твой друг наблюдался в компании редкостной кемеровской сволочи Алексея Владимировича Своровского, шестьдесят девятого года...

— Сва или Сво? — уточнил, я.

— Конечно, Сво-. От слова своровать. Этот. Сво, как ни странно, единственное, в чем замечен — так это по линии идээн — стоял на учете. Как выдающийся отличник народного образования. Зато не сидел, не судим. Но по данным — гад еще тот. А дальше думай... Второй дружок — Корнищев Илья Корнеевич, шестьдесят восьмой, тяжкие телесные — три года, спортсмен, в прошлом году в Новокузнецке задерживали на сходке, отпустили на следующий день. Третий кореш — Бердов Виктор Игоревич, семьдесят первый...

— Фамилия знакомая, — пробормотал я.

— Это у нас такой коммунист есть в Новосибирске, депутат.

— Кто?

— Да Бердов же. Я за него голосовал в Госдуму.

— Вот ты, Антуаныч, вроде, умный человек, а голосуешь за... — я хотел было сказать, за кого, но оглянулся по сторонам и решил не рисковать. Мало ли, что у здешних посетителей карманы оттопыриваются от эксплуатации человека человеком, вдруг кто-нибудь тайно занимается ленинизмом или симпатизирует... Обидится и полезет с кулаками на демократа.

— ...Они, между прочим, «Пинк Флойд» запрещали, — напомнил я, понижая голос до уровня полной конфиденциальности.

— А кто это?

— То-то и оно. Жизни ты не видел... Я не Бердова имел в виду. Я этих сроду по именам не знал. Нет, вру, одного, вроде, знал... И забыл... Фамилия у него еще такая смешная, с суставом связана. Не то Колено, не то Бедро...

— Локоть.

— Точно... Да я не про коммунистов, а про Корнищева. Вроде, где-то слышал. Главное,

еще отчество странно сочетается...

— Ну, не знаю... У папы-то нормально сочеталось — Корней Корнищев... Ладно. Значит, все-таки Бердов... Две ходки — разбой и грабеж, последний раз выполз пять месяцев назад, с тех пор ни слуху ни духу...

— Разбой и грабеж, — прилежно повторил я, занося данные на салфетку...

...Да повторил, наверное, громче, чем следовало. Официант в шляпе, доставивший к соседнему столику блюдо креветок, в совокупности напоминающих окровавленную кору головного мозга, как ее изображают в анатомических атласах, метнул в мою сторону нервного «косяка». И девушки, Ира с Наташей, тоже переглянулись.

— Вот, собственно, и все, — резюмировал Михальцов. — Если нужны кемеровские адреса... Только разве таких резвых рысаков по месту прописки найдешь...

— ...Ну так вот, — сказал я, укладывая трубку в карман и возвращаясь к третьему стакану томатного сока. — Вы, девушки, — странные существа, если думаете, что можно прожить жизнь, питаясь чужой любовью и не вырабатывая свою. Или вы намекаете, что, мол, пусть муж, заместитель главного банкира области, вас любит и обеспечивает икрой с маслом на завтрак, а вы тем временем будете беззаветно принадлежать широкоплечему загорелому волейболисту с пляжа?

Но вместо того, чтобы развивать прерванный диалог о чувствах, продавец Наташа заинтригованно поинтересовалась:

— Скажите, Сергей: вы — бандит?

— С чего вдруг?

— Ну, но разговору... Так бандит или, наоборот, милиционер?

Между прочим, этот вопрос мне довольно часто задают.

— По образованию, профессии или убеждениям? — уточнил я.

— Вообще, — дипломатично определилась Наташа.

— По образованию — преподаватель начальных классов, по профессии — руководитель гуманитарного фонда, а по убеждениям — э-э-э... энтомолог, причем теоретический, то есть бабочек булавками не прокалываю. Вот давайте лучше об этом и поговорим.

— О чем?

— О любви и скоротечном полете бабочки в тающем вечернем свете.

...О тающем вечернем свете девушки были готовы говорить бесконечно, но в этот момент снова задергался телефон.

— Это Настя, — сказала трубка и больно прижалась к уху. — Сергей, бы могли бы сейчас со мной встретиться?

Я сказал: «Да», не задаваясь лишними вопросами, типа «зачем».

— Приехать к вам домой? — спросил я, мгновенно позабыв, что когда-то мы уже были на «ты».

— Н-нет. Если вам удобно встретиться где-нибудь...

Она тоже не помнила про «ты». Впрочем, тогда стрелял автомат, и наши тела сотрясала нервная дрожь...

— Вы откуда звоните? — спросил я.

— Возле «Победы», из автомата.

— Вы одна?

— Конечно. А кто еще должен быть?

— Я имею в виду, без охраны?

— Да.

— Отпустили на улицу?! Без телохранителя?! — не поверил я.

— Не хотела, чтобы кто-то знал... Расскажу при встрече.

— Точно никого нет? — не унимался я, подразумевая уже не только вшивую охрану

Котяныча.

— Я же говорю, нет.

— Сделаем так... Секунду...

Я выбрался из-за стола.

— Уже уходите? — продавец Наташа выглядела расстроенной, да и Ира, по всему, была не прочь общаться и дальше, несмотря на трагическую многолетнюю любовь. — А как же бабочки?

— Улетели в теплые края. Зима ведь! Но обещали вернуться...

Возле закрытых дверей гардероба никого не было, включая гардеробщика.

— Алло, — сказал я. — Сейчас, не спеша, заходите в стеклянную галерею, которую недавно пристроили к «Универсаму», знаете, там дорогие магазины и кафе?..

— Да.

— Проходите насквозь. Там есть другой выход...

— Знаю.

— ...И сворачиваете... Не направо, к улице Советской, а налево, во двор Универсама. Проходите его, и на Урицкого я буду ждать в «Ауди» — машина такая...

Гардеробщик так и не появился, может, в туалет отлучился. Вообще-то в «501-м» персонал натренированный. Или «скорая» увезла с перитонитом. Времени на розыск не оставалось. В конце концов, куртка может переночевать в увеселительном заведении.

Чем хороши немецкие машины — их не нужно уговаривать и они не мерзнут на лютном сибирском морозе достоинством в четыре-пять градусов по Цельсию. Система воспламенения бензина слушается тебя так же, как любимая девушка...

...Которой нет...

...А если и есть, то сегодня она ведет себя непредсказуемо. Как ИЛ-86 в руках дворника. А я уж совсем было решил, что не увижу ее, как минимум, еще неделю...

С чего я взял, что Настя — моя любимая девушка?

Зачем ей со мной встречаться? Чтобы передать важную информацию, которая, несомненно, укажет выход из лабиринта, в каждом тупике которого подстерегает пуля?

...Проскользив с десятков метров неподвижной резиной по ледяной корке, я встал как раз напротив узкого въезда во двор «Универсама» в пяти метрах от знака «стоянка запрещена».

...Сейчас из-за угла появится Настя. Вся в черном.

Я — честный человек и хотя бы перед самим собой должен признаться, что придумал этот маршрут для Насти — через галерею — не для того, чтобы сбить со следа возможных убийц, а чтобы скинуть с хвоста возможную охрану. Хотя это и нехорошо — оставлять девушку без прикрытия. Но зачем мне свидетели? Как говорится, зачем нам кузнец? Нам кузнец ни к чему. И в конце концов, важны не мотивы, а результат. Неизвестно, как она ушла из дома, а к ней вполне мог приклеиться отвратительный Толик Ширяев с друзьями.

От кинотеатра «Победа» до улицы Урицкого идти две с половиной минуты. Если не торопиться. И если не разглядывать часы «Семко» в витрине. Нет, не будет она разглядывать часы через три часа после похорон матери. А можно пройти и секунд за сорок. Если

спешить. Тогда я опоздал, потому что с тех пор, как из «501» «улётели бабочки», прошла примерно минута. Но тогда и Настя могла подождать...

Сзади загудели на всю улицу. Да так противно, как будто запахло из туалета. В перегороженный мною двор «Универсама» рвалась «Газель» с В И НАПовским логотипом на замызганном борту, как видно, под крышу груженная то ли водкой, то ли «Бендером», каковые два напитка я, если по совести, на дух не переношу. Недаром у меня ассоциация про туалет возникла. И водитель «Газели» мне сразу не понравился. Зима, сумерки, а он в темных очках. Чуть ли не в телогрейке и в рэй-бане.

Настя могла появиться с секунды на секунду, поэтому я и не подумал освободить дорогу. ВИНАП подождет.

Обиженный очкастый издал такой длинный гудок, каким трубачи во время страшного суда будут поднимать из могилы мертвых — конечно, он представитель фирмы, у него буквы на боку, а его в магазин не пускают...

Я сохранял неподвижность, как в пионерском лагере во время игры в «Штандр навсегда».

Стрелка ползла, Настя не появлялась.

Возможно, закрытый кузов «Газели» содержал не пиво, а позавчерашнее молоко, и водитель пуще неволи опасался, как бы оно не скисло с минуты на минуту. В общем, не мог он больше ждать и, катапультировавшись из кабины, кинулся наводить со мной разборки.

Для удобства общения я приоткрыл дверцу, продолжая наблюдать за подходами к «Универсаму», и приготовился отвечать с присущей мне вежливостью, только, занятый посторонними размышлениями, не мог сообразить, на какую автомобильную неисправность сослаться. Можно было сказать, что ключи куда-то задевались...

— Че, заснул совсем, валенок сибирский? — заорал он на полпути точно с теми же дебильными интонациями, с какими года два назад вырвался на российскую эстраду «Балаган лимитед» с хитом. «Может, дам, че ты хошь».

Меня даже не столько валенок задел, сколько архаическая силлаботоника высказывания. А следом парень выдал уже совершенно изумительную по красоте реплику:

— Для вас же, козлов, знак повесили!

Есть такой анекдот. Если кто не знает. Приходит мужик по фамилии Козлов домой и хвастается перед женой: «А меня на улице люди узнают. Перехожу через дорогу, тут милиционер подбегает и говорит: «Для вас же, Козлов, подземный переход построили...»

Не знаю, то ли ВИНАПовский оказался таким остроумным, что в экстремальной ситуации нашел в себе силы процитировать анекдот, то ли у него, что скорее всего, случайно вырвалось, но я всегда предпочитаю думать о людях лучшее...

Когда рэй-бан поравнялся с дверцей, я подарил ему одобрительную улыбку, правда беглую и без слов, потому что мое внимание по-прежнему было, в основном, направлено в противоположную сторону... И никаких вульгарных отповедей. Но этот... понял все совсем не так. Он решил, что моя интеллигентная улыбка — это самый, что ни на есть, смертельный ответ на его выпады, он на нервы исходит, а ему, видите ли, улыбаются, вроде, даже захлебнулся от злобы, но усилием воли проглотил стакан хлынувшей горькой слюны и придушенно пригрозил:

— Ну все! Тебе конец! И тачке твоей!

Нельзя быть таким взрывным. Что этот тип задумал, стало понятно очень скоро, когда, отъехав назад для разгона, он решительно направил тяжелый транспорт на мою скромную

«Ауди». Точно, психический. Вот из таких людей и вырастают Гастеллы. Или у него тогда парашюта под рукой не оказалось?

Впрочем, чего ему церемониться, этому рэй-бану? Машина государственная, а формально нарушаю я — стоянка запрещена. Потом мне не только свою тачку ремонтировать, но и ВИНАПу возмещать ущерб... Возмещать что-либо сейчас я был не готов, поэтому в последний момент дал деру.

Колеса завращались с бешеной скоростью на одном месте, а время бежало, а сзади с ураганной скоростью надвигалась мрачная туча, и я уже приготовился ощутить увесистый толчок в спину, но все же покрышки зацепились, и я выпрыгнул вперед с места. Рэй-бан успел ударить по тормозу, но на ледяной корке так не тормозят. Подпрыгнув на бордюре, «Газель» врезалась в овощной киоск. Пришедшие во взаимодействие объемы издали громкий отчаянный визг. Стеклогнулось, металл крошился, апельсины с огурцами подпрыгивали, как мячики в прозрачном барабане «Спортлото».

Я успел различить гамму переживаний на лице продавщицы, которое мгновенно и отчетливо напомнило мне курносую девочку Галю из мультфильма про крокодила Гену. Смятение чувств на Галином лице медленно, но верно перетекало в конкретное женское неудовлетворение после содеянного мужчиной.

Я вышел из машины, одним глазом наблюдая за овощными разборками, а другим — за дорожкой во двор Универсама. Насти по-прежнему не было. А возле киоска потихоньку копилась толпа любопытствующих пешеходов. Чем-то они напоминали муравьев, окружающих вкусного дохлого жука. Но жука, по крайней мере, есть можно, не собирались же граждане заниматься мародерством по части овощей.

Водитель «Газели», сделавшийся жалким, ушибленным, прихрамывающим и утратившим темные очки, тоже выбрался из погнутой кабины. И прежде, чем отправиться изучать размеры катастрофы, окатил меня долгим взглядом, о содержании которого мне было трудно судить из-за разделявшего нас расстояния. Наверное, хотел морду набить. А что еще?

На дорожке, погруженной в сумеречный свет, показалась Настя. И от одного ее вида я забыл глупый дорожный инцидент и почему-то ко мне вернулось ощущение Нового года. Не того, который наступил два месяца назад, а древнего-древнего... Мне лет пять или шесть, мы с мамой стоим на трамвайной остановке, рядом — веселый (как я теперь понимаю, поддавший) дяденька с елочкой, и тетенька (Как я теперь понимаю, молоденькая девушка) роняет на снег авоську с рассыпающимися рыжими апельсинами. И апельсины лежат в снегу, как веснушки. Вот такой у меня главный Новый год. И вдруг он вернулся. Наверное, из-за раскатившихся из киоска цитрусовых. Не из-за Насти же...

Настя идет, в темной шубке и берете, вертит головой, пытаюсь определить причину автодорожно-овощной суматохи и отыскивая меня... Приближается к киоску... А сзади на нее накатывает мрачная угроза.

Дальнейшие события рядом с местом аварии уместились всего в несколько мгновений, а мне все-таки удалось проскользнуть сквозь них живым и невредимым.

Метрах в тридцати за Настей, глубоко упрятав руки в карманы, шагал мужчина в длинном светлом плаще. И ничего необычного — в Новосибирске многие зимой ходят в светлых плащах, а руки в карманах вообще держит каждый второй. Но у меня возникло впечатление, что между кожей и плащом у пешехода находится бронежилет. То ли шагал тяжеловато... Впечатление от бронежилета переросло в ощущение, что по дорожке от

Универсама к улице Урицкого движется легкий танк. Легкий-то легкий, но все же с пушкой и крупнокалиберным пулеметом под броней, то есть под плащом.

Этот в плаще явно начал нервничать. Засуетился. Может быть, из-за непредвиденной суеты вокруг киоска...

...Левая рука, упакованная в черную перчатку из тонкой кожи, появляется из кармана... расстегивает нижнюю пуговицу плаща... И будущее становится для меня таким же ясным, как прошлое.

— Настя! — заорал я, так что чуть не порвал горло, и замахал руками.

Возле киоска в этот момент тоже кричали и махали руками, поэтому Настя не с ходу сообразила, откуда зовут. Пока сообразила откуда, пока сообразила, что нужно ускорить шаг... А то, что нужно не просто ускорить шаг, а перейти в паническое бегство, и вовсе не сообразила.

Вот тебе и свидание! Называется, с девушкой захотел встретиться без свидетелей!

Чтобы добраться до Насти, нужно было огибать стихийную тусовку вокруг ДТП. Не огибать не было времени, и я побежал через середину. Из-под ног брызнули апельсины и потревоженные зеваки. Плечо массивной тетеньки в черном пальто отбросило меня в сторону на дяденьку-пенсионера. Какие, однако, глупости бросаются в глаза, когда совсем не до них! Спрашивается: какое мне дело до того, что черное тетенысино пальто сплошь усеяно белой шерстью? А я еще и умозаключение успел сделать: значит, держит белого длинношерстного кота.

Пенсионер попятился и столкнулся с овощной продавщицей Галей, и без того пребывавшей не в себе...

Позабыв про апельсины, зеваки переключили внимание на симпатичного интеллигентного частного детектива, в один миг превратившегося в сорвавшегося с цепи Терминатора. При виде такой прыти и винаповский водитель захлопнул пасть, до той поры громко клявшую многочисленных козлов на иностранных машинах, которые творят на дорогах что хотят. Похоже, все-таки не анекдот он имел в виду, когда беседовал со мной о правилах дорожного движения, а просто всех лично ему неприятных людей называет козлами.

...Настин преследователь откидывает полу плаща, и в этот момент окончательно становится понятным, почему он производил впечатление танка. Бронежилета, похоже, нет, зато внутренности оборудованы внушительной машиной неизвестной мне марки — как она под плащом поместилась? — так, примерно, сто двадцать кусочков дерьма в минуту...

Я схватил Настю за руку и дернул за собой.

Рэй-бан сообразил, что ему предоставляется удобный случай поквитаться с очередным козлом, возникшем на жизненном пути, и этот случай вот-вот иссякнет.

— Нет, ты стой! — закричал он, бросаясь наперерез и размахивая веслами.

На ходу я запустил в него свободную правую руку и... неожиданно промахнулся. У паренька обнаружилась изрядная реакция. И даже наоборот — в плечо мне бухнул его кулак. И кулак, надо сказать, не малый — так, примерно, с голову пионера. Теперь понятно, откуда борзость истекает, возможно, бывший боксер. Не нашел себя в нормальном бандитском бизнесе, вот и срывает зло на невинных.

Я понял, что сверху на меня валится огромная чугунная крышка, как от канализационного колодца, только раз в двести больше — сзади мужик в черных перчатках поднимает пулемет и через мгновение, ощутив тяжелый тупой удар или два-три тяжелых

удара, я провалюсь в мир вечного мрака. И убежать нет времени — дорогу загораживает рэйбан, заносащий весло для второго касания.

Впрочем, он даже корпус не успел правильно поставить. Включив дополнительную скорость и волчком провернувшись на месте, я нанес ему единственный удачный и окончательный удар ногой в грудь. Несчастная жертва ДТП заморгала глазами, потеряла точку опоры и, быстро-быстро засучив ногами, повалилась на спину...

Оказывается, тетка в усеянном белой шерстью пальто тоже пострадала от столкновения со мной и теперь неуклюже пыталась подняться с асфальта. Пыталась или не пыталась, точно не знаю — время приостановилось, и я видел только то, что тетка без шапки застыла на четвереньках. И как раз мой боксер из противоположного угла пал на нее всем своим девяностокилограммовым телом. И теперь уже вместе они изображали древнегреческую скульптуру «Лаокоон», не в том смысле, что посреди зимы неизвестно откуда в центр Новосибирска заползла жирная змея, а в том, что, переплетаясь членами, образовали единый клубок, при том их лица мало отличались от прототипа — так же были заполнены отчаянием и отвращением.

Я понимал, что моя маленькая победа (двести пятнадцатая из двухсот девятнадцати — так, примерно) не стоит даже стакана кефира под дулом направленной на меня машины смерти. Неважно, за каким зверем он вышел на охоту — за Настей или за мной. Не одни мы поляжем, и сталинская пятиэтажка напротив рухнет в облаке пыли.

...И тут произошло чудо, о котором я часто слышал, но сам раньше не сталкивался...

Мужик в плаще готов был стрелять и начал стрелять. То есть краем глаза, как будто через бинокль, я видел, как черный палец пытается утопить спуск... Но молния не сверкнула, и гром не загремел.

Не знаю, что произошло, — снаряды перекосило или в суматохе он забыл о предохранителе... Хотя, с какой стати забывать — выглядит солидно. С другой стороны, Россия — страна чудес. Здесь чего только не случается...

Один знакомый рассказывал, как сыну в день четырнадцатилетия купил электрошоковый разрядник. Не то чтобы мальчика какие-то бандиты постоянно донимали, а так, игрушку купили. И вот весь день ее крутят — но что это за игрушка, если ею играть нельзя? Жена и говорит (приятелю — жена, имениннику — мать): «А я и не боюсь ничего. Давайте на мне испытаем». Сказано-сделано, приставили — ба-бах! А ей по барабану, тс есть, хоть бы хны. Не работает, что ли? Приятель, хоть и опасался, к себе приставил. Разряд! Нет ничего! Не чувствует направленного движения электронов. На следующий день принес устройство в магазин, где брал. Объясняет продавцу, тот поверить не может, потому что еще не было случая, чтобы люди на себе испытывали. Ведь как обычно бывает — купит человек и носит, ожидая случая. А случай, как назло, не представляется и не представляется. Главное, когда нет в кармане грозного оружия, так сразу весь окружающий мир начинают населять целеустремленные хулиганы, а как обзаведешься оборонительным средством, так они, хулиганы, его как под рентгеном видят и обходят тебя переулками. Продавец еще некоторое время не верил, потом попробовал на себе и убедился, что боевая единица из прейскуранта — окончательное фуфло. Забрал товар, вернул деньги и в виде моральной компенсации рассказал свою историю, как в каком-то другом, постороннем магазине кому-то недавно продали известное газовое устройство «Удар», для которого лицензию не надо приобретать.

Значит, купил один огурец «Удар», сделался вдвое, нет втрое смелей прежнего, а на

следующий день явился сдавать покупку обратно, к тому же не на шутку избитый. Так уж звезды вверху легли, на темной новосибирской улице повстречался с тремя хулиганами. Слово за слово, получается ссора. С «Ударом» огурец ничего не боится, поэтому отвечает смело и даже заносчиво. В нужный момент чрезвычайно эффектно выхватывает оружие и правдоподобно обещает: «Все, пацаны, шутки кончились, прощайтесь с жизнью». И жмет. И — о, ужас! — вместо ядовитого газа из капсулы вырывается слабенькая струйка воды. Эффектно! Покруче, чем «Фауст» Гете! Как уж тут без синяков и ссадин?

Это я к тому, что в жизни всякое бывает. Что, если этот в плаще только вчера ствол купил, а попробовать не успел? Хотя ерунда все это, потому что плащ произвел некие манипуляции, и гром все-таки грянул. Но парень, видать, нервничал и почти вся длинная очередь улеглась вдоль винаповского пивовоза. Изнутри раздался тихий серебряный перезвон. Чему сегодня суждено было сломаться, то, можно сказать, сломалось, с запасом, дважды.

Мы с Настей успели обогнуть место аварии и были возле «Ауди», оставив между собой и пулеметателем место аварии и кучку граждан, разбегавшихся от эпицентра событий под замирающее эхо выстрелов. Рэй-бан классическим пластунским способом проворно отползал за киоск. В узкой складке за бордюром с наледью между проезжей частью и тротуаром тетка в кошачьем пальто сохраняла неподвижность жука, предпочитающего прикинутьсядохлым, нежели спастись при помощи шести лап. Вряд ли в нее попала пуля. Я всегда удивляюсь, что наши люди все схватывают, можно сказать, на лету. В боевых действиях она явно не участвовала. Мать ей, что ли, рассказывала, как нужно использовать складки на местности. Или это русским генетически передается?

С двух сторон улицы Урицкого, не желая подставляться под выстрелы, активно тормозил и разворачивался частный транспорт.

Возможно, потому мужик в плаще и лупил поверху, что не надеялся в нас попасть без того, чтобы не уложить на месте еще кучу народу. Пожалел невинных, а стрелял почти автоматически, поскольку палец уже лежал на спуске.

Спрятав автомат под плащом и не оглядываясь, он проворно вскочил на довольно высокий пандус и нырнул в служебную дверь Универсама.

— Садись в машину и ничего не бойся, — велел я Насте, а сам побежал к магазину.

Нас разделяло не меньше пятидесяти метров, при том я не самый быстрый спринтер на земле.

— Где такой, в плаще? — закричал я двум продавщицам, попавшимся на пути в подсобной части Универсама и представляющим из себя странную малосочетающуюся парочку — одна высокая, беленькая и, может, даже миленькая, вторая — приплюснутая черненькая, курчавая, похожая на армянку, и еще сквозь капроновые колготки у нее из ног торчали жесткие черные волосы...

Девушки толкали перед собой тележки с замороженными до состояния камня окорочками... Такое ощущение, что капрон пророс волосами... Зато армянка соображала быстрее.

— Туда, — махнула она рукой. — В торговый зал.

Перепрыгнув через окорочка, я оказался в хорошо знакомом торговом павильоне, перегороженном длинными рядами полок, уставленных разноцветным фасованным товаром, и холодильников под раздвижными прозрачными крышками.

Держа руки в карманах, автоматчик пересекал линию кассовых аппаратов в

противоположном от меня конце зала недалеко от выхода. Набранная скорость и выпирающий из-под плаща непонятный предмет возбудил профессиональный интерес местной охраны — само собой, так могут двигаться только нечестные покупатели, спрятавшие за пазухой пакет пельменей. Двое пареньков в сером спешили ему наперерез, и у меня затеплилась надежда, сейчас они его притормозят хотя бы на три секунды, а тут и я подоспею. Лишь бы он автоматом не воспользовался.

Но надеждам не суждено было сбыться. Оба охранника разлетелись в стороны, как кегли. И я не успел заметить, что произошло. Он, кажется, даже рук из карманов не вынул. Плечами растолкал или силой внушения, а скорее всего, не сбавляя хода, продемонстрировал, что выносит из магазина самообслуживания под плащом вовсе не пельмени.

Лавируя между покупателями, я пробежал почти через весь зал. Но тут обиженная невежливым обращением секьюрити поняла, что в их сети, торопливо перебирая плавниками, плывет еще одна рыба, и уж теперь осечки случиться не должно.

Белый плащ решительно вышел из магазина и — это было видно через широкие стекла — сел в поджидавшие «Жигули» непонятного бурого цвета и под зеленый свет ушел по улице Ленина в сторону моста.

— Молодой человек, одну минуту, — серые подбирались ко мне с двух сторон.

Дурацкая сцена. Очень похоже получилось в гостинице «Сибирь» пару дней назад.

Я принял безмятежный вид, приготовившись вежливо объяснить, что я честный покупатель, не собирался обворовывать их замечательный Универсам и вообще не замышлял ничего дурного, а просто спешил приобрести пакетик леденцов.

Настино лицо белело справа в полумраке кабины. Я не спеша сворачивал на Вокзальную магистраль в сторону площади Ленина.

— Извини, что... — пробормотала Настя жалобным голосом, опять переходя на ты — перенесенные бок о бок испытания сближают. — Вечно со мной так... Я и не думала, что может так получиться... Кто это был?

Я пожал плечами:

— Ты сама его раньше не встречала?

— Даже не разглядела толком. В каком-то белом пальто, что ли...

— Вот и я первый раз видел.

Настя примолкла. Вообще-то, держится нормально, раз в сто лучше, чем я ожидал. Как будто только что пули свистели не у ее виска, а на киноэкране у мужественного виска Брюса Уиллиса. И после убийства Краснопольского довольно быстро пришла в себя — стоило принять душ. А может, я преувеличиваю насчет разных там душевных реакций. Сам же я в обморок не падаю. Такое состояние, как во время легкого похмелья, когда не поймешь — то ли тебя жажда мучает, то ли пересохший рот излучает радостную готовность ощутить вкус прохладного пива.

Я ломал голову, как поступить. С одной стороны, девушка недвусмысленно предлагает встретиться, а теперь скромно молчит. Дополнительные вопросы, вроде, не требуются. Но нет, требуются: удобно ли заниматься сексом, если двадцать минут назад на девушку было совершено покушение, а за три часа до этого она схоронила мать? Ни разу со мной такого не было. И, если да, то куда ее везти? К себе опасно. Не к Самаковскому же и не в один из известных мне притонов. В гостиницу?..

У одного английского писателя я читал, как одна светская дама получила похоронку на мужа с полей гражданской войны и в тот же день с удовольствием занималась сексом. Наверное, представляла себя в объятиях мужа. Говорят, женщины часто этим занимаются — воображают бог знает кого. Вместо черт знает кого. И наш отечественный классик описывал, как Аксинья, схоронив ребеночка, искала утешение в постели с каким-то белогвардейцем.

Я потряс головой, отгоняя отвратительное виденье. Это у меня не к сексу, а к классике такое отношение. И «Тихий Дон» я не читал из-за отвращения. Рвотный рефлекс сработал на двадцатой странице, как я с ним ни боролся. Просто одна девушка сказала, что все, кто не читал «Тихий Дон», — бревна неотесанные. И до двадцатой-то страницы зря мучился, все равно со своими постоянными синяками на лице и черепной коробкой, не обремененной любовью к умным книжкам, я не отвечал ее высоким эстетическим запросам. Зато отвечал некий двадцатилетний скелет из НЭТИ в очках с одним треснувшим стеклом. Нет, стекло у него позже треснуло... А насчет Аксиньи я, по телевизору видел. У нас раньше на кухне телевизор стоял, и за обедом я его включал. Я смотрел минут двадцать и все равно не понял, что отличает отесанные бревна от неотесанных. Фильм жуткий.

— Куда поедем? — спросил я.

— Не знаю. То есть, извини... Понимаешь... Ты не думай ничего такого. Я просто так позвонила. Настроение, сам понимаешь... Просто дома уже не вмоготу было сидеть. А друзей у меня не так чтобы... пруд пруди.

— Можно куда-нибудь в кафе махнуть, подальше, посидеть... Хотя полной гарантии безопасности нет даже в Мошково. Лучше держаться подальше от любой публики. Разве что в Оперный пойти... Это я шучу про себя. Единственное место, где, например, меня никто не будет искать — как раз Оперный театр... Можно просто покататься.

— Если тебе не трудно, давай, пожалуйста, покатаемся. Только бы домой не возвращаться.

— Конечно.

— Что здесь происходит? — спросила Настя. — Я же ничего не знаю с тех пор, как уехала. Папа говорит, что есть еще опасность...

— Я расскажу, только сначала твоя очередь. Ты говорила кому-нибудь перед отъездом про квартиру моего друга? То есть, что мы туда заезжали после той перестрелки. Называла адрес?

— Ведь ты просил, чтобы я молчала.

— Ну да.

— Ничего я никому не говорила.

— Подумай хорошенько. Вспомни... Например, отцу...

— Никому и ничего я не говорила про квартиру. В том числе и отцу. А что случилось? Кто-нибудь узнал?

Получается, что Треухина нужно исключить из списка подозреваемых в организации убийства Краснопольского и, соответственно, в последующих покушениях на меня? А если Настя лжет? А зачем ей? Какая глупость, когда приходится подозревать всех тотально — и старинного друга, и девушку, в которую чуть ли не влюблен!

— Вроде того, узнал.

— И что?

— Были маленькие неприятности.

Настя расстроилась:

— А как так получилось, если кроме нас двоих никто не знал? Я — точно никому ничего не говорила! А твой друг, хозяин квартиры, не мог сболтнуть?

— Вроде, на него не похоже. Да ладно, это мои проблемы. Вообще-то есть пара догадок... А вот ты мне опять скажи: как получилось, что ты одна оказалась на улице? Тебя разве не сторожат?

— Один дома был из папиной охраны. Еще две тети, две папины сестры. Ну, я имею в виду, что они не из охраны, просто были, помогали с похоронами...

— ...С поминками...

— ...Поминок, можно сказать, не было. Папа не захотел. То есть были, конечно, несколько родственников. Только самые близкие. Очень недолго. Потом папа сразу по делам уехал... Все разошлись, вот мы вчетвером остались. Еще, правда, какие-то люди в машине возле подъезда дежурили на всякий случай, опять же из охраны.

— Понятно. А дальше что?

— Ничего. Я ж говорю, что невыносимо было дома оставаться. Я и ушла... И просто захотелось тебя увидеть...

Сделав вид, что последняя фраза меня несколько не касается, я спросил, с трудом удерживая тон в рамках делового:

— Что значит просто? А охрану ты напоила, что ли? Снотворного насыпала?

— Зачем? Да они и не пьют ра работе. Как их напоишь? Просто, который дома, он же не

обязан внутри квартиры меня в туалет провожать. Он же меня охранял не в том смысле, чтобы я не сбежала, а в том, чтобы к нам вдруг ломиться никто не стал... На кухне с тетушками закрылся. Нормальный парень. Они его там супом кормили. Я оделась потихоньку да ушла — вообще никаких проблем. Может, он до сих пор не заметил.

— Соответственно, и те, во дворе, обращали внимание не на тех, кто выходит, а на тех, кто заходит, — выказал я немедленную догадливость.

И вообще, которые запасные, не особо обременяют себя наблюдениями — это давно замечено и описано в психологических книжках. А между тем получается, что за подъездом следила и другая команда — из серобурмалиновых «Жигулей».

И все же непонятно: кто в первую очередь интересовал автоматчика в светлом плаще — Настя или я?

Возле старой пристани я свернул на набережную, по случаю перманентного энергетического кризиса освещенную редкими тусклыми фонарями. Впрочем, луна висела ярко и надежно, и свежий снежок, не успевший впитать грязный дневной осадок большого города, легко умножал небесное сияние. Было светло и тихо, и пусто. И можно было на время забыть про Новосибирскэнерго, вечного заложника чужих неплатежей.

Я притормозил у невысокой чугунной решетки, за которой через прозрачную корку льда излучала размытый подводный свет плоская сибирская река Обь.

И чужая смерть, и чужой автомат остались неподалеку, но именно сюда, в этот короткий отрезок мира они бы ни за что не могли попасть, как через металлоискатель в аэропорту под нежное брюхо самолета не может скрытно просочиться даже перочинный ножик.

Зато сквозь окружающий покой пробился завибрировавший в кармане телефон.

— Настя с тобой? — без предисловий спросил злой голос Котяныча.

Обиделся из-за кладбища, а тут еще девушка из-под носа исчезла.

— Как ты догадался? — удивился я.

— Она у меня днем твой телефон спрашивала. Вы где?

— Так, в одном месте.

— Слушай, что-то мне все это начинает не нравиться. У нас здесь все на ушах.

— При чем здесь я? Пусть твои богатыри лучше смотрят.

— Возвращайтесь немедленно.

— О'кей, — не стал спорить я и отключил телефон.

Прошло, наверное, часа два, и я все время удерживал себя, чтобы не погладить Настю по голове. Говорить с ней и гладить по голове — что может быть приятнее на свете?

Сначала она интересовалась моими делами, которые, впрочем, самым непосредственным образом касались и ее. Я рассказал почти все и, в частности, назвал Василия Андреевича Яблокова с его племянником по кличке Зиновий.

— То есть это он раньше Зиновием был, а потом понял, что грабить и убивать гораздо менее выгодное предприятие, нежели торгово-закупочная фирма под неформальным патронажем дядюшки. Короче говоря, теперь перестроился, стал Зиновьевым Валентином Гавриловичем и ходит в галстуке.

— Он в галстуке редко ходит, — неожиданно обронила Настя.

— В самом деле?

— Я их знаю и довольно хорошо. И Василия Андреевича, и Валентина... А он правда грабил и убивал?

Я поперхнулся. Как тесен Новосибирск, и как странно переплетаются в нем люди! Девушка, как будто абсолютно скромная. Папа ей на завтраки деньги выдает... И в то же время она спит с важным директором, в котором вскоре автомат не оставляет живого места, а другой ее друг — известный новосибирский бандюган.

— Врать не буду, насчет грабежей и убийств — сам не видел... А ты как с ним? В близких отношениях?

— Смотря что считать отношениями. Просто у Василия Андреевича и папы — общие дела. Он у нас дома был. И на даче, на папином дне рождения. Через него и с Валентином познакомились. Он к нам тоже заходил. Еще один раз я с ним в папиной конторе встречалась. У них тоже какой-то бизнес намечался, но что-то не срослось. Они и сегодня на похоронах были. Вернее, не на похоронах, а так, к дому подъехали на несколько минут...

Общие дела. А говорят, что у государственных чиновников никаких других дел, кроме заботы о простых гражданах, быть не должно, за это им и зарплату дают.

— И все? Я имею в виду Зиновьева. Ты его по имени называешь, как близкого знакомого.

— Один раз в ночном клубе вместе были. Он пригласил, наверное, так, больше из светских приличий.

— Ага? — усомнился я.

— Даже ни одной попытки не сделал перевести знакомство на... более близкий уровень. Я, во всяком случае, его точно не интересовала как сексуальный партнер. Может, у него вообще другие интересы. А вообще-то не скажу, чтобы он мне понравился. Вроде, интеллигентный человек, но при этом какой-то никакой... Я, конечно, слышала, что у него есть дела... Но ко всем слухам прислушиваться — ушей не хватит. И потом, кто сегодня честный? Говорят, что девяносто процентов капитала замешано на крови, но пока я точно ничего не знаю, меня это не касается. И пока меня это ЛИЧНО не касается, меня это тоже не касается.

— А Краснопольский тебя лично касался?

Вопрос прозвучал откровенно двусмысленно.

— Ну, допустим, — она взглянула на меня не то с усмешкой, не то с вызовом.

— Я имею в виду, ты знала, что его бизнес — на крови?

— Как странно звучит. Почти как Храм Спаса на крови, — призадумалась Настя и уже совсем другим тоном закончила:

— Видишь ли, проблема графитовых стержней от меня как-то далека. Это раз. Во-вторых, он же был государственным директором. У них же там не частная лавочка.

— Вот именно, что частная. Каковой факт доказывают пули, которые из него достали на Горской...

— ?..

— ...В судмедэкспертизе... А вообще-то у нас сейчас нет ничего такого государственного, откуда бы частным порядком не зачерпывались деньги...

— Не знаю. Я про это не думала.

— А твой отец? Его бизнес тоже замешан на... Как ты выразилась...

Зря я спросил. Но Настя, кажется, не обратила внимания на наезд:

— Вот уж как раз нет. Он человек далекий от криминала. Может, поэтому у него ничего не получилось с Зиновьевым. А начинал он с компьютеров. Купил в Америке крупную партию и продал здесь. Все честно.

Купил — а на какие деньги? — спросил я сам себя. — Впрочем, может на реализацию взял, может, сработал как посредник... Чего я все время к нему цепляюсь? То он у меня жадный, то у него — что-то там на крови. Зато вон какую классную дочку родил. Не есть ли одно это искуплением всех грехов?

— Да это я так, к слову. А про этого своего Валентина еще что-нибудь знаешь?

— Не знаю. Честное слово, я хочу тебе помочь, но не знаю как. Что тебя интересует?

— Когда-нибудь в шутейном разговоре, по пьяной лавочке, он не намекал, что может подслушивать чьи-то телефоны. В том смысле, что знает про каких-то людей больше, чем они могут предположить. Не хвастался, что держит кого-то под колпаком?

Поразмыслив, Настя сказала:

— Не-а. Не могу вспомнить. Да, если честно, я вообще не могу вспомнить, о чем он говорил. Даже странно. Как будто общалась с немым, а сама не заметила. А по пьяной лавочке, как ты выразился, я его ни разу не видела. А он же, по-моему, вообще не пьет, так я поняла.

— И знакомых его не знаешь?

— Знакомых? Ну, например, его вся «Вселенная» знает. Это ночной клуб на Богданке, где мы были. Там с ним все раскланиваются — и бармены, и посетители, но я никого из них раньше не встречала... А еще одна моя знакомая у него в фирме референтом работала.

— Секретаршей, что ли?

— Ну да.

— Кто такая? — насторожился я. — Почему работала, сейчас, что ли, не работает?

— Да это еще в прошлом году было. Женя Полякова. Мы вместе в «Тосслужбе» учились. На втором курсе у нее отец умер, проблемы возникли с деньгами, она и устроилась к Зиновьеву в фирму.

— Наверное, по твоей рекомендации? Не через газету же объявление давали.

— Именно через газету. Там даже конкурс был, и ее выбрали.

— За безупречную компьютерную грамотность?

— Не знаю. Вообще-то она и внешне вполне ничего.

— Вот и я о том же.

...Постепенно тема Яблокова и Зиновьева с их странным бизнесом исчезла. Мы разговаривали... Если бы меня сейчас спросили, о чем можно разговаривать с девушкой в машине в течение двух часов или даже дольше, я бы призадумался. Между тем беседа текла почти без пауз. Общаться в таком эвристическом режиме без перемежающего реплики алкоголизма или секса я в принципе не умею — академий-то я, как известно, не кончал. А тут вдруг открылись способности.

Например, ни с того ни с сего она спросила про какого-то Сорокина. Не посчастливилось ли мне прочитать его последний роман «Голубое сало»?

— С детства не люблю сало — источник холестерина, — остроумно парировал я. — А что, сильно интересный роман?

— Кому как. Я, например, прочитала первые сто страниц, нет вру, девяносто девять и решила: вот прочитаю еще одну и брошу. И на сотой странице как раз все и началось. Так, что потом оторваться невозможно.

— И про что там?

— Трудно сказать. Про то, как зарождаются вселенные. И про то, что чья-то персональная смерть или персональная боль не то, что не имеют совсем никакого значения,

а равнозначны плевку, растоптанному пешеходами на асфальте какой-нибудь Средней Никитской. Правда, с другой стороны, плевков вшивого гомосека, только что вышедшего из тюрьмы, может иметь высшую мистическую ценность, и каждый посвященный норовит его поскорей слизнуть.

Отчего это? Если на моем жизненном пути возникают девушки, то они всегда ужасно умные — если читают про сало, то оно обязательно голубое, а если смотрят картинки, то это обязательно кубизм?

— Тьфу, гадость, — заметил я вполне равнодушно.

Неожиданно, сразу после этого плевка, Настя сказала:

— Еще я где-то читала, что мы остаемся детьми до тех пор, пока жива мать, пока кому-то можно сказать «мама». И это, как незримая стена, которая тебя защищает. Значит, теперь я стала взрослой.

Не умею утешать. В этом деле женщины — большие специалисты. У них всегда слова находятся.

И все-таки я погладил ее по голове, и она задержала мою руку, прижавшись к ней ухом и щекой.

— Мне все время хотелось тебе позвонить из Москвы, — сообщила она.

— Так я и думал, что ты была в Москве.

— Почему?

— Потому что твоего отца интересует все от компьютеров до графитовых стержней, и наверняка не интересует только одно — классические детективы. Ему кажется, что человека проще всего спрятать в большом городе.

Я хотел развить тему, но неожиданно увидел ее губы на таком от себя расстоянии, которое уже трудно разорвать без помощи технических средств — например, военных тягачей. То есть еще плюс два-три сантиметра, и все было бы в порядке, можно было разбежаться в разные стороны вселенной, о которой сочиняет трактаты неизвестный Сорокин, или в разные стороны «Ауди», что, впрочем, в определенном смысле — одно и то же. Но достигнутое расстояние так же неизбежно толкает двух человек навстречу друг другу, как сэру Исааку Ньютону невозможно избежать падающих сверху яблок. Я почему про него вспомнил? Ведь всемирный закон про губы именно он и открыл. Называется законом всемирного тяготения.

— ...А на улице, наверное, на Никитской, — предположил я, отдышавшись.

— Что на Никитской?

— В Москве ты жила на Никитской? Средней там, кажется, нет. А Малая и побольше есть.

— Серпуховский вал, дом семнадцать, квартира тринадцать, — без запинки выдала Настя. — И телефон есть...

Вот и проявил проницательность.

— Ты бы все-таки не очень разбрасывалась адресами и паролями, — заметил я.

— Не тебя же бояться. Если тебя бояться, кому верить? А больше никто и не знает. Кроме папы, конечно.

— А это чья квартира?

— По-моему, наша. Он мне просто ключи дал и сказал, что про нее никто не знает.

— Можно тебя еще раз поцеловать? — спросил я.

— Можно. Только давай сегодня больше ничего не будет?

— ...Расскажи про себя, — попросил я чуть позже.

— А что?..

Говорят, что каждый человек может написать хотя бы одну книгу — про себя, про свою жизнь. Настя прожила всего двадцать лет, не знаю, как насчет книги, но слушать ее было удивительно интересно. Может, это правда, что каждый человек может? Но, наверное, такую книгу надо было издавать тиражом в два или три экземпляра.

Я всего не запомнил, но главное заключалось вот в чем: до шести лет жила в Ялте, потом всей семьей переехали сюда, а на шестнадцать лет родители подарок сделали, отправили в Артек.

— Чего вдруг из Ялты в Новосибирск? — удивился я. — Как-то не вяжется. Уж скорее наоборот.

— Мама с папой не поладили, а мама тогда еще боевая была. Работала главным бухгалтером в санатории, а папа — обыкновенным инженером на судоремонтной верфи. То есть весь достаток в доме, как я теперь понимаю, — от мамы. Однажды боевой маме что-то не понравилось в папе, она в одночасье собрала вещи и детей в моем лице и уехала к родственникам сюда, в Новосибирск. Папа помучился-помучился в Крыму, приехал за нами, да так здесь и остался. Потом у папы бизнес пошел, а у мамы, наоборот, не заладилось. А потом и вся семейная жизнь, все приоритеты перевернулись.

— Бывает. И что Артек?

— В Артеке я познакомилась с НИМ.

— С кем?

— Просто с НИМ. Он вожатым был. Не в нашем отряде, а у художников. Знаешь, такие профильные смены бывают?

— Слышал. Сам-то я по Артекам не того... Ни денег у родителей... И профиль у меня не художественный.

— Ну и вот, тогда у меня первый раз это и произошло.

— В смысле, секс? — с солдатской прямоотой уточнил я.

— Да... Знаешь, я теперь понимаю, что у него это тоже в первый раз было. Он хоть и казался мне тогда ужасно взрослым... а так, если разобраться, студент-третьекурсник. В общем, это называется любовь. И я его еще долго любила...

— Всю оставшуюся смену?

— И потом еще два года.

— Как это? Ты, что ли, на два года в Артеке осталась, или он за тобой в Новосибирск приехал?

— А если он приехал? — загадочно улыбнулась Настя.

Ох, любят девушки тумана напускать.

— Да нет, все не так, — исправилась она. — Он тоже из Новосибирска был, из нашего педа, с худграфа. Поэтому это все здесь происходило, в Новосибирске, любовь то есть происходила...

— И потом, как водится, он тебя бросил.

— А вот и нет. Он меня замуж уговаривал идти каждый день.

— Прямо каждый? — усомнился я.

— Ну через день. Если хотя бы раз в неделю, может, я, как дура, и согласилась. Но такая настойчивость любую дуру насторожит.

— Если все так и было, как ты говоришь, то это уже не настойчивостью называется, а

занудством. Хотя я лично с такими фактами в жизни не сталкивался. И уж скорее бы предположил, что к занудству склонны девушки, причем обязательно с истерикой. Истерики — любимое занятие девушек. Может, поэтому женщины и живут дольше мужчин, что все свои эмоции не в себе копят, а, словно помои, выплескивают на мирных граждан.

— Вот именно, он настоящие истерики закатывал. Я перестала его воспринимать как мужчину... Это вообще был какой-то кошмар, как я готовилась ему объявить, что между нами все кончено. У нас уже, примерно, полгода, как все кончилось, ну, всякие такие отношения... А просто все состояло из бесконечных разговоров, все отношения выясняли. Он поверить не мог, что все кончилось. Я уже полгода от него скрывалась, как могла, а он понять не мог. Я решила ему объявить все окончательно и не решалась. Я думала, он или тут же из окна выпрыгнет, или застрелится. Или еще того хуже — меня с собой прихватит.

— Да, тяжелая у вас, у девушек, доля, — согласился я, впрочем, без особого сочувствия.

В этих бесконечных женских рассказах про безумную мужскую любовь мне всегда видится больше вымысла, чем правды. Или даже не вымысла, а просто они, девушки, принимают желаемое за действительность.

Мне тридцать три года. За этот, с позволения сказать, срок чего только не случилось. Одной говорил, что без нее мне жизни нет. Другой — что она самая лучшая, лучше Синди Кроуфорд. Не потому, что так на самом деле думал, и не из банальной идеи, обманув, обольстить, а чтобы человеку приятное сделать. Во всех журналах пишут, что девушкам нужно всегда говорить приятное, от этого у них обмен веществ улучшается.

Если бы я действительно кого-то хотел обмануть, то придумал бы что-нибудь похитрее. Я вроде бы свой оздоровительный долг выполнял, а теперь представляю, что одна кому-то с внутренним восторгом рассказывает, как известный боксер, без пяти минут чемпион СССР без нее жить не может, а другая — что без пяти минут чемпион ухе, наверное, повидал всякого, но даже он считает, что она (другая) лучше Синди Кроуфорд.

— А потом, — рассказывала Настя, — у меня несколько лет никого не было. Вообще никого. Можешь себе представить? Пока не появился Краснопольский, но об этом ты знаешь.

По моим понятиям, у красавиц так не бывает, чтобы несколько лет никого. А девушка на соседнем сиденье была красавицей.

— А тот, первый, все-таки что предпочел: из окна прыгнуть или застрелиться?

— Да нет, живой остался.

Так я и думал.

— Теперь уж, наверное, женился на другой, родил детей? — предположил я.

...Но Насте скучно уже стали преданья старины глубокой.

К десяти часам в целости и сохранности я доставил ее домой, на Депутатскую, 2, с тем, чтобы завтра с утра она вновь укрылась в московской квартире на Серпуховском валу.

С бывшей секретаршей Зиновьева, Женей Поляковой, произошла такая история.... На следующее утро ненавязчиво, чтобы не пробудить в ней и в окружающих новосибирцах нехорошие подозрения, я ее вычислял и часам к одиннадцати нашел в магазине с громким названием «Автомаркет Сириус».

«Автомаркет Сириус» волею звезд занесло на улицу Мира, которую, в основном, населяют пролеткультовские ЗИЛы и ПАЗики. А еще у истоков этой улицы, если кто-то еще не знает, самое чистое в мире олово выплавляет Новосибирский оловокомбинат. На таком сугубо индустриальном фоне моя не самая свежая «Ауди» смотрелась неплохо.

Я затормозил на противоположной от автомаркета стороне улицы и приготовился к знакомству с девушкой Женей самым тщательным образом, а именно произвел убийственную для всякой патогенной, а возможно, и полезной флоры, гигиеническую операцию, залив в полость рта полфлакона «Орал-би».

Зубной эликсир «Орал-би» нужно разбавлять в воде — несколько капель на полстакана. Но, во-первых, под рукой не оказалось воды, во-вторых, водители из фирмы Треухина не догадались оборудовать машину стаканом, а я тоже догадаться не успел.

Вот так, интеллигентный такой, в специально купленной белой сорочке, виднеющейся из-под куртки, дыша духами и туманами, я зашел в «Сириус», который при беглом осмотре оказался обычным грязноватым складом запчастей.

На промасленном фоне свежо, как самый первый весенний огурец, выглядела девушка в чистеньком светлом пуловере и темной складчатой (поскольку дело было на складе) юбке. Кроме нее торговые операции производили двое юношей, примерно моего возраста.

Я сразу сообразил, что девушка в юбке и есть Женя Полякова. Не только потому, что она оказалась здесь единственной фигурой женского пола, но потому, что я бы и сам взял столь точеную фигуру секретаршей, даже не обратив внимания на прочие деловые качества. Правда, у меня своего-то стола нет, а тем более — для секретарши...

Несколько минут я бесцельно водил носом по полкам, дожидаясь, пока Женя Полякова освободится от двух нудных владельцев самодвижущихся тележек тольятинского производства, а затем, улыбаясь самой лучезарной своей улыбкой и дыша (не могу не повториться) чудодейственным эликсиром, произнес...

...Сам Бельмондо не смог бы подъехать круче...

...Я сказал почти с французским акцентом:

— У вас есть датчик включения вентиляторного обдува двигателя?

После такого изысканного наезда любая девушка должна отдаваться без предварительного обсуждения цены и прочих условий. И Женя совсем уж было собралась разублажаться, но тут откуда ни возьмись вынырнул паренек в темном канцелярском халате и, согласно новейшим правилам общения продавцов и покупателей, попытался завязать дружелюбный разговор...

Все-таки насколько проще было при социализме! Там все было понятно, кто друзья, кто враги. Одноклассники — друзья, таксисты и продавцы — враги: «Есть датчик?» «Нет!» И сразу все понятно.

...А этот, в халате, начал заинтересованно общаться:

— Что с двигателем?

— Грется! — забыв о французской обходительности, буркнул я.

— Грется?! — Он так обрадовался, будто я подарил ему апельсин.

— Ага... Я на тебя гляжу и сам греюсь, — еще менее любезно объяснил я.

Парень обломался со своей вежливостью и уже гораздо менее дружелюбно уточнил:

— Для какой машины?

Еще не хватало, чтобы у них здесь на улице Мира датчик нашелся.

— Для «Мерина», — придумал я.

Халат быстро посмотрел сквозь витрину на мою «Ауди», похоже, заметил, наблюдательный, что я на ней подъехал.

— Для «Мерседесов» нет, — ответил он...

Женя тем временем отошла по своим делам, момент был упущен, и мне не оставалось ничего другого, как бесславно покинуть магазин.

...В такого рода делах, как знакомство с девушкой, да еще и не последней в списке топ-моделей, хотя бы даже и служащей на автоскладе по улице Мира, большую роль играет тщательно спланированный случай. Если, конечно, представить некому, в смысле, познакомиться. Но кто меня с Женей будет знакомить? Общих приятелей нет. Настя по эту пору уже приземлилась в Москве. Разве что паренек-продавец, с которым мы почти подружились за разговором про датчик... Но что-то мне подсказывало, что он знакомить не станет.

Так вот, случай. Например, очень хорошо всей массой тела, как бы зазевавшись, налететь на незнакомку в просторном холле офиса, да так, чтобы стопка папок и прочих деловых бумаг из ее рук рассыпалась по разным углам на мелкие кусочки. Похожую фиговку я видел один раз в рекламном клипе про очередную зубную сенсацию. Там милая девушка с уверенным дыханьем совсем даже не обиделась на подобный маневр, а напротив, как будто всю жизнь об этом мечтала и тут же во весь рот разулыбалась такому же бледнозубому, как сама, неуклюжему красавцу-брюнету. Собирая разлетевшиеся бумажки, мы бы мило беседовали и через минуту не представляли друг без друга жизни.

У спортсменов есть такое понятие — идеомоторная подготовка. Например, готовя удар на ринге, я держу в голове его мысленную модель: ложное движение левым плечом, этот, в черной промокшей майке, тонко реагируя, уходит назад и чуть вправо, я делаю короткий шаг левой и вижу открытое ухо этого, в черной промокшей майке, а моя правая перчатка, будто тяжелый состав с каменным углем из Кузбасса, летит в это ухо.

Ух! И всем корпусом я проваливаюсь в пустоту! И так бывает. Кстати, чаще всего.

Еще лучше идеомоторную подготовку можно представить на примере гимнаста. Перед выходом к перекладине он стоит и мысленно прокручивает комбинацию или наиболее сложные ее элементы. Бывает, что уже в голове что-то не ладится, тогда он продолжает стоять, добиваясь полной идеомоторной ясности.

Так и я, сидя в машине, припаркованной в переулке на некотором отдалении от «Сириуса», занимался мысленным моделированием, но почему-то вместо бумаг Женя все время несла большой картонный ящик. Вот я, как бы в полной рассеянности, выхожу из дверей, сталкиваюсь с изящной девушкой... Ящик падает, раскрываясь в полете, и оттуда прямо мне на ногу вываливается заляпанный электролитом аккумулятор 6СТ-55 килограммов на двадцать пять! Несколько раз я пытался заставить Женю нести что-нибудь полегче, например, гайки на четырнадцать, но в итоге на ногу все равно падал аккумулятор. Вот они, загадки сознания!

Меня из магазина видеть не могли, зато я держал в поле зрения весь двухэтажный особняк, часть первого этажа которого занимал автомаркет. Не было времени ждать, когда Женя соберет в пачку деловые бумаги и начнет разгуливать в ожидании столкновения. И до вечера не хотелось ждать, я рассчитывал, что случайное знакомство может состояться во время ее обеденного перерыва, если она, конечно, не останется перекусывать китайской лапшой за прилавком. Погода неплохая, минус два-три, солнышко, чего ей, молодой, симпатичной, в помещении лапшой давиться?

Действительно, как только радио «Лотос» пропело два, я бы даже сказал, едва наступило два, из-за угла дома вышла стройная фигура в бледно-зеленом стеганом пальто, лисьей шапке и на высокой черной шпильке.

Вырулив из-за сугроба, я крался на первой скорости метрах в пятидесяти, пока девушка не зашла в местный минимаркет. У нас теперь везде маркеты: И что в них такого особенного? Магазин как магазин...

Вот оно то, о чем я мечтал: она задумчиво стоит перед богатым ассортиментом, а я, случайно оказавшись поблизости, ненавязчиво подсказываю взять баночку мидий в горчичном соусе, скупыми красками описывая их нежный аромат, и тут же между нами завязывается тесная дружба, а ночью она с радостью выкладывает все про своего бывшего босса Зиновия.

Все получилось не совсем так, как задумывалось. Нигде особенно не задерживаясь, заученными движениями Женя складывала в пластмассовую корзинку две коробки сливок, граммов двести сыра, упаковку копченого мяса, коробку сока «ВВ»...

Я бродил за ней, как дурак, пытаюсь определить лучший момент для контакта. И вероятно, при этом выглядел подозрительно, потому что здешняя продавщица поглядывала-поглядывала на меня и, наконец, не выдержала:

— Может быть, вам помочь?

В тот момент помочь мне могли два человека — Дон Гуан и этот, маньяк из Италии, как его, забыл фамилию... Могли бы помочь советом, но вернее всего, ничего бы они не стали советовать, а предпочли «снимать» девушку сами.

Тем временем Женя направлялась к кассе.

В ответ на происки продавщицы я отрицательно замотал головой, как конь, измученный слепнями, и бросился наперерез ускользящей добыче. Кажется, и про это был ролик — про рассыпающиеся продукты в магазине, там, предварительно проглотив по два драже «Тик-така», тоже сталкивались Он и Она.

Неожиданно появившись из-за прилавка, я должен был налететь на покупательницу в стеганом пальто и рассыпать ее корзину. Но расчет оказался неверным, разве что уж совсем пьяным представиться, но некоторые недотроги недолголюбивают пьяных; уже всем было понятно, что наши орбиты в этой точке супермаркета ни за что не пересекутся, но я все же сделал последнюю, неуклюжую попытку подставить Жене что-то вроде подножки.

Дорогим сапогом на шпильке она наступила мне на ногу и сквозь нежную кожу «Найка» едва не проткнула насквозь ступню. Зато я вдруг вспомнил фамилию итальянского маньяка — Казанова.

— Ой! — испугалась Женя. — Извините, пожалуйста, я не хотела...

Разумеется, я сам этого хотел.

— Ничего, — пробормотал я. — Все в порядке.

Женя пожалала плечами и пошла дальше.

Необязательно было рассыпать продуктовый набор, случай подарил мне другой шанс — лучше не придумаешь. Но от неожиданности и боли в моей голове перегорели какие-то заслонки. Как в древнем анекдоте про одного ковбоя. Этот ковбой увидел на пляже одиноко загорающую девушку, начал придумывать, как бы к ней подъехать, и вот что придумал: «А покрашу-ка я лошадь в красный цвет, поскачу мимо, девушка скажет: какая у вас красивая красная лошадь, тогда я скажу: а не переспать ли нам, красотка?..» Покрасил лошадь в красный цвет, поскакал мимо, подруга — ноль внимания. Ковбой думает: неправильный цвет выбрал. Покрасил лошадь в фиолетовый цвет, поскакал мимо, та опять на него не смотрит. Все цвета перебрал, осталась у него голубая краска. Покрасил лошадь в голубой цвет. Скачет мимо. Красотка ему говорит: «Ковбой, а не переспать ли нам?» А он как заорет: «Ты что, дура, ослепла? Не видишь, какая у меня красивая голубая лошадь?!»

— Пойдите, — заковылял я за Женей. — А ведь я теперь ходить не могу.

Сегодня был не мой день. Сначала я упустил момент. А потом, видимо, выбрал неправильный тон — слишком фривольный, что ли... И фраза прозвучала пошленько. А может быть, и вообще была не судьба, потому что, обернувшись, она отозвалась неожиданно резко:

— И что мне теперь вас на руках нести? Нечего было ноги подставлять! Что вы ходите-то за мной весь день?

...Два ежика, один слепой, другой одноглазый, пошли в гости к девочкам. Одноглазый, естественно, ведет слепого. Тут ветка — раз и выхлестнула последний здоровый глаз. Первый ежик: все, п...ц, пришли! Второй: здравствуйте, девочки!

Что я не так сделал? Наверное, зря эликсиром зубы полоскал. Сказано «Тик-так», значит «Тик-так».

...Зато неожиданно мой прием произвел искомое впечатление на здешнюю продавщицу, которая буквально истекла сочувствием и чуть ли не подставляла плечо:

— Гражданин, присядьте, вот стул. Принести нашатырного спирта?..

Наверное, неважно я все-таки выглядел.

...Источник информации пришлось дожимать совсем другим способом. Кое-как отвязавшись от жалостливой продавщицы, на одной ноге я допрыгал до улицы, где сзади грубо обхватил Женю Полякову за шею и змеиным шепотом прошипел:

— Тихо, дура! Не будешь орать, останешься живой!

Вряд ли она дышать-то могла нормально, не то, что орать. А пешеходы на улице Мира еще и не такое обращение видали — я забыл сказать, что с одной стороны здесь Оловокомбинат, а с другой — завод имени Ефремова.

Один мужичок вылупился было с недоумением, когда мимо него я тащил Женю к машине, но я сверкнул зверским взглядом, и пешеход сразу осознал всю беспочвенность своего недоумения. И еще бабушка заподозрила неладное.

— Куда это ты?.. Что это ты? — запрочитала она.

— Вы бы, бабуся, лучше «Скорую помощь» вызвали, чем вопросы задавать, — я укоризненно покачал головой. Не видите, человеку плохо?

Запихнув полуживое тело на заднее сиденье, я быстро пересел вперед и дунул к Бугринской роще, месту, не то чтобы мрачному, но в некоторых местах уединенному, особенно в зимнее время.

В одном из затененных уголков я обернулся к продавщице, притаившейся на заднем сиденье, при этом постаравшись придать лицу самое отъявленное выражение. Мне плохо

удается бармалейский вид, особенно по отношению к девушкам, но, по крайней мере, я честно стараюсь.

— Ты меня знаешь? — спросил я с угрозой.

Еле заметно Женя покачала головой в том смысле, что не имеет удовольствия.

— А зря, — заметил я зловеще. — Все девушки Новосибирска трепещут, слышав мое имя... Вот чего ты боишься больше всего на свете?..

Братец Кролик в таких случаях уверенно отвечал: «Только не бросайте меня в колючие кусты», а Женя совсем растерялась. Единственной ее целью стало — слиться с обшивкой сиденья, как хамелеон сливается с листом агавы.

— ...Так вот, чего боишься, то и получишь... — пообещал я.

Почему я так осторожно заводил рака за камень? Потому что из всех пыток не с целью получить удовольствие, а с целью получить информацию, я употреблял только одно — ствол к уху. И обычно этого хватало, а тут вроде с девушкой неудобно оперировать пистолетом, я и занервничал.

Вообще-то я опять неправильно выразился. Терзать человеческую плоть, а равно и сознание, для того лишь, чтобы получить наслаждение — это все выдумки писателей и кинорежиссеров. Во всяком случае, у меня все наоборот — когда я подношу пистолет к чужому уху, это я к своему уху его подношу. И мне так же страшно!

— ...Хочешь, изнасилую? — уточнил я. — А хочешь, изнасилую со смертельным исходом?..

...И еще приплюсовал несколько угроз в том же роде...

— Вы — милиционер? — неожиданно спросила странная Полякова.

— У меня, что ли, лицо такое дебильное? — возмутился я.

— Нет, что вы! — перепугалась Женя. — Просто говорите вы немного странно. Не как бандиты. Ой, извините!

...Слово за слово, я изложил свое предложение: она рассказывает все про свою деятельность в фирме «Евдокия и К⁰», а я ей за это — жизнь и неприкосновенность с последующей доставкой к месту работы.

Уяснив цену жизни, Женя, кажется, даже повеселела. Она-то всяко настраивалась на худшее. А так — почему ж?.. Подписку о неразглашении в «Евдокии» с нее не брали. Да и вообще, за два месяца пребывания ничего особенного она там не заметила...

...Часа за полтора общения мы с ней чуть ли не подружились, чтоб мне подавиться! И даже снова перешли на вы! Она как будто забыла, каким образом очутилась на глухом разъезде посреди застывшего березового леса. А может быть, в этом и заключается пресловутое женское актерское мастерство — что я решил, будто мы с ней лучшие друзья? А она просто стремилась мне угодить, чтобы не угодить простреленной головой в сугроб...

— Конечно, мне с первых же дней подруги и знакомые докладывали, что этот Зиновьев — личность мафиозная, — рассказывала Женя, — а про кого сейчас так не говорят? Фло когда об этом напоминают изо дня в день! — «Где работаешь? — У Зиновьева! — Ого!»... и сразу в глазах — то ли ужас, то ли восхищение. И чуть ли ни каждый второй спрашивает: «А где он трупы прячет, не в приемной ли?» Может, кому-то и приятно жить в такой ауре, а я не смогла, поэтому и уволилась. Хотя и платили там нормально, и на отношение пожаловаться не могу.

— Разве так бывает? Чтобы и платили нормально, и никто не доставал, а человек бы все равно увольнялся?! Из-за ауры?! А шеф как выглядит? К референтам не пристаёт?

— Ничего подобного. И остальным не разрешает. То есть у окружения глазки, конечно, бегают, но и только. Там западный стиль принят — белый верх, черный низ, и даже в тридцать пять градусов жары — в колготках или чулках... Хотя кондиционеры везде... И все на «вы».

— А контора где? — спросил я. — Кажется, где-то в центре?

— На Мичурина.

— Правильно. Большое помещение?

— Комнат семь-восемь. Или девять.

— Технический отдел там же расположен?

— Не знаю. Не помню я такого отдела. Нет у него такого отдела.

— А служба безопасности есть?

— Есть. Двое по очереди через день с Зиновьевым ходят, они же водители. И один человек на вахте сидит.

Женя взглянула на меня быстро-быстро, но я успел прочитать в ее глазах догадку: ага, охраной интересуется, наверное, киллер, готовит смертоубийство. А может, и не так. Наверняка ей спокойнее было думать, что я мент.

— Филиалы у конторы есть? — спросил я.

— Мне об этом ничего не известно.

— А насколько вы вообще были в курсе дел? Должность референта, она ведь предполагает информированность...

— Во-первых, я там не единственный референт. Вот Виктория Осиповна, я думаю, в курсе. Она у них с самого начала работает референтом. А я ей помогала, в основном, так — приказ о выговоре напечатать, факс отправить и кофе шефу подать.

— Фамилия Яблоков вам о чем-нибудь говорит? Василий Андреевич.

— Э-э-э... Вроде слышала когда-то... Нет, вряд ли.

Я все никак не мог придумать, как потоньше подвести разговор к теме прослушивания телефонов. Если все обстоит так, как она говорит, вряд ли ей что-нибудь известно. Я думал-думал, насчет, как потоньше, да и придумал:

— Этот Зиновьев увлекается вот чем — подслушивает чужие телефоны. Что тебе об этом известно?

— Я ж говорю, что ничего не знаю про все эти дела.

— Точно? — я вновь напустил на себя максимально злобный вид. — Может быть, припомнишь какие-нибудь намеки?

— Нет, — покачала она головой. — Ничего я об этом не знаю. Наоборот, раз в неделю приходил к нам человек и все осматривал на предмет подслушивающих устройств.

— Что за человек?

— По имени Юра, по фамилии его никто не называл, и я тоже не интересовалась. Он из радио...

— В каком смысле, из радио? Из какого?

— Из «Лотоса». Знаете Такое? Его Зиновьев финансирует. Он сам чуть ли не йог, тс есть вообще Индией интересуется. Ездил туда. И радио организовал.

— И этот Юра, значит, из «Лотоса»? Он там кто, главный ди-джей?

— Он там по технической части. Вообще, к нему у нас все очень уважительно относились. Он, по-моему, раньше даже в ФСБ работал... В ФСБ, наверное, денег меньше платят... А ди-джейи в «Лотосе» — все девушки.

Теперь я и сам вспомнил насчет ди-джеев, что в «Лотосе» за базар отвечают исключительно молоденькие женские голоса. Какая-то Жанна Дуда с утра все кого-то будит. Это у них такая программа есть. Называется то ли «С добрым утром», то ли «Поздравление и постель». Часов в шесть будят тебя по телефону и говорят:

— Здравствуй, Коля, тебя разбудило радио «Лотос», ты в прямом эфире. Тебя просила поздравить с днем рождения твоя подружка...

Коля стоит в трусах и с бодуна ничего понять не может.

— А? — говорит. — Кто говорит?

— Радио такое, «Лотос», а лично меня зовут Жанна Дуда.

— А? Какая Жанна?

— Ну из «Лотоса», а зовут меня Жанна Дуда.

— А, это вчера возле кафе, что ли, познакомились? — вроде бы начинает просыпаться несчастный.

— Да нет же, мы с тобой незнакомы. Мы в прямом эфире.

— Жанка, ты, что ли? В каком эфире?

Эта самая Дуда уже тоже понимает, что так дальше продолжаться не может, и начинает круто менять тему разговора:

— Коля, ты в ПТУ учишься?

— Ну.

— На машиниста козлового крана?

— Ну.

— У тебя сегодня день рождения?

— Ну.

— Тебя поздравляет с ним твоя подружка.

— Какая подружка?

— У тебя есть подружка?

— Ну.

— Как ее зовут?

— Лена.

— Вот как?.. Нет, с днем рождения поздравляет тебя твоя подружка Света и шлет тебе свой музыкальный привет. Сейчас для тебя в прямом эфире будет петь твой любимый певец Марк Нопфлер с композицией «Ю ин зэ ами нау».

— Але, кто это говорит?

«С тобой, козел, уже никто не говорит», — хочет закричать Жанна Дуда, но в прямом эфире так себя вести не принято.

— Коля, — говорит она бодрым голосом, в котором уже начинают звучать истерические нотки, — включай радио «Лотос» и слушай свою любимую песню...

«...Может, ты ею подавишься!»

— ...То есть студия этого «Лотоса» находится в конторе на Мичурина? — уточнил я у Жени Поляковой.

— Нет, и редакция, и студия находятся на последнем этаже общаги Академии госслужбы. На Красном проспекте.

— Что-то не припомню там такого общежития.

— Бывшее общежитие партшколы...

...Появились первые признаки вечера, когда я закончил вытаскивать из Поляковой

последние детали и отвез ее к магазину. Она ушла, не попрощавшись и не поблагодарив за доставку.

...Впрочем, на городских улицах еще лежал день. Я имею в виду, что вечер всегда просыпается в лесу под деревьями и оттуда расползается по городам.

Чем больше город, тем позже в него вползает ночь. Наверное, есть на свете города, где никогда не бывает ночи. А самый первый город, куда она приходит, это, наверное, Коченево. Или Тогучин.

А еще это зависит от души. Бывают души, где сумерки поселяются навечно. Но это не совсем про меня.

Порядки в общежитии Академии госслужбы, можно сказать, зверские, совсем не похожие на то, что творится по всей огромной стране России, где каждый человек теперь делает почти все, что хочет. На вахте в этой общаге сидит человек не человек, женщина не женщина... Древний грек, автор истории про подземную собаку Цербера, наверное, увидел подобное существо на входе в какой-нибудь свой амфитеатр, вот его и осенило насчет мифологии.

Сначала я просто хотел пройти мимо тетеньки, я даже и внимания на нее особого не обратил. Такие тетеньки везде сидят, тихо вяжут или телевизор смотрят. Но не тут-то было. Как раз передо мной шел паренек, его судьба и послужила мне примером.

— Стой, кто идет! — велела вахтерша тоном, не допускающим двойного толкования. — Куда направился?! Где пропуск?

Пропуска, естественно, не оказалось. Паренек начал мямлить нечто робкое про какие-то конспекты, будто бы крайне необходимые для постижения учебного процесса, каковые конспекты ему обещали выдать в четыреста первой комнате.

Нет, на какие-то исписанные тетрадки тетеньку купить было невозможно.

— Кто обещал? Кто там живет? — спросила она подозрительно.

— Таня Маслова, — стусевался искатель конспектов.

Совсем не науки интересовали юношу в этот час! Таня Маслова!

— Вот пусть она и выйдет. Оба распишитесь в журнале — во сколько пришел, во сколько ушел, тогда и занимайтесь.

— Как же она выйдет, если не знает, что я пришел?

— Сейчас кто-нибудь пойдет наверх и позовет.

Я как раз и поравнялся с вахтой.

— Ага, — заметил я деловым тоном. — Я позову, мне не трудно. Четыреста одиннадцатая, Таня Маслова...

Однако и мои непринужденные манеры завсегда не произвели впечатления на вахтершу.

— А ваш пропуск? — взревела она, как танковый двигатель на танкодроме ранним утром. — А вы кто такой?

— При чем здесь пропуск? Я по делу.

— Куда по делу?

— На радио «Лотос».

— Так бы и сказали. Вот телефон. Звоните.

Тетка подвинула мне детский игрушечный телефон без диска, вернее, с нарисованным диском.

— Как звонить-то? — не понял я.

— Вы трубку возьмите, а там вас услышат.

Вообще-то сейчас в мои планы не входило посещение студии. Я всего лишь хотел бросить на нее взгляд со стороны и ненавязчиво расспросить про тамошние порядки у здешних обитателей. Но отступать было поздно.

Действительно, телефон сработал, как было обещано.

— Слушаю, — сказала трубка мужским голосом.

— Э-э-э, с вами говорит поклонник вашего радио, — придумывал я на ходу. — Вы меня не знаете. Видите ли, я недавно вернулся из Индии, привез несколько пластинок с национальной музыкой и хотел вам подарить. Безвозмездно.

— Поднимайтесь на девятый этаж. Дверь будет открыта.

Минут десять-пятнадцать я гулял по общежитию, изучая внутреннее устройство... Все студенческие общежития дышат убожеством, а пахнут хлебом, но это не мешает их юным обитателям прекрасно себя чувствовать. Если у нас вся страна так пахнет, то какая может быть особенная тоска в общежитии?

В кухне на девятом этаже мешала ложкой в кастрюле девушка-бурятка с изумительно круглой головой, как будто выточенной на токарном станке.

— Я ищу радио «Лотос», — сообщил я доверительно, хотя на одной из дверей как раз и красовалась табличка с названием.

— Вон же оно, — подсказала повариха. — Вы звонили снизу?

— Звонил. А что?

— Потому что если не позвонить снизу, то к ним не достучишься. У них же там все время музыка играет, они не услышат. А звонок им нельзя делать, там же прямой эфир, мешать будет.

— Наверное, когда вы вырастаете, то тоже будете работать на радио.

— Почему?

— Вы так во всем разбираетесь. Прямой эфир и все такое... А вам их программы нравятся?

— А я не слушаю. У нас в комнате приемника нет.

— Вкусно пахнет, — похвалил я запах из кастрюли, прежде чем направиться к двери с табличкой «Радио «Лотос».

Тяжелая сейфовская дверь открылась без скрипа. Никто меня за ней не ждал. Из обыкновенной прихожей дверь налево вела в узкий, окрашенный бледно-голубой краской туалет, направо — в душевую комнату, переделанную под кухню, где на небольшом столике, застеленном зеленой клеенкой, стояли плитка на две конфорки, чайник, банка с солью, банка с вилками и ложками, торчащими наподобие осыпавшегося букета, старая металлическая хлебница...

Интерьер небольшой комнатки, начинавшейся за прихожей, составляли облезлый шкаф с потрепанными журналами и аудиокассетами, простой канцелярский стол, половину которого занимал старый цветной телевизор марки «Рубин», такой же огромный, как гроб для жены Треухина, журнальный столик перед диваном и, соответственно, сам диван, на котором в данный момент располагался молодой человек романтической наружности — с длинным Д'Артаньяновским носом и бородой, как у капитана Гранта. На журнальном столике стеснялись сами себя три бутылки новосибирского пива, из чего я заключил, что финансовые дела бородатого Д'Артаньяна далеки от идеальных. Пьет с утра... Опять же телевизор «Рубин»...

Над столом в стену было врезано окно в другой мир, а именно в аппаратную, или не знаю, как это правильно называется. Через толстое стекло виднелись стойки аппаратуры и большой разноцветный звукорежиссерский пульт, над которым работала желтоволосая девушка в наушниках. Наверное, Дуда и есть, других ведущих я все равно вспомнить не мог.

Неизвестно откуда доносилась музыка, что-то из глубокого детства. «Кинг Кримсон», что ли? Или «Эмерсон, Лэйк и Палмер»? Вкусы у них в «Лотосе» странные.

— Это я приехал из Индии. Прямым рейсом из Бомбея. Сергей, — я протянул руку.

— Андрей, — радушно отозвался на рукопожатие бородатый.

А я думал — Юра.

Некоторое время, не стесняясь в выражениях, я хвалил программы радио «Лотос», а довольный Андрей вставлял отдельные фразы типа: «Да ну, что вы?!» и «Не спорю, находка удачная, но многое еще предстоит сделать».

— ...А еще мне сильно нравится, как ваша Жанна Дуда с утра врывается в дома мирных новосибирцев.

— Это мы недавно придумали, — скромно отметил Андрей. — Хотите пива?

— «Остапа Бендера»? С удовольствием. Чуть-чуть, на два пальца.

С двух пальцев как раз и стошнит...

— А вы, наверное, здесь самый главный? — льстиво заметил я, отворачивая нос от заляпанного жирными пальцами стакана.

— Главный редактор, — охотно согласился Андрей.

— Большой у вас штат?

— Вовсе нет. Три ди-джея по сменам, все девушки — мы, знаете, решили поэкспериментировать, ведь на других каналах работают, в основном, мужики. Еще одна девушка готовит пятиминутные сводки новостей. Вот и все.

— А кто налаживает аппаратуру; настраивает и все такое?

— Есть у нас специалист. Марк Кофман. Я скажу, сильно в этом деле шарит...

— И все? Весь штат — пять человек! И такое классное радио!

— Ну, если быть точным, то приходит еще, конечно, уборщица, — вынужден был признаться польщенный капитан Грант. — Девочка-студентка.

А как же Юра, которого в «Евдокии» все любили?

— А это, значит, у вас аппаратная, — уточнил я, заглядывая в окно.

— Совершенно верно.

Кроме аппаратуры и желтоволосой девушки диджея, через окно была видна еще одна железная дверь.

— А там что? — спросил я.

— Пока ничего. Будем еще одну аппаратную делать, но это, наверное, не скоро — с финансами проблема.

Я скорбно покивал: дескать, ничего удивительного, с финансами всегда проблемы, и предложил:

— Может быть, я еще за пивом схожу? Или винишка по чуть-чуть?..

— Спасибо. Сегодня еще работать надо. А это так, — Андрей небрежно кивнул в сторону «Бендера», — похмельный синдром снять.

— ...Ах да, насчет пластинок из Индии, — вспомнил я перед уходом. — У меня с собой-то их нет, а в течение дня, может быть под вечер, я завезу...

Радушный капитан Грант ничего не имел против такого расклада.

Я в задумчивости вышел в коридор. Если за железной дверью еще не скоро они собираются оборудовать еще одну аппаратную, зачем перед ней лежит протертый коврик, вырезанный из ковровой дорожки? И если в штате «Лотоса» пять-шесть человек, которые работают посменно, почему из банки на кухне торчит такой густой букет вилок? Ох, я наблюдательный!

Теперь понятно, что таинственное помещение имеет еще один выход в коридор —

железная дверь плотно закрыта. За нею — тишина.

В кухне продолжала манипуляции над похлебкой давешняя круглоголовая бурятка.

— Как мне найти девушку, которая в студии пол моет? — ревизорским тоном поинтересовался я.

— Это Валя.

— Какая Валя? — еще строже спросил я.

— Ломбоцыренова. Мы с ней в одной комнате живем. Только ее сейчас нет. А вам зачем?

— Не понял. Ломбоцыренова — это фамилия такая?

— Да.

— Тогда почему Валя Ломбоцыренова не все комнаты моет? Вот там, где будет еще одна аппаратная, как будто неделю уже не убирала.

— Какую аппаратную? Вы имеете в виду ту комнату, за железной дверью?

— Вот именно.

— А ее и не надо убирать.

— Как это не надо?

— С самого начала сказали, мыть только две комнаты, а дальше не надо.

— А ты откуда знаешь про железную дверь?

— Я Валю подменяла, когда она уезжала, но Андрей, это самый главный у них, был в курсе и не возражал.

— А что там за дверью?

— Я не была там и не видела. Видела только, что какие-то мужчины туда ходят.

— Через какой вход ходят — отсюда или через радиостудию?

— И так, и так...

— Каждый день ходят?

— Похоже.

— Много мужчин?

Круглоголовая пожала плечами.

— Плохо! — огорчился я. — Считать надо!

Круглоголовая совсем растерялась, не в силах понять, за что на нее наезжает незнакомый начальник, и с какой стати она должна кого-то считать. А если действительно должна?

...Круто развернувшись, я вернулся в студию, где в прихожей нос к носу столкнулся с Андреем...

Вообще-то, конечно, по-хорошему, стоило наведаться сюда попозже в сопровождении хотя бы одного боевика, но, опять же, боевика искать, деньги платить... Что, я с какими-то мужчинами сам не справлюсь? Тем более, раз уж пришел...

...Вздрогнув от неожиданности, Андрей пояснил:

— А я дверь хотел закрыть.

— Правильно. На ключ запираете?

В красивых глазах капитана Гранта зажглись огоньки нехорошего предчувствия.

Быстро повернув в двери тяжелый сейфовский ключ и сунув его в карман, я втолкнул растерявшегося Андрея в комнату на диван: Кажется, капитан готов, к дополнительным средствам психологического воздействия прибегать не придется.

— Та дверь не заперта? — кивнул я в аппаратную.

— Наверное, заперта.

— Ключ есть?

— Точно нет! Точно.

— А там, собственно, что находится?

— А вы, собственно, кто? — Андрей сделал робкую попытку выправить положение.

— Повторяю: что за дверью?

— Не знаю. Просто люди работают. Сказали, что это какой-то тоже радиоотдел. Вроде нашего. Но засекреченный.

— Сколько там сейчас человек?

— Трое.

— Вооружены?

— Не знаю.

— Ну, а допустим, как вы их зовете чай пить?

Хозяину сильно не хотелось отвечать на этот вопрос, но пока голосовые связи сомневались, глаза опять сработали автоматически. На канцелярском столе под сенью «Рубина» стояли два детских телефона без дисков. Во техника! Впрочем, вполне удобно и к тому же минимум затрат. Интересно, кто додумался? Один, значит, связан с вахтершей внизу, а второй с соседней комнатой.

Желтоволосая девушка в аппаратной продолжала увлеченно работать, не замечая происходящего за стеной. То есть меня она видела, но не предполагала во мне дурных намерений — ничего особенного, к редактору зашел знакомый...

— Звони, — велел я главному редактору. — Уж я не знаю, что ты скажешь, но только та дверь должна открыться. Понятно?

Редактор кивнул.

Я дал ему еще несколько мгновений, чтобы он придумал нужные слова.

...Он протянул руку к одному из телефончиков...

— Стоп!

Я достал ствол и медленно поводил перед аристократическим гасконским носом..

— Точно все понятно?

Если у редактора и оставались сомнения, то последний аргумент их убил окончательно.

— Вась, ты? — спросил Андрей в игрушечную трубку. — ...Ага... Загляни к нам на пару минут... Для консультации...

— Теперь сиди смиренно! — велел я главному редактору. — Не дай бог тебе сойти с этого дивана!

Я шагнул в аппаратную.

Желтоволосая Дуда вскинула на меня вопрошающие глаза, потом теми же глазами через окно бросила «косяка» на начальника и сняла наушники, как видно, ожидая объяснений.

Начальник, согласно достигнутой договоренности, сидел, непричастностью к внешним событиям напоминая диванную подушку.

Из невидимого динамика тем временем доносился оптимистичный женский голос, читающий новости: «В минувшую субботу не повезло известному городскому политику, яростному критику областной администрации, Сергею Феодосьевичу Кибиреву, поэту и депутату. Он выпал из самолета на высоте две с половиной тысячи метров и ударился о землю, получив множественные переломы и значительную кровопотерю. Сейчас состоянию его здоровья ничто больше не угрожает».

У них это называется: не повезло! На высоте две тысячи метров выпасть из самолета и остаться живым! Что же тогда — повезло?

Как же это он выпал из самолета? Из какого самолета? Скинули, что ли? И даже на высоте две с половиной тысячи метров его достала грозная рука областной администрации?

— Здравствуйте, Жанна, — сказал я, включив галантность на полную мощность.

Между тем, ствол 9,2 продолжал укреплять мою правую руку.

— А я не Жанна, — растерялась девушка, заметив 9,2...

Я не успел разобраться с желтоволосой, и необязательные мысленные вопросы насчет депутата повисли без ответа, потому что моим вниманием завладел язычок замка, оживший в двери перед истертым ковриком.

Ступивший в комнату Вася оказался ростом немногим выше сидящей овчарки. Можно считать, что первый готов, или второй с учетом главного редактора. Помаячив стволом, указательным пальцем я коснулся своих губ, после чего крепко ухватил Васю за ворот клетчатой китайской рубашки и заглянул в соседнее помещение.

Вот тут денег не пожалели — светлые панели, встроенные светильники, ровное тепло... По подвесному потолку ползают бледные тени от крутящихся магнитофонных бобин. Вдоль стен как раз и выстроились ленточные магнитофоны — не меньше дюжины, три или четыре крутятся.

За одним из двух компьютеров работает девушка в джинсах и зеленых домашних тапочках, с хвостиком на затылке. Миловидная, если судить по прямой спине. На диване, скрестив ноги, под темными солнцезащитными очками лежит мужчина в наушниках веселенького перламутрового цвета — то ли музыку слушает, то ли дремлет.

— Всем к стене! — скомандовал я негромко.

То получился глас вопиющего в стране глухих или тупых. Девушка в тапочках хотя бы еще обернулась, оторвавшись от клавиатуры, а очкастый даже не вздрогнул. А я через очки понять не мог, то ли картину гонит, то ли взаправду не слышит.

Если это подпольный подслушивающий центр, должна же здесь быть хотя бы минимальная охрана хотя бы с одним стволом... Кто первым откроет огонь — карлик, девушка или очкастый? Карлик затих в моей левой руке, девушка смотрела такими же интеллигентными, прозрачными глазами, какие иногда бывают у Николь Кидман. Значит, слепой? В брюках оружие не просматривается, подмышками тоже не видать? Под голову что ли, подложил?

— Я говорю, к стене встаньте, — повторил я специально для Николь Кидман. — И вы, Жанна...

Через стекло я поманил пистолетом и главного редактора.

Очкастый по-прежнему не подавал признаков жизни.

— Дуб, у тебя конспекты есть? — произнес я знаменитую фразу из «Операции «Ы» и похлопал слепого по плечу.

Тот вздрогнул почти так же, как Виктор Павлов в молодости, сдернул с ушей перламутровые раковины и начал постепенно осознавать ситуацию.

Пистолета рядом с ним тоже не наблюдалось.

— Есть оружие? — спросил я. — Лучше сразу отдайте.

Выяснилось, что ничего подобного здесь сроду не водилось. Действительно, зачем оружие, если объект законспирированный?

Девушка с хвостом и глазами Николь Кидман оказалась оператором электронного

набора, а коротышка — специалистом по аппаратуре. Главную ценность в этом заведении для меня представлял слепой по фамилии Кириенко, дежурный аналитик информационного центра.

— Ты что — слепой? — спросил я, имея в виду очки.

— Нет. Просто в очках лучше думается.

А я раньше думал, что от очков это не зависит, я думал, надо больше фосфора есть или сахара. Надо будет тоже как-нибудь попробовать.

Кириенко не пришлось уговаривать насчет показаний. Мы с ним беседовали почти как лучшие друзья. Замечу, очень удобно беседовать с людьми, поигрывая пистолетом. А с другой стороны, разве Зиновьев ему родня, чтобы хранить его тайны до гроба? Кстати, пистолетом я как раз и не поигрывал, а напротив, скоро спрятал в карман, убедившись в лояльности присутствующей компании.

Вот только карлик все время угрюмо молчал, метая в меня отравленные стрелы из-под светлых бровей.

Я сказал:

— Ваша зарплата и прочие условия найма меня не интересуют, тем более, что это наверняка коммерческая тайна. Интересует вот что: слушаете вы такого — по фамилии Терехин?

— Есть такой, — отвечал Кириенко. — Раньше спорадически слушали, теперь перевели на стационар. Только, кажется, он теперь в отъезде. Уже дня два молчит.

— Чего? Как слушали?

— Спорадически, значит время от времени.

— Понятно. А почему на стационар перевели?

— Начальство решает, ему видней. Ну вообще-то, Терехин — интересный объект. Ему недавно из Красноярска должны были передать большую сумму денег в чемоданчике. Это как раз в мое дежурство было. Должны были еще перезвонить насчет подробностей, но больше звонков не было. Дураков становится все меньше — доверять секреты телефонным проводам.

Вот и выяснилось окончательно, откуда растут ноги всей этой истории. Высоко я залетел, если заказы на мое устранение отдаются не откуда-нибудь, а из кабинета Яблокова.

Кстати, в списке постоянных клиентов секретного центра, который с готовностью предоставил Кириенко, фамилия Боброва отсутствовала.

...Между тем женский голос из невидимого динамика раскрывал новые подробности падения Кибирева. Оказывается, он не выпал, а сам выпрыгнул. С парашютом. Две стропы перехлестнули купол, так он и летел. Страху, наверное, натерпелся...

На следующее утро произошло вот что... Сначала из киоска со «Сникерсами», который соединяется с жилыми помещениями, донесся вопль жены Самаковского Иры.

И Ира, и Сергуня недолюбливают насилие над своей личностью. Сергуня, в случае чего стреляет из охотничьего ружья, а Ира орет, пока в легких хватает воздуха.

Собственно, от этого крика я и проснулся, но пока еще не сообразил, что речь идет о насилии. Скажем, кот со шкафа спрыгнул в тарелку с утренним борщом. Шутки шутками; а я сам в деревне в детстве видел, как кот с забора сиганул в ведро со свеженадоенным молоком. Что ему в голову пришло? А тетушка-дойрка тоже вопила на все село, так ей было жаль молока. Все думали, пожар.

Кто как, а я утром обычно чувствую, сколько времени, без всяких часов. Не потому что в организм встроено особенное устройство, а по разным приметам, например, во сне чувствую, что проехал трамвай, значит теперь шесть, с натужными перепадами загудел мусоро-погрузчик «Спецавтохозяйства», значит, около семи, стукнула подъездная дверь и пискнула сигнализация в «Жигулях» соседа Жоры — половина восьмого, и так далее. И теперь я сразу сообразил, что новые сутки длятся уже восемь часов плюс пятнадцать — двадцать минут.

Вслед за оборвавшимся криком раздался грохот, как будто на пол рухнул стеллаж с консервированной сайрой, а может, и рухнул. Нет, из-за кота Ира бы не закричала.

Не успел я затянуть на джинсах ремень, как внезапно возникший черный силуэт одним ударом твердого предмета, формой напоминающего автомат, проломил окно моей комнаты, кажется даже вместе с рамой. Еще одна похожая тень мелькнула за вторым окном. И за дверью топали башмаки. Человека три минимум.

Только что мне снилось поле или луг с речкой, и в один миг пространство сузилось до размеров стенного шкафа, который, если расположить его горизонтально, напоминает... Правильно, это самое и напоминает... Рассвет, восемь часов двадцать минут — хорошее время для смерти. Но как они меня вычислили?

Оставив ремень, я схватил пистолет и дважды успел выстрелить по окнам. Первый черный человек получил дыру в грудь и со стоном повалился на снег, второй успел отскочить, да и пуля все равно шлепнулась в стенку у подоконника с ящиком для выращивания зеленого лука.

Я рассчитывал развернуться к двери и устроить пацанам в ботинках Фермопильский проход. Правда, настоящего Фермопильского прохода все равно бы не получилось, потому что в спину целились два окна...

Обычно я дружу со временем. Обычно, но не всегда, сегодня башмаки оказались проворнее. Ввалившийся в комнату мужик, так примерно моей категории, незнакомый, ударил меня автоматом по запястью, пистолет отлетел чуть ли не к ящику с луком. Вообще таким ударом можно и кость переломить, но хорошо, я успел убрать ее с направления главного удара.

Левой я коротко влепил ему по уху. Мужик качнулся, в ухе у него, точно, загудел Царь-колокол, но он устоял, и, чувствуется, ориентации в пространстве не утратил. Я уже готов был продолжить атаку правой, но комната стремительно наполнялась людьми. Никакая правая уже не смогла бы исправить ситуацию, но все же я не мог отказать себе в

удовольствию ударить по врагу последний раз... Ничего я этим утром не успевал...

На голову мне стремительно опустилось нечто твердое и абсолютно авторитетное, вроде обрезка железнодорожного рельса. Сколь незащитно нежное человеческое сознание перед рельсом!.. Вслед за рельсом пришла ночь...

Последним чувством было сожаление по поводу ранней и бесславной кончины. Тридцать три года — разве это возраст? Сколько бы еще добрых дел я успел совершить! Со сколькими девушками познакомиться! Сколько шампанского выпить!.. И кажется, еще я мимолетно удивился тому обстоятельству, что среди напавших на меня бандитов нет знакомых лиц. В смысле нет тех, кто убивал Краснопольского и потом устраивал на меня засады. Да сколько же их может быть в команде? Что ли имя им — легион?

...Года два назад мне довелось видеть, как моему знакомому Ване Шеферу, известному в Новосибирске исполнителю разного рода расправ, делали трепанацию... чайника. Ваня выходил победителем из многих сражений, в том числе и с применением железных дубинок, а пострадал, можно сказать, из-за гигиены — выходил из ванны, поскользнулся на кафельном полу и ударился головой о край ванны. Совершенно трезвый!

Как объяснили доктора, у него между костью и головным мозгом образовалась лепешка запекшейся крови, которую надо было выскрести. Не хотел бы я оказаться на его месте, столовой совершенно круглой и оранжевой от крови и йода. Не хотел бы, но, как видно, придется...

На темечко будто водрузили раскаленный утюг. Там точно теперь лепешка из крови будет. Из носа медленно испарялся запах нашатырного спирта, а перед глазами в расплывающемся тумане болтался... висельник. Откуда он взялся в квартире Самаковского?

Существовала только боль в голове, а на все остальное мне было наплевать. Но только не на висельника. Никогда раньше не приходилось видеть такой кошмар. И он подействовал на меня, как очередная порция нашатыря. Ерунда! Не может такого быть! Сегодня же не четырнадцатый век, а двадцатый, можно даже сказать, двадцать первый!

Это не квартира Самаковского. И вообще не квартира. Цементная гробница. Тюремная камера с облупившейся под потолком зеленой краской. Не существует камер без облупившейся краски... Я сижу на стуле... О, значит, я еще и сидеть могу, а я думал, только лежать. Передо мной стоит мужик в выцветшей спортивной кофте, которые раньше очень смешно называли олимпийками или мастерками. А за ним действительно видна самая настоящая виселица, вделанная в стену деревянная консоль со свешивающейся петлей. В петле, правда, никого нет, это в моем покалеченном сознании олимпиец совместился с веревкой.

Мужик сделал неуловимое движение, и моя голова рухнула вниз, как будто из шеи вынули позвонки. Оказывается, он придерживал меня безвольного за волосы.

Ага, бот почему я сижу и не падаю — руки прикованы к подлокотникам. От браслетов на запястьях уже приключились синеватые кровоподтеки, но боли я не чувствую. Вся боль в голове. И ноги прикованы. Значит просто так меня на тот свет не отпустят, прежде, чем подвесить, устроят пышные проводы с пытками.

— Где я? — спросил я, едва ворочая распухшим бульжником во рту.

— В аду! — коротко и ясно ответил неизвестный олимпиец с нашатырной ваткой в руке. — Ты подожди пока, мне позвонить нужно.

Предупредительный персонал обслуживает ад.

— Ага, — согласился я, пробуя на прочность наручники и оковы на щиколотках, —

пожалуй, что подожду... А это правда — ад?

— А не похоже?

— А я еще не был ни разу.

— Тогда пока присматривайся.

Ад представлял из себя помещение, весьма напоминающее камеру в Петропавловском равелине, где коротал дни перед казнью экстремальный Саня Ульянов. Года два назад я посетил это заведение в составе экскурсии. Сам бы я туда не поперся, но подружка настояла, с которой мы как раз в Питере зависали. Она готовилась поступать на томский журфак и ей не хватало впечатлений. Пришли, она и говорит: «Ты присядь на эту кровать, я тебя сфотографирую на память». Имелась в виду та самая кровать, на которой коротал киллер... Я еще подумал: «А хорошо ли это с точки зрения мистических взаимодействий и совпадений?» Предупреждала же меня мама, никогда не примерять костыли, которые одно время употреблял вместо сломанной ноги отец. А я не послушал маму и сел на кровать. Вот ад и вернулся.

Вместо железной кровати место горизонтального отдыха представлял из себя деревянный топчан, обтянутый сверху старым коричневым дерматином. Но что меня окончательно убедило в странной связи 97-го года в Питере и нынешнего местопребывания — это яйцеобразный потолок над головой и вделанный в стену откидной железный столик возле топчана. На столике стоял старый черный телефон, к которому и устремился приодетый в олимпийку завсегда ада.

Яйцеобразные потолки в Новосибирске я однажды видел в подвалах краеведческого музея на Красном проспекте — это чуть ли не самое старинное здание в нашем городе. Только вряд ли это подвалы музея, и потолки там ниже.

— Эй, друг, — позвал я. — А ад где расположен?

— Под землей.

— В Петербурге?

— Почему в Петербурге?

— Похоже.

— Не знаю, я в Петербурге не был.

Значит, ближе.

— Ожил, — кратко доложил олимпиец в черную трубку, наверняка имея в виду меня.

Прошло не меньше получаса, прежде чем появился начальник ада, господин Зиновьев собственной персоной. Именно его, в числе трех-четырех кандидатур, я и ожидал встретить в роли здешнего руководителя. Ад-то, понятно, местного значения, значит, и фигуры здесь должны быть местные.

На белом свете мы сталкивались опять же года два назад, случайно и мимоходом. Я давно заметил: с некоторого момента орбиты людей, ранее встречавшихся регулярно, даже совместно выпивавших и доверявших друг другу секреты сердечного характера, начинают расплзаться в разные стороны — один продолжает ездить на работу в метро за два рубля, а другой в это время уже ежедневно пользуется импортной автомойкой за штуку — как им пересечься и где выпить водки?... Я, конечно, не имею в виду, что Зиновьев начал приподниматься над моей персоной всего два года назад, наверное, раньше...

Если не конкретные обстоятельства, я, наверное, его и не узнал бы. Может, это болезнь такая, может, генофонд, может, судьба — но его щеки за исходный период росли быстрее, чем тростник. Только тростник тонкий, а щеки у Зиновьева полные, как первомайские

шарики. Но при этом не круглые, а туго набиты челюстными костями. С короткой, как гарик (это такой новейший литературный жанр), стрижкой его голова выглядела предельной, перезревшей отвратительной грушей с сужающейся кверху ноосферой.

Никогда раньше, я не представлял, что тонкий ценитель индийской музыкальной культуры, родственник заместителя губернатора, один из ведущих криминальных боссов нынешнего Новосибирска может обладать такой формой лица. Известный английский авторитет прошлого века профессор Мориарти сказал бы: «Я никак не ожидал, что у вас так развиты челюстные мышцы, по объему они в два раза превосходят мозговую полость».

Олимпиец остался за откидным столом, а щекастый Зиновий занял место в аккурат под виселицей на неизвестно откуда появившемся стуле. Достал тонкую девическую сигаретку и прикурил от огромной, как собственные щеки, может быть даже украшенной бриллиантами, зажигалкой.

— Рассказывай, — предложил Валентин Гаврилович, разглядывая ногти и как бы даже не особенно интересуясь моей жалкой персоной.

Поскольку олимпиец возле телефона молчал, следовало предположить, что обращались ко мне.

— Это ты мне? — уточнил я.

— Угу, — Зиновьев печально покивал, не отрываясь от ороговевших отростков — микробов, что ли, хотел разглядеть?

— Это было во времена, когда по земле ходили трубадуры, когда государствами управляли глупые короли, у которых были симпатичные дочки принцессы. В одном маленьком городке жил папа Карло. Он ходил по узеньким улочкам, крутил шарманку за ручку, и оттуда неслась прекрасная мелодия. Жители городка слушали ее и становились добрее...

Дальше я начал путаться из-за раскаленной лепешки на темечке, но Зиновьев благосклонно выслушал известный анекдот и в конце даже хмыкнул.

— Ты, разумеется, меня знаешь? — спросил он.

— Да.

— Я тебя тоже знаю. Лет десять назад видел на ринге. Да и теперь кое-какие слухи доходят. Например, как ты в одиночку разделался с командой Сереги Мелентьева. Царство ему подземное. Что и говорить, пренеприятнейшая была личность. За один этот подвиг можно памятник при жизни ставить на родине в полный рост. Но вот чего я понять не могу, это, зачем тебе понадобился я?.. На кого сейчас работаешь?

— На себя.

— Вот уж нет. Неужели на Терехина? Или на Треухина?

— На всех и ни на кого, и, главным образом, на себя.

Я никак не мог поверить, что при сочетании такого узкого лба и таких толстых щек человек сохраняет способность общаться интеллигентно, если, конечно, не считать обращения на ты. Вот рядом с виселицей сидеть — для этого у него лицо самое подходящее. Очень соответствует. А ведь он еще и изысканной индийской культурой увлекается, как Джордж Харрисон. И насчет «ты» не стоит сильно привередничать. В таком месте «вы» звучало бы, как «Иисус Христос — суперзвезда» в нашем Оперном. Директор Оперного Егудин однажды так и заявил в телеинтервью: «Пока я директор, этой пошлости здесь не будет». Поэтому и звучит исключительно «Князь Игорь».

Слово за слово я выложил историю своих злоключений, вернее, очень многое из нее. С

того самого несчастливого момента, как Треухин нанял меня следить за Настей. И даже назвал фамилии возможных исполнителей убийства — Ширяева, Своровского, Корнищева и Бердова. Зиновьев, как организатор убийства Краснопольского, уж, конечно, осведомлен обо всем не хуже меня и все фамилии знает наизусть. И даже странно, что слушает не перебивая — наверное, любопытствует, как это я мог бегать от его головорезов так долго. А вот о подробностях искитимской гонки может и не знать, но мне их не жалко, подробностей, они-то уж точно теперь никакого значения не имеют, разве что так, для общего образования.

Вообще все прошлое сейчас не имеет значения. Только про Настю он не в курсе, и не я буду тем человеком, который назовет ему ее московский адрес, несмотря на угрозу раскаленной сковороды. Никакой я не герой, но, как ни странно, иногда предательство бывает страшнее пыток. И смертью он меня не напугает. Не потому, что я ее не боюсь, а потому, что на этот счет у меня аргумент заготовлен. Ни с самого начала, ни теперь он не выглядит стопроцентной гарантией безопасности, но шанс дает. А если мне не суждено выбраться из подвала, то предательство уж во всяком случае меня не спасет.

— И где сейчас девушка? — как раз и спросил Зиновьев.

— Не знаю, — соврал я. — Ей отец прячет. У него и поинтересуйся. Ты же с ним приятельствуешь...

Щекастый склонил голову, дескать, если надо будет, поинтересуется, а при случае и у меня еще раз поинтересуется. Только вопросы будет задавать уже не он, а какой-нибудь мясник в фартуке.

После некоторой паузы, которую я отнес насчет того, что в ногтях обнаружился, наконец, некий дефект, который и приковал к себе все его внимание, Валентин Гаврилович промолвил:

— А ведь это чудовищное заблуждение, насчет того, что Краснопольского заказал я или что его заказали через меня... И оно будет стоить тебе жизни. Как странно — ошибка, которая стоит жизни... Меня это всегда занимало, ведь каждый ошибается каждый день по многу раз. Вот я, например. Зачем я сегодня выпил молочный коктейль? Он расстроил мне весь желудок. Ошибка? Несомненно. Избежать таких ошибок невозможно. И к этому как-то привыкаешь... И вдруг из-за какой-то ерунды приходится рассчитывать самым дорогим, что у тебя есть — всеми непрожитыми годами...

У меня даже голова на мгновение перестала болеть. Не от размышлений об ошибках и их стоимости. А от возможности, что не щекастый убил Краснопольского.

Минуту назад причастность Зиновьева к убийству была для меня предельно очевидной. Меня вычислили через телефон, а слушать мог только этот индийский идолопоклонник. Еще одним несомненным доказательством является репутация Зиновьева и, если уж на то пошло, форма его дебильного обличья.

Однако с какой стати он ломается? Я ему не прокурор, чтобы передо мной ломаться. Или он уже прокрутил в голове мой аргумент и готов начать торг?

Заметив сомнения на моем лице, Зиновьев добавил:

— У меня нет причин желать смерти Краснопольскому, наоборот, у нас были общие дела. А на чем, собственно, строятся твои выводы? На том, что тебя прослушали? Не спорю, прослушали и взяли на заметку, но и только. А ты уверен, что только я один мог слушать?

Я ни в чем не уверен. Не уверен в Терехине, не уверен в Треухине. А в Насте уверен? Тоже нет. Но из всех своих неуверенностей нужно же выбирать одну.

— Впрочем, ты волен думать, что угодно, — благодушно позволил хозяин. — Жизни в

тебе осталось на несколько часов. А потом... Кого интересуют сомненья мертвеца?

Он встал с явной целью покинуть помещение — вот уж, чего не ожидал... Уходит... Проклятье! Он не задал вопрос, который я все время ждал. У него еще есть время, до двери три или даже четыре шага. Сейчас обернется и как о чем-то не слишком важном спросит: «Ах да, а куда ты спрятал пленки?»

Тринадцать катушек с телефонными переговорами из подслушивающего центра я передал Владимиру Антуановичу Михальцову, сопроводив передачу короткими инструкциями.

И Зиновьев, действительно, остановился у дверей, обернулся и спросил. Но совсем не про компромат. Он сказал:

— Я так понял, что ты Корнищева не помнишь?

От этого вопроса раскаленный блин на моей голове стал плавиться, и потоки лавы поползли в уши. А ведь я всегда знал, что знал этого Корнищева. И что-то с ним связано отвратительное, хуже запаха вареного лука. Но и теперь я не могу вспомнить. А запах лука все усиливается.

— В каком смысле? Мы с ним разве знакомы?

— Знакомы или не знакомы, не знаю, но то, что встречались раньше, это точно.

— Когда?

— Да все тогда же, лет десять назад. На ринге. Если мне не изменяет память, а она изменяет редко, на турнире Полякова.

Правильно! Восемьдесят девятый год. В «Динамо». Я бился до восьмидесяти, а в нем уже тогда было сто. Я выиграл у себя, а он у себя, причем все бои вчистую. А потом подошел шеф и сказал: «Тут кемеровские ребята идею высказали устроить гамбургский счет на абсолютного чемпиона: ты и Корнищев. Шесть раундов. Тысяча за участие сразу, плюс три тысячи за победу». И тысяча, и три при социализме, хотя бы и на его закате, были хорошими деньгами. И я их взял в четвертом раунде.

Ни техникой, ни реакцией кемеровский чемпион не блистал, но держал удар, как стены римского Колизея, которые стоят уже тысячи три лет, а свою перчатку запуская, словно тяжелый ракетоноситель «Протон». Но главными его свойствами были предельная злоба и неумение проигрывать. Не существовало для него такого слова — проигрыш.

К середине четвертого раунда из атмосферы исчез кислород и та смесь, которую я заглатывал огромными порциями, казалось, вот-вот меня задушит, но мне все же удалось пробиться к его маленькому мозгу, закованному в толстую костяную броню, и он полег в своем углу, как скошенная трава.

Когда из его глаз вместе с сознанием медленно утекала злоба, он все же успел прошипеть: «Все, мужик, ты покойник!»

И надо заметить, парень не остался голословным. Едва очухавшись, прибежал в раздевалку и кастетом проломил перегородку между женской и мужскими половинами. Вообще-то удар предназначался моей голове.

Потом, уж не знаю какими методами, его усмирили и увезли в Кемерово. С тех пор его фамилия исчезла из спортивных протоколов, а потом и из моей памяти.

А ведь не сознанием, а костным мозгом я узнал Корнищева в первую же секунду нашей неожиданной встречи на еловой полянке, когда принял его за медведя и от ракетоносителя покатился под автомобиль. Просто тогда мне некогда было копаться в своих чувствах... За десять лет парень явно прибавил в массе!

Вот что мне все время мешало — запах вареного лука. Сознание диктовало, что вся моя роль в злосчастной истории убийства это роль маленького винтика, из-за которого чья-то машина дала сбой, соответственно, я должен был ощущать нейтральный запах машинного масла. А тут — вареный лук.

— Вспомнили? — неожиданно на короткое время перейдя на «вы», угадал Зиновьев. — Странно, вы забыли, а я помню. Я ведь видел тот бой. Не скажу, что это круче, чем чемпионат мира по футболу, но все равно зрелище впечатляющее. Я тогда даже что-то выиграл. Ставил, естественно, на вас... Дело, впрочем, не в деньгах... Вы не будете мучиться перед смертью...

За нахлынувшими воспоминаниями я даже сначала не въехал в последнюю фразу.

— Ага, — подтвердил щекастый, — исключительно из уважения к вам и в благодарность за некогда доставленное удовольствие... Пожалуй, все. Дела зовут... К сожалению, не могу сказать: до свиданья...

— Погоди, — позвал я, можно сказать, потеряв перед смертью лицо. — А про пленки ты забыл?

— Про пленки? Считаю, что забыл. Можешь оставить их себе...

Хорошая мысль. Он бы еще сказал: можешь забрать их с собой на тот свет!

— Зачем себе? — я сделал попытку ухмыльнуться.

— Знаю, знаю, что ты хочешь сказать, — как бы даже устало отмахнулся пронизательный Зиновьев. — Ты договорился с приятелем, чтобы он отправил некую посылку по некоему адресу, если ты ему не перезвонишь сегодня вечером... Угадал? Хочешь, я в своих догадках дальше пойду?..

— Пойди.

— ...Посылка с магнитозаписями подслушанных переговоров поступит в ФСБ, копия — в мусарню, копия — в редакции крупнейших газет... В «Комсомольскую правду», «Известия», «Вечерний Новосибирск»... Угадал?

Так далеко я не заходил — насчет ФСБ и «Вечернего Новосибирска». Просто передал пленки Михальцову и велел, в случае чего, распорядиться как можно эффективней.

— Ага, пойдут, — согласился я. — Но есть еще запись с диктофона, где зафиксирована вся беседа с твоими сотрудниками. С именами, фамилиями и явками... И с твоей фамилией в первую очередь. К тому же посылка уже в милиции. Вопрос теперь: давать делу ход или не давать?

Я слегка блефовал. Диктофона у меня не было, о чем я теперь сожалел.

Диктофон, впрочем, ерунда. Если добросовестно допросить людей, по составленному списку, то никакого диктофона не понадобится, чтобы закопать Зиновьева, — я надеялся, что так оно и есть.

— Казалось бы, серьезный человек, а все как ребенок! — в наигранном отчаянии вскричал Зиновьев. — Ментовка этим заниматься не будет. А ФСБ, думаешь, понятия не имеет про мои дела? Их задача — шпионов ловить, ну и, конечно, молча собирать досье на нормальных мужиков. Но не с целью их утопить, а с целью — когда-нибудь в нужный момент латентно повлиять, чтобы, например, получить денег или еще что-нибудь. Понимаешь, лишняя компра, то есть твоя компра, не станет взрывателем... А с газетами вообще смешно. Во-первых, без санкции никто ничего печатать не будет. Во-вторых, это где-нибудь в провинции — в Германии какой-нибудь или во Франции — публикация может стать неким сигналом или даже причиной. Россия — это тебе не деревня, а центр

цивилизации, здесь хоть на всю страну ори, никто не услышит... К тому же никакого законспирированного уха вот уже почти сутки не существует — голые стены без отпечатков пальцев. Люди отравлены, тьфу ты!., отправлены... э-э-э... в долгосрочные отпуска... Сам знаешь, не маленький, если не найдено оружие, то ничего не найдено.

— А-э-э...

— Есть еще идеи?

— Не-а, — признался я.

Кажется, Зиновьев был приятно удивлен моей честностью. Впрочем, я всегда придерживаюсь идеи, что, когда нечего сказать, удобнее всего говорить правду. Правда, как ни странно, после нескольких перевертышей может оказаться лживее любого вымысла. Например, я честно признаюсь девушке: я тебя люблю. А теперь пусть она попробует догадаться: люблю или лгу.

И опять щекастый не ушел просто так. Поцелкав в воздухе маникюром, заметил с ленцой:

— Ах да, вот еще что... Если ты передал груз своему приятелю Михальцову, то это зря. Не хотелось бы лишний раз напрягать человека...

— Эй, друг, — позвал я молчаливого мужичка в олимпийке, который то выходил, то неизвестно зачем заглядывал в камеру, как будто не верил, что я все еще сижу на месте.

Почему я назвал его другом? Есть у меня знакомый инспектор в «восьмерке» — это в Новосибирске такая зона, очень популярная. Он там проработал лет тридцать и теперь любит повторять: «Третью жизни я провел за решеткой, выходит, десятка. Да я в тюрьме просидел больше, нежели иной уголовник!» Адская прислуга, как ни крути, тоже проводит много времени на работе, то есть, опять же как ни крути, в аду. Так кто же он мне после этого, если не друг по несчастью?

— Эй, друг, — сказал я. — А туалет в вашем заведении имеется?

— А тебе зачем? — задал он неожиданный встречный вопрос.

— Мне уже все равно. Я за вас беспокоюсь. Убирать же придется, опять же дышать...

То ли у них технология не отработана, то ли мужик попался странный. Как же не странный, если на пороге третьего тысячелетия наряжается по моде семидесятых? Некоторое время он соображал, а потом решился.

С предосторожностями, с участием многочисленной охраны незнакомого обличья по длинному коридору с яйцеобразным потолком меня сводили в нужное место и благополучно вернули обратно к креслу с наручниками...

По ходу движения я миновал четыре закрытые бронированные двери и одну вонючую рекреацию, вдоль трехметрового фасада забранную квадратными ячейками толстой решетки...

Я не поверил своим глазам! Такое странное недоверие посетило меня впервые...

...Недавно «Микрофорум» — это такая новосибирская радиопрограмма — проводил опрос местных жителей насчет того, что они думают про конец света. Одна тетенька сообщила, что конец света уже наступил, просто не все его заметили. Не знаю, что она имела в виду — то ли цитировала шведского философа-мистика Сведенборга, то ли намекала на крушение социалистической системы ценностей и что зарплату перестали давать. Если имелся в виду швед, тогда это круто. Вот и сейчас в моей голове произошло мгновенное вращение клеток, и на миг показалось, что жизни в окружении «Фордов», «Люгеров», сотовой связи и фаст-фуда вовсе не было, или, вернее, привиделась она мне в виде короткого сна. Зато всегда был четырнадцатый век антисептики, вшей и кровоточащей коросты на коже...

Из-за оранжевых от ржавчины и своеобразного освещения прутьев ко мне тянули руки педикунезные узники испанской инквизиции в отвратительных рубищах. Вру, не знаю я, что такое рубища, и рук они не тянули, просто вспыхнула в сознании такая картина...

...В рекреации за решеткой жили своей странной загадочной жизнью и на прохожих, то есть, в частности, на меня, внимания не обращали трое обросших человеческих существ невнятного пола в одеждах, кои я иначе и назвать не могу, как рубищами. Они как будто собрались возле невидимого костра, от их поз и заросших лиц веяло даже не испанской инквизицией, а кайнозойской эрой и мамонтами.

То, несомненно, копошились узники странной тюрьмы. Сколько они просидели? Год? Пять лет? Почему их держат так долго? Из-за потенциальной ценности? Может, это отпрыски местных Ротшильдов, и в данный момент с родственниками согласовывается

сумма выкупа? Тогда почему держат в столь откровенном помещении? Если бы мне по какому-нибудь кошмарному стечению обстоятельств довелось обзавестись личной тюрьмой, я бы соблюдал примитивные правила конспирации, шифровался. А эти сидят у всех на виду. Для пушного устрашения случайных посетителей?

И без того в тени виселицы сиделось не сладко, но после увиденной картины стало совсем нехорошо. И еще раз я повторяю сам для себя: смерть — не самое страшное из того, что может изобрести жизнь.

Где же это у нас в Новосибирске могут быть такие подземелья? Может, под новыми элитными домами, что десятками плодятся в центре города с максимумом сопутствующих удобств — и кафе тебе, и парикмахерская, и гараж, и подземная тюрьма, то ли для тебя самого, то ли для твоих бывших приятелей, партнеров по бизнесу... Вряд ли новый дом. Постройка выглядит древней, более, чем солидной. Кому бы сейчас пришло в голову тратить кирпичи и цемент на овальные потолки? Скорее, это где-нибудь в Колывани, хотя бы под мужским монастырем...

Однако же, размах предприятия не может не изумлять. Вот что значит настоящая мафия! Вот что значит быть племянником самого главного местного заместителя! Я всегда знал, что главные воры — это не те, кто в трамваях с заточенной монеткой ездят, и не те, кто, собираясь на дело, утюгом разглаживают шапочки с прорезями для глаз, а совсем другие граждане нашей великой Родины. Главные воры выступают с голубого экрана и посещают племсовхозы с целью наладить и улучшить, чтобы всем нам жилось еще лучше. Чтобы в каждый дом проник запах вареного мяса...

Чем, кстати, воняет? Как раз мясом. Может, это местные палачи обваривают узников кипятком из ковшика? Или у них прямо здесь и столовая имеется?

Так вот, говорю, дело поставлено со вкусом — законспирированный информационный центр, подземная тюрьма, профессиональная группа захвата, не меньше взвода молчаливых бойцов, разветвленная сеть информаторов, команда аналитиков — до сих пор понять не могу, где я лопухнулся и как они меня вычислили. И даже про Михальцова им известно. Неужто и милый мент со стажем Владимир Антуанович работает на эту бригаду? А эта странная фраза — «не хочется лишний раз напрягать человека»... Это значит, что я и Антуаныча подставил?.. Что они с ним могут сделать? Убить? Ограбить? Запугать? Убить и ограбить Антуаныча можно, хотя и с трудом. А запугать нельзя. Хотя смотря чем пугать...

В тени виселицы мой безупречный внутренний хронометр начал барахлить. Главное, непонятно, сколько времени я провел без сознания. По идее от удара по голове я мог очнуться уже через десять-двадцать минут. За это время меня должны были уложить в транспортное средство, доставить сюда, неизвестно куда, приковать к креслу... Двадцати минут мало, если, конечно, мы все находимся не под самым домом Самаковского.

Я осмотрел руки, но следов от укола не обнаружил. Впрочем, эти дела и внутримышечно можно вводить.

Так или иначе, если выделить на беспамятство час, тогда сейчас время файв о клока. И действительно, можно было бы чего-нибудь перекусить. Перед смертью. Но сначала энергично пройтись, чтобы размять уставшие от неподвижности члены.

Я совсем уж было собрался попроситься в туалет во второй раз, но тут позывы прекратились, ибо в сопровождении олимпийца в камеру вошел и вновь вольготно расположился под виселицей крупнощекий Зиновий.

— Ну вот, — заметил он с довольным видом. — Мы нашли в наших рядах стукача. И все

благодаря вам. Я чертовски признателен и даже обещаю в точности выполнить ваше последнее желание. Разумеется, пожелания типа «чтоб ты сдох» не рассматриваются. Я бы на вашем месте попросил жареного поросенка, фаршированного тропическими фруктами. Какова идея?

Зиновьев со вкусом сглотнул слюну. Наверное, тоже не обедал, не успел из-за проблем, которые я организовал на его голову.

Я представил описанное блюдо... Печальная перспектива знать, что данный поросенок — последнее, что осталось в твоей жизни.

— Или, может, вы любитель другого рода ощущений? — продолжал фантазировать интеллигентный бандит. — Девушки? А? Сознайтесь. Хотите балерину? Или стриптизершу из ночного клуба?

Как ни странно, была в моей жизни стриптизерша. И как ни странно, однажды, во время, так сказать, одной из встреч я выразился почти искренне, то есть процентов на девяносто, нет, на сорок, что не может быть лучше смерти, чем смерть на ней. Неужели им и об этом известно? Да нет, конечно, чушь какая-то.

— Нет, — сказал я. — Желание мое будет простым и естественным. Перед смертью я хочу узнать, как там у них все произойдет — у Элены, Атилио, Эдуарды и у этого, как его?.. Марсело. То есть, чем все закончится.

Сразу предупреждаю, ни одной серии про Марсело и его друзей я в глаза не видел, зато недели две назад слышал подробный застольный отчет от одного своего знакомого, который, в свою очередь, тоже сериалами не увлекается, зато у него матушка каждый день по телефону делится впечатлениями.

— Чего-чего? — весело изумился Зиновьев.

— Это кино такое, сериал с марта идет, называется «Во имя любви». Там, значит, это... У Элены и Атилио есть дочь Эдуарда. И вот мама и дочь — ничего так, симпатичная — рожают в один день в одной палате. У Эдуарды возникают проблемы. В общем, ей матку вырезали, а ребенок помер. Тогда мама тайно отдала дочке своего. Его, кстати, назвали Марселином, то есть Марселино. О, интрига! А Атилио, муж Элены, начинает что-то подозревать и в расстройстве уходит от жены. У Эдуарды тоже есть мужик по имени как раз Марсело, у него есть любовница Лаура, мерзкая тварь. А еще у него есть мамаша, не помню, как зовут. Короче, круто насрано. Вот я и говорю, хотелось перед смертью всю разводку узнать.

Вежливый собеседник Зиновьев до конца выслушал предсмертный бред узника, но потом махнул рукой, словно отрубил:

— Ладно, хватит о ерунде. В общем так, ход твоих рассуждений оказался не совсем чушью. Действительно, в плановом порядке мы сняли твой звонок Терехину, все как положено — входящий, исходящий... Но дальше получилась такая фигня... Оказывается, наш аналитик потихоньку сливал информацию твоему приятелю Корнищеву. Если точнее, Леше Своровскому, но это одна компания, поэтому какая разница? Я тебя предупреждал, что не имею к этому делу отношения и теперь, можно сказать, тому найдены документальные подтверждения... То есть, наш аналитик с хорошим русским именем Родион с этим хорошим еврейским Своровским какие-то друзья детства. Потом их дорожки разошлись, а теперь вдруг, видишь, снова совпали.

— Не понял. То есть вся информация из твоего Центра автоматически перетекала к этим кемеровским бандюганам, о которых ты не имел понятия?

— О бандюганах понятие имел, то есть знал, что есть такие люди на свете. А о том, что звонки перетекали, действительно, не имел. И только благодаря тебе поимел, за что с меня причитается поросенок. Но так тоже не следует выражаться, что, мол, вся информация и что — автоматически. Я бы сказал, что перетекала случайно. И ты с Терехиным в кипящий котелок попался тоже случайно.

«Кипящий котелок»! Он, наверное, стихи по ночам пишет.

Вообще, по сравнению с утренней встречей, тон нынешней беседы поменялся в лучшую сторону, насколько понятия «лучше» или «хуже» уместны по отношению к человеку под виселицей — я себя имею в виду, а не Зиновия, который под петлей в прямом, а не в фигуральном смысле чувствовал себя вполне уверенно, по-хозяйски. Племянник заместителя как бы решил опуститься до моего уровня, и теперь со стороны мы напоминали двух равноправных партнеров. Если бы еще не наручники... С чего вдруг такие перемены?

— И что теперь с ним будет? — поинтересовался я.

— С кем?

— С русским иудой Родионом.

— По отношению к Родиону будущего времени не существует. С ним больше ничего не будет. Разве что еще пара допросов с применением спецсредств, то есть ржавых игл для введения под ногти.

Зиновий внимательно осмотрел собственные полированные щупальца, словно подыскивая место для введения вышеозначенных игл, и вновь обратился к спец-средствам изысканной вежливости:

— Сергей Иванович, а ведь у меня к вам предложение — расстанемьтесь друзьями.

Ого! Это даже больше, чем вежливость. Есть у меня один знакомый водитель, редкий эстет, из которого иногда прорывается и вовсе исключительная изысканность: «Девчонки, — говорит он, — поехали, покатаемьтесь».

— Расстануться — это я с удовольствием, — признался я.

Не обратив внимания на лингвистический подтекст, Зиновий изложил суть:

— Мне эти пацаны, твои кемеровские приятели, тоже не нравятся. Не только потому, что бесплатно пользовались моей информацией, но и по другим причинам, перечислять которые не вижу смысла. Перерезать их сонные артерии для меня не составляет труда. Но зачем я буду перебегать через твою дорогу?

Я молчал.

— Ведь ты хочешь, чтобы их больше никогда не было и нигде?

Я кивнул.

— Ну вот и займись. В этой части программы наши цели очень даже совпадают.

— Да я этим уже две недели занимаюсь, только не получается отыскать.

— А я тебе дам хорошую наводку.

— Ну, если так...

— То есть договорились? Ты их убираешь?

— Почему бы нет? А дальше что?

— Дальше ничего. То есть, разумеется, ты возвращаешь мои магнитоальбомы, включая сделанные копии. А я тебе за это прощаю мою порушенную звукозапись. При этом сие выгодное предложение строится на одном только давнем к тебе уважении. По рукам?

Была у меня мысль сделать копии, но только мысль — уж больно долгое это занятие.

Руки он, впрочем, не протянул, да я и сам не стремился.

Хотел бы я посмотреть на человека, который в моем положении сказал: нет. Но для важности я напустил на себя некую задумчивость, вроде предлагается сложный выбор: смерть посредством петли или реальный элемент свободы.

— Значит, если я убираю банду, которая тебе мешает...

— Заметь, тебе в первую очередь мешает...

— ...Ну да. Значит, если я убираю банду и возвращаю пленки, никто никому ничего не должен?

— Слово пацана!

Насчет «слова пацана», это сильно сказано. Не может быть, чтобы такой человек, как племянник заместителя губернатора, совладелец эксклюзивной тюрьмы и прочих средств капиталистического производства, не являлся бы одновременно хозяином своего слова. Сам слово дал, сам взял.

— Заметано, — согласился я.

— Тогда к делу. Мой Родион рассказал, что сегодня... Да что я буду, как испорченный телефон! Ты сам с ним поговори...

Зиновий обернулся к хранившему молчание мужику в олимпийке:

— Гриня, как лучше: Сергея Ивановича туда отвести или, наоборот, Родиона сюда?

— Так ведь он, наверное, ходить не может, — заметил Гриня в олимпийке, имея в виду всяко не меня. — Правда, там, наверное, не прибрано, беспорядок...

— Долго, что ли, убрать?

При помощи черного телефона Гриня в олимпийке отдал распоряжения.

Интересно, что значит — не прибрано? Кишки, что ли, по полу разбросаны или все в крови?

...Если там и был беспорядок, его успели ликвидировать, пока мы шли (причем к нам присоединились еще двое мрачных типов в спортивных костюмах), минуты за три, как видно, при помощи шланга, который валялся в углу помещения, некогда сплошь отделанного белым кафелем. Некоторые плитки отвалились, и теперь стены и потолок пестрели неопрятными квадратиками цемента.

В комнате за одной из железных дверей, которые я уже видел, не было никого, кроме незнакомого голого молодого усатого мужчины, распятого на гинекологическом кресле. Руки и ноги его прикрутили к подлокотникам и желобам широкими полосами скотча. При жизни парень, наверное, считался красавцем. А теперь даже невооруженный глаз мог заметить, что жизни в нем осталось на час-два или на день-два, что, впрочем, почти одно и то же. Не может человек выжить, оказавшись в такой комнате и в такой позе — это смертельно, почти как цианистый калий, и уж тем более не может остаться красавцем.

Собственно, в комнате не было никого и Ничего более — только шланг с железным наконечником, гинекологический аппарат посередине да несколько мокрых резиновых ковриков. Еще под креслом имелся круглый слив для воды. Порядок наводить легко — окатил все водой вместе с присутствующими и чисто... И никаких ржавых игл и прочих изобретений человеческого гения.

Со стен и с голого мужика еще продолжали стекать капли воды. Мужик, впрочем, был не совсем голым — чья-то заботливая или стыдливая рука набросила на его промежность нечто вроде покрытого бурыми пятнами кухонного полотенца с полосочками по краям.

Как можно было заключить из недвусмысленных намеков Зиновия и олимпийского Грини, этот парень по имени Родион должен был уже сто раз пожалеть о своем

предательстве. Никаких кровоподтеков, изуродованных ногтей и тому подобных последствий физического воздействия не наблюдалось, тем не менее из его глаз тускло вытекали усталость и мука, какие переполняют человека, если его полдня поджаривать с разных сторон утюгом. К усталости и муке прибавился еще ужас при нашем появлении. Наверное, они тут изобрели какую-то передовую технологию, позволяющую избежать видимых следов пыток. А если они его?.. Лучше вообще об этом не думать.

Следов не было, но весь его вид производил жуткое впечатление, а тут еще усы в сочетании с гинекологией добавляли к общей картине некий сюрреалистический штрих.

— Как самочувствие? — заботливо поинтересовался Зиновий.

Губы Родиона искривились, но не выростили ни звука.

— Это тот самый Бобров, которого ты сдал своим дружкам... А это тот самый Родион, которого ты, можно сказать, подарил нам, — представил нас Зиновий.

При этом Родион пробежался по мне лишь быстрым незаинтересованным взглядом. Он навсегда переселился в мир страданий и страха перед накатывающейся смертью, и никакие посторонние Бобровы его вниманием уже завладеть не могли.

— Никому я ничего не дарил. Вы сами его... — зачем-то счел нужным уточнить я.

Все-таки без тебя и Родиона бы не было. Как бы мы иначе узнали про утечку? Это, впрочем, детали... Родион, расскажи еще раз, как можно отыскать твоих дружков.

— Я же говорю, никакие они мне не дружки, — запричитал усатый красавец таким неожиданно высоким тоном, что я невольно бросил еще один взгляд на бурое полотенце. — Меня заставили.

— Какая теперь разница? Я говорю, как на них выйти?

— Я только знаю, что Своровский Алексей живет на Переездной. Номер дома не помню, не обращал внимания, но сейчас так объясню... Там на Дуси Ковальчук рядом с Нарымской есть такой УПК, какой-то полукруглый, а торцом на него выходит та самая девятиэтажка. Квартира один.

— Своровский разве в Новосибирске живет? Я думал, он кемеровский, — удивился я.

— Кемеровский, но здесь тоже часто бывает. Они здесь вообще постоянно ошиваются, неизвестно зачем...

Как раз это очень даже известно.

— Может, они в Кемерово засветились и не спешат возвращаться, — продолжил усатый. — Но это не его квартира, может, друзей. Может...

— Что?

— ...Может, они какого-нибудь пьяницу оттуда выгнали... В общем, не знаю точно, я там был-то всего раз.

— Ты про день рождения расскажи, — напомнил Зиновьев.

— Сегодня день рождения. Я случайно узнал. У одного. Его фамилия Корнищев. В общем, они коттедж откупили в Боровом, в доме отдыха. Всей компанией. Баня, все такое...

— А вся компания — это сколько?

— Человек пять плюс девчонки...

— О! — обернулся ко мне Зиновий. — Понял? Вот твой шанс, о котором я говорил. Сегодня и всю команду до одного.

Я кивнул.

— Тогда не смею больше задерживать... Только за формы доставки отвечаю я. Таковы правила.

Я молча наблюдал, как Гриня достает из штанов медицинский пузырек с прозрачной жидкостью и упаковку с одноразовым шприцем.

— Сейчас будет немного больно. Как будто комарик укусит, — предупредил Зиновий. — Путешествие, так сказать, в объятиях Морфея.

— Это для меня? Может, не надо. Я уколов боюсь.

— На случай такой боязни существует еще рауш-наркоз. Слышал про такой?

Знаю я этот рауш-наркоз. Дубинкой по голове бац, и клиент готов. От этого самого рауша у меня на башке до сих пор сковородка раскаленным маслом брызгается.

Не особо примериваясь, Гриня вогнал иглу мне в бедро прямо через джинсы.

Я прислушался к ощущениям. Ничего не происходило. Может, присесть на всякий случай? Присесть-то некуда...

— Да, — вспомнил я. — Там у моего приятеля, откуда меня привезли, все в порядке?

— Не волнуйся, мы мирных граждан не трогаем. В конце концов, именно они — источник нашего благосостояния.

— Его жена кричала...

— Тебе ж русским языком объясняют: не тронули, разве только напугали немного... Мужу еиному, правда, наподдали чуть-чуть, но тоже живой... И вот еще что я хотел сказать... Краснопольского убили совсем по другой причине...

И все. На мое угасающее сознание обрушился мокрый пол.

Было или не было? Говорил Зиновий про Краснопольского, что его убили по другой причине? Или привиделось в медикаментозном сне? Какую я называл причину, когда в подземной тюрьме пересказывал щекастому Валентину Гавриловичу этапы моего внутреннего расследования, которое, впрочем, и расследованием можно назвать с натяжкой, поскольку я не столько расследовал, сколько спасался бегством. Так какая причина? Всегда она была одной и той же: убили из-за передела сфер влияния на комбинате, кому-то Краснопольский мешал получать законные сверхприбыли, хотя бы крупному инвестору Треухину, или бывшей областной шишке Коржову, или кому угодно — американским графитовым монополистам, двум братьям-евреям со всем их «Моссадом»... Слишком лакомый кусок — этот графитовый комбинат... А Зиновий сказал, по другой причине?..

Конечно, стареющая жена-домохозяйка наняла бригаду квалифицированных киллеров, узнав, что муж изменяет с молоденькой студенточкой... Чушь! А если не чушь? Мне ничего не известно про личную жизнь Краснопольского. Все равно чушь! Жены, домохозяйки не имеют контактов в преступном мире. Мужика они, конечно, закажут, не поморщившись, но в качестве исполнителя выберут знакомого пьяницу, слесаря дядю Гену, про которого всему двору известно, что он в молодости отмотал три года за драку по пьянке. А с чего я взял, что жена Краснопольского — домохозяйка? Короче, бред, ничего Зиновий не говорил.

Сковородка на голове начала остывать. Может, до тех пор, пока я лежу неподвижно? А я лежу? Или сижу? Или стою? А если вообще все привиделось, начиная с момента, когда меня достали по темечку прикладом в доме Самаковского? Тюрьма привиделась с фантастическими узниками, и наручники, и Зиновий. Зиновий, во всяком случае, привиделся наверняка: не могут у человека в реальной жизни вырасти такие уши. То есть, что я... не уши, а щеки! Уши-то обыкновенные...

Тогда уж и приклад померещился, и Самаковский с женой, и окровавленный труп Краснопольского без головы, и Настя, и весь город Новосибирск с его графитовыми комбинатами, и все мои предыдущие и последующие жизни.

Нет, приклад точно не виртуальный, это, я вам доложу, так весомо!..

Рядом со мной кто-то бормочет. Значит, я не один. Сосредоточься! Опять бред... «Чтобы наше подрастающее поколение не забывало про традиции, чтобы воспитывалось в духе...» Точно бред. Кошмар продолжается. Дух и традиции у нас замечательные — прикладом по башке, мешок на голову и — в частную тюрьму!

Однако же кого в здравом уме и трезвой памяти посетила странная идея вспомнить про традиции и дух? Может, я на пионерском сборе? Ерунда, никаких пионеров давно нет.

Я открыл глаза и не сразу узнал, вернее, не сразу поверил, что лежу на диване в... своей квартире. Будто лет сто прошло с тех пор, как я заходил сюда, вместе с башмаками и джинсами скидывая усталость прожитого дня, и шлепал на кухню заглянуть, не осталось ли чего съедобного в холодильнике... Вернее, не совсем лежу, а, скорее, все-таки сижу, голова запрокинута на спинку дивана.

Почему? Как я здесь очутился? Ах да — Гриня, шприц, а потом перевезли сюда. Не на улице же бросать спящее тело и не в вытрезвитель сдавать. А почему не к Самаковскому, туда же, откуда взяли? Не поймешь этих племянников.

В комнате зеленоватый мерцал полумрак. Похоже, что я все-таки один, а под ухом

бормочет... вот тебе раз, губернатор... С экрана телевизора. Я аж чуть не вздрогнул, наткнувшись на его косой взгляд. Нет, он в камеру не смотрит, водит глазами по сторонам, иногда только натывается... Вернее, не в камеру, а в объектив.

О, забота о человеке! Доставили, да еще и телевизор включили, чтобы не скучно было.

«...Когда есть такие люди, которые способны увлечь молодого человека, повести за собой... Когда я встречаю таких людей, я спокоен за подрастающее поколение. Ибо именно им придется заканчивать то, что мы начинали, и экономику поднимать, и выводить разрушенное смутным временем хозяйство на передовые рубежи».

...Пульт дистанционного управления оказался под рукой. От неосторожного движения голову пронзила острая боль. Переждав, пока улягутся крути от вброшенного в мозг камня, я, не глядя, на ощупь нажал кнопку.

Вообще-то я предполагал выключить телевизор. Вместо этого сменилась картинка. Картинка сменилась, но губернатор остался на ней как приклеенный. Только что в шапке стоял на улице, и вокруг него, жужжа, проносились кордовые модели самолетов, собранные умелыми руками подрастающего поколения, теперь же сопутствующий интерьер наводит на мысли об официальной пресс-конференции.

«...бля... У нас на контроле. Будьте спокойны. Области замерзнуть не дадим. Правда, есть много сложностей, но мы над ними работаем. Шахтеры требуют стопроцентную предоплату и «живыми» деньгами. Сейчас решаем этот вопрос, договариваемся. Еще...»

Передернувшись еще от одной порции боли, я переключил на следующий канал и не поверил своим глазам и ушам.

«...онному фонду в строгой форме поручено усилить контроль за поступлением средств. Сейчас мы работаем с крупнейшими должниками, так сказать, на местном уровне. И из центра должен на днях поступить крупный целевой трансферт. Мы еще разберемся, куда исчезли шесть с половиной миллионов рублей! Мы найдем этих... Сейчас задержка составляет около трех недель, но в течение месяца мы рассчитаемся с долгами и покончим с этим безобразием. Что бы ни случилось, старикам будем платить вовр...»

Опять губернатор перед микрофоном. Вечер, время телевизионных новостей...

”...годаря нашей любимой продуктовой корпорации, которая в тяжелые времена нашла возможность кредитовать наших бедных крестьян, и благодаря чему каждый житель нашей области имеет возможность каждый день есть дешевый хлеб!...»

Я жму на кнопку! Проклятье! Адская боль! Еще одна кнопка! Еще один канал! У меня в руках не пульт, а пистолет. Вот он, кстати, рядом — опять же службы Зиновьева позаботились, чтобы я не остался безоружным. И я как будто жму на спусковой крючок, но с противоположной стороны в меня тоже летят пули, отравленные заботой, — чтобы я не замерз долгой суровой зимой, вовремя получил зарплату и чтобы у моих детей были бесплатные учебники.

Меня захлестывает чувство опасности. Мне нельзя находиться дома. И не только потому, что кемеровская братва все еще может держать дом под наблюдением...

...На смену поверженному губернатору встает бывший премьер Черномырдин, который теперь сил не жалеет, чтобы в Боснии воцарился мир. Его я тоже убиваю. Передо мной очередная мишень, Березовский. Он точно знает, как спасти страну, но пока что не скажет... С ним справиться труднее, он в бронезилете. Нет, это в пульте батарейки сели... Давно собирался поменять.

Я жму на спуск, но в ответ летит новый свинцовый заряд. Вернее, не свинцовый, а

картонный. Убить человека таким вроде бы нельзя, но пули проникают в голову, где картон начинает разбухать. И разбухает до тех пор, пока окончательно не выдавит наружу то, что осталось от мозга.

Константин Альбертович Воронов, в просторечии Котяныч, не ожидал увидеть меня на пороге своей квартиры. Даже был этим обстоятельством раздосадован, какую досаду и не думал скрывать.

— У тебя телефоны не отвечают, — объяснил я. — Ни домашний, ни сотовый. А здоровяк в конторе сказал, что ты домой поехал.

— Я еще разберусь, кто его уполномочивал справочное бюро изображать, — с угрозой пробормотал Котяныч.

— Ладно, не злись. И извини за... тот инцидент на кладбище. Очень надо было с Треухиным поговорить.

Не ожидал, что Воронов такой злопамятный. В ответ на извинения ничто не дрогнуло у его недовольном лице. Хотя, конечно, на глазах у шефа уложили начальника секьюрити. Не хотел я его унижать.

— Есть новости, — сообщил я.

— Вообще-то я спешу. Улетаю сейчас.

— Куда?

— Не все ли равно?

— Дело в том, что я их нашел.

— Кого?

— Что с тобой? Кого-кого... Убийц Треухина. Есть возможность сегодня с ними поболтать.

Котяныч просто-таки вынужден был впустить меня в дом.

Холостяцкое жилище Константина Альбертовича было оформлено с недюжинным вкусом. Дизайнера нанимал?

Есть такой журнал, было время, я на него часто натькался дома у одной своей знакомой, называется «Мой уютный дом». Как ни странно, мне нравилось его перелистывать, может быть оттого, что изысканные интерьеры на журнальных страницах так откровенно не сочетались с убогой обстановкой моей собственной конуры. Так вот, квартира Котяныча представляла из себя словно бы квинтэссенцию глянцевого образцов — серебристые с розовым отливом обои, приступочки, ступенечки, диван с гнутыми подлокотниками, клетчатый плед, книжные полки, облагороженные солидной позолотой корешков — вот какие книги люди читают! — столик с компьютером и тяжелое кресло перед ним, здесь же на стене две групповые фотографии в рамочках, в другом углу еще один столик — плетеный с двумя легкими плетеными же креслами.

Еще на стенах висело несколько акварелей с южными пейзажами. Насколько я понимаю, не Шишкин и не Куинджи. Зато красиво, похоже на то, чем торгуют самодельные бородатые джинсовые паренки в переходе метро на Красном проспекте. А что? Мне нравится. Впрочем, что я понимаю?..

— Ого! — вроде бы не сдержал я восхищения, хотя, честно говоря, мне начихать на все эти рюши и банты. — Сам придумал?

Котяныч криво усмехнулся, дескать, не тетя же, и вроде бы даже немного подобрел. Ни черта он не подобрел.

На плетеном столике стояла раскрытая дорожная сумка, рядом лежали вещи,

приготовленные в дорогу, в том числе изысканная кожаная кобура а-ля «Петек» с торчащей рукояткой «Лютера».

— Садись, — Котяныч нехотя указал на диван. — Рассказывай свои новости.

— Насчет фамилий, которые я тебе называл, все подтверждается. Они это, те самые пацаны...

Котяныч нервно кивнул и обернулся, чтобы бросить взгляд на сумку.

— ...Они сейчас в Новосибирске. У Корнищева сегодня день рождения. Откупили коттедж в Боровом. Будут все.

— Ну и что?

Я чуть не подпрыгнул от неожиданности. Котяныч сегодня сам на себя не похож.

— Как что? Сегодня со всей этой ерундой можно покончить одним разом.

— Н-да? — с сомнением переспросил Воронов и тяжело задумался.

— Ты какой-то сегодня странный.

— В самом деле?

— Точно. Дай мне человек пять своих ребят...

Примостившись на подлокотнике кресла возле компьютера, Воронов продолжал соображать, покачивая ногой.

— Вот что, ребята, — наконец очнулся он, — пулемета я вам не дам.

— Что?

— Жалко, конечно, что так получилось. Но все отменяется.

— Что отменяется?

— Мы больше этим делом не занимаемся.

— Чем? Можешь ты толково объяснить, что происходит?

— Треухин аннулировал свой заказ на расследование. Короче говоря, это дело его больше не интересует.

— Не может быть. Еще позавчера он подтвердил, что хочет разобраться. Опять же дочка. С ней-то как?

— Позавчера было позавчера, а сегодня уже сегодня. Я тебе русским языком объясняю: заказ аннулирован. Треухина сейчас в городе нет и неизвестно, когда будет. Я вернусь дня через два, тогда и рассчитаемся окончательно. Что там мы тебе должны, что ты нам должен. «Ауди» еще не разбил?

— Как-то все оно странно получилось, — в задумчивости промямлил я.

— Не знаю. Может быть. Шеф мне про свои мотивы не докладывает. А что касается дочки, то за нее не переживай. Все равно она в Америку уезжает. Учиться.

— Когда?

— Скоро. На следующей неделе.

— Так ведь не сезон. Зима ведь.

— Это здесь зима! А там всегда лето! Визу уже оформляют.

— Чего разорался? Понял я, понял...

Котяныч аж посинел от злости. Точно, пулемета мне здесь не дадут... Что же мне Настя про Америку ничего не сказала? Удивительная страна — Америка. Все девушки, которые когда-либо нравились мне по-настоящему, почему-то обязательно туда уезжали. Просто роковой континент.

— ...Только я-то свой заказ не аннулировал, — заметил я.

Костя почти не удивился:

— Один, что ли, пойдешь?

— Да хоть и один.

— Извини, коллега. Людей я тебе дать не могу. Они же не мне принадлежат. И сам пойти не могу. Не могу я поездку отменить.

Он вроде бы даже оттаял.

— Тебя убьют, — сообщил он на прощанье печально или даже с какой-то печальной нежностью.

* * *

Никого из знакомых, готовых хотя бы за деньги сходить на опасную стрелку, мне с ходу найти не удалось. Один просто сказал: «Нет, не могу», и уговаривать я не стал, двое других не отвечали по телефону, про четвертого жена сказала, что он в командировке уже месяц. А к малознакомым бандитам обращаться не хотелось. И только Самаковский без колебаний согласился, когда я сообщил, что разборки предстоят с той же братвой в шапочках с прорезями, которая его самого сегодня утром кулаками и прикладами загнала под стеллаж с майонезом, разгромила магазин и до смерти перепугала жену Ирину. Самаковский согласился, зловеще поглаживая забинтованную голову.

— Хорошо тебе, — заметил я, имея в виду повязку, — маскироваться не надо. Будешь, как маленький сугроб.

...Да, я соврал. А что мне оставалось?

При виде того, как Самаковский чуть ли не по-пластунски подбирается к наблюдательному пункту возле заснеженной ивы, меня неожиданно разобрал приступ странной веселости.

— Ну и кто это у нас? Змейка, ящерица или черепашка?

— Не понял, — стряхивая снег с куртки, Самаковский окинул меня подозрительным взглядом на предмет, не треснул ли у партнера шифер.

— Анекдот такой. К психиатру в кабинет вползает пациент. Тот к нему этак доверительно обращается: «Ну и кто это у нас? Змейка, ящерица или черепашка?» — «Да нет, доктор, вы не поняли, я нормальный, просто я высоты боюсь»...

Увы, Самаковскому история удовольствия не доставила.

— Это у меня так, — объяснил я, скривившись, — нервное. Не обращай внимания.

— Че морщишься?

— Чайник разваливается.

— У меня тоже...

...Три часа назад из Новосибирска сквозь снежные заносы я дозвонился до дома отдыха «Боровое» и поинтересовался у поднявшей трубку тетеньки, судя по голосу, с вайтлсом так примерно полтора на полтора, во что встанет недельный отдых на двоих в их уважаемом заведении. Оказалось, что за сутки в приличном двухкочном номере главного корпуса нужно заплатить двести пятьдесят рублей, в каковую сумму, правда, не входит питание. Можно также арендовать один, из четырех отдельных коттеджей, но это под силу обеспеченному человеку.

— А большое ли у вас там сейчас население? — поинтересовался я.

— Сейчас не сезон, — ответила полтора на полтора. — Пол-этажа работает.

— Как это?

— Ну, комнат шесть-восемь занято.

— Что-то не густо.

— И в коттеджи часто заезжают, — обиделась за фирму администраторша. — Сегодня, например, ребята заехали молодые. У нас хорошо для отдыха — баня, природа, кафе есть, дискотека.

— Да я наоборот. Мне, наоборот, тишины хочется и уединения с природой.

— Так уезжают же все скоро, — моментально перестроилась собеседница. — Завтра у двух семей путевки заканчиваются. И которые в коттедже, тоже только до завтра...

— Подумаем, — пообещал я.

А что думать? Ехать надо и на месте разбираться...

...Погодка выдалась самая благоприятная для проведения спецакций — минус два-три, легкий ветерок, прозрачный тонкий снежок и половинка луны над лесом на противоположной стороне залива. Ни разу не слышал подобного определения, но, наверное, это должно называться — слепой снег.

Часа полтора, меня диспозиции с целью выбрать лучшую, мы с Самаковским вели наблюдение, в том числе и с помощью бинокля, за двухэтажным коттеджем ручной работы с тремя прикорнувшими у резного крыльца автомобилями — трехсотым «мерсом», «Хондой» и «девяткой».

От прочих корпусов дома отдыха наш коттедж отделял негустой утонувший в снегу березовый перелесок, то есть поставили домик слегка в сторонке, наверное, для таких, как я, предпочитающих уединение с природой, что теоретически должно было облегчить нашу с Самаковским задачу в плане техники безопасности для непричастных лиц.

Определившись на местности, мы устроились в укромном местечке за ивами метрах в тридцати от строения. Отсюда просматривались и главное крыльцо с машинами, и еще один выход, от которого тропинка, протоптанная в снегу, сбегала к заливу, где руки энтузиастов-моржей пробили во льду квадратную полынью, примерно метра два на два, и из кусков льда выложили вокруг стенку, чтобы ветром не продуло обнаженные тела.

Тропинка, как мне объяснил Самаковский, по прямой соединяла ледяной бассейн с баней. Оказывается, Серега здесь уже бывал несколько лет назад в компании с тем же Соколовым еще до того, как я поступил к Соколову на службу. Согласно Серегиным воспоминаниям, первый этаж домика занимали тренажерный зал, большая гостиная с камином, она же столовая, и собственно сауна, на втором этаже размещались пять или шесть отдельных комнат для иных утех, холл и бильярдная.

Свет горел почти во всех окнах, но тени за шторами пока мелькали лишь на первом этаже, откуда доносились также музыка, нечленораздельные выкрики и гогот, как мужского, так и женского происхождения. Теней было много.

— Не многовато ли их там? — еще в самом начале засомневался Самаковский. — На двоих-то?

— Не ссы, это они на военную хитрость пустились, — успокоил я.

— Как это?

— Как три мушкетера во время завтрака в бастионе Сен-Жермен. Вместе со слугами их было всего восемь, но они выставили много-много ружей из всех бойниц, испанцы испугались, что их там целый полк, и долго не решались пойти в атаку.

— При чем здесь испанцы?

— Это такая известная военная хитрость. Они специально мелькают, чтобы мы решили, что их там человек двадцать, и испугались.

Самаковский сообразил, что это шутка, но и не подумал улыбнуться, а вместо этого взялся за подсчеты...

...А я и не утверждаю, что удачно пошутил, это у меня от нервов язык развязался.

— ...Три тачки, — считал Самаковский, — максимум, пятнадцать человек.

— А минимум трое, — сделал я попытку его успокоить.

— Минимум — это вряд ли.

— Так и максимум может быть другой. Например, они целый автобус заказали, автобус их доставил и уехал в свое ПАШ...

Я лично для себя остановился на цифре двенадцать. Зная привычки обеспеченных братанов, можно предположить, что количество дам в компании превышает мужской состав. Четверо-пятеро ребят и семь-восемь заказных девушек — нормальный расклад для дня рождения.

— Хочешь чаю? — неожиданно предложил Самаковский.

— Хорошо бы пива.

— Пива нет.

Достав из небольшого кожаного рюкзака пол-литровый термос, Самаковский пояснил:

— Ира снарядила.

— Настоящая жена боевика! — похвалил я.

— Да она не в курсе.

— Да это я опять типа шучу, удержаться не могу.

— Тс...

Действительно, со стороны бора раздались голоса и скрип снега.

Известно, что ночь — это время, когда силы зла ползают по земле беспрепятственно. Но еще я заметил, что ночь — это время, когда на земле беспрепятственно плодятся силы романтизма. Есть люди, которые любят купаться при луне, а есть отдельные, которые при луне катаются на лыжах. Жителю солнечного Крыма подобный романтизм в принципе недоступен, даже как идея.

В первом часу ночи по лыжне, воркуя, шли двое влюбленных, и серебристый девичий смех эхом проносился в заснеженных кронах берез. Недолголюбиваю, когда смех серебристый, для меня это синоним известного смеха без причины. Я понимаю — над анекдотом там посмеяться, или, например, человек в лужу упал... Но при чем здесь лыжный спорт, эксклюзивное занятие выносливых, угрюмых женщин?

Парочка романтических лыжников поравнялась с нашей засадой, и глазастая кошка разглядела неровную борозду, оставленную неуклюжим телом Самаковского, который недавно присоединился ко мне с соблюдением законов военного времени.

— О! — удивилась девица. — А это что? След.

— Медведь прошел, — видимо, хотел пошутить ее спутник, внешним обликом при свете луны напоминавший начинающего физического аспиранта — молоденький, со светлой жидкой бородкой и изливающимся из глаз светом непознанных научных истин.

— Не прошел. А прополз!

— Чего бы он полз?

— От голода обессилел. Зима же, малины нет. Пошли посмотрим?

— Зачем?

— Помощь окажем.

— Неохота что-то. И спать хочется. Пошли домой.

— Ну, Женечка, ну пошли посмотрим! — закапризничала подруга.

Бородатый физик заколебался.

Беседа происходила в пятнадцати шагах от нашего убежища. Еще не хватало засветиться в обществе Самаковского! Я представил, как мы открываемся взору двух романтиков... Лежат двое в снегу, мужского пола, тесно прижавшись... Сильная картина! Мы не то, чтобы тесно, но им-то воображение точно дорисует недостающие детали. Еще и чай пьют!

— А вдруг волк? — высказал предположение Женечка. — По радио недавно передавали, в Болотнинском районе волки сожрали начинающую учительницу. Напала на нее стая, она побежала через поле, вскарабкалась на стог и жгла коробок спичек. И пока спички были, писала предсмертную записку. А потом спички кончились...

— А здесь какой район? — осторожно спросила девушка.

— Ордынский, что ли...

— Значит не волки.

Именно, что волки... Я уже собрался изобразить соответствующий вой, для чего вытянул губы в трубочку, как Женя нашелся:

— Ордынский и Болотнинский — они же соседние... Впрочем, если хочешь, пошли посмотрим.

— Да ладно, — мудро рассудила подруга, — поздно уже да и холодно. Пошли домой.

Не успел я вздохнуть с облегчением, как события стали принимать давно ожидаемый оборот...

Дверь бани распахнулась, и наружу вывалились три окутанных паром обнаженных тела — два мужских и одно стройное.

Наши лыжники, Женя с подругой, не успевшие сделать и десяти шагов, прямо-таки замерли при виде дивной картины.

А трое повели себя совершенно разнузданным образом. Не отходя далеко от двери, девушка и мужик, смывая жар, плюхнулись в снег, а третье тело поскакало к проруби, взывая:

— Эй вы, туберкулезники, айда в прорубь!

Пока одно тело спешило к проруби, два других успели достаточно остыть от снежных процедур и с веселым гиканьем и посвистом бегом вернуться в теплую парную.

— Веселятся! — с завистью прокомментировала лыжница, наблюдая за ночным моржом.

— Ладно, пошли, чего там, — обиделся на чужое счастье физик.

И чертовски медленно они двинулись прежним путем.

Обсуждая перспективы наступающей ночи, мы с Самаковским решили дожидаться кульминации праздника, когда пьяные бандюганы расползутся по комнатам, и потом спокойно, без шума разобраться с каждым по одному. Но тут меня будто укололи спицей, и разработанный план исчез из сознания без остатка.

— Я пошел, — сообщил я оторопевшему Самаковскому и встал.

...Девчонка взвизгнула и, отступив в сторону, повалилась в снег. Когда я пробежал мимо, парень замахнулся на меня палкой. Нырнув под острие, я на ходу пихнул физика в грудь, и они вдвоем с подружкой образовали кучу-малу.

Следом торопился Самаковский.

— Все, ребята, мы из мусарни, быстро домой, — он задержался над лыжниками. — Сейчас здесь будет опасно.

Никогда ни одному милиционеру не придет в голову так представиться — из мусарни. Впрочем, какая теперь разница? Орудия палками, парочка побежала к роще.

Я подбежал к проруби, когда морж, с чувством мурлыча под нос: «А у тебя СПИД, и значит мы умрем...», уже выбирался на лед. В новой Земфире я сразу узнал доходного паренька, на которого наступил возле дома в нахаловке, куда меня заманил Терехин. Коля. Ногой я спихнул обратно в воду выпившее тело.

Тело погрузилось с головой, вынырнув на поверхность, сплюнуло воду и заорало, выпучивая глаза, и совсем уже не Земфириным голосом:

— Че, пацан, в натуре, мыла объелся?! С жизнью расстаться хочешь?!

Однако постепенно парень разобрал, с кем имеет дело, и это заставило его быстренько подавиться своим праведным негодованием.

— Узнал? — одобрительно отметил я. — Молодец! Еще раз вякнешь, утонешь...

Морж кивнул, быстро перестраиваясь.

— ...И наоборот, будешь сотрудничать, тебя ждет жаркая баня, русские девушки и стакан теплой водки...

Коля переводил взгляд с меня на подоспевшего Самаковского и более не пытался возмутиться. Из светлых глаз быстро испарялся хмель, а ледяная вода, обрадовавшись легкой

наживе или неожиданному ужину, жадно слизывала с бандитской кожи остатки банного жара.

— ...Так часто встречаемся, — сделал я наблюдение, — а еще незнакомы... Ты меня знаешь, а я тебя нет... Что молчишь-то? Долго еще собираешься плавать?..

— Николай.

— Дальше, дальше! Фамилия как?

— Своровский!

— Правильно, есть такой в списке. Одна тыщца шестьдесят девятого года рождения.

Ранее не судим... Коля, вот что, давно хотел спросить: где моя машина?

— Какая машина?

Он, вроде, не ожидал, что расспросы начнутся с такой ерунды. Конечно, по сравнению с предстоящей войной ислама с христианами «Форд» — полная ерунда... Но только не для меня.

— «Фордик» такой симпатичный, белый, — напомнил я.

— Слушай, извини, разобрали твой «Форд» и продали. Но деньги тебе вернем. Полностью и даже больше. Точно тебе говорю. Мы же уже все...

Коля забулькал холодной водой.

— Что?

— ...Решили про тебя, что пусть живет. Ты, то есть, пусть живешь. А мы все равно уезжаем. Навсегда. Скоро уезжаем. Послезавтра. Тебя больше никто не тронет. Денег ты получишь много...

— Не ври, Коля, запутаешься.

— Ей-богу, не вру. Деньги вернем! Сколько надо будет! Слушай, выпусти меня отсюда. Давай в дом пойдем, все обсудим. Я тебе обещаю, гарантию даю, что тебя никто не тронет...

— А разве уже холодно?

— Холодно! Ей-богу, холодно!

— Теперь верю. А че ты все время бога вспоминаешь? Протестант, что ли?

— Н-не знаю. М-может... Серега, выпусти меня...

— погоди, еще не время. Сколько там народа? — я кивнул в сторону дома.

— Трое, ой, то есть четверо еще, — Своровский засуетился, пытаясь мне угодить. —

Клянусь, правду говорю! Ну и бабы еще. Десять их...

— По две, значит, на брата. Фамилии дружков назови.

— Корнищев, Бердов, Петухов и Зверев.

— Кто главный?

— Корнищев.

— Все кемеровские ребята?

— Да. Только Зверев местный. Из Бердска.

— Они все были во время покушения на Краснопольского?

— Да. И еще один был. Которого ты подстрелил. Толька Ширяев...

— Я-то подстрелил, но не убивал.

— Правда! Его Петухов... Нельзя нам было светиться. Куда нам его было девать?..

— Теперь давай заказчика называй.

— Не знаю. Он с Корнищевым договаривался. А у нас не принято лишний раз болтать, да оно и безопаснее — когда меньше языком работаешь... Знаю, что мужик какой-то, типа сумасшедшего. Но обеспеченный, при деньгах...

— Как это — типа сумасшедшего?

— Несерьезный. Он, прикинь, из-за бабы тронулся. Этот Краснопольский с его бабой связался, поэтому тот его и решил искоренить...

— Из-за Насти!?

— Ну, я ж и говорю.

Вот тебе раз! Неожиданный поворот! Если Своровский не врет. А ведь не врет! Смысла нет. Значит, все время я искал заказчика совсем не в том ареале обитания. Наверное, Зиновьев именно это имел в виду, когда сказал, что Краснопольскому убрали полчерепа совсем по другой причине. Я не сомневался, что работают деньги, а оказывается, все дело в страстной любви.

— Он и Настю заказал? — уточнил я.

— Сначала нет. Мы отслеживали Краснопольского, около... нет, три недели... И получилось, что проще всего его достать, когда он с этой Настей встречается — место безлюдное, минимум охраны. Корнищев пошел к этому заказчику и объяснил, так мол и так — или никак, или в лесу во время свидания, но тогда нет гарантии безопасности для телки. Тот, заказчик то есть, поломался и согласился. Только сказал, чтобы, по возможности ей жизнь сохранить. Но мы тогда для себя сразу решили никого не оставлять... Тебе Корнищев может больше рассказать, он же все это на контроле держал. Я ему скажу, он расскажет...

— Спасибо, Коля. Зиновьева знаешь?

— Какого Зиновьева?

— Ну, Зиновия.

— Знаю. Сильно пантовый! Только не в Кемерово. На местном рынке. Только у нас с ним никаких дел. Наоборот, Корнищев ему чего-то накосячил, но я не в курсе.

— Ты намекаешь, что не Зиновий заказывал Треухина?

— Вряд ли Зицовий. Да, точно не он.

— А Терехина знаешь?

— Твоего друга, что ли? Знаю, конечно. Он ни при чем. Мы его заставили тебе позвонить... Серега, не могу больше! Выпусти из воды. Век тебе буду служить!

И впрямь парень выглядел неважно. Огромный ледяной залив высасывал из него остатки тепла. Синими дрожащими пальцами он скреб ледяную кромку, оставляя на ней розовые пятна.

— Я вот чего понять не могу, — размышлял я вслух, — почему вы, можно сказать, не тронули Терехина, а за мной гоняетесь, как будто я — главный приз.

Неужели было непонятно, что я в ментовку с докладом не пойду?

— Это-то понятно. Это все из-за Корнищева. У него к тебе какой-то личный счет образовался. Он у нас немного... Увлекается, знаешь... В голову себе вбил, что должен тебя достать во что бы то ни стало. Мы его убеждали, что не надо... Это все он! Он тебя сильно хочет достать... Только он... Хочешь я тебе его сдам?

Теряя тепло, Своровский говорил все тише.

— Мать Насти Треухиной — ваша работа? — продолжал допытываться я.

— Мать Треухиной? Которую машина сбила?.. Нет. Зачем она нам?

— Как это зачем? Чтобы выйти на Настю.

— А Настя зачем?

— Хочешь сказать, что она как свидетельница вас не интересовала?

— Нет, не интересовала... А что она видела-то? Ничего не видела, и ее никто толком не

видел...

— А возле «Универсама» три дня назад кто в нее стрелял?

— Первый раз слышу.

— Такой мэн, в светлом плаще...

Из гортани неудачливого моржа вырвался лишь птичий клекот.

— Что? — переспросил я.

— Ей-богу, не знаю. Это не из наших.

Узкие синие губы Своровского покрылись инеем. Если выпустить его из проруби, пожалуй, все равно не выживет, и до бани сам не доползет... И даже из воды не выберется. Да и не хочется ему больше куда-то вылезать, бороться и испытывать новые страдания от борьбы.

Но я ошибся. Синее лицо исказила судорога последнего усилия и изо рта вырвался крик:

— Помогите! Братцы! Помогите!

Удивительная ночь! Ночь открытий. Во-первых, оказывается, что заказчиком двигали не серьезные финансовые интересы, а всего лишь расстроенные чувства. Всего лишь! А что я знаю про чувства? Я только знаю, что мне и в голову не пришло бы убивать любовников своих бывших, настоящих или будущих подружек. С другой стороны, Настя — редкая красавица, у кого-то из-за нее вполне мог шифер треснуть. Во-вторых, исполнителями тоже управлял не строгий расчет, а опять-таки некая эфемерность. Мечь! И об этом чувстве я ничего не могу сказать. У поэта Маяковского были какие-то идеи — «Я вышел, чтоб... че-то там... строить и мечь...» Впрочем, Корнищев — безусловно, эпическая фигура. Не умеет проигрывать, а на меня натывается уже во второй раз... Бог ты мой! Какая, в сущности, фигня заставляет многих людей, хотя бы меня, не спать по тридцать шесть часов, не ночевать дома, бояться каждой тени... А что в нашей жизни не фигня?.. С ходу и не придумаешь... Может, натурально, любовь и мечь? Ну не машина же, не квартира с двумя туалетами... «Возлюби жизнь больше, чем смысл ее», — учила меня знакомая девушка Ира...

— Братцы, на помощь!

За то, что последние вопли умирающего долетят до ушей боевых товарищей, я не опасался. Своровскому казалось, что он кричит, на самом деле звук едва вырывался из гортани, и умирал тут же, ударяясь в ледяную стенку. Зато на его долгое отсутствие могли обратить внимание. Или там водка уже погасила все мозги?

— Пошли, — позвал я Самаковского.

— А этот?

— Пусть остается. Не с собой же тащить...

...Дверь бани легко подалась. Следующая звонко ударилась о препятствие. Передо мной схватилась за разбитое лицо обнаженная девица. Верно, собиралась искупаться в снегу или забеспокоилась по поводу Коли, а тут я деревянной плоскостью расквасил ей нос и рот. Сквозь пальцы уже проступала кровь... Что вы хотите: проституция — профессия мужественных женщин, как бы странно оно не звучало. За то и деньги платят. Не по любви же они здесь собрались?.. Девочек пять или шесть отдыхали в креслах, закутавшись в простыни, стреляя глазами и припивая из фужеров вино или пиво. Так стреляют, когда соображают, кто кому достанется. И достанется ли что-то сверх тарифа? Так не доставайся же ты никому!

— Все на пол лицом вниз! — скомандовал Самаковский, пока я размышлял, как

поступить — то ли извиняться перед побитой жертвой нашего внезапного появления, то ли заорать страшным голосом, то ли выстрелить в потолок.

Девушки попались сообразительные, не так чтобы все сразу рухнули с кресел, но так или иначе поползли на пол, лупая круглыми глазами...

...С веселым криком распахнулась деревянная дверь в парную:

— Колян, где пропал?

С обнаженного тела атлетически сложенного бычка сбегали струйки пара. Сразу видно, железом балуется, вот и добаловался... Два ствола, оборудованных глушителями, мгновенно стерли с его лица красивую белозубую улыбку...

В глубине парной просматривались еще тела.

— Атаc! — заорал атлет, отступая обратно в парную.

Мой глушак издал чмокающий звук, бычок выпучил глаза и, цепляясь за косяк, повалился на спину, сметая на пути деревянные перила, ограждающие каменку.

Я махнул Самаковскому на еще одну дверь, а сам через распластавшихся на полу девушек запрыгал к парной.

На полке, оторопев, решения судьбы дожидался коротконогий, заросший черной шерстью мужик, обличьем знакомый — один из тех, кто караулил меня в квартире Терехина.

К углам жались две подруги, визжа при этом запредельным образом, на сверхвысокой частоте. А парную между тем заполнял тошнотворный запах жареного мяса — мертвый атлет, шипя, поджаривался на раскаленных камнях.

Я дважды бесшумно выстрелил, и волосатый с верхней точки нагрева нырнул вниз головой.

...В соседнем помещении пахло салатом, пороховым дымом и... чемпионатом мира по шахматам... Возле окон притулились два больших клетчатых стола с бестолково собранными гигантскими деревянными фигурами — кому пришло в голову оснастить?.. Впрочем, шахматы — известная русская забава. Вот и недавно четырнадцатым по счету чемпионом мира стал простой русский парень по фамилии Халифман. Впрочем, двое других сугубо русских парней — Каспаров и Карпов — с таким подсчетом не согласны...

...За длинным столом с недоеденными яствами сидел лишь один человек — уткнувшись в блюдо с холодцом кудрявой головой.

...Самаковский дожидался меня возле деревянной лестницы на второй этаж и кровожадно оглядывался, вода смертоносным стволом из стороны в сторону.

Кудрявый мог бы спать в холодце, холодец — не худшая подушка для пьяных, но не спал, он был мертв, о чем свидетельствовали неподвижность позы и стекающая вниз кровавая клякса на стене за спиной. И раздробленная голова, если присмотреться, больше смахивала не на сферу, а на сдувшийся резиновый шарик или на неполный мешок зерна, который в советских кинофильмах в качестве последней надежды носили на плече беднейшие крестьяне... Хотя раны с моего места и не было видно.

— Я его узнал, — объяснил Самаковский, — это он мне сегодня по чайнику прикладом съездил.

— Они же все в масках были, — слабо возразил я.

— Ну и что? Я по глазам узнал.

В доме Самаковского орудовала совсем другая бригада, но, ясный перец, какой резон мне было его разубеждать?

— Должен быть еще один, — предупредил я. — Самый главный. Здоровый такой. Его

бы надо живым... Вопросы к нему есть...

— Может, наверху...

Преимущество внезапности мы израсходовали полностью. Получалось, что нужно переходить к позиционным или разведывательным действиям.

— Смотри, — позвал Самаковский, но я уже и сам заметил...

Опомнившиеся подруги в простынях, а отдельные и вовсе нагишом, компактным табунком вывалились из бани и запрыгали по снегу в разные стороны...

...И тут сверху ударил автомат. Посуда на столе, стулья, забытые на стульях и на полу предметы мужского и женского туалета, гигантские деревянные шахматы запрыгали, словно поп-корн на сковородке.

Самаковский нырнул под стол, а я прижался к стене.

Очередь длилась бесконечно, секунд пять, а потом в свалившейся гулкой тишине и сообразил, что человек сверху не то спросонья, не то от бесконечной злобы и удивления расстрелял весь магазин. Если под рукой и имеется запасной, потребуется несколько секунд на перезарядку — три, четыре, пять. Достаточно, чтобы прыгнуть на лестницу и из мишени превратиться в охотника. Но я замешкался или сразу не решился, а через три секунды было уже поздно. А еще у него при себе мог оказаться второй ствол, так что я как раз и прыгнул бы под пулю.

Так или иначе, нужно менять позицию — с первой очередью мне повезло, а вторая стороной может не обойти. Подбросив ногой к лестнице оказавшегося на полу черного ферзя, я быстро перебежал в мертвую зону. Рядом тут же очутился Самаковский...

Двумя быстрыми одиночными выстрелами неизвестный снайпер, в котором я предполагал рано или поздно увидеть Корнищева, шахматную фигуру превратил в груды мелкой щепы. Значит, теперь он пользуется пистолетом...

Обстановка до боли знакомая. Я всегда верил в идею Гегеля про спиральное развитие и в ее предметное воплощение — бумеранг. Новый русский идет весь в синяках, тащит бумеранг. Его второй встречает и недоумевает: «Что за дурацкая палка? На хрен ты ее тащишь? Отчего не выбросишь?» — «А ты попробуй!»...

Все всегда возвращается. А теперешний эндшпиль прямо-таки мистически повторяет дебют. И даже также трое остывают с пулевыми ранениями, как и в прошлый раз в Заельцовском бору. Правда, нынче есть еще и утопленник, который тоже остывает и даже очень! Кстати, я сам-то не шахматист, но обстановка определяет терминологию.

— Сдавайтесь! — крикнул Самаковский. — Коттедж окружен!

«Первое отделение направо, второе налево, остальные за мной!» — чуть было не дополнил я, но шорох наверху заставил меня прислушаться.

То ли человека сверху (Корнищева?) напугал Сергунин блеф, то ли человек дочухал, что нету ему смысла дожидаться на втором этаже неизвестно чего...

— Убегает, — догадался Самаковский и первым бросился на лестницу.

Я едва поспевал следом.

Самаковский всегда казался странным. Эти его «Сникерсы», Зюганов... Не ожидал от него такой прыти, думал, так, тыл прикроет и то ладно. Что-то не припомню, чтобы раньше Сергуня рвался на амбразуру. А он в людей стреляет, словно кедровую шишку шелушит! Может, случая не представилось заметить?.. Просто Самаковский любое дело старается делать хорошо. Построил дом — чтобы правнукам достался, полюбил коммунистов — всей душой, согласился на стрелку — значит, надо работать по полной программе.

...Выстрела я не услышал. Сработал глушак, или из моей головы еще не выветрился гром автоматной очереди. Я решил, что Самаковский споткнулся на последней ступеньке, и воспользовался непредвиденным обстоятельством, чтобы его обогнать — дело мое, я и должен бежать впереди.

Сергуня лежал, как срубленная ветвь, и не думал подниматься...

...Моим глазам открылся пустой коридор, застеленный серым ковровым покрытием с пятнами от пролитых напитков и тошноты...

— Серега, — негромко позвал я и похлопал его по плечу.

...Плечо странное. Твердое.

...В торце коридора — большая дверь в широкое ярко освещенное пространство. А вдоль коридора — по три закрытые двери друг против друга...

— Серега! — я сделал попытку перевернуть его на спину.

...Самаковский нехотя подчинился, и при этом стал съезжать вниз по лестнице...

...Шесть дверей в отдельные номера, одна еще подрагивает на петлях...

...Самаковский мертв. Он умер, даже не сообразив, что жизнь кончена. Не понял, что его любимые коммунисты остались, а он их больше никогда не увидит. Ничего больше не увидит — ни коммунистов, ни демократов, ни свой плотный завтрак, ни жену Иру, ни свою дочку... Я не могу отыскать ранение, только чувствую теплую влагу под рукой... Влажной рукой я отбираю у Самаковского ствол и прячу его в карман куртки — на всякий случай. Да и вообще не привык я оружием разбрасываться.

...Если тот тип надумает выглянуть в коридор, я успею выстрелить, главное — одним глазом следить за дверью...

С той стороны раздался звон разбитого стекла и женский визг. Неужели он, словно Фокс из «Места встречи», сначала девушку выбросил в окно? Я ж говорю, все повторяется. Или, вернее, Гегель говорит. Сейчас он прыгнет в снег и умчится на «мерсе» в непроглядную ночь. И до конца жизни не избавиться мне от его преследований. Если уж он из-за двух зуботычин завелся не на шутку, то после сегодняшней расправы и вовсе с катушек слетит. И до конца жизни... Его или моей.

Покинув Самаковского, я вбежал в номер. Разбросанная постель... В угол между оконной шторой и шкафом забились три полуголые подружки и лупают глазками. Окно, действительно, разбито, и сквозь него холодный язык тянет февральская ночь.

А вот и Корнщев, Илья Корнеевич, тысяча девятьсот шестьдесят восьмой, судим. Теперь-то я его сразу узнал. Тем более, что он был в майке, как и две пятилетки назад, когда я видел его перед собой на ринге.

Илья Корнеевич прятался за дверью, и когда я появился, пытался прибить меня той же дверью. Я как будто пытался увернуться, но все же удар пришелся в плечо, и «Беретта», выпавшая из безвольной руки, улетела под кресло, на котором кучей валялись юбки, платья, жакеты, свитера, а сверху — горячий автомат Калашникова, укороченный... И все же я успел отправить спасительный удар левой нижней конечностью в сторону Ильи Корнеевича, и в свою очередь уже противоположный ствол, вращаясь, словно упомянутый бумеранг, взмыл под потолок и приземлился по другую сторону двуспального сексодрома в аккурат под ноги вздрогнувшей полуголой троицы.

Как в доисторические времена, два мужика остались друг против друга с голыми руками. То есть так... Илью Корнеевича украшала единственно длиннющая, как у игроков НБА, майка да кроссовки с незавязанными шнурками, зато штаны отсутствовали полностью

— человек в возникшей суматохе предпочел не отвлекаться на подобные мелочи.

Описанный наряд не то, что не скрывал, а, наоборот, красноречиво подчеркивал сформированное тысячелетиями тело бойца-убийцы и всю имеющуюся в наличии мощь. Тяжеловат, конечно, для тридцати лет, но с другой стороны, чем это туловище можно убить?

Корнищев стоял против меня горой открытых для обозрения, подернутых жирком мышц. Гладиатор! И напротив, про мои руки нельзя было сказать, что они голые. Футболка, пуловер, финская куртка... И в кармане куртки последний подарок Самаковского — именной «пээм», девять миллиметров.

Некоторое время мы оба изучали возможность добраться до «Береты» под креслом. Для обоих расстояние получалось одинаковым... Вот мы прыгаем, катимся кубарем... Получается малоэстетичная борьба в партере.

Рот Корнищева растянулся в нехорошей улыбке. Всем своим затынутым в тяжелую броню мозгом человек ощутил близкую возможность реванша, к которому рвался десять лет и всю жизнь.

— Ну, что, баран, добился своего? Вот и встретились! — сладострастно объявил Корнищев. — Думаешь, ты чемпион?

— Да какой я чемпион? Это ты чемпион, а я просто рядом стою.

— Думаешь, думаешь!

— Значит, это правда, что ты забыть не можешь нокаут одна тыща девятьсот восемьдесят девятого года?

— А зачем мне его забывать?

Тоже верно! Какая у меня цель в жизни? Пить с друзьями водку, знакомиться с девушками и зарабатывать деньги, чтобы иметь возможность пить и знакомиться. А Корнищев — человек серьезный. И цели у него серьезные — не прощать обиду. Чем не образ жизни?

— Хочешь меня убить? — уточнил я.

— А ты как думаешь? — усмехнулся Илья Корнеевич.

— Вот и я чувствую, что пришел мой смертный час. Может, перед смертью, я имею в виду, перед моей смертью, скажешь, кто заказал Треухина с Настей?

Своим маленьким мозгом Корнищев сообразил, что над ним издеваются и бросился вперед, словно ракетный аэроплан палубного базирования. Годы у меня уже не те, реакция не та. Да что оправдываться? Пропустил бросок, засуетился — вроде, потянулся к карману и увернуться хотел, а в итоге не успел ни того, ни другого. Грохнулся затылком об пол, а сверху бетонной плитой навалился кемеровский чемпион.

Если выберусь живым из-под надгробной плиты, брошу пить, буду тренироваться.

То ли он задушить меня хотел, то ли шею переломить. Но я тоже в свое время на тренировках на шею внимание обращал не хуже, чем любой борец, а уж борцы-то понимают всю важность укрепления шейных позвонков... Корнищев неумолимо сжимал клешни на моем горле.

— Г-х-х-х, — только и мог просипеть я.

— Ничего, ничего, — прохрипел надо мной сизый от натуги Корнищев, — скоро тебе будет хорошо...

Я наконец добрался до «пээма» Самаковского и выстрелил через куртку. Жуткий Илья Корнеевич дернулся всем телом, как иногда вздрагивают во сне, но хватку не ослабил. Я выстрелил еще.

Шумно выдохнув изо рта вонючую воздушно-капельную инфекцию, Корнищев отвалился в сторону.

— Эй, друг, — позвал я, восстановив функции горла, — погоди, не умирай. Назови заказчика. Кто заказчик?

В глазах непобедимого чемпиона отражалась бесконечная пустота.

— Fly не будь сволочью, — уговаривал я. — Ты все равно умрешь. Какое тебе до него дело? А мне еще жить да жить. Эй!

Мой голос догнал его перед чудовищными воротами, мутная капля ненависти зародилась в пустой глазнице и скатилась к виску.

Страшно умирать или нет? Например, я достиг, чего хотел. Пью и знакомлюсь. А несчастный Илья Корнеевич умер, так и не утолив свою обиду. Гонялся, гонялся и...
Печальный конец...»

Третий глаз открылся около четырех часов ночи.

На диване в своей квартире я припивал черный кофе с водкой из пол-литровой кружки, закусывая черствой краюхой бородинского хлеба. У себя я держу только бородинский, он может храниться целый месяц, и как будто только вчера сорвали с грядки — очень удобно для человека, который не знает, когда в следующий раз окажется дома.

Обнаружив давно забытую незаконченную бутылку водки в холодильнике, я сказал себе: все кончилось. Некого больше бояться, не от кого прятаться. Конечно, я не узнал имени заказчика. Но кого это теперь волнует? Треухин аннулировал заказ, а Терехину доложу, что убийство не имеет отношения ни к комбинату, ни к политике, а чьи-то персональные гуси вряд ли представляют интерес для имиджмейкера. Настя Треухина так или иначе уезжает...

Нерешенными пока остаются две проблемы: Зиновий и официальное милицейское расследование кровавой мясорубки в Боровом. Конечно, мне никогда не добиться от губернского племянника того, чего добился Коля Остен-Бакен от польской красавицы Инги Зайонц, но есть ощущение, что опасаясь шантажа, по крайней мере в ближайшее время Зиновий меня трогать не будет. Что касается ментовки... Это вечный страх. Как говорится, от тюрьмы и от сумы... Страх — он же как боль, сигнализирует о неполадках в организме и жизни. А если страх вечный? Стоит ли прислушиваться к вечному страху?

Остается Самаковский. Вернее его жена. Вернее то обстоятельство, что мне придется смотреть ей в глаза. Неизбежные и в чем-то стандартные отходы производства — такой мыслью я пытаюсь себя приободрить. Цинично? А кто сможет придумать лучшее оправдание? Ну, виноват я, ну сам когда-нибудь полягу... Или по глупости, или тоже за какую-нибудь сволочь, что, впрочем, одно и то же.

И вот я пью кофе с водкой, и передо мной мигает экраном телевизор, в котором открывает рот... эта, как ее?.. Не помню, как фамилия. Линда, что ли? Или Алсу? Е коротком платье. У нее еще такой клип есть — возле холодильника в шерстяных носках...

Я включил ящик автоматически, думал настроиться на музыкальный канал. Не потому, что хотел послушать музыку, а так, чтобы что-то невоенное мелькало перед глазами. Тем более, что и звук сразу выключил.

Третий глаз как раз и включился, когда я пил кофе, а Линда поджимала ноги в носках. Только что жизнь представлялась в виде далекого, туманного и загадочного Альбиона, где я не буду никогда, и вдруг сознание насквозь прорезала молния, осветив затененные уголки, и сразу все стало понятным, будто одним движением руки фокусник сдернул черное покрывало с задрапированного предмета.

...Я захожу в квартиру Константина Альбертовича Воронова, он же Котяныч... Глянцевый блеск интерьера слепит, поэтому я сразу и не обратил внимания на ту единственную подробность, которую должен был заметить...

Диван, столик, второй столик с компьютером в противоположном углу... Над компьютером на стене две фотографии... Меньше всего я был занят разглядыванием фотографий! Взгляд лишь скользнул... но оказывается, сознание сработало, что твой эс-девяносто, в смысле «Никон», от которого не может ускользнуть ни одна деталь из захваченных объективом.

Объектив захватил... Снимок приближается... Группа загорелых детей в два ряда на

фоне всемирно известной горы Аю-даг. Следующий этап увеличения, и во втором ряду я вижу светловолосую красавицу с тонким носом, в зеленом сарафане с белыми цветами, которые... цветы превращаются, превращаются цветы... в луговые ромашки.

Чтоб мне подавиться, ни красавицы, ни ромашек я раньше разглядеть не мог ни физически, ни физиологически. К фотографии я не подходил ближе, чем на четыре шага. Откуда же они выросли — ромашки? Загорелой красавице лет пятнадцать-шестнадцать, и это Настя Треухина, больше и быть некому.

А сбоку, у самой кромки снимка притулился молоденький бородатенький... Котяныч. Сроду я не интересовался его образованием, а ведь он, вроде, однажды, было дело, обмолвился, только я значения не придавал и только теперь вспомнил... Опять же южные пейзажи на стенах, тот же самый романтический период. Период первой влюбленности. Первой и последней. Нет никаких сомнений, что именно они подружились друг с другом в Артеке и полюбили на долгие два года — третьекурсник новосибирского худграфа и юная дочка начинающего миллионера. Потом дочка разлюбила студента, у студента треснул шифер...

Ради безумной любви художник выбросил в мусорную корзину кисти и краски, купил пистолет... Да что они все, эти бандиты?! Вот и Анатолий Тимофеевич Баринов из поселка Малиново тоже увлекался живописью — узкие глаза изображал... Какая связь между живописью и криминалом? Вроде, никакой. Зато между живописью и шифером связь непременно есть. Все эти поэты, живописцы... вполне способны накрутить в своей башке нечто неразрешимое или смертоподобное...

Значит, выбросил кисти, купил пистолет, устроился на работу к Настинному отцу, чтобы быть ближе к объекту страсти... Все складывается, как мозаика, пазл по-научному.

Когда речь заходила о Насте, Котяныч менялся, а я в этот момент, как дурак, смотрел мимо. Он же весь аж синел... Вот так Котяныч! Маньяк хренов!

Сначала решил ликвидировать любовника своей возлюбленной, а потом и возлюбленную — чтоб в дальнейшем исключить саму возможность измены...

А тут еще я. То есть, когда после похорон Настя убежала ко мне, Константин Альбертович мог окончательно обезуметь, потерять надежду и... Включить так же и меня в список смертников. А может быть, он отчасти и стимулировал команду Корнищева насчет меня.

Настя оказалась Корнищеву не по зубам. Настя исчезла, чего маньяк совершенно вынести не мог. Он организовал наезд на мать, нанял нового исполнителя — в плаще. И опять произошел прокол... Ему оставалось лишь одно — проследить неверную возлюбленную в Москве.

О чем он думал, когда я неожиданно явился к нему? Только не о банде Корнищева. Он и думать тогда не мог ни о чем другом... Только о том, что Настя уезжает в Америку, где полно сексуально озабоченных... негров, которым его девушка будет с удовольствием отдаваться... Эти самые негры у него в глазах и стояли пачками.

* * *

Первый рейс из Новосибирска в Москву уходит в шесть утра с минутами. Воронов улетел вчера вечером...

В половине пятого звонком из машины я поднял с постели Владимира Антуаныча Михальцова.

— Антуаныч, — сказал я. — Серпуховской вал, дом семнадцать, квартира тринадцать. Нужен телефон! Срочно!

— Некогда сейчас. Давай днем разберемся.

— Ладно, давай днем. Только телефон мне нужен немедленно. Антуаныч! Понимаешь, очень надо!

— Тебе всегда очень надо.

Тут я сообразил, что голос Михальцова не похож на голос пожилого человека, едва оторвавшего тяжелую седую голову от подушки. Половина пятого, а он как будто уже зубы успел почистить и выпить чаю с лимоном...

— Не спишь, что ли? — удивился я.

— С вами поспишь! Боровое — твоя работа?

— Какое еще Боровое?

— Ага, невинный такой! Сроду ничего не знает! У вас даже фамилии похожие: Боровое-Бобровое...

— Ей-богу, Антуаныч, то, что ты говоришь, это даже обидно...

— Ладно, — не стал спорить старый мент. — В общем, бойня в Боровом. Несколько жмуров. И меня позвали зачем-то...

— Понял... Так как насчет телефона?.. Только имей в виду, Серпуховской вал — это в Москве.

Через полчаса Михальцов перезвонил, чтобы продиктовать семизначный номер. В этот самый момент утомленная ночным дежурством кассирша оформляла мой билет на Москву.

Телефон в квартире номер тринадцать не отвечал.

Еще раз я позвонил от трапа — и с тем же результатом.

* * *

В соседних креслах шумно, с чувством собственного достоинства обосновались две полные тетки с тугими икрами и явными лидерскими задатками, как сразу выяснилось, москвички. Само собой, Новосибирск — глухая деревня. И я об этом могу говорить совершенно спокойно, но когда то же самое озвучивают посторонние лица, тем более тетки, меня это, уж не знаю почему, достает. Во-первых, недолюбливаю умных икроножных теток, во-вторых... Может, это и есть патриотизм, про который говорят, что у русских его не осталось?

Одна из соседок за сорок лет жизни не смогла освоить букву эр, поэтому вместо Новосибирска у нее получался Новосибирийск.

— Вот именно, вы еще Бийска не видели, — пробормотал я себе под нос.

Вот там город еще тот...

Тетки, не то бухгалтеры-аудиторы, не то политологи-экономисты, как не трудно было понять, возвращались с научно-методической конференции, которая, ясный перец, была бы совсем фуфло, если бы не их, теткино, участие.

...Я, как мог, свернулся в кресле. Сквозь полудрему, образуя бесконечные окружности, до меня доносилась однокоренная терминология, нечто из утиной жизни: кредит,

креативный, крестьянство, кремлевский, кретин...

Под орнитологическое кряканье полудрема превратилась в сон, из которого восставал голубой Леша Своровский. Голубой не по половой ориентации, а по цвету кожи, и даже синий, с изморозью на губах. И не из сна он восставал, а из квадратной полыни. Оставляя отпечатки босых ног в снегу, шел на меня, растопыбив подернутые сосульками руки и напевая песнь из Земфиры — весь такой из себя креативный...

...Коровы-москвички меня разбудили... Засобирались в туалет и задели икроножными мышцами заснувшего спутника. Судя по хронометру, я отсутствовал семь минут.

* * *

Звонок от трапа в «Шереметьево» опять же наткнулся на нескончаемые длинные гудки. Я не хотел думать о десятичасовой форе Воронова.

* * *

Наглость московских специалистов частного извоза может соперничать с их же застенчивостью.

На выходе с летного поля, как водится, таких специалистов столпилось десятка три, позвякивающих ключами и жаждущих исполнить свой долг.

— Серпуховской вал, — объявил я первому попавшемуся.

Вот тут и проявилась застенчивость.

— Девятьсот, — объявил он с интонацией, живо напомнившей мне покойничка Андрея Миронова из старинной ленты «Берегись автомобиля», когда Галина Волчек хотела купить из-под прилавка заморский «Грюндиг».

Утренний таксист назвал сумму и первый же ее устыдился, уточнив:

— В смысле рублей.

Он бы еще запросил девятьсот девяносто девять.

— Поехали, — без колебаний согласился я.

А дальше уже пошла окончательная, то есть предельная застенчивость:

— Сейчас, погоди, — сказал он, — может, еще кому-то в ту же сторону...

Тут и я не выдержал, проявил исконную сибирскую скромность — схватил мужика за отвороты куртки и, дыша нечищеными зубами рот в рот...

В общем, попутчиков дожидаться не стали...

* * *

Дверь, маркированная табличкой с номером тринадцать, оказалась незапертой и открылась бесшумно.

Внутри пахло моргом. Конечно, я опоздал и сейчас передо мной откроется... Перемазанное кровью, резиновое то, что осталось от живой девушки Насти, которую однажды мне довелось поцеловать.

Я сделал шаг и увидел странный пейзаж. Настя сидела на диване живая и здоровая, но экипированная довольно экстравагантно. Белая блузка расстегнута до половины, так что виден краешек кружевного бюстгалтера. Одна нога голая, но в туфле на высоком тонком каблуке, вторая — в чулке.

Она тоже меня увидела, но я сообразить не мог, какие чувства отражаются на ее лице.

Перед ней на полу в беспорядке валялось множество предметов дамского туалета, от платьев до нижнего белья и скомканных колготок.

Продвинувшись в комнату еще на полкорпуса, я наткнулся на направленный на меня ствол и, разумеется, Котяныча, сидящего на стуле с гнутой спинкой у невысокого эллипсообразного столика в противоположном от.

Насте углу комнаты. Получилось, что мы держим друг-друга на мушке.

— Заходи, дядя!

Я так и не понял, удивился Воронов моему появлению или ожидал чего-то в этом роде. Он умный, а умные умеют предугадывать. А я так точно не удивился, встретив Константина Альбертовича. Последний сегмент мозаики с изображением его вооруженной фигуры занял последний промежуток художественно-документального полотна под названием «Маньяк избавляется от приятелей своей бывшей возлюбленной, а в конце убивает и саму возлюбленную».

А ведь сегмент-то не последний. Умертвив предмет страданий, он направляет ствол в свой висок... Или наоборот, педантически уничтожает отпечатки пальцев и иные доказательства своего присутствия, возвращается к нормальной жизни, знакомится с другой девушкой, женится, воспитывает сына и дочку, выходит на пенсию...

Или я стреляю первым...

Воронов шибко умный, но лицо синее, а шея раздулась, как у одной рыбы, не помню названия. Вернее, у нее не только шея раздувается, она делается похожей на теннисный мяч, когда ее достают из воды. Вот именно, Котяныч сейчас напоминал теннисный мяч, хотя сам по себе он довольно сухопарый паренек. А в глазах мерцает красноватый огонек, то ли признак переутомления, то ли отблеск далеких костров, что пылают в преисподней.

Несмотря на явное возбуждение, стрелять он, похоже, не собирается. По крайней мере не в эту самую секунду.

— Ребята, чем вы тут занимаетесь? — спросил я.

— Развлекаемся, — ответил Котяныч. — Вот смотри... А теперь второй чулок сними.

Последняя фраза предназначается Насте, хотя цепкий, окрашенный в багровые тона взгляд Котяныча по-прежнему нацелен на меня.

Настя не шелохнулась.

— Стесняется, — пояснил Воронов. — Тебя стесняется. А до тебя тут такой театр одного актера был, вернее актрисы. Жалко, ты к началу опоздал. Мы с ней за ночь почти весь гардероб перемерили. В разных комбинациях...

Гардероб Котяныча выглядел так, будто сам он и не думал раздеваться. Пиджак, галстук... Разве что верхняя пуговица рубашки расстегнута, чтобы шея не потекла через край. То есть получается, что физически они не того... В смысле он ее не трогал. Неужели всю ночь только смотрит?

Я читал, так бывает. И слово еще есть такое. Вуайеризм, что ли... Наверное, считает ее оскверненной, поэтому сам не прикасается, а наказывает, как умеет. На расстоянии.

— Ты ведь с ней тоже спал? — неожиданно переменял тему Воронов.

— Нет.

— Врешь. А она сказала, что спал.

— Ничего я не говорила, — слабо запротестовала Настя.

— А ты пока помолчи. Когда надо будет, тебя спросят.

— Костя, ты бредишь, — осторожно заметил я. — Проснись и все пройдет.

— Сам ты бредишь. Ты и не жил-то никогда по-настоящему.

— А ты жил?

— Я-то? Само собой! Еще как! Я жил в огне. Вы оба даже представить не можете какво это — жить в топке. Когда в огне — это и есть настоящая жизнь, а когда в холодильнике, это самый сон и есть.

— Что-то не замечал за тобой раньше... Костя, ты же спокойный, рассудительный...

— А что ты вообще замечал? Воображаешь себя проницательным!.. А ты сюда вообще-то к Насте приехал? Развлечься? Или все-таки догадался? Или, может, ребята в Боровом рассказали? Кстати, как там у вас все прошло? Ты там был?

— Был. Душевно прошло. Кое-что ребята рассказали, кое-что додумал.

— И чем там кончилось?

— Все устроилось, все нормально. Давай и здесь все мирно решим.

— Как это?

— Уберем волыны и разойдемся по-хорошему в разные стороны. Ты мне не нужен, я тебя топить не буду... Я тебе не нужен... Девушка пусть уезжает...

— Мирно не получится. Я тебе, может, и не нужен. Может, и ты мне не нужен. А девушка никуда не поедет.

— Это ты к чему клонишь?

— Н-не знаю пока. Думаю.

Девушка никуда не поедет... Не собирается же он под пистолетом вырвать у нее обещание выйти за него замуж! Конечно никуда не поедет. И я никуда не поеду! Обожравшись эротическим шоу, он выпишет ей последний билет. В прозекторскую судебной экспертизы, И мне за одно — билет в один конец и в том же направлении.

— Настя, а что в самом деле, сними ты этот чулок, жарко же, — подыграл я Котянычу в расчете хоть на мгновение отвлечь его внимание.

Как назло, в тот же миг позади раздался звук неясного происхождения, может, донесся через стену из соседской квартиры — не то зашуршало, не то заскрипело... Вместо того, чтобы контролировать реакции Воронова, я сам обернулся.

— Не надо дергаться, — раздался голос над ухом, после чего в то же ухо уперся твердый предмет, в котором без труда можно было угадать ствол.

Краем глаза я заметил, что человек, сумевший подкрасться почти бесшумно, одет в белый плащ.

— А эту шпуку давай сюда.

Досадуя на свой недоразвитый слух, но сохраняя при этом неподвижность головы, я расстался с «Береттой».

— Вот так — хорошо, — ухмыльнулся Воронов. — А знаешь, ведь еще вчера я сомневался насчет тебя, потому что не был уверен... насчет тебя и Насти. Когда ты в одиночку собрался на Корнищева, я решил, вот пусть судьба и рассудит. Вообще-то я ставил против тебя пять к одному. Но всякое в жизни случается... Все-таки что там в Боровом произошло? Да ты не ерепенься! Чего уж теперь из себя Зою Космодемьянскую изображать?

Давай рассказывай все, как есть... Да мне собственно наплевать. Сегодня вечером сам все узнаю...

Во всяком случае дырявить себе чайник он не собирается.

— Пять к одному, — ответил я. — Шесть тел. Один был со мной. Ты его не знаешь.

— То есть всех положили?! А вас сколько было?

— Двое и было.

— Солидно! Не думал, что с Корнищевым можно так запросто обойтись... Ну так я говорю, еще вчера насчет тебя сомневался. А теперь уж извини. Сам не оставил мне выбора. А что, правда, у тебя, с ней ничего не было?

Он кивнул на Настю.

— Правда.

— Вот видишь, мог бы жить да жить, если бы сидел в Новосибирске... Ладно, вопрос есть?

— Не пробовал обращаться к психиатру?

— Предпочитаю испытанные народные средства, — осклабился Воронов.

— Психиатр дешевле бы обошелся.

— Предпочитаю на таких вещах не экономить. Один раз живем... Вижу, вопросов больше нет. А пожелания? Не хочешь с ней трахнуть? Напоследок...

Может, и хотел бы, но не напоследок.

— А посмотреть?.. Встань, Настенька... Встать, я сказал!.. На чем мы остановились?.. А, снимай чулок... Стоп! Повернись спиной! Теперь снимай... Только медленно... Забыла, как снимать нужно? Туфель надень... Теперь юбку Вниз. Медленно.

Схлынувшая было синева медленно возвращалась в голову Воронова. Стоявший сбоку плащ задышал чаще, а может, мне показалось. Во всяком случае сглотнул слюну... Настя возле дивана медленно стаскивала через ноги юбку, сам я в это время занимался некими осторожными манипуляциями...

— Нет. Так мне не нравится! — передумал Котяныч. — Это театр одной актрисы для одного зрителя. Извините, ребята, вам придется выйти... Пакля, ты там на кухне пока на него наручники нацепи, а клюв скотчем заклей. Потом решим, что с ним делать. Да, и карманы проверь!

Раньше надо было карманы проверять.

Я выстрелил через куртку. Парня в плаще отбросило в сторону. Выхватив оружие, я выстрелил в сторону синевой маски. Котяныч сказал «Ай!» и правой рукой схватился за левое запястье. Его пистолет лежал на столе... Третьей пулей я пригвоздил тяжело копящегося у ног Паклю. При чем здесь Пакля? Странное какое погоняло! А может, не Пакля, а просто мне так послышалось...

Лицо Котяныча меняло цвет, как светофор. Синева уступила место молочной бледности. Запястье сильно кровило, густая река быстро ползла по брючине к ботинку.

Быстро натянув юбку на прежнее место, Настя молча взирала на происходящее и выглядела почти спокойной. Нет, просто физиономист из меня нулевой. Закрыв рот рукой, опустилась на диван... Сейчас еще и стошнит ко всей прочей крови. И опять я ничего не понял. Как будто процеживая слова сквозь пальцы, Настя прошипела:

— Ну что, онанист поганый, зритель в театре одного актера, не успел кончить?

— Я не онанист, я — импотент, — неожиданно спокойно возразил Воронов. — У меня после тебя ни одной женщины не было, и даже эрекции не было с тех пор, как ты меня

бросила!..

Никогда раньше мне не доводилось слышать столь изысканного объяснения в любви. Я даже почувствовал себя неудобно, вроде бы, я лишний в этой комнате... Я сейчас скажу одну глупую мысль, ну, так я ведь академиев не кончал... Вдруг пришло в голову, что мне проще продырявить чью-то печень, чем просверлить дыру в чьей-то чужой душе и заглянуть через эту дыру. Глупо? Я предупреждал. Ненавижу откровения. Ненавижу при этом присутствовать, как будто на меня блюют вонючей кашницей из переваренных чувств.

Настя не нашлась, что ответить, а Воронов, вроде, не собирался продолжать, призадумался, склонившись над рукой. Пауза затягивалась.

— В тюрьму не пойду! — заявил Котяныч бледным голосом, не поднимая головы. — Стреляй, Серега, не ссы.

Проблема в том, что я ни в кош не стреляю без острой необходимости.

— Я в тюрьме задохнусь от... Я на свободе-то задыхался... Стреляй, говорю.

Я медлил.

Не поднимая головы, утиный Котяныч просверлил мое сознание и уяснил ситуацию. А уяснив, сделал резкое движение в сторону лежащего на столе оружия. Возможно, он вовсе не ставил перед собой задачу добраться до пистолета... Зато подарил мне возможность выстрелить...

Настя все еще сидела, зажав рот рукой.

— ...Куртку жалко, — пробормотал я, разглядывая дыру в ткани. — Финская. И фирма хорошая — «Лухта».

Дыра получилась безобразная — двойная, еще после Корнищева.

Двадцать второго апреля, когда расцветает земля, по сотовому позвонила незнакомка:

— Вы меня не знаете, — сразу сообщила она. — Я недавно вернулась из Америки. У меня для вас посылка. Как вам удобнее ее получить?

Договорились встретиться вечером у Оперного.

— Я такая блондинка, — объяснила она. — Буду в джинсах и в желтой замшевой куртке.

— Я тоже буду в джинсах. У меня такое интеллигентное лицо. И на всякий случай я буду держать в руках журнал «Мурзилка» за сентябрь прошлого года.

Тоненькая загорелая блондинка лет двадцати пяти, пахнувшая зелеными американскими лужайками, явилась на встречу с пухлым пластиковым пакетом.

— От Насти, — объяснила она, мило улыбаясь.

— Вы из Америки проездом или как? — спросил я, улыбаясь в ответ.

— Я вообще-то из Новосибирска, а там проработала год, в Стэнфорде, в доме для престарелых.

— Няней?

— Вела кружок по вышивке.

— Много зарабатывали?

— Вовсе нет — питание, проживание, дорогу оплатили... Зато язык подучила, я наш иняз заканчивала... Страну посмотрела...

— Собираетесь вернуться?

— Не знаю. Может, не сразу. Может, через год...

— Все американцы — дураки, — сообщил я.

— Почему?

— Были бы умными, нашли бы способ вас удержать. У них таких своих девушек сроду не водилось... Куда они там все смотрят... Хотите чего-нибудь выпить?

— Почему бы нет...

Я же говорил, что у меня интеллигентное, внушающее доверие лицо...

P.P.S...В пакете оказалась завернутая в сто красивых хрустящих бумажек зимняя финская куртка фирмы «Лухта», не такая, как моя прежняя, помодней прежней... Правда, у нас теперь тоже лето...

Лет двести назад жил один умник... не помню фамилию. Он придумал статую, наделенную одним единственным чувством — обонянием, и сунул ей под нос жасмин. Получилось, что для статуи во Вселенной существует только один запах. Больше того, запах жасмина и стал для нее самой Вселенной.

Примерно также должна ощущать мир какая-нибудь инфузория или амеба.

Со мной приключилась похожая история. Сначала Вселенная бесконечно долго представляла из себя чередование вспышек, берущихся неизвестно откуда (впрочем, ощущение времени возникло позже). Оказалось, что это вверху вспыхивают разноцветные фонарики. Прямо надо мной, мигая круглыми иллюминаторами, плавала летающая тарелка, похожая на хирургическую лампу... не знаю, как точно называется... Такие в операционных висят. Мысль об операционной подсказала мне, что я не просто так — из ничего вылутился, что у меня есть воспоминания и значит, есть прошлое...

Да никакая это не тарелка, а именно хирургическая лампа...

Я лежал на столе, наподобие осетра, фаршированного устрицами, и, вооруженные ножами и вилками, мною активно интересовались граждане — трое мужчин и две женщины. Почему-то перспектива быть съеденным заживо меня не слишком взволновала. К тому же трапеза оказалась делом совсем не болезненным. Прямо на удивление. Режут тебя ножом на кусочки, а тебе — хоть бы хны.

И поглощали они меня тоже довольно экзотически — не орально. Рты у всех пятерых оказались заклеенными зеленой марлей...

— Вот она, родная! — вдруг обрадовался один из сотрапезников со сросшимися на переносице седыми бровями, выживая из меня вилкой устрицу.

Хрен там — устрицу. Это был небольшой бесформенный кусочек металла, в котором я скоро угадал пулю. Надо соблюдать осторожность, когда ешь диких зайцев и уток — того и гляди сломаешь зуб о дробину.

Пулю, похожую на устрицу или на сплюснутый искусственный зуб, мужик держал не на вилке, а пинцетом. И сразу стало понятно, что есть эти славные люди меня не собираются, а наоборот, хотят спасти мою глупую жизнь.

Я лежал на операционном столе, пытаюсь вспомнить, кто я такой и как сюда попал. От дверей уже некоторое время доносилась веселенькая музыка. Врач с пулей в пинцете, подняв голову, тоже прислушался... Однажды в телепередаче «Формула успеха» один сильно известный хирург рассказывал, что, во-первых, он спит полтора часа в день, а во-вторых, у него в операционной во время работы обязательно играет магнитофон — что-то из «Шокин блю» и «Криденсов». О вкусах не спорят, но мне лично раньше казалось, что в операционной должна царить строгая тишина, нарушаемая лишь отрывистыми медицинскими командами типа: «Пинцет!» и «Зажим!»

Ладно, музыка еще — туда-сюда, но дальше случилось вот что... Под разнuzданную песенку Марины Хлебниковой про чашку кофею, подбрасывая капроновые колени, через операционную в ритме не то канкана, не то рок-н-ролла проследовали шесть вспотевших девушек из варьете. То есть одеты они были, как в варьете — в черные блестящие развевающиеся лохмотья. А в середине шеренги приплясывал мужик лет пятидесяти с бандитским выражением небритого лица и пел абсолютно женским голосом:

— Чашку кофею я тебе бодрящего налью и по-настоящему спою новую песню.

К чему бы это?

— Э, Апполинарич! Че, уснул? — оторвался от моей требухи второй хирург, лицо которого закрывала не только марлевая маска, но и очки.

По кафельному полу зазвякала оброненная пуля.

— Этот, из ментовки, просил пулю не выбрасывать, — подсказал очкарик.

— Да помню, помню, — отмахнулся Апполинарич и потряс головой, как бы отгоняя некое виденье, возникшее пред внутренним взором. — Нина, подними... Отдашь ему потом...

Пока сестра искала пулю, песенка стихла, а девушки с мужиком исчезли. Просочились, сквозь стену возле темного окна.

Тут я обратил внимание на такую странность — сроду я не знал, что есть такая певица — Марина Хлебникова, и не слышал никогда ни про какой кофе. Я вообще современной отечественной эстрадой не интересуюсь. Тогда с чего я взял, что эта песня Марины Хлебниковой? В свете этого открытия я даже не очень удивился еще одной странности. Лежу-то я с закрытыми глазами. Как же тогда вижу? Да и точка, откуда совершается обзор, находится как бы на некотором отдалении от моего лица. Есть такие маленькие зверьки или насекомые, у которых глаза на палочках выдвигаются... Вообще, странностей вокруг хватает. Куда подевались танцовщицы и небритый кастрат Фаринелли? Ведь двигались от двери к стене. Почему, как на дискотеке, мигают лампы? Вообще освещение странное — сумерки не сумерки... А за окном-то ночь... Все вокруг будто залито туманом, и сквозь него с трудом пробивается свет фар...

Ясно только одно — почему не больно от скальпеля и прочих блестящих штук, которыми врачи копаются в моем брюхе. Это же действует анестезия! От сознания того, что я все-таки могу различать причины и следствия, на душе становится вроде бы легче... С другой стороны, если анестезия, почему я бодрствую? Я же должен быть как полено.

Вообще-то все происходящее проще всего принять за сон. Довольно уютная мысль. И очень правдоподобная. Я сплю, а остальное — бред. Но я не даю себя обмануть. В тумане на некотором отдалении от собственного лица я приближаюсь к следующему умозаключению: значит, есть жизнь после смерти! Я умер! Меня застрелили! Я вспомнил, кто я такой. Как в анекдоте. Мужик утром с похмелья на себя в зеркало смотрит, лицо ощупывает и понять ничего не может. Жена из кухни кричит: «Коля, иди завтракать». Мужик обрадовался: «Точно! Ведь Коля же!» Я вспомнил про себя. Не так, чтобы детально, но по крайней мере в общих чертах.

— А дед-то того... — задумчиво или слегка неуверенно подтвердил мою догадку анестезиолог, сверяясь с показаниями своих стрелок.

Или сначала он сказан, а потом уж я сообразил, что умер? Время приобрело новое качество — продолжает течь в привычном направлении из прошлого в будущее, но события наезжают друг на друга, и будущее с прошлым легко меняются местами. А в общем, все понятно — ведь я переступил порог вечности, где все существует одновременно. От соприкосновения с вечностью на меня навалилась тоска.

Краем сознания я отметил второе появление поющего бандита в компании девушек-танцовщиц. Они вернулись из стены и, проделав обратный путь, исчезли за дверью. И снова кроме меня их никто не заметил. Разве что Апполинарич досадливо покосился. Врачи еще продолжали некие обязательные медицинские манипуляции, пытаюсь вернуть жизнь в мое

распластанное туловище, но я точно знал, что их усилия тщетны.

— Экситус, — непонятно выругался анестезиолог, выкарабкиваясь из кресла, похожего на стоматологическое.

Две молодые женщины, чья внешность не привлекла бы моего внимания при жизни, втащили каталку с зашитым и накрытым простыней телом в просторный лифт, я подумал: сейчас нажмут кнопку, и подъемный механизм отправится в неблизкое путешествие под землю... На каком этаже располагается ад?.. Странно, но сразу мне и в голову не пришло предположить, что лифт поедет наверх. Почему я так уверен, что моя личность не представляет интереса для небожителей?

Простыня на лице не мешала следить за событиями. Пространство по-прежнему заполнял туман, сквозь который с безнадежностью и равномерностью милицейской мигалки продолжали доноситься трансцендентные вспышки. Может быть, в вечности именно с такой скоростью чередуются ночь и день? Что-то похожее описано в романе «Машина времени».

Лифт пошел вниз. Но поездка оказалась недолгой. И за границами лифта располагался не ад, а все та же больница, только ниже этажом, или двумя, или тремя... Больница была мне хорошо известна. Несколько лет назад здесь же мне вырезали пупочную грыжу.

В узком каменном коридоре люди, попадавшие навстречу и сторонившиеся каталки, казались неестественными, похожими на тени. И, как по теням, я скользил по ним незаинтересованным взглядом. Миновав несколько поворотов, женщины доставили меня в комнату без окон, припарковали к кафельной стене и сами вышли вон, погасив за собой свет. То есть две люминесцентные трубки под потолком погасли, но для меня все осталось без изменений — фосфоресцирующий туман со вспышками — ведь я теперь видел не глазами.

В комнате стояла еще одна каталка с телом под простыней, но сначала я своим соседом не заинтересовался. Гораздо больше меня занимала систематизация собственных чувств и мыслей...

Я прозевал момент смерти и появления нового сознания. И ничего странного — точно также человек выползает из женской утробы и ни черта не помнит. Или не стоит черта лишней раз поминать, пока все окончательно не прояснится? Впрочем, адского антуража поблизости не наблюдается. Разумеется, ведь я с самого начала ни в какие сковородки не верил. Это было бы слишком тупо. Жизнь, хотя бы и после смерти, должна быть устроена гораздо хитрее наших представлений. И тоннеля нет, о котором твердят все пережившие клиническую смерть...

...Раньше я полагал, что сознание вырабатывается большими полушариями. Так же автомобиль вырабатывает выхлопные газы. Кровь подтаскивает к коре кислород, и я начинаю соображать. А теперь, если мозг умер, чем я думаю? Я внимательно исследовал пространство в поисках отлетевшей души, но не нашел ничего подходящего. На что это похоже? На синее облачко? Или в виде тонкого лучика света она приклеилась к колесу каталки? Или моя душа теперь — это паук, забившийся в угол под потолком? А может, она всегда была как паук — откуда мне знать? Поджала шесть ножек и смотрит сверху...

...До рассвета часа два. Что потом? Утром отвезут в судмедэкспертизу. Все криминальные трупы проходят через это учреждение, а мой-то уж без сомнения криминальный. Мужики в грязных фартуках разрежут кожу на голове — от уха до уха. Фрезой распилят череп. Получится очень похоже на горшок с крышкой... Достанут мертвый мозг... Да-а, скажут, опять не Эйнштейн попался... Следующую ночь я проведу на железных

нарах в компании себе подобных, разрезанных от груди и аж до...

Интересно, кто придет меня забирать? Бывшая жена? Скорее всего специалисты из похоронной фирмы. В подъезде моего дома на ступеньках будут лежать дешевые изломанные гвоздички. Десяток любопытствующих старух столпится во дворе. На Заельдовском кладбище мой друг Филимонов прослезится и скажет речь. Гроб закроют крышкой и придавят землей. Что тогда будет с душой? Останется навечно гнить в темноте рядом с телом — как собака подле хозяина? Или воспарит для путешествий?..

Поблизости раздался звук... Так мог бы перебирать лапками паук, спускаясь по стене. При жизни я бы его не услышал, а теперь другое дело. Теперь все иначе. Но паук спал в своем углу. У кого-то из англичан в эротическом рассказе я читал про голос... У мужика был такой вкрадчивый голос — как шорох простыни... Вот именно, простыня и шуршала. Краем сознания, не краем глаза, а именно сознания с замиранием сердца... — опять чепуха... В общем, с душевным трепетом я заметил, как на соседней каталке зашевелилась желтая застиранная простыня...

Все произошло почти как в первом российском фильме ужасов — про живых мертвецов в церкви. Покойник по соседству вдруг открыл глаза и сел, согнувшись пополам. И оказался покойницей. Собственно, я с самого начала предполагал, что на каталке лежит не мужчина — тело уж больно маленькое, да и конфигурации... Если на то пошло, сразу знал, что это девушка, просто не отдавал себе в этом отчета. Ее туловище снизу от живота, прикрытого простыней, и чуть ли не до шеи было разукрашено широкими мазками йода — прямо боди-арт какой-то. Значит, тоже с операционного стола. Ей можно было дать года двадцать два. При жизни. В общем, молодая девка со спутанными рыжими волосами до плеч, с широкоскулым лицом, светящимся наподобие синей лампы, какими в мое время детям грели больные уши. Ее распахнутые глаза, в которых отражалась бесконечная ледяная пустыня, были обращены к двери. Одним легким движением (я бы сказал грациозным, если бы речь шла не о мертвом теле) она опустила ноги на пол, одновременно поправляя простыню, чтобы прикрыть грудь.

Осторожными мелкими шажками мертвая девушка прошла вдоль стены и остановилась перед закрытой дверью. Одну ногу приставила к другой балетным движением, на сгиб пальцев так, что мне стала видна ее маленькая грязная подошва. Икры чуть великоваты — отметил я, одновременно удивляясь, что оцениваю ее как живого человека... На голых синюшных плечах играли матовые отражения разноцветных огоньков. Я заметил, что частота вспышек увеличилась, как учащается пульс, а яркости, наоборот, как будто поубавилось.

Это должно было бы выглядеть жутко — внезапно оживший покойник стоит и принохивается перед тонкой перегородкой, отделяющей от живых людей. Одно движение, и в мире живых начнется хаос. Я подумал: что если это по всей земле началось? Раньше покойники спокойно позволяли себя закапывать, а теперь прозвенел будильник, заведенный в начале времен, и началась эра живых мертвецов? Я умер, чтобы присутствовать при рождении нового порядка. Как мы поступим с живыми? Умертвим, превратив в себе подобных, или научимся мирно сосуществовать? Один умник, не помню фамилии, выразился так: повезло тому, кто посетил этот мир в его роковые минуты. Я так подумал — про эру и тут же усомнился. Сколько поколений людей до меня готовились к концу и началу света, да только все зря.

Не дождавшись, когда откроют дверь, девушка обернулась и, сопровождаемая шорохами

простыни и шагов, приблизилась к моей каталке. Выходила довольно глупая сцена — как будто я притворяюсь, что сплю, хотя знаю, что она знает, что я притворяюсь. Чтобы нарушить неловкость, пришлось открыть глаза. При этом со зрением никаких перемен не произошло — вокруг по-прежнему висел пульсирующий туман. Но приличия требовали, чтобы веки были подняты.

— Привет! Что новенького?

Ее голос прозвучал глухо, как из могилы, но артикуляция выглядела почти естественной. Глаза и вообще все лицо оставались неподвижными, и, кажется, язык не двигался, и лишь одни губы выстраивали слова.

Ничего себе вопросик для начала!

— А у тебя? — растерянно переспросил я.

— Тоска.

— Почему?

Глупее я бы высказаться не мог.

— Ну, вы даете! — изумилась она. — Конечно, вам, наверное, лет сто, вам умирать не жалко, вы уже все на свете перепробовали. А я еще молодая.

Неужто я на сто выгляжу?

— Это точно смерть? — спросил я.

— А что же еще?

— Я думал, может, сон... Бред...

— Размечтались. Вы разве сами не чувствуете?

Разговор получался довольно странным. Не предполагал, что мертвецы общаются между собой столь непринужденно. Я думал, у них все гораздо торжественнее или чопорнее. Я думал, они изъясняются исключительно гекзамером. Или просто рычат — когда нападают на живых. Все-таки со смертью не шутят.

— И что теперь? — спросил я.

— Теперь все. Конец.

Я ей поверил. Ведь она старше меня, в том смысле, что умерла раньше и, наверное, больше успела понять. Да я и сам догадывался, что это конец, а никакая не новая эра.

— А как же мы? — спросил я растерянно. — Что сейчас происходит? Ведь мы живые... Ну, не живые, но ведь чувствуем... И вообще... Двигаемся...

Я сделал попытку сесть, и она вполне удалась.

— А я почему знаю? Я не местная. Но думаю, это так... блуждающие токи. Фантомы. Остаток энергии...

Возможно, и это правда. В новом мире правдой становится любое последнее умозаключение. Но есть мысль, которая истинна при любом раскладе — не бывает ничего вечного.

А еще не исключено, что я не сижу, и рядом не стоит девушка, обернутая в простыню. Просто в моем умирающем мозгу бродит последний заблудившийся электрический импульс и, задевая нервные клетки, порождает фантомы, странным образом сочетающиеся с реальностью. Если бы еще кто-нибудь объяснил, что такое реальность... Туман будет сгущаться, а вспышки — терять краски. Уже сейчас остались только желтая и белая, и скачут, словно сердце спринтера. Может, на самом деле это бьется чья-то умирающая жизнь. Моя? Я еще успею почувствовать, как меня укладывают во вкусно и печально пахнущий гроб (такую же неизъяснимую печаль на меня наводит запах картофельных драников, которые

пекла моя мама)... Ставят на край глиняной ямы, а потом наступает вечная ночь, ибо на свете нет ничего вечного, кроме ночи.

Еще я хотел спросить, кто из нас кому снится: я — ей или она — мне. Я являюсь остатком ее бреда, или она плутает в коридорах моего воображения? Но потом подумал: какая разница? Может, взявшись за руки, мы вдвоем путешествуем по сознанию некоего третьего субъекта.

— А может, и не конец, — неожиданно заключила она, оглядываясь на дверь.

— Как тебя зовут? — спросил я.

Она произнесла слово, которое я не то не расслышал, не то недопонял. Что-то вроде Аделаиды. По-моему, это город в Австралии. Странное имя для девушки из Новосибирска. Но переспрашивать не стал. Какая разница? Пусть будет как в Австралии.

— Всю жизнь в Африку хотела поехать, — захныкала она. — Вообще ничего в жизни не успела! Вот блядство!

Производя звуки носового шмыганья, она присела рядом со мной на освободившуюся часть каталки. При этом простыня вновь свалилась с ее груди. Поерзав, Аделаида восстановила порядок в одежде. Я больше не замечал неподвижности ее лица. Привык к неизменному выражению. У мертвых все, как у людей.

— Ничего там нет хорошего, — сделал я попытку ее утешить.

— Где? В Африке?

— Нет. В жизни. Все самое хорошее заканчивается в двадцать лет.

Мы помолчали. Я не знал, как ее утешить, что говорить. О чем вообще в таких случаях говорят?.. Мне-то самому жалко, что я умер? Сознание, если оно осталось, подсказывало, что жалко и грустно, но душа, местоположение которой я по-прежнему не мог определить, словно бы обернула эти чувства слоем ваты — чтобы не слишком кололись. И действительно, о чем жалеть?

— Что с тобой стряслось? — поинтересовался я.

— В каком смысле?

— В смысле, от чего умерла? Аппендицит?

Она усмехнулась неподвижным лицом:

— Почему обязательно аппендицит?.. А вам не кажется, что задавать девушкам такие вопросы бестактно?

Ух ты! При жизни бестактно спрашивать о возрасте, а теперь, значит, о причинах смерти... Вот уже и следа не осталось от ее прежней печали.

— А вы? — тут же переспросила она.

— Мне скрывать нечего. Я умер от пули в животе.

— Ого! Я так и думала, что не от старости. Может, вы вообще банкир? Крутой бизнесмен? Вас заказали?

— Я похож на банкира?

— Ну... Что-то есть.

Во мне было возникло искушение важно соврать насчет банкира, но тут я удивился: с чего вдруг перья распускаю? Нашел время, место и перед кем выпендриваться...

— Не... Какой из меня банкир? Банкир разве бы здесь лежал?

— А где бы лежал? В шикарном офисе? В сейфе своем? Смерть, она всех под одну гребенку...

— Э-э-э, не скажи. А как же девять кругов? Для каждого приготовлен свой круг. Не

помню, кто придумал, но, наверное, не дурак. А кремлевская стена? Одни — в кремлевской стене лежат с привилегиями, а другие — на Клешихе. Знаешь, что там почва болотистая? Через два месяца тело в кисель превращается. Одним в могилу кладут молодую жену, табун лошадей и золотую саблю, а у других, наоборот, последние золотые зубы выдирают... Ладно, шучу...

Глупости какие-то. Нашел время для шуток.

— Ну а все-таки? Почему пуля? За что? Кто стрелял? Несчастный случай на охоте?

— Не помню, — признался я. — Все, как в другой жизни...

На самом деле Аделаиду вовсе не интересовали причины моей гибели. Так мне показалось.

— Что бы такое выкинуть напоследок? — пробормотала она, качая голой ногой.

— Например?

— Давайте студента напугаем?

— Какого студента?

Я обнаружил, что могу видеть или чувствовать сквозь стены. Справа по коридору на некотором отдалении от морга помещалось приемное отделение, где в данный момент дежурный врач мял бока жирной старухе в розовых панталонах до колен, чулках на резиночках и бледно-желтой застиранной комбинации... Старуха трепещала под пальцами, подвывая от боли. Складки на ее теле перекатывались, как морские волны. За обследованием наблюдали две женщины в белых халатах. Еще одна женщина помоложе, можно сказать девушка, за полированным канцелярским столом разговаривала по телефону... А слева и ближе к нам, в комнате, заставленной пробирками и баночками с бумажными наклейками, действительно, примостившись на кушетке, некий молодой человек в коротком халате читал толстую книжку. И тут же я понял, что давно вижу эту картину, но опять-таки не отдаю в том отчета.

— Симпатичный, — одобрила Аделаида.

— Как напугаем? — не понял я.

— Не знаете, что ли, как мертвецы пугают живых людей?

— Зачем пугать-то?

— Скучно же. Скоро и вовсе закопают. А потом мертвецы всегда пугают живых.

Вот новость! Никого я путать не собирался. Я еще не вполне оправился от потрясения, вызванного собственной смертью, чтобы проказничать. Да и годы не те. Зато Аделаида, похоже, освоилась, хотя у меня и возникло впечатление, что напугать студента — для нее только предлог, а на самом деле ею управляют более важные мотивы.

Соскочив с каталки, она направилась к выходу. Я знал, что дверь заперта, но так же знал, что замки теперь не могут служить преградой для таких, как мы с Аделаидой.

Дверь отворилась, как по волшебству. В пустом коридоре Аделаида изменила походку. Теперь она двигалась, словно тряпичная кукла. Именно так ходят мертвецы-уроженцы Голливуда.

Паренек из лаборатории оторвался от книги... Появившуюся на пороге странную гостью, вероятно, можно было принять за пациентку, страдающую от бессоницы и разгуливающую по больнице то ли по лечебной надобности, то ли в поисках развлечений, может быть, даже и сексуального характера. Однако нет, у студента оказался наметанный глаз. Он сразу понял, в какую хреновую историю ему довелось вляпаться в самом начале медицинской карьеры. Естественно, преувеличиваю — мертвецы отличаются от живых, как

красный сигнал светофора от зеленого. На лице несчастного отобразилась такая густая смесь растерянности и ужаса, как будто он увидел перед собой не обыкновенную девушку, хотя бы и мертвую, а по крайней мере саму смерть.

На мгновенье, равное вечности, в лаборатории повисла жуткая тишина. Для завершения картины Аделаида издала слабый рык. Студент не то ойкнул, не то икнул, подскочил, не сводя глаз с живого мертвеца, и, подвывая вполголоса, попятился к окну да так и вывалился наружу спиной вперед, словно комар из романа Пелевина. Раздался звон проломленного стекла. Хорошо, что первый этаж. Парень, наверное, ушибся и порезался, но не смертельно. Книжка хлопнулась на пол, и теперь можно было прочитать заглавие — «Общая гистология».

На звук разбитого стекла из приемного покоя выглянула медсестра. Увидев в коридоре мертвеца, дернулась, будто соприкоснувшись с горячим утюгом, и втянула голову обратно в привычный покой приемного покоя.

— Что там, Надюха? — насторожилась девушка за столом.

Набравшись решимости и вдохнув поглубже, Надюха еще раз осторожно высунулась наружу, но Аделаида уже успела вернуться ко мне на каталку...

Нет, не так все просто. Знаете, есть такие стереоскопические значки? Посмотришь с одной стороны — Шарик гонится за котенком, посмотришь с другой — крокодил отдыхает на пригорке с цветочком во рту. Две разные картинки существуют одновременно, как бы на одной плоскости. Вот и сейчас все вдруг поменялось во времени, замутненном туманом. Аделаида не выходила из комнаты. Студент, как ни в чем не бывало, лежа на кушетке, читает толстую «Гистологию». С чего я вообще взял, что это «Гистология»? Такого и слова-то нет. Разве что — глистология. Наука о глистах... И окно целое...

Никто никуда не выходил. Помрачение рассудка. Сон. В летнюю ночь. Нечто вроде короткого сна после смерти. Да и где это видано? Живые встречаются с живыми мертвецами разве что в перевернутом воображении какого-нибудь Квентина Тарантино. Так ему за это деньги платят, вот он и старается.

— Слушай... — нерешительно проямлил я. — Ты это...

Я хотел все же уточнить, было что-нибудь со студентом или нет. Но оказалось, что я спрашиваю уже совсем о другом. И это накрывает меня так же безнадежно, как ночь.

— Что?..

Что происходит? Завопить от омерзения? Но я не чувствую омерзения. Она тянется ко мне. Как это может быть? Скачка вспышек все безумней, и из-за стен надвигается гул, похожий на гул водопада и грома. Ее голая грудь, вымазанная йодом, касается, моей кожи. Конечно, никуда она не выходила, просто я оттягивал момент, когда нужно будет признаться себе в самом постыдном желании, какое только бывает на свете. Я ее хочу. Вождедею мертвое тело. Омерзительно. На ее животе я вижу рану, стянутую грубыми стежками. Пальцы ощупывают складки разреза и пытаются проникнуть глубже. Она стонет не то от боли, не то от бесконечного, как четыре океана, наслаждения. Вряд ли от боли. Разве можно ее хотеть?

Странно, что я не чувствую холода ее тела. Но ведь я сам остыл до температуры окружающей среды, потому и не чувствую. Сколько сейчас может быть? Градусов двадцать. Значит и во мне двадцать, и в ней. Я сам мертв, поэтому мое желание не столь омерзительно, как кажется на первый взгляд. Мы сливаемся в поцелуе, в котором нет ни вкуса, ни цвета, ни запаха, но он ломает плотину, сдерживающую желание. Гул водопада

нарастает...

Во время спиритического сеанса жена вызывает дух недавно умершего мужа и спрашивает: «Ну, как ты там поживаешь?» Муж отвечает: «Ем, занимаюсь сексом, сплю, просыпаюсь, ем, занимаюсь сексом, сплю...» Жена: «Неужели ты попал в рай?» Муж: «Какой там рай! Я кролик в Австралии!»

Анекдот, но недаром ее зовут Аделаидой. Интересно, как выглядит секс мертвецов? Как у меня получится? Откуда возьмется эрекция, если нейлоновое сердце не клопочет, и кровь гниет в жилах, как вода в болоте?

Кажется, проблем не возникнет... Значит, эрекция происходит отнюдь не благодаря притоку крови, как учит физиология. Необходимым движением главного органа управляет чужая воля, а кровь — это отговорка.

А ведь с самого начала я знал, что это произойдет. Едва меня ввели в комнату, а я уже знал, что я ее хочу. И получу.

Мы ложимся. Начинается эротический танец восьми змей — четырех ног и четырех рук. Каталка ведет себя неустойчиво, и это отвлекает от главного. Вспышки сливаются в сплошную пеструю ленту. Водопад все ближе. Или это надвигается самое ужасное землетрясение, какое только можно представить? Землетрясение в аду. За нашей дверью толпа людей. Они хотят войти. Перепуганный студент с порезанным лбом прячется за спины. В лаборатории разбито окно. Но я ничего не замечаю в громе адского совокупления... Кто может родиться от такой любви? Начинается извержение...

Такого со мной не случилось... даже не помню сколько лет. Как в анекдоте, откройте — поллюция. Впрочем, так далеко дело не зашло. Я проснулся как раз, чтобы легким усилием воли преодолеть подступившую эякуляцию. Увы, чтобы ее преодолеть, теперь мне достаточно легкого усилия. Чужая жизнь уже не рвется из меня, а лишь иногда слабенько напоминает о себе.

За зелеными шторами светится начинающийся день. Часы с кукушкой показывают пять тринадцать. Кроме кукушки, в часах живет петушок, синичка и... девушка. Я имею в виду, что это китайское приспособление, подаренное мне на день рождения в прошлом году, отзываясь на нажатие кнопки, объявляет время женским голосом, а вместо звонка в функции будильника кукарекает петух, кукует кукушка или свистит синичка. С этими часами связано одно забавное обстоятельство. По телевизору показывали штатовский жутик про крысу, пытавшуюся выжить из дома хозяев. В финале хозяин натягивает на себя бейсбольные доспехи, битую утыкивает гвоздями наподобие палицы и в ходе кровавого сражения убивает-таки тварь. Перед этим она мерзко визжит. Кроме меня дома никого не было, фильм закончился в первом часу ночи, я собирался спать и вдруг в квартире раздались те же неприятные скребущие звуки — как из фильма. Еще иногда похожим голосом жалуются трубы, но в тот раз подвывания явно не имели отношения к водопроводу или канализации. С замиранием сердца я отправился на разведку. Мне только биты не хватало. Включил повсюду свет, заглянул под диван, в шкаф и даже в унитаз и, наконец; добрался до кухни, где на подоконнике и открыл источник нечеловеческих излияний. Оказывается, в часах села батарейка, вот вместо милого деревенского кукареканья и выходили крысиные модуляции. Время — страшная штука. Замедляется — и петухи становятся крысами, ускоряется — и стройные девушки превращаются в жирных старух в розовых панталонах.

Одна из таких девушек, накрытая простыней, сейчас спит на противоположном конце дивана и всхрапывает на крысиный манер. Ее зовут отнюдь не Аделаидой, а вполне по-русски Валентиной Филипповной Клепиковой. У нее мясистые ляжки и толстый трясущийся зад.

Я перевел взгляд на потолок. Возможно, возле окна хотел увидеть паука. Паука нет, зато плавает похожая на мертвый волос черная тенета. Там же перед окном тянется полоска потрескавшейся извести... Однако же странные сны снятой под старость лет! Я потрогал рукой живот в том месте, где во сне было пулевое ранение и хирургический разрез. На мягкой теплой коже никаких следов смертоубийства. Я жив, как и следовало ожидать. Да и хрен с ней, с пулей, но секс с мертвой девушкой переходит всякие границы. Ничего подобного со мной еще не случилось. Это что же? Таким образом из меня просится наружу ужасное извращение — некрофилия? Брр! Даже представить страшно. Нет, я этого не люблю, хотя во сне все было очень эротично. Или это тонкий намек подсознания на то, что пора из двухкомнатной квартиры в центре города переселяться в тесную однокомнатную на окраине под мрачными соснами?

Не умею читать тайный смысл снов, Впрочем, никогда и не замечал, что таковой существует. От приснившегося дерьма денег в реальном кармане никогда не прибавлялось, и родственники не помирали из-за выпавших в ночном кошмаре зубов.

Спешить некуда. Можно отвернуться от рычащей Валентины Филипповны и

попробовать уснуть еще часа на полтора, досмотреть сон про живых мертвецов. Чем там все кончилось? Я вошел в нее, а за дверью толпились врачи. Все же вываливался медицинский хлопец в окно, или показалось? Если не вываливался, чего они всполошились?..

Спешить некуда, но и спать больше не хочется.

Стараясь лишней раз не смотреть в сторону подружки, я выкарабкиваюсь из-под простыни и, осторожно ступая на поскрипывающий пол, крадусь из спальни.

В кафель одной из стен ванной комнаты вставлено зеркало в рост человека. Лет десять оно исправно отражало появившиеся перед ним предметы, а в этом году по углам проявились коричневые разводы, будто с той стороны завелся паук, плетущий темную сеть. Не страшно, если от времени разваливается стул или в кастрюле появляется дырка. Зеркало — совсем другое дело. Зеркало — интимный предмет. То же самое можно, конечно, и про унитаза сказать, но он интимный по своей природе — для всех. Зеркало отличается от унитаза, как любовь от секса. Собственно, зеркало — это ты и есть. Но опять же не всякое зеркало. Огромные полотна в холле оперного театра возле лестниц не несут в себе ничего личного, тебе так же нет дела до чужого карманного зеркала, случайно оказавшегося в твоих руках. В чужом отражаешься не ты, а всего лишь чье-то неполное и искаженное представление о тебе. Зато своей домашней амальгаме можно доверять, как самому себе. И если зеркало состарилось, то это о чем-то говорит.

Стоя в ванне под теплым душем, я довольно долго, дольше обычного чистил зубы. Как говорится в телевизионной рекламе про «Маклинз», зубы — это единственное, что осталось от моей бабушки. А потом еще просто постоял, прислушиваясь к тому, как струи стучат по голове и плечам. Должно быть где-то на земном шаре такое чудо — густой теплый дождь. Ливень, стекающий с пальм на берегу океана. И чтобы под небесной водой можно было стоять голым, не опасаясь ранить наготой чье-нибудь целомудрие.

Не вытираясь, я пригладил волосы черной цилиндрической щеткой. Каждое прикосновение к голове доставляет удовольствие, словно не щеткой трешь, а елеем мажешь. Впрочем, елей — это, кажется, что-то жирное, типа подсолнечного масла. Что хорошего, если тебе на крышу выльют подсолнечного масла? Как на сковородку.

Приятно, что волосы редкие и тонкие. Кроме шуток. То есть, конечно, жаль утраченной шевелюры, зато то, что осталось, послушно и ровно укладывается в любом направлении. И потом, такого, как я, никогда не пригласят сниматься в рекламу про «Хэд энд Шолдерс» — сразу бросается в глаза, что голова чистая, без признаков перхоти. Хоть на пробор, хоть на концах. Люблю быть чистым... Правда, седина... А еще лет пятнадцать назад эта голова принадлежала брюнету по имени...

Пора уже познакомиться поближе. Позвольте представиться... Михаил Павлович Кузнецов, отставной подполковник интендантской службы, ныне пенсионер. Сегодня мне исполнилось шестьдесят лет.

Невысокий лоб перерезает одна глубокая поперечная морщина над носом и несколько продольных. Кожа на носу испещрена мелкими розовыми паутинками, очевидно, свидетельствующими о злоупотреблении алкоголем. Еще две длинные морщины очерчивают бледные губы, чуть более тонкие, чем хотелось бы. Хотя, кому хотелось? Мне все равно. Подбородок и скулы покрыты короткой седой щетиной. С сегодняшнего дня я перестал в обязательном порядке бриться по утрам. Не то чтобы надоело или времени много отнимает. Просто взял и исключил из расписания одну маленькую условность, хотя Петр Первый не одобрил бы такой вольности.

Шея нехороша. Лицо еще сгодится для жизни, а шея так покраснела от загара, что аж посинела, и пупырчатая кожа провисла складками, как у собаки.

Еще одна складка — на бледном животе. Когда я в одежде, про меня еще можно сказать, что я сохранил юношескую стройность. Если кому-то придет в голову говорить такие глупости. Это пока в одежде. А вообще-то тонкий жирок свисает на животе и немного по бокам.

Под животом свисает еще одна штука, формой и размерами, увы, мало напоминающая налитые упругим соком предметы, которые так любил рисовать один странноватый английский художник по фамилии Бердслей. Я легонько щелкнул его по кончику, не Бердслея, разумеется. И от этого прикосновения не побежал по жилам веселый ток, как могло бы случиться в юности, и не ударило в голову вино желания. И вообще рецепторы едва уловили панибратский жест. Но не надо паники. Механизм еще работает, иначе чем бы я привлек расположение Валентины Филипповны?

Валентина Филипповна поднялась под слегка меланхолический марш Алана Парсонса, который на новосибирском радио уже лет десять предваряет передачи «Микрофорума». Странно, что не раньше. Я допивал уже вторую кружку чая под бисквитный рулет и дочитывал статью во вчерашнем «Вечернем Новосибирске», когда перед моими глазами в узком коридорчике мелькнула и скрылась в туалете ночная рубашка в бледно-розовых зайчиках. Это уже почти как ритуал — я завтракаю, а она отправляет надобности, накопившиеся за ночь, причем довольно шумно. Отчего это новосибирские мастера архитектуры в жилых домах туалеты принципиально располагают рядом с кухнями? Школа такая. Интересно, кто у истоков стоял? Хотя у нас вообще квартиры такие, да и вся жизнь — все рядом с вонючим туалетом.

Даже развернутый на полную катушку голос Амира Нагуманова, читающего местные новости, не в силах заглушить интимных подробностей утреннего туалета моей подружки. Новости меня не интересуют, но надо же что-то делать. Я вообще-то человек не слишком впечатлительный, к тому же прошедший армейскую школу предельного натурализма, но к женщинам, даже таким, как Валентина Филипповна, вероятно, из-за пробелов в воспитании отношусь романтически.

Моя бывшая жена вообще не ходила в туалет. Чтоб мне подавиться! Или по крайней мере делала это так, что я не замечал.

Зато Валентина Филипповна — довольно прямая особа, презирующая многие условности. Она сама про себя так говорит, что презирает, мол, глупо человеку прятать в себе человеческое. Звучит довольно убедительно. Честно говоря, мне нравится такая философия, наверное, потому, что сам-то я, наоборот, всю жизнь зажимался. Как будто боялся расправиться.

Сам подход может нравиться или не нравиться, но некоторым привычкам Валентины Филипповны я пытался робко противодействовать. Например, изменил было обычное время завтрака. Ничего толкового из этой затеи не вышло. Валентина Филипповна будто специально сверяется с моим режимом. Что, если звон посуды на кухне будит в ней определенные рефлексy? Возможное дело. В младенчестве испытывала затруднения с опорожнением, и, чтобы ее отвлечь, в эти минуты находчивая мать серебрясто позвякивала ложечкой в чашечке...

Между тем статья в «Вечерке» лопалась довольно любопытная. Оказывается, в Новосибирске изобрели самые точные в мире часы. Они берут время с точностью до четырнадцатого знака после секунды. Судя по газетному снимку, часы представляют из себя лазерную систему с множеством зеркал и кучей датчиков, занимающих большой стеллаж вдоль стены. Не то мне показалось любопытным, что изобрели такой механизм, просто я задумался: стоит ли забираться так глубоко во время, и куда приведет этот путь? Положим, все более микроскопические отрезки миллиметра когда-нибудь позволят открыть новые вселенные. Тогда какой-нибудь двадцать пятый или сто двадцать пятый знак после секунды может изменить свойства времени. Или время исчезнет вообще. Вдруг окажется, что оно не так уж неисчерпаемо? И окажется, что ген бессмертия прячется не в человеческом организме, а в организме времени...

Умывшись и причесавшись, но все в той же ночной рубашке, Валентина Филипповна

подседа к столу и, разрезав солидный остаток рулета на два больших куска, поглотила сначала один и принялась за другой.

— Чаю налить? — спросил я. — Только сначала подогреть надо...

— Не-а, не хочу, — помотала набитым ртом Валентина Филипповна.

Рулет, как и бутылку вина, Валентина Филипповна принесла вчера вечером с обычным своим покровительственным видом. Вино мы выпили, а рулет остался на утро.

В нашей паре у Валентины Филипповны имидж обеспеченного человека и добытчицы. Она работает старшим бухгалтером в фирме с австралийским названием «Коала», которая торгует алкоголизмом вчерную. Как я успел узнать, их там трое в бухгалтерии. Она получает три с половиной тысячи рублей в месяц или по старому три с половиной миллиона, и это позволяет ей слегка иронизировать над моей пенсией, хотя миллион триста — далеко не самые маленькие деньги в Новосибирске. Да еще я иногда подрабатываю, у своего приятеля-«челнока» на гусинобродской барахолке оптом беру товар — обувь, тряпки — и перебрасываю на своем «шиньоне» на барахолку возле ГУМа, где сдаю под реализацию знакомой продавщице. Подобная нехитрая посредническая деятельность плюсует к моему бюджету когда двести, когда триста рублей. По пенсионерским меркам неплохая прибавка, но с точки зрения высокого бухгалтерского чина — слезы. Но я говорю, это только имидж такой — что она главная. Я не выпячиваюсь, но управляю ею, когда считаю нужным, потому что куда ей, несчастной одинокой женщине податься, кроме меня?

Мы познакомились на вещевом рынке возле ГУМа. Три месяца назад. Я подъехал за деньгами. А по соседству примеряла кроссовки довольно полная тетка лет сорока пяти. Натянула на жирные ножки и, приподняв юбки, притоптывала по картонке, предохраняющей подошву от весенней грязи. Нормальные кроссовки — по-стариковски на дачу ездить, с джинсами... Но тогда, в сочетании с платьем и колготками, обтягивающими надутые икры, это китайское изобретенье выглядело не хуже спецштиблет Юрия Никулина.

— Вам хорошо, — заметил я мимоходом во исполнение негласного корпоративного обязательства подхваливать товар соседей. — На ноге хорошо сидят.

И даже одобрительно поджал губы.

— В самом деле? — оживилась покупательница.

— Да. Очень прилично.

Я честный человек, на большее количество комплиментов товар не тянул, и я занялся своими расчетами. А минут через десять на выходе с рынка опять столкнулся с той же теткой, которая, завидев меня, разулыбалась, будто мы друзья-однополчане, боевые спутники и не виделись с самой войны.

— Купили кроссовки? — вынужден был расцвести я в ответ.

— Нет.

— Не глянулись, значит...

— Не то чтобы. У меня и денег-то с собой нет. Случайно в этом районе оказалась, зашла посмотреть, что почем...

Она ко мне потянулась, как подсолнух за солнцем, и так доверительно объясняла про свои обстоятельства, что я, сам того не желая, возьми и брякни:

— А не хотите ли в кафе зайти кофе с пирожным выпить?

И кивнул на дешевенькую вывеску через дорогу.

— Ой, с удовольствием, — обрадовалась Валентина Филипповна, ибо это она и была.

Никого я не собирался приглашать на кофе с бутербродами, но в кармане шуршали

полторы сотни сверхлимитного дохода, сверкающие апрельские небеса растворили паутину на душевных струнах и самое главное — в моем возрасте не каждый день тебе улыбаются женщины, еще не позабывшие, что такое задержка.

Совсем она была не в моем вкусе, но я говорю, у меня годы уже не те, чтобы губу воротить от редких возможностей — когда само плывет. Через несколько раз она мне еще больше разонравилась, но появился другой интерес...

— ...Чем сегодня будешь заниматься? — дожевывая рулет, она бросила на меня испытующий ревизорский взгляд.

Валентина Филипповна часто так смотрит. Я сначала думал, ждет, когда я сделаю ей предложение. Я даже боялся, что она первая затеет такой разговор. Но пока до этого дело не дошло. А может, она и не рвется; кто ее знает? Все-таки она гораздо моложе. Паралик хватит, возись потом со мной до смерти. Естественно, моей смерти. Утку выноси и простыни меняй.

Валентина Филипповна не особенно распространяется на сей счет, но я знаю, что у нее имеется неудачный опыт замужества. О своем бывшем муже она решительно отказывается вспоминать. Что касается плодов девического заблуждения, то плод, собственно, один. Теперь, после окончания техникума и достигнув двадцатилетнего возраста, он служит в армии в болотах под Тюменью и, кажется, собирается остаться на сверхсрочную прапорщиком. «А что? — успокаиваю я встревоженную мать. — В армии сейчас жить можно. Слухи о маленькой зарплате преувеличены, а если и так, умный человек там всегда найдет чем компенсировать недостаток средств». Но, кажется, она не особенно и тревожится. Особого материнского инстинкта я в ней уловить не могу.

Короче говоря, Валентина Филипповна пока не торопится придать взаимоотношению наших полов более формальный характер. А что выражает ее испытующий взгляд — бог ведает...

...«Чем будешь заниматься?» — спросила она, как будто бы даже с некоторым жалостным презрением.

Так можно спросить какого-нибудь дождевого червяка, про которого и так известно, чем он будет заниматься сегодня, и завтра, и послезавтра — ползать в земле. Редкий червяк и только в анекдоте мог бы с гордостью ответить: «Да с мужиками на рыбалку пойду». Она-то сейчас уйдет на важную и интересную работу в фирму «Коала» — деньги считать. А какие занятия могут быть у пенсионера?

Я усмехнулся про себя так, чтобы на лице не отразилось ни тени усмешки. Вчера не усмехнулся бы, а сегодня можно.

— Наверное, на барахолку съезжу, — пробормотал я неуверенно.

В прихожей, пока Валентина Филипповна возилась с босоножками, я вспомнил:

— Да, вот что... Есть такая певица по фамилии Хлебникова?

— Хлебникова... Хлебникова... Вроде, есть. А что?

— А что она поет?

— Что это ты вдруг эстрадой на старости лет заинтересовался?

— Я не эстрадой... Все-таки что поет?

— Понятия не имею. Сейчас все песни на один мотив.

После ухода Валентины Филипповны я некоторое время вспоминал, куда запрятал ствол. Кажется, последний раз он мне попадался ле'г пять назад, когда был ремонт в квартире. Я человек мирный, но, прощаясь со своим военторгом и всей Советской армией в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году, естественно, не мог не прихватить на дембель оружия. В те времена в дерьмовом Нукусе, узбекском городишке с населением в полтора человека, оружия в свободной продаже вращалось, наверное, не меньше, чем в каком-нибудь дерьмовом Чикаго. За девятьсот полновесных советских рублей одноухий чурка Межид доставил мне подержанный ТТ и, передавая товар из рук в руки, подрекламирал его довольно зловеще: «Этот ствол любит и умеет убивать. Когда захочешь кого-то убить, он сделает это сам». Такая характеристика возбудила мое любопытство, но любые лишние расспросы при такого рода сделках исключены.

В моей двухкомнатной квартире имеются два встроенных в стены шкафа с антресолями. Наверху хранятся волейбольная сетка, ненакачанный футбольный мяч, две запасных подушки и матрас на случай гостей, картонная коробка со старой обувью, два чемодана с одеждой, которую выбросить жалко, а надеть можно только три раза в год — на посадку картошки, прополку и сбор урожая. Но я огородничеством не занимаюсь, предпочитая покупать корнеплоды у бабок на углу возле ближайшего гастронома. И другие бестолковые пустяки хранятся наверху. А в углу одной из антресолей, куда едва можно дотянуться, забравшись на табурет, среди хлама, завернутые в тряпицу, лежат узбекский сувенир и три коробки патронов.

Не слезая с табурета, я передернул затвор над Пустым магазином, прицелился в настенный календарь с изображением тигра и нажал на спуск. Выстрела, естественно, не последовало, но все равно тигр выглядел обалдевшим... Однако для дела, которое я затевал, мой ТТ годился не вполне.

Моего лучшего друга зовут Сергей Юрьевич Филимонов. Он моложе меня на десять лет. Работает артистом в детском театре «Глобус». Исполняет роли медведей, барсуков, зайцев и даже обезьян. Короче, разноплановый актер. Особенно ему удается войти в образ мыши из «Терема-теремка». Однажды я выразился в том смысле, что когда он появляется на сцене в этом спектакле, женщины начинают визжать. Я-то хотел сделать ему приятное, а он набычился. Вообще как-то мимоходом мне довелось подслушать разговор двух артистов, что, дескать, для Филимонова нет ничего более подходящего, чем роль гриба во втором составе. Однако амбиции человека не покинули. Наверное, он себя все еще Гамлетом мнит.

Мы познакомились лет сто назад во время одного из моих отпусков. Я тогда уже был женат, и почти каждый год мы с женой находили возможность побывать в Новосибирске, навестить родителей и вообще. А Филимонов чуть ли не только что начинал работать в театре. Ходил тощий, окрыленный, гордый. Это сейчас артистам зарплату не дают, а раньше на любого «гриба» смотрели почти как на Смоктуновского. Впрочем, надо быть честным, и я ходил гордый. Армия тогда тоже была не хрен собачий, как сейчас. Девушки любили погоны и с удовольствием выходили за них замуж. Врать не буду, торговлю не любили, зато уважали. А я был и армия, и торговля одновременно.

В общем, познакомились, да...

Филимонов, наверное, единственный, кто помнит, что сегодня мне стукнуло шестьдесят. Жена, возможно, тоже помнит, но мы редко и только случайно встречаемся и никогда не звоним друг другу. Не то, чтобы между нами пролегла ненависть. Просто ни ей, ни мне это не нужно. У каждого своя жизнь. Или то, что ею называется.

А может быть, и Филимонов не вспомнил, если бы я не позвонил накануне. Я сказал, что ничего пышного устраивать не собираюсь, но со старым другом выпить не прочь. Договорились встретиться у него в уборной после спектакля.

Все вахтерши в «Глобусе» меня давно знают, уважают, потому что я — человек серьезный, на пенсии, вежливо здороваются и отдельные даже интересуются: как, мол, делишки, Михал Палыч? Мол, не обженились ли еще? Но я этот интерес пока пресекаю. Я конечно, пенсионер. И конечно, одинокий пенсионер. Но не на столько одинокий, чтобы задумываться, как скоротать остаток жизни в компании вахтерши «близкого возраста» — так пишут в брачных объявлениях.

Когда я вошел в уборную, Филимонов как раз отстегивал заячьи уши. А его сосед Гриша, недавний выпускник театрального училища, стирал с носа и щек следы черной краски. Наверное, сегодня ему пришлось быть волком или собакой.

Филимонов обрадовался; забыв про уши, бросился меня обнимать и поздравлять.

— Что за праздник? — поинтересовался Гриша.

— Шестьдесят лет, — скромно признался я.

Гриша присвистнул:

— Я бы столько не дал. Ей-богу, Михал Палыч!

Я было обрадовался — пустячок, а приятно. Но скот малолетний, сохраняя серьезность лица, немедленно присовокупил:

— Года шестьдесят три. Максимум — шестьдесят два.

— Гриша, где ты воспитывался? — укоризненно воскликнул Филимонов.

— Да это ж я любя. Это ж шутка.

— Я не обижаюсь, — сообщил я. — Что я — девушка, чтобы обижаться?

— Вот именно, — подхватил Гриша. — Девушкам — тоска. Я имею в виду, когда они стареют. А вам можно только позавидовать. Шестьдесят лет! Это ж прелесть! Свобода! Делай что хочешь!..

На этих словах сердце в моей груди пропустило удар.

— ...Хочешь — спать ложись, хочешь — песни пой.

— Это между прочим про психов сказано, — подсказал Филимонов.

— И про пенсионеров. А какая разница, если можно делать все, что хочешь?

— А тебе что мешает делать все, что хочешь? — спросил я, не обращая внимания на Гришин развязный тон — это при Лебедеве-Кумаче и Дунаевском старикам всегда был почет, а сейчас страна вернулась на исторически верную дорогу.

— Ну... э-э-э... так ведь... э-э-э... трудно сказать. Наверное, времени не хватает. На работу надо ходить.

— Ты не ходи на работу, вот и появится у тебя время.

— А кто ж мне деньги будет платить?

— Да разве это деньги! — встрял Филимонов.

— Разве деньги только в театре водятся? — спросил я. — Тебе никогда не хотелось банк ограбить?

— Хотелось, конечно. Да ведь это так, мечты...

— Ну так ты что? Работай над собой. Давай, чтобы мечты воплощались.

Гриша сообразил, что из источника насмешек может превратиться в объект, а может быть, ему треп надоел...

— Да я работаю, работаю. Надо банк ограбить? Сделаем! Впрочем, я человек тихий, мирный... Тихий, мирный, ля-ля-ля, ля-ля-ля...

Для скромного праздника я выбрал кафе «Лебедь» на улице Орджоникидзе. Раньше оно называлось «Уют». Это такой дом: со стороны улицы — кафе, а со стороны двора пыльными стеклами за зелеными занавесками на тебя подслеповато пялится заведение невинного предназначения под скромной выцветшей вывеской «АОЗТ «Коала».

Я в этом месте, конечно, и раньше бывал — все-таки, считай, центр города, но в последнее время пару раз заглядывал специально — осмотреться. Филимонов рассказывал, что артисты на гастролях всегда заранее выходят на незнакомую сцену — прикинуть, что к чему, приняться, атмосферу почувствовать. Вот и я про то же. Просто прошелся мимо, и пару раз в кафе заходил съесть пирожное с кофе, прямо как студентка.

Информированная Валентина Филипповна и меня просветила, что «Лебедь» это никакая не птица, как можно было бы предположить, а кличка одного крутого новосибирского мафиози по фамилии Лебедев. «Уют» так переименовали, чтобы Лебедеву приятно было.

Днем еще туда-сюда, но вечером это заведение мало гармонирует с внешним видом двух посетителей пенсионного и предпенсионного возраста. А что вообще гармонирует с пенсионным возрастом? Истертый половичок на полу в квартире, скамеечка во дворе и кладбищенские ворота, несомненно.

Хотя, вряд ли мы разочаровали молоденького официанта, кстати, чертовски похожего на парня, которому в рекламном ролике про «Фанту» сумасшедший парикмахер изуродовал

всю башку. Скорее удивили. Я спросил два салата, два вторых с курицей и бутылку водки и, уже сделав заказ, обратил внимание на то, что здешняя молодежь, во всяком случае немалая ее часть, предпочитает обходиться вовсе без закуски или ограничивается какими-нибудь орешками. В наше время в ресторанах, а хоть бы и в кафе так вызывающе себя вести было не принято. Пришел, значит заказывай.

И еще, конечно, музыка играла громковато, но я давно заметил, что у поколения «нэкст» проблемы со слухом. Может, от того, что нежные ушные раковины они постоянно травмируют наушниками?

После второй рюмки музыка почти перестала мешать.

Сначала Филимонов все расспрашивал, что чувствуют люди на седьмом десятке. Потом сам стал жаловаться на здоровье.

— Представляешь, — говорил он, — до сорока пяти вообще не ощущал органов. Ни сердца, ни печени. А сейчас то тут, то там... Вот как у тебя с простатитом?..

Я пожал плечами. Филимонов отлично осведомлен, что с простатитом у меня никак, потому что частенько заводит разговор на эту тему.

— ...У меня вроде тоже тьфу-тьфу-тьфу, — сообщил он, — но иногда как схватит! Хоть вой, хоть падай. Но очень недолго. Секунд десять. И отпускает так, примерно, на недельку. Главное, я понять не могу, может, это и есть простатит?

— Когда по-настоящему начнется, поймешь.

— Дай бог, дай бог... — слегка не в строку отозвался Филимонов, как будто главное при простатите это — понять. — ...Чем теперь думаешь заниматься?

То ли он водки опился — как будто я в самом деле работал-работал, а теперь выхожу на пенсию и вдруг оказываюсь перед бездной свободного времени.

Я пожал плечами. Музыка смолкла, и постепенно над залом повис уютный шумок разговоров. Я подумал, а почему бы ему не рассказать? Так, в общих чертах... О том, что я тайно выращивал в себе последние двадцать лет. Я человек не суеверный; я ж воспитанный при социализме, а при социализме, как известно, нет ни бога, ни сатаны, и вообще ничего мистического; но в этом деле решил не рисковать, чтобы не сглазить. Но теперь-то можно расколоться — машина запущена, никто ее не остановит, даже я сам.

— Когда заканчивается человеческая жизнь? — спросил я. — Во сколько лет? Я не имею в виду, когда человек умирает. А когда может сказать про себя: все, жизнь кончена, остается только ждать смерти.

— Может, вообще никогда. Человек до старости борется и не хочет умирать. У меня несколько знакомых, им за семьдесят, так они жалеют, что не доживут до вечной жизни. Овец уже клонируют, скоро до человека дойдут, это почти вечная жизнь.

— Вечно-то не ты будешь жить, а клон. У вас же с ним не одно сознание на двоих.

— Верно. Но я слышал, что скоро настоящее бессмертие изобретут. В газетах писали.

— Бессмертие уже есть, — сообщил я. — Только мало кто это понимает. Мы же носимся по кругу. Не замечал? Носимся и не можем разорвать... Кто придумал про спиральное развитие?

— Гегель, кажется. Или Фейербах. Короче, немцы.

— Дураки твои немцы. Не спиральное развитие, а замкнутый круг — есть форма нашего существования. А замкнутый круг это и есть бессмертие.

Филимонов прикусил нижнюю губу, переваривая открывшуюся перед ним новую космогонию.

— Но это тупое бессмертие, — продолжал я. — Задача настоящего человека — разорвать круг и обрести другую, нескучную вечность.

— Теория. К жизни-то это не имеет отношения.

— Конечно, теория. Это я так, к слову. Чтобы разговор поддержать. Я вообще-то про другое хотел сказать... Примерно годам к тридцати пяти мне вдруг стало так плохо, что жуть. И вроде бы ни с чего. Работа, семья, любовница, деньги потихоньку капают. Я потом прочитал, что это называется кризисом середины жизни. Но дело не в том, как назвать. Работа, деньги, любовница — это все внешнее. А внутри — вечные барьеры, запреты. Живем в лабиринте запретов! Вверх нельзя — сила тяжести не пускает, вниз нельзя — земля, под водой нельзя — воздуху не хватает, вправо и влево — только с ограниченной скоростью, всех девушек не перебеешь, всех денег не заработаешь, начальника на хуй нельзя послать. Не говоря о том, чтобы убить. Я всю жизнь хотел с парашютом прыгнуть или через Обь переплыть. Пустячки. Возможностей было миллион, и опять не смог, потому что есть еще такой барьер — страх. И не то, что страх, а так вдруг в последний момент возникает мысль: а на хрена это надо?

— Страх и есть главный барьер, — подсказал Филимонов.

— Может быть, — согласился я. — Живем в клетке... Тебе когда-нибудь хотелось убить человека?

— В каком смысле?

— Взять и убить.

— Вряд ли.

— Врешь. Наверняка возникали такие мысли — чтобы вот такого-то гада лучше бы на свете не было.

— Мысли-то возникали, но практически... Как представляю, что нужно брать нож, вонзать, кромсать или душить пальцами, так, знаешь, как-то того, не по себе. И вообще это фрейдизм чистой воды. Если бы у всех людей не было тормозов, или, как ты говоришь, барьеров, все бы давно уже друг друга перестреляли, передушили, перерезали.

— Не знаю. Я Фрейда не читал. Помню, что в институте такая тема была на научном коммунизме — «Критика фрейдизма», а самого фрейдизма не было. Тогда и переводов-то его не было... Слышь, Серега, а банк не хотелось ограбить, если, например, никого не надо убивать?

— Еще как хотелось, но как? Я не умею. Я еще не успею скомандовать: всем на пол! Как на меня уже наручники наденут и отведут в тюрьму. А мне в мои годы в тюрьму неохота. Жить-то осталось всего ничего.

— Думаешь, молодому в тюрьме лучше?

— И молодому плохо. Всем плохо. Так что я лучше на свободе...

— А я, наоборот, подумал, что может наступить в человеке такая точка, когда жить дальше станет, вроде, незачем, тогда исчезнет из него страх и падут перед ним барьеры. Пока молодой, как будто есть что терять. В двадцать лет я думал, что сорок — это уже старость. Ползают такие лысые с животами, совершают бессмысленные движения. Потом расту-расту, думаю: что-то не то, и в сорок, вроде бы, жизнь есть. Хреновая, правда. Но все равно стимулы не исчезли. Ладно, думаю, а что в пятьдесят? Точно уже пора подводить итоги. А жизнь оказалась такой фигней, что в каждом возрасте у тебя есть свой интерес. Я теперь думаю: может быть, когда член окончательно упадет, тогда жизнь, наконец, потеряет смысл? Шутки-шутками, но в конечном итоге живем, чтобы жизнь дальше двигать, так что

член — это не так просто, как кажется...

— Н-да... И к чему это все? — спросил задумчивый Филимонов.

— Когда мне стукнуло сорок, я подумал, что хорошо бы дождаться такой точки в жизни, когда барьеры начнут терять свою актуальность, и вырваться из круга.

— Проблема в том, что ты этого не дождешься, а если и дождешься, у тебя уже все желания пропадут и опять же не захочется из круга вырваться.

— Есть такая опасность.

— И что значит — из круга вырваться? Как это практически?

— А вот как. Плюнуть на все. Ограбить или своровать много денег. Убить тех, кого хочется. Трахнуть, кого хочется. И навсегда свинтить из этой сраной страны. Уехать куда-нибудь в Африку и поселиться на берегу среди диких племен, где женщины общие, и их можно срывать, как бананы с дерева. В общем, туда, где нет врагов и нет запретов, а если и есть, то смешные. Я, например, читал, что есть племена, где трахаться у всех на виду — нормально, зато есть нужно, чтобы никто не видел... Еще перед тем, как уехать, хочу Обь переплыть. Если чего всю жизнь хотел, то надо сделать.

— Разве у тебя много врагов? — осторожно поинтересовался Филимонов.

— Да не так, чтобы... Это же я вообще говорю.

— А если тебя убьют? Или поймают, когда ты грабить будешь?

— Убьют? А разве это не лучше, чем продолжать убогую жизнь? Идея в том, чтобы или все, или ничего. И при этом, чтобы нечего терять.

— Звучит заманчиво, — мечтательно согласился Филимонов. — Романтично. А ты правда собрался грабить?

— Ага.

— Когда?

— В самое ближайшее время. Ну месяц, ну два...

— А какой банк?

— Есть идеи. Да это не совсем банк. Просто богатая контора.

— Знаешь что?

— Что?

— Возьми меня с собой?

— Ты серьезно?

— А ты думаешь, одного тебя такая жизнь достала? Мне тоже терять нечего.

Спору нет, жизнь его достала: сколько можно без зарплаты прыгать по сцене в заячьей шкуре? Но дело еще в тех странных чувствах, которые я в нем вызываю. Может быть, в самом начале нашего знакомства в нем сработал собачий инстинкт — кто старший, тот главный. Он был вшивым юнцом, хоть и артистом, а я был мужчиной, и вот всю жизнь он со мной как бы соревнуется, пытается обыграть в гонке по жизни — так мне кажется. Но по причине слабой энергетики ничего у него не получается. Он все время чувствует себя младшим. Амбиции есть, а энергетики нет. Грабить банк ему не хочется, но если я вдруг отчаянно разбогатею, он себе никогда не простит упущенной возможности.

...Из-за столика недалеко от барной стойки начал было выдвигаться потный клиент лет сорока со свисающим за брючный ремень пузом... Зацепившись за стол то ли ногой, то ли животом, мужик повалился на пол, едва не опрокинув на себя закуски. Громкое падение будто бы явилось неким сигналом. Так или иначе, но в кафе тут же вернулась громкая музыка. Более того, на небольшой подиум выпорхнули пять девушек в усыпанных блестками

платьях и ну-давай подбрасывать ноги к самому подбородку.

Перегруженный алкоголизмом мужик тяжело возился на полу, напоминая перевернутого на спину толстого жука. Сидя за столом и впившись губами в трубочку из бокала с коктейлем, за безнадежными эволюциями безучастно следила спутница жука, расфуфыренная, опухшая дама лет тридцати пяти.

— Не-а, не встанет, — загадал Филимонов, с интересом наблюдавший за борьбой человека с круговращением планеты.

Я болел за жука, но сегодня был чужой праздник. Подергавшись, толстяк клюнул синюшной щекой в пол и затих. Кудрявый официант и два добровольца из зала выволокли обмякшее тело на свежий воздух. Пухлую пожирательницу коктейлей все происходящее, казалось, совсем не волновало... А может, она пришла сама по себе, а толстый пристал позже...

Тем временем мир вокруг начал меняться. Сначала из чужого превратился в родной. Представьте, как после долгого отсутствия вы приближаетесь к дому, где прошло детство. Там воздух уже пятьдесят лет хранит ваш запах... А потом по родному миру детства красным светом разлилась тревога. И красные фонари, облизывавшие лучами молоденьких танцовщиц, здесь были ни при чем. Тем более, что они перемешивались с синими и зелеными вспышками.

Что-то до боли знакомое сгустилось в зале.

Ах ты, дьявольщина! «Чашку кофею я тебе бодрящего налью...» Музыка, под которую прыгали девчонки, была без слов, но я вдруг узнал в ней песню из сегодняшнего сна.

С другой стороны, чего я так разволновался? Наверняка я слышал ее раньше по телевизору, но не обратил внимания, а она во сне всплыла из подсознания. А в том, что ее сейчас исполняют и вовсе нет ничего странного.

Они танцуют под песню Марины Хлебниковой. Про которую я, кстати, опять не уверен, что такой человек существует в действительности... Сейчас, как во сне, появится небритый мужик и голосом Преснякова споет про кофей... Хрен там — никто не собирается петь. И между тем я ее уже вижу... Ту девушку из больничного морга — с синим лицом и австралийским именем Аделаида. Ножки у нее немножко полноваты, хотя это на любителя... Широкие скулы... Короткий прямой нос... Совершенно точно, что одна из танцовщиц этой ночью лежала на каталке под желтой простыней, а потом ожила.

— Ты с кем-нибудь из сумасшедших знаком? — спросил я Филимонова.

— В каком смысле?

— Попадались тебе по жизни психи? Ты способен различить, где псих, а где нормальный гражданин?

— А что здесь сложного?.. Хотя иногда...

— Я, например, похож на психа?

— Вряд ли. Наоборот, я бы сказал, что ты патологически нормальный тип.

Диагноз Филимонова меня не успокоил. В девушке на низеньком подиуме кафе «Лебедь» я узнал гениальное, в смысле необыкновенно яркое и отчетливое, произведение моего ночного бреда — труп по имени Аделаида.

Не исключено, что Филимонов сам шизик. А я у него консультируюсь — ничего умнее не придумаешь.

Где-то я читал про загадки мозга. Натыкаешься на какое-нибудь явление и уверен, что уже видел это во сне. А на самом деле происходит подмена памяти. Никакого сна не было.

Явь чертовски быстро перестраивает прошлое в твоём сознании...

— Слышь, ну и ну! — вдруг воскликнул Филимонов.

— Что?

— Да мужик-то, оказывается, кони бросил.

— Какой мужик?

— Который только что здесь валялся. Вон за столиком говорят...

Из-за соседнего столика паренек, один из тех, кто вытаскивал потерявшее опору тело, подтвердил:

— Точно. Мы думали, пьяный, а он не шевелится. «Скорую» вызвали, да что толку?

Посинел, как...

Подыскать сравнение он не сумел.

Я обернулся. Расфуфыренная тетка исчезла.

— А женщина с ним была — она ему кто? — спросил я.

— Похоже, подруга. Тоже посинела, когда узнала. Сначала-то, вроде, гордая была, дескать, напился, как свинья, так ему и надо... Теперь, наверное, жена обо всем узнает. Разборки пойдут... Они, похоже, знакомы, работают вместе, что ли... Я имею в виду — подруга с женой...

...Незаметно ушел из жизни еще один из ее членов. Посинел, как поганка, и ушел. Член жизни. Теперь лежит за стенкой, а всем — пофиг. Народ продолжает пить и травить анекдоты... Девчонки танцуют... А ведь были и у него желанья. И он строил планы. И ничего не успел. Родил двух детей. Оставил жену, любовницу и пустые хлопоты по своим собственным похоронам... И наверняка, как ни рвался, так и не попал на чудесный берег, где прямо с пальм льется теплый душ.

Почему я так уверен, что он не попал на берег? Потому что на всех там места не хватит. Сто абсолютно свободных человек, тысяча, ну, десять тысяч со всего мира способны туда добраться...

...Филимонов тщательно, как в сказке про двух жадных медвежат, разлил остатки из бутылки — чтобы каждому досталось не больше, чем другому.

— Ну, чтобы и нам так же, — предложил он тост. — Позвал в кафе любовницу, выпил, закусил и привет. А вот еще я слышал, мужики прямо на бабах умирают — тоже хорошо.

Хорошая мысль, но сначала нужно попасть на мой африканский берег и смыть с себя вечную усталость...

Интересно, очистит ли глоток водки сознание от фантомов?..

Водка проскользнула, как вода, — выдохлась, что ли? Ничего не изменилось. И даже наоборот, показалось, что Аделаида тоже обратила на меня внимание и начала поглядывать с любопытством. Я — человек-пенсионер на седьмом десятке. Ни с того ни с сего, за здорово живешь, нормальные девушки на меня так часто смотреть не будут. Что я ей, родственник, что ли? Может такое случиться, что и она во мне кого-то узнала? Способна ли девушка из сна при встрече опознать сновидца? Вот вопрос, достойный шизоида.

В конце второй бутылки я, как обычно, потерял счет времени. Девушки танцевали еще раз шесть или семь. С перерывами. Потом я увидел Аделаиду в зале между столиками, в обычном, не из шоу-программы, наряде — синей майке, легких голубых джинсиках и темно-коричневых туфельках на высоком каблуке. Она пересекала зал от служебной двери к выходу, притормаживая возле столиков и обмениваясь репликами с завсегдатаями. А может, я придумал, что это завсегдатаи. Пару раз ее хватали за руку, приглашая присоединиться к компании... Но она продолжала свое медленное, неуклонное движение и рано или поздно должна была оказаться возле нас с Филимоновым.

Я знал, что это выглядит глупо, но благодаря водке не успел слишком об этом задуматься. Когда она приблизилась, я сказал негромко:

— Хотите немного выпить?

Она должна была не услышать моего предложения и пройти мимо, небрежно усмехнуться и пройти мимо, вежливо поблагодарить и пройти мимо, бросить в ответ что-то оскорбительное и пройти мимо — что-нибудь, вроде «Ну, ты даешь, дед! У тебя ж, наверное, внукам столько лет, сколько мне!» Ее только что приглашали молодые симпатичные мужчины...

А она вдруг с легкостью согласилась:

— Почему бы нет...

Ошеломленный таким развитием событий Филимонов тут же подскочил и, следуя непопулярным ныне представлениям о галантности, принялся придвигать стул. И при этом вдруг сделался чертовски похожим на зайца из сегодняшнего спектакля. Склонился и лапки к груди прижал. Но должен признаться, что я и сам едва не сунулся с дурацким стулом, просто артист меня опередил. У него натура такая — стараться меня опередить. С видом прожженного и обеспеченного гуляки он тут же заказал еще бутылку шампанского с апельсинами. Хотя платить, понятно, предстояло мне. Впрочем, подобного рода дополнительные расходы меня не огорчили. Я бы мог и чего-нибудь подороже заказать. Денег теперь было не жалко. Но просто вовремя не среагировал. Да и привычка к дешевым напиткам и закуске во мне чуть не сызмальства.

— Как зовут юную леди? — напыщенно поинтересовался Филимонов.

— Хотите, я угадаю? — предложил я. — Аделаидой. Ведь правда?

— Какие, однако, странные у тебя идеи, — заметил Филимонов.

— Забавно, — задумчиво усмехнулась девушка из сна, — но неправильно. Вообще-то меня зовут Катей. А вас?..

...Невыносимо долго и навязчиво Филимонов нес обычную в таких случаях куртуазную ерунду, всячески намекая на свое актерское происхождение и при этом тонко обходя зоологические, заячье-мышинные детали. Чем глубже уводил его треп, тем меньше я верил, что она подседа к нам из-за меня. Я начал сомневаться, что видел ее во сне. А может, не было никакого сна? Обыкновенная девушка... Может, ей шампанского захотелось. Или Филимонов понравился. Раньше-то он точно умел нравиться. Может, и сейчас еще... Смоктуновский... Стелет-то, гад, как складно. Вот когда чувствуешь разницу между актером и подполковником.

С трудом вклинившись в одну из коротких пауз в оживленной беседе артиста и

танцовщицы, я сумел спросить:

— Катя, мы с вами нигде не встречались?

Вопрос прозвучал необыкновенно пошло. Но если бы я начал объяснять, что видел ее во сне, получилось бы еще тупее.

Она внимательно посмотрела на меня и сказала: «Вряд ли». Но ее взгляд задержался на мне дольше, чем того требовали обстоятельства. Или опять мне мерещится...

К концу вечера я почти забыл о странных видениях, совпадениях, фантомах сознания. Только было жалко чуть не до слез наблюдать, как все глубже и шире становится пропасть, отделяющая горячую эротику сновидения от ледяной пустыни сегодняшнего вечера. Неважно, что тогда я ласкал холодный труп, а теперь рядом сидит вполне теплокровная девушка.

...Катя засобиралась домой. Или не домой. Куда такие девушки уходят поздним вечером? Наверняка у них есть друзья на джипах и с обеспеченной деньгами программой развлечений на теплую июльскую ночь.

— Я вас провожу, — естественно, не мог не вызваться Филимонов.

Однако Катя с такой идеей не согласилась, хотя, кажется, и заколебалась на миг.

— А телефон у вас есть? — не отставал мой друг.

— Сейчас напишу.

«Вот что, ребята, пулемета я вам не дам». То есть телефона. Мне казалось, что она ответит как-нибудь в этом роде. Провели вместе час, и то хорошо. Мне не; хотелось, чтобы Филимонов ей звонил. А она согласилась дать телефон с такой готовностью, будто не прочь и дальше с ним встречаться. Все же не понимаю я нынешних девушек. Что ее привлекло в этой развалине?

...Не замечая протянутой руки Филимонова, Катя " неожиданно протянула мне листок, вырванный из крошечной записной книжки. Сердце в груди пропустило один удар. А мой друг и вовсе выглядел, как ковбой, выпавший из седла прямо в середину коровьего поноса.

— А вы напишите свой телефон, — попросила она, глядя на меня в упор.

Внезапно оказавшись на обочине событий, Филимонов стремительно терял интерес к происходящему. Он моложе меня на десять лет, и сейчас ему в голову наверняка пришел вопрос: что она нашла в этой развалине? В смысле, во мне.

В короткой истории моих отношений с Филимоновым, описанной выше, не хватает одного малозначительного эпизода. Мы познакомились году в семидесятом. В юности он был таким податливым для дружбы. Как пластилин или пластиковая взрывчатка. В ту пору, приезжая в отпуск, я проводил с ним довольно много времени. Пили пиво, слушали Понти, обсуждали искусства и советскую военную доктрину...

В семьдесят третьем году мы приехали в Новосибирск в конце августа, и через три дня от меня ушла жена. Ушла, как снег на голову. Вечером все было обыкновенно, а утром гладила одежду да вдруг и говорит:

— Хочу от тебя уйти.

Я сначала решил, это просто такой оборот речи — уйти в кино, на пляж... Потому что таким тоном, да еще возюкая утюгом по юбке, не объявляют о смерти семьи. Хотя при чем здесь тон?

Я, естественно, начал допытываться, с чего такие финты... Я говорю: «У тебя кто-то появился?» — «Нет». — «Тогда почему?» — «Просто не хочу с тобой жить». — «Чем я плохот? Что такого неправильного сделал?» Отвечает: «Не ищи причин в себе».

А в ней какая причина? И ушла в то же утро без завтрака, догладив юбку. Может быть, стоило раньше задуматься о том, чтобы завести детей?.. С ходу переселилась в пустующую квартиру подруги, которая на несколько месяцев свинтила, как сейчас помню, во Владивосток не то за деньгами, не то за романтикой. Потом после смерти бабушки здесь же в Новосибирске к ней, в смысле к бывшей жене, пришла своя жилплощадь, но это уже совсем другая история. Не моя.

Если бы я хоть имел возможность на работу ходить, было бы проще. А в отпуске, делать было нечего — просто пропасть времени. До дна лететь и лететь. С утра я ехал к Филимонову, хотя бы только для того, что не наталкиваться на тоскливые собачьи глаза своих родителей, и мы напивались пивом, вином или водкой. Он тогда был в творческом простое, а на халяву никогда не отказывался выпить. И как-то раз я приехал особенно рано, часов в семь, или даже в половине седьмого, и Филимонова не оказалось дома. Не ночевал, значит. Но прийти все равно должен был, хотя бы согласно устоявшемуся ежедневному графику интоксикаций. Я присел на скамеечку напротив подъезда и, чтобы не терять времени, принялся прихлебывать пиво... Филимонов появился минут через двадцать. Увидев меня, не то занервничал, не то в нем какая-то вдруг собачья задумчивость возникла. А во мне зародились нехорошие, хотя и неоформленные подозрения. Наконец, собравшись с духом, я спросил:

— Все-таки где ты был?

Он съезжился, отвернулся и говорит:

— У Люды.

А Людой, если я еще не сообщил, зовут мою жену. Или правильнее сказать, бывшую жену.

— Да ты ведь все сам знаешь, — добавил Филимонов в свое оправдание.

Откуда, черт побери, я должен был знать? Я часто слышал, что мужья слепы, а тут, наконец, представился случай убедиться в справедливости этой мысли. Да он ведь моложе ее на семь лет! При социализме такие случаи, чтобы партнер был младше партнерши,

встречались гораздо реже, чем теперь. Если помните, в те времена правильным сексуальным отношениям учил популярный журнал «Здоровье», и там чуть не в каждом номере было написано, как это верно, когда муж старше жены на несколько лет. Следуя этим указаниям народ и заключал браки... Когда Филимонов бросил странную фразу про то, что я сам все знаю, я понял, что ведь, действительно, замечал нечто, слабенькое искрение между двумя людьми.

— И давно это у вас? — спросил я упавшим голосом, хотя дальше падать ему было некуда.

— Ты не думай, — засуетился Филимонов. — Мы только три ночи вместе. После того, как вы расстались...

Расстались... Как это называется? Еще не успел остыть мой след на простыне... Прямо Шекспир... Выходит, днем он пьет со мной, а вечером уходит к Люде.

Значит, она ушла из-за него, — понял я, но тут с тоской в голосе артист добавил:

— Она тебя любит. А я ей только временно нужен. Чтобы заместить пустоту...

...Чем окончательно все запутал... Мне кажется, мы с Филимоновым похожи. Во всяком случае внешне, у нас и рост и комплекция одинаковые. Я слышал, что если жена заводит любовника, похожего на вас, это не так страшно, как если бы он был абсолютно отличным. Если любовник не похож на мужа, это, якобы, таит гораздо большую опасность для семьи... Черт ее знает, эту женскую психологию — похож, не похож...

Они не остались вместе, и вообще все это у них недолго продолжалось. Может, еще раза два. Возможно, Филимонов тогда переживал еще сильнее, чем я.

Зачем Филимонов раскрыл тайну их отношений? Не мог солгать другу? А видел ли он во мне друга? Не исключено, что он воспринимал меня как мужа своей любимой женщины, и дружба со мной дарила ему иллюзию общения с любимой женщиной? Но скорее всего не мог не похвастаться перед старшим товарищем. Он всегда чувствовал себя младшим, а тут представился случай подравняться.

Я бодрился, пытался изображать из себя настоящего мужчину с прогрессивными взглядами на семью и сделал вид, что известие об отношениях Филимонова с моей женой меня не слишком поразило. Мы теперь, вроде, свободные, независимые друг от друга люди и имеем право делать все, что взбредет в голову. Соответственно и Филимонов как будто свободен от моральных обязательств передо мной...

Мы выпивали чуть ли не как обычно. И даже еще на следующий день. А потом я прервал печальный и бессмысленный отпуск.

Через пару лет мы с Филимоновым забыли о странном инциденте, и сегодня я уверенно могу сказать, что он мой ближайший или даже единственный друг.

Обычно по утрам я к Валентине Филипповне со всякими глупостями не пристаю, но сегодня можно было изменить традиции. Проснулся, полежал минут пятнадцать, собираясь с мыслями, и полез. Может быть, следовало дождаться, пока она сама проснется? Для этого достаточно было приступить к завтраку, и она обязательно потащилась бы в туалет. Но я совсем не чувствовал голода. Меня охватил зуд нетерпения, похожий на зуд вождления.

Валентина Филипповна не стала ворчать, отворачиваться и отпихиваться спросонья, а с ходу включилась в игру. Правда, особо порадовать женщину оказалось нечем — эякуляция началась на десятой фрикции, а я и не подумал ее затормозить.

Откинувшись к стене и отдышавшись после короткого спринта я осторожно сказал:

— Помнишь наш разговор?.. Давай сделаем это?

С Валентины Филипповны медленно сполз томный вид.

— В каком смысле? Какой разговор? — переспросила она, хотя я понял, что она сразу поняла.

Нельзя сказать, что Валентина Филипповна жадная женщина, но любовь к деньгам ощущается в ней за четыре километра. Месяца два назад, ночью, точно так же лежа в постели и стгорая от вышеозначенной любви и зависти, умноженных на полтора литра шампанского (я, помнится, в тот вечер предпочел дешевенький и паршивенький «Белый аист»), она рассказала о десятках, если не сотнях килограммов черного нала, хранящихся в подвале фирмы «Коала». По сути получился почти готовый план ограбления. «Роскошная жизнь лежит за стенкой! — переживала она. — Взять ее — все равно, что мужику два пальца... Причем днем! Ах, если бы я была мужчиной! Охрана — два обкуренных идиота. Даже один. Ключ от комнаты у него. Главное — вырубить дурака. А потом набиваешь сумки деньгами и выходишь как ни в чем не бывало...»

Эта идея, чувствуется, глубоко укоренилась в ее сознании, потому что еще дня через три, перебрав алкоголя, в тишине ночи она снова окунулась в свои грезы.

Один мой знакомый, большой выдумщик, любит повторять: заработать деньги — пара пустяков, главное — придумать способ, а придумать способ — вообще ничего не стоит, тем более, другие же придумывают... Он это приговаривает не из любви к афоризмам, а в полной убежденности, что так все в жизни и случается. Когда его слушаешь, все проблемы представляются такими простыми! В изложении Валентины Филипповны ограбление подвалов «Коалы» выглядело не только пустяком, но вдобавок еще и вполне богоугодным делом. Украсть у вора — чем не нравственный подвиг?

Естественно, дальше мечтаний у Клепиковой дело не двинулось бы никогда... Если бы она случайно не повстречалась со мной...

Когда о черном нале родной фирмы Валентина Филипповна заговорила во второй раз, я, слегка оживившись, принялся задавать наводящие вопросы. Впрочем, интерес подвыпившего мирного пенсионера выглядел так же невинно, как гладиолус, самый бестолковый и бесполой из цветов. Гладиолусов не дарят ни девушкам, ни юношам, а исключительно пожилым учительницам раз в год, первого сентября.

— Ты конкретно можешь сказать, сколько у вас там денег-то?

— Ну, точно, конечно, не знаю, — призадумалась бухгалтерша. — Всегда по-разному. Деньги-то каждый день поступают и убывают. Но не через меня. Я по большей части

официальной бухгалтерией занимаюсь. Отчеты... Денег очень много. Они там на стеллажах лежат, как в банке. Как их сосчитаешь?..

— Ну тысяч пятьсот есть? Если в баксах...

— Ну уж, пятьсот! — пренебрежительно махнула рукой Валентина Филипповна. — Думаю, миллионов пять-семь наберется...

— Шутишь! — чуть ли не в самом деле испугался я.

Да и как же было не испугаться! Оказаться лицом к лицу с подобной суммой или хотя бы представить такую возможность — то же самое, что ступить на край пропасти. На край вечности. Конечно, кому как, но для меня пять миллионов долларов — это самая что ни на есть вечность и есть.

Никогда не любил русскую литературу. Сколько себя помню, тянулся к Хемингуэю, Фитцджеральду и прочим американцам. Не считая, конечно, тамошних соцреалистов. «Гроздь гнева», «Американская трагедия» — тьфу, помойка! После таких книг неделю изо рта воняет. И однажды задумался: отчего это от «Детей подземелья» и тому подобных Горьких тошнит, а от «Великого Гэтсби» в голове как будто праздничную иллюминацию включают, хоть книжка и печальная? И ответил себе так: мне не нравится читать про нищих, чьи интересы сосредоточены вокруг дерьмовой еды и дешевого платья; а вот когда денег хватает на «Праздник, который всегда с тобой» и «Зеленые холмы Африки», тут-то и начинается настоящая жизнь и истинные человеческие эмоции. Я люблю рафинированные чувства, очищенные от каждодневной заботы о деньгах. Не в том смысле, что я не люблю деньги. Мне просто хочется жить и о них не думать... Пять миллионов долларов позволяют превратиться в одного из героев Фитцджеральда и жить в мире очищенных чувств — стоять под дождем и слушать космос.

— ...Только там не только баксы, — поправились Валентина Филипповна. — Там и рубли.

— А в рублях сколько получается? — взялся я вычислять.

— Минимум тридцать миллиардов старыми, — мгновенно подсчитала бухгалтерша.

— Не может быть! — продолжал я сомневаться. — Это же годовой бюджет какого-нибудь Буркина Фасо...

— Я не знаю, кто такой Буркина Фасо, но за свои слова отвечаю. Думаешь, если у тебя есть полторы тыщи в месяц, то и все остальные так живут?.. Ошибаешься. Если учесть весь черный нал России и по полной программе снять с него налог, то на твою пенсию можно будет в Америку летать каждый год на каникулы.

— Я не хочу каждый год, — проворчал я. — Я, может быть, хочу навсегда... А откуда они там берутся? Я не имею в виду вашу торговую цепочку или ваши операции. Кто их привозит?

— Сергей привозит. Инкассатор. Каждый день объезжает точки.

— Ну и как это выглядит?

— Что именно?

— Ну вот подъезжает он... На чем? На броневичке?

— На «Крайслере».

— Ого!

— Это старый «Крайслер». На «Тойоту» похож. В общем, обыкновенная машина.

— А охрана?

— Какая еще охрана? Он и есть охрана — на него лишний раз взглянуть и то страшно...

Ну, водитель есть.

— Кому он деньги сдает? Кто их считает?

— Деньги в сумках он сразу несет главному бухгалтеру. Есть у нас такая — Софья. Она считает и отдает охраннику... А тот в подвал относит.

— Так просто?

— А что — курьерскую службу заказывать?

— А в подвале там, значит, что?..

— Там комната на замке. И рядом подсобка, где охранник и сидит, телек смотрит.

Смена — двенадцать часов. С восьми до восьми.

— Пять миллионов баксов и один охранник!

— Ну, не совсем один. Еще ведь один наверху находится, на вахте. А вообще весь эффект как раз в том, что никому постороннему в голову не придет, что в такой зачуханной конторе могут быть какие-то деньги.

— Все равно странно.

— Это ты фильмов посмотрелся про кражи со взломом — электроника и прочие сейфы.

В жизни все гораздо проще. Помнишь, как арестовывали самого главного из Госкомстата? По телевизору недавно показывали... У него баксы по всей квартире были разбросаны... В коробках из-под обуви... И вообще никакой охраны.

— Смутно помню. Я телевизор редко смотрю. И политикой не интересуюсь.

— Но деньгами-то слегка интересуешься?

— Слегка интересуюсь... И сколько там было? Миллион был?

— По-моему, гораздо больше...

Возможно, я от действительности отстал... Или у меня по жизни к деньгам торжественное отношение...

Валентина Филипповна продолжала увлеченно конструировать ситуацию слегка заплетающимся языком:

— Заходишь в контору, на вахте говоришь: «Меня зовут так-то, так-то, я в бухгалтерию». Тебе говорят: «Проходите». Ты проходишь через вахту, сворачиваешь за угол, но вместо того, чтобы идти налево в бухгалтерию, спускаешься по лестнице в подвал. Там лестница опять же с поворотом, снизу ничего не слышно...

— И что дальше?

— Дальше не знаю, — замялась Валентина Филипповна, — надо как-то оглушить охранника.

— Допустим...

— Ну и все. Берешь ключ...

— Где?

— Да у него же в кармане. Он в кармане ключ носит. Нагрэбаешь денег в сумки. И выходишь, как зашел...

— С сумками? А мужик на вахте?

— Ну, тут я точно не знаю, но можно что-то придумать... Отвлечь его как-нибудь или что-нибудь в этом роде...

— А другого выхода нет?

— Если только через окно из кабинетов, хоть из бухгалтерии, но там же всегда полно народу.

— А туалет у нас там есть?

— Есть, но он без окна.

— Значит дверь только одна?

— Одна... То есть, есть еще дверь. Она как раз внизу, в той самой бытовке охранников.

Но она никогда не открывалась. По крайней мере уже лет сто. Массивная железная дверь — обитая железом — осталась от старых времен. Там же раньше, еще в сталинские времена, большой гастронорм был? Помнишь?

— Да.

— Ну вот, а внизу подсобки были, всякие склады и холодильники через весь дом. Сейчас, поскольку там разные хозяева, подвал перекрыли на несколько частей.

— И куда ведет дверь?

— Думаю, в подвал кафе. Точно не знаю... Но от этой двери и ключа-то никогда не было. Она уж, наверное, прижавела намертво...

Так мы болтали, лежа на смятой простыне, опьяненные не то волшебным, не то дерьмовым запахом, исходящим от кучи чужих денег и припивая каждый из своей бутылки — Валентина. Филипповна всем напиткам предпочитает шампанское, а я обычно пью дешевый коньяк или дешевую водку. Утром я поднялся без следов похмелья, Валентина Филипповна же тяжело поплелась в туалет, и растворимый кофе с бутербродом поглощала лениво, с недовольным видом...

...Два месяца я не возвращался к заинтересовавшему меня разговору. Терпел Валентину Филипповну и дожидался, когда мне исполнится шестьдесят, и я перешагну через последний страх. Валентина Филипповна тоже помалкивала, возможно переживая, что сболтнула лишнего... Наконец, прошел день рождения, и сегодня, отдышавшись после короткого секса, я предложил это сделать...

— В каком смысле? — фальшивым голосом переспросила моя сожительница.

— Я насчет тех денег... Из вашей фирмы... Помнишь ты придумала ограбление... Давай попробуем?

— Ты серьезно?

— Ага. Да ведь ты сама этого хотела!

— Я!? — возмутилась она, но тут же поправилась: — Нет, я говорила, конечно. Но мало ли кто о чем мечтает? Вся страна хочет переехать в Америку или Германию, но это же не значит...

Чего-то в этом роде я от нее и ожидал. Все хотят ограбить банк... Но только при условии гарантированной безнаказанности. А где ж ее взять, гарантированную?

Я напустил на себя печальную задумчивость:

— Понимаешь, какое дело... Я к тебе привязался... Вернее, называй как хочешь. Может даже любовью. Я не специалист в любви, не знаю... У меня так, как с тобой, вообще первый раз в жизни. Может, и нет какой-то юношеской истерии, зато есть чувство доверия и покоя... Мне плохо от того, что я не могу тебе дать того, чего ты заслуживаешь. В конце концов Канарские острова — это норма жизни, а никакой не отпуск. Я хочу, чтобы ты ни в чем не нуждалась и хотел бы сделать для этого все возможное...

...И тэ дэ, и тэ пэ еще минут пятнадцать.

Боже, какую ахинею приходится нести, чтобы тебе доверилась толстая женщина! Как ни странно, именно такое дерьмо лучше всего прилипает к женским ушам. Все слова уже давно придумали умные люди, а глупые успели стереть с них первоначальный смысл, но у женщины от них по-прежнему ум за разум заходит. В Иерусалиме есть каменная стена,

которой касался Иисус Христос и даже, вроде бы, точно известно место, плюс-минус три сантиметра. С тех пор все, кто туда попадает, в обязательном порядке прикладываются — кто губами, кто рукой, и за две тысячи лет от невесомых поцелуев в камне образовалось углубление, но бесконечную энергетику прикосновения христовой ладони и любви — а это одно и то же — народонаселение не исчерпает и не перекроет до конца времен. Точно так же обстоит дело и с эротической лексикой.

— И ты готов пойти на это ради любви? — вскричала сраженная лавиной чувств бухгалтерша.

— Да.

Я пронзил ее взглядом смертельно больной собаки.

— А как все будет потом, ну, после ограбления? — спросила Клепикова.

— В тот же день я сматываюсь куда-нибудь в Москву, нахожу варианты с переводом денег в любой заграничный банк, звоню тебе... Ты здесь все бросаешь, приезжаешь в Москву, а оттуда мы улетаем за границу. Мне кажется, проблем не будет, главное — получить деньги.

— А мне с тобой сразу нельзя уехать?

— Нельзя. Ведь станет понятно, кого ловить. А так ты отсидишься, все успокоится... На тебя-то никаких подозрений. Даже если вычислят меня, никто же про нас не знает...

— Ты правильно все говоришь... Только...

— Что?

— А ты меня не бросишь?

— Да ты что? Какой мне смысл. Это же все для тебя! Ради тебя!

Мой старинный институтский приятель Дмитрий Викторович Сердцев любит базар, в смысле рынок, не меньше, чем Чапаев узбекского народа Ходжа Насред-дин. Уже в студенческие годы при социализме Димыч был завсегдаем барахолка и чуть ли не первым в нашем институте на пятом курсе появился на занятиях в настоящем «Рэнглере» и кожаном пиджаке. Кожаный пиджак и «Рэнглер» в шестьдесят шестом году это как если сейчас первокурсник ездит в институт на шестисотом «мерсе». Да что там «мерс»! Знаете анекдот про новых русских? Фура едет, за ним... ну, пусть тот же шестисотый. Вдруг фура резко тормозит и «Мерседес» сминает себе передок. Оттуда выскакивают характерные ребята и наезжают на виноватого водилу: «Знаешь, братан, на какие филки ты влетел? Здесь один бампер стоит пять штук, баксов». «Извините, ребята, — говорит водитель, — я не нарочно, собака дорогу перебежала... А правила я знаю и сейчас рассчитаюсь». Открывает дверцу, а там вся фура штабелями баксов загружена. Он берет лопату и пару раз оттуда черпает: «Ну что, хватит?» Пареньки обалдели. «Хватит, — говорят. — Слушай, мужик, а ты кто?» — «Я — новый русский. А вы кто?» Вот что такое кожаный пиджак и джинсы в шестьдесят шестом году. Хотя, я скажу, у нас в торговом институте народ всегда обучался продвинутой по части шмоток.

Потом родители Димыча переехали в Казахстан, и он с ними. Родители у него преподавали научный коммунизм. А когда началась фигня с СНГ, Сердцев вернулся в Новосибирск. Честно говоря, я всегда думал, что с такими способностями он очень быстро приподнимется — Внешторг или что-нибудь в этом роде. Однако золотых гор Димыч из Казахстана, похоже, не привез. А может быть, он тусовку любит больше денег. Семь или восемь лет назад Сердцев одним из первых ринулся в челночное предприятие, несмотря на то, что тогда ему было под полтинник. Чемпионом среди «челноков» опять не стал, но на жизнь хватает, хотя он и стонет в последнее время, что бизнес умирает.

Димыч мне симпатичен. Мы с ним иногда выпиваем. Он знаком с моими друзьями, а мой круг общения расширяется за счет его знакомых.

На гусинобродской барахолке у Сердцева два контейнера и две продавщицы, которым он платит по шестьдесят тысяч в день. Ошиваться там целыми днями ему, казалось бы, нет нужды, но он ошивается. Нравится человеку.

На всякий случай я позвонил ему домой, чтобы убедиться, что он не в Эмиратах или Китае и чуть позже обнаружил его на контейнерной площадке довольным жизнью и жующим хот-дог.

— Желудок не испортишь? — спросил я, хотя мне никакого дела нет до его желудка.

— Как же я его испорчу, если всю жизнь питаюсь хот-догами? И родители мои ими питались, и их родители. Они же в Новосибирск переселились из Америки, когда там началась великая депрессия. Вот и выходит, что хот-дог — это моя национальная еда. Знаешь, что если чукча съест апельсин, то тут же и помрет? Потому что организм у него привык к ягелю. Для него африканская еда — хуже синильной кислоты. Так и для меня тарелка домашнего супа и паровые котлеты — смертельно... По сто грамм армянского?

— За рулем.

Я дождался, пока он хлопнет коньяк и заест его последним куском сосиски с булкой, отвел подальше от загорелой до негритянской черноты продавщицы и, смущаясь, сказал:

— Димыч, такое дело... Ты тут всех знаешь... Как мне одну штуку достать?.. Только давай договоримся — строго между нами...

— Какую штуку? Ты так волнуешься, что я начинаю подозревать самое страшное... Уж не презерватив ли? Угадал? Ну, ты даешь! Кто она? Я никому не скажу. Стриптизерша из клуба или фотомодель? Да... Не думал я, что ты себе такое позволяешь...

— Да, нет, — усмехнулся я, хотя мне было не до шуток, но Сердцев кого хочешь достанет. — Понимаешь, нужна ствольная коробка с глушаком для ТТ.

— А что это?

— Ну как что... Я ж говорю, ствольная коробка с глушителем для пистолета ТТ.

— Ничего себе запросы! А зачем тебе? Застрелиться хочешь без шума? Уйти из жизни тихо, по-английски?

— Это не для меня. Попросил тоже один...

— А... У него значит ТТ имеется, а ему еще и глушитель понадобился?

— Наверное.

В задумчивости Сердцев приподнял брови так, что его лоб стал похожим на стиральную доску.

— Да... Что-то я тебе, наверное, и не подскажу... Я, честно говоря, такими делами никогда не интересовался... Вот, если тебе джинсы нужны... Да... А у дружков своих военных не пробовал спрашивать?

— У кого спросишь? У меня и дружков-то здесь особых нет. Я ж в Узбекистане служил. Я думал, на барахолке такие вещи проще решаются.

Вообще-то я держал на запасной случай двух знакомых афганцев. Но мне казалось, что обратиться к Сердцеву получится надежнее.

— Может, и проще, но, ей-богу, представления не имею, — оправдывался тот.

— Значит, нет, — протянул я разочарованно. — Ну ладно. Ты сильно-то не грузись. Нет так нет.

— Знаешь, могу только посоветовать, но точно не знаю. Это у цыган надо спрашивать. Ходит здесь одна... Вот что, ты пойдешь, где шубы продают, и спроси Милу.

— Просто Милу?

— Ага. Ее все так зовут. Только на меня не ссылайся.

— А что сказать?

— Ну, ты даешь! Там сообразишь, что сказать. Только...

— Что?

— Ты еще подумай: может, на хрен тебе эта ствольная коробка... Может, без нее дольше проживешь...

В шубном ряду Мила отыскалась через пять секунд.

— Мила, тебя спрашивают, — завопила первая же торговка цыганской внешности, к которой я обратился.

Из толпы вырuling солидная тетка, чем-то похожая на Валентину Филипповну, может, своей толстой комплекцией или взглядом, столь же недоверчивым. Говорила она без цыганского акцента и без национальных глупостей типа: «Золотой мой». Зато табачищем от нее разило, как от двух конюхов.

— А кто тебе посоветовал ко мне обратиться? — первым делом поинтересовалась она, когда я изложил свою просьбу, и ничуть не удивилась, когда я уклончиво затянул чепуху про одного знакомого человека и вообще...

...И не стала уточнять, что за человек, только переспросила:

— А что это за коробка такая, которая тебе нужна?

— Деталь для пистолета.

Как тут еще объяснишь?

— Ага, — Мила понятиливо кивнула. — Ты вот что, обожди здесь немного. Ничего не обещаю, потому что, сам понимаешь... Но спрошу у одного человека...

Я, конечно, не ожидал, что через пять минут мне вынесут коробочку на тарелочке, но ждать пришлось часа полтора, прямо, как в собесе. Я уже начал думать, что вместо того, чтобы искать деталь пистолета, Мила болтает где-нибудь с подружанкой, сосет капитанскую трубку и хихикает над глупым старичком, с другой стороны, понятно, что оружейные детали на дороге не валяются. Наконец, когда я решил, что дальнейшее ожидание бессмысленно и даже оскорбительно, вонючая цыганка появилась в сопровождении удивительного молодого человека корейской наружности и нечеловечески худого. Да у них тут настоящий Интернационал. Вот о чем мечтал Ленин. Цыгане, корейцы... Но удивительнее всего то, что кореец был одет совершенно не по ситуации, настолько стильно, насколько может быть одет англичанин в опере. По небу хоть и ползли облачка, но температура держалась в районе двадцати пяти градусов, вокруг сновали грубоватые типы с загорелыми лицами, а тщедушное тельце корейца украшали сорочка ослепительной свежести, галстук и твидовый пиджак.

Мила подвела его ко мне, а сама скромно отошла в сторонку. Я думал, кореец начнет с массы изысканных извинений и не исключено, что на английском языке. От такого денди чего угодно можно ожидать. Но он приступил к делу с еще более неожиданной стороны на чистом русском языке:

— Слушай, дед, а зачем тебе ствольная коробка?

Я чуть не сел. Ага, сейчас я расскажу, что моя фамилия Кузнецов, что живу я на улице Новогодней, что собираюсь ограбить банк, что операция начнется в четыре часа пополудни, что со мной будет еще один корещ, а потом мы с деньгами отправимся по такому-то адресу. А может, он мент? Может, у них здесь засада, и Мила — майор ФСБ? Иначе зачем он галстук нацепил в такую жару? Бандиты в галстуках не ходят, и потом они все небритые, как Доцент из кинофильма «Джентльмены удачи»...

— Нет, дед, я не в том смысле, — поправился кореец. — Просто глушак для ТТ достать довольно сложно. И времени много надо, и гарантии никакой. Может, тебе проще взять другой пистолет с глушителем. Главное, что по цене будет почти одно и то же. Сам подумай:

ствольная коробка с глушителем — это почти что весь пистолет.

Странно, но такой простой поворот темы почему-то раньше мне в голову не приходил. Не иначе Межид меня на века загипнотизировал. Благодаря ему, я всегда знал, что владею оружием, которое любит и умеет убивать, и только с ним связывал все свои планы. А тут еще Чехов. Тоже загипнотизировал. Ведь это его мысль — насчет того, что если в доме хранится пистолет, то рано или поздно он должен выстрелить. Что ж, пусть будет два ствола. Хоть один да выстрелит.

— Ты какой пистолет имеешь в виду? — спросил я.

— А вам какой? Попроще или посерьезней?

— Подешевле.

— Понимаю. Тогда лучше всего «Беретту». Глушитель свинчивается, очень удобно.

— Можно и «Беретту». Почему?

— Это будет стоить... э-э-э... штуку баксов.

Я присвистнул. Почему-то я прикидывал, что ствольная коробка обойдется мне долларов в триста, на всякий случай из дома захватил с собой пятьсот.

— Дороговато, — заметил я.

— Ну так зато вещь!

— Давай за девятьсот, — предложил я, хотя сразу решил, что товар все равно возьму.

— Дедушка, — укоризненно протянул кореец, — мы же не на барахолке, чтобы торговаться.

Мы торговались чуть не в самом центре барахолки, тем не менее последний довод прозвучал весьма убедительно. Я согласился, предупредив, что всей суммы у меня с собой нет. Договорились осуществить обмен через два часа на речном вокзале у причала номер четыре. Место встречи назвал кореец и тут же с легкостью выманил у меня двести баксов задатка. Я отдал деньги, удивляясь себе. В магазине я всю сдачу пересчитываю, а тут вдруг, ничтоже сумняшеся, вручаю незнакомому человеку двести долларов. Я завел эту машину, а теперь она сама набирает ход, а я в ней только пассажир... Впрочем, деньги жалеть теперь незачем.

Как договаривались, через два часа у причала номер четыре меня нашел совсем незнакомый гражданин — не кореец и не Мила — и вручил сверток в обмен на восемь шершавых купюр.

Я позвонил Кате через три дня. В юности мне попался на глаза перевод древнего арабского исследователя — нечто вроде методических указаний насчет, как себя вести, чтобы завоевать любовь женщины. Там сказано, что после первого знакомства непременно следует взять паузу — три дня. Раньше встречаться нельзя, потому что любовь в девушке не успеет как следует разгореться, и позже нельзя — чувство начнет затухать. В общем тогда, в доисторические времена, три дня считались в самый аккурат. Не то, чтобы я так уж доверился древнему арабу, но вообще что-то в этом есть. При этом вовсе я не был уверен, что в Кате по отношению к морщинистому пенсионеру разгорается или остывает хоть какое-то чувство, и даже наоборот, совершенно понятно, что с ее стороны ничего быть не может... Но как забыть ее странный жест с телефоном? И взгляд, исполненный интереса и нежности... Хотя и не нежность это, а одно лишь мое воображение. В общем, само получилось, что через три дня.

Звук ее голоса пробил мое тело, как пуля, отлитая из шоколада со сливками.

— Это... — я замялся, не зная, как лучше представиться, — ...Михаил Палыч... Пару дней назад мы познакомились в кафе «Лебедь»... Может, вы не помните...

Какого хрена малодушничая? Ведь я переступил через свой последний страх.

— Конечно, помню, — радостно отозвалась Катя. — Хорошо, что вы позвонили. А я уже уходить собиралась.

— В самом деле? В смысле — хорошо, что позвонил?

— Конечно. Я сама хотела. Но вроде неудобно. Вроде навязываюсь...

Ничего себе — навязывается! Только опять непонятно, откуда такая радость?

— Может, мы как-нибудь встретимся? Кофе попьем...

Гадский кофе! Никогда мне не научиться оригинальности. Из тупого напитка получился прямо какой-то эротический символ! Кажется, что миллионы людей во всем мире вместо того, чтобы прямо сказать: «Я тебя хочу», бормочут ерунду про кофе.

— С удовольствием, — еще более оживилась Катя. — Правда, я сейчас убегаю на работу. Допоздна. Можно завтра. Я весь день свободна...

Жизнь постоянно подбрасывает загадки, хотя их уж и не ждешь. Может, она решила, что я миллионер, и теперь ее будущее обеспечено? Но что могло навести ее на эту мысль? Французского шампанского я в кафе не заказывал и устрицами не разбрасывался. Одежда на мне... К хай энду не отнесешь. Может, это ошибка? Или я просто не знаю, а на самом деле так часто бывает, чтобы молодые девушки влюблялись в пенсионеров?

Часов в девять вечера после довольно дорогого, но вкусного ужина в ресторане интуристовской гостиницы «Сибирь», допивая свои двести граммов коньяка, опять же недешевого, я соображал, удобно ли на первом свидании приглашать Катю в гости. С позиций ортодоксального пенсионера — вряд ли. А у нынешних никогда ничего не задерживается, как говорится, кишка-то прямая, спешат жить. А если да, то как поделикатнее пригласить? Вообще-то ощущался в ней некий неподдельный интерес к моей персоне. Однако этот факт не только обнадеживал, но и слегка нервировал. Взять с меня нечего. Говорят, что в городе действуют бандитские формирования, промышленяющие квартирами одиноких пенсионеров — всякими способами вынуждают подписать дарственную, завещание (или что там еще?), а потом убивают. А может, и убивать не надо, откуда-то берутся же бомжи... Если только предположить, что Катя работает на жуликов и втирается в доверие исключительно ради квадратных метров... Полный кретинизм... Влюбиться в меня — ну, уж это!.. Особенно учитывая разницу в возрасте. Странная получилась бы парочка — юная красавица и убогий отставник...

А вдруг после дня рождения я, натурально, избавился от комплексов и страхов, и теперь из меня наружу прет новая необыкновенная энергетика, которую я сам не замечаю, но она волшебным образом притягивает окружающих людей? Возможно такое? Хрен там избавился. Если избавился, чего тогда маюсь? И шевелится на дне желудка еще одна подлая мыслишка: вот она соглашается, а как все получится? Не встанет, или еще какая-нибудь фигня приключится. В моем возрасте — самое обыкновенное явление... С ходу потерять страх не получается. Напуганным я жил шестьдесят лет, надобно же время, чтобы избавиться от вредной привычки.

Пока я перебирал варианты, Катя вдруг сама сказала:

— Михаил Павлович, у вас сейчас какие планы? Может, ко мне в гости зайдём? Посмотрите, как живу... Через дорогу, на улице Революции...

Как я понимаю, это все равно, что предложить кофе. Но в девушках я все-таки не понимаю ничего. Полное падение нравов...

...Спокойная и патриархальная обстановка двухкомнатной квартиры на втором этаже опять же не вязалась с моими представлениями о привычках танцовщиц варьете. Не молодая девушка здесь должна обитать, а почтенная семья пенсионеров — этажерочки, полированная «стенка», одна тысяча девятьсот шестидесятого года производства, скатерть с кисточками на круглом обеденном столе...

— Это квартира родителей, — объяснила Катя. — Года три назад они другую квартиру купили. Недалеко, в новом доме.

— О! Обеспеченные люди?

— Не то чтобы... Раньше папа неплохо зарабатывал. Главным инженером на заводе радиодеталей. В общем, были возможности. Сейчас-то на пенсию ушел...

— Родители само собой, — согласился я, — но должно же в квартире ощущаться и твое присутствие.

— А откуда вы знаете, в чем это должно выражаться? Может, оно и ощущается...

— Так-то оно так. Только пятьсот первый «Левайс» плохо сочетается с кистями на скатерти. Гораздо лучше с шестисотым «мерсом».

О, загнул! Прямо, как молодой! В джинсах я совсем не разбираюсь, и пятьсот первые не отличу от первых, но именно о пятьсот первой модели всегда с большим уважением отзывается Дима Сердцев.

— А у меня и не «Левайс» вовсе.

— Это я так, для пущего контраста, — объяснил я.

— С чего вы взяли, что джинсы — основное? Может, внутри скатерть с кистями, а джинсы — так, оболочка...

Сбросив туфли возле тумбочки с древним, обмотанным изоляцией телефоном, Катя ушла на кухню за бокалами для «Мартини», который мы прихватили в магазине по дороге. Это была ее идея, а мне все равно, что пить.

Пока на кухне шумели краны и хлопала дверца холодильника, в комнате я, как образованный, рассматривал корешки книг и от нечего делать в толстенном и тяжеленном энциклопедическом словаре отыскивал букву Г...

...Я сидел в широком старом кресле, Катя предпочла устроиться напротив по-спартански на деревянном стуле, которые в мое время отчего-то именовались венскими — с гнутой спинкой. Слева на журнальном столике стояла бутылка вина и тарелка с тремя яблоками — по одному мы успели сгрызть. Невысоко над столиком плыла лампа в маленьком оранжевом абажуре. Или это я плыл после коньяка и мартини. Плыл и меня покачивало от Катиного взгляда.

— Иди ко мне, — сказал я, протягивая руку.

Она подала руку навстречу. Я пересадил ее на свои колени и поцеловал в губы.

— Ничего себе! — выдохнула она. — Совсем не думала, что так получится.

Я удивился:

— Хочешь сказать, что когда ты звала к себе, такой поворот событий не предусматривался?

— Совершенно верно...

Я снова с удовольствием закрыл ее рот поцелуем. Какие бы мотивы ею не управляли — желание или таинственная корысть, держать ее в объятиях было равносильно тому, чтобы очутиться перед дверью в рай и прикоснуться к вечности. Нет, не просто так многие пожилые мужчины умирают во время секса с молоденькими девушками. С вечностью надобно шутить осторожно. Обнимая Катю, я чувствовал, что годы опадают с меня, как старая короста, обнажая дремавшие молодые силы. Лет двадцать слетело за один миг.

Я решил, что пора перебираться на диван и сделал попытку встать из кресла, не выпуская драгоценность из рук. Это романтично — перенести девушку в постель на руках... Хотя, если повспоминать, то в современных фильмах никто никого в постель, кажется, не переносит. Торопливо стаскивая одежды, девушек прижимают к стене, усаживают на стол, кухонный или офисный, разворачивают спиной и нагибают, просто укладывают на пол там, где стоят, и так далее. Но если принять к сведению скатерть с кистями, то мои старомодные представления не должны ее рассмешить или разочаровать. И потом просто нет возможности оторваться от нее хоть на короткое время. Так же никудышному пловцу невозможно бросить спасательный круг. Но вдруг я почувствовал, что встать из кресла с пятьюдесятью килограммами на руках в шестьдесят лет не так-то легко. А может, она и больше пятидесяти, недаром ее ножки сразу показались мне чуть более полноватыми, чем обычно бывают у танцовщиц (про ноги я еще и лежа в морге заметил). Но отступить от замысла и рухнуть обратно в кресло значило навсегда покрыть себя несмываемым позором,

и, собрав волю в кулак, я сумел-таки победить союз старческой немочи с планетарной гравитацией и поднялся из полуприседа... После чего в коленях надолго осталось ощущение, что я только что вручную вытащил из болота застрявшую БМВ.

Смешные старческие комплексы... Только не смешные, а отвратительные!

Встать-то я встал, но при этом нечаянно стукнул девушку головой о низко висящий абажур. Не одно, блин, так другое... Впрочем, как воспитанный человек, она сделала вид, что не заметила оплошности.

...Я раздевал ее медленно, запоминая каждый миг на запах и вкус. А вдруг это больше никогда не повторится? Для пожилых людей «никогда» не лингвистическая единица, а самая что ни на есть реальность... Я влюбился в ее черные трусики и долго не мог решиться исключить их из своей игры. Она хорошо чувствовала прикосновения моих губ сквозь тонкую ткань, пропитанную нежным, удивительным ароматом, лучше которого ничего не бывает, и тихо постанывала, когда я находил чувствительные места...

Период моего полового образования пришелся на пик социализма в СССР. Про те времена совершенно справедливо спел «Лимонадный Джо»: «Туда нельзя, сюда нельзя, никуда нельзя». Это было в порядке вещей, когда самые элементарные сексуальные приемы вызывали в женщинах негодование и протесты. И тогда такие манеры казались естественными. «Так нельзя, так стыдно, а так мне мама вообще запретила делать». Бог мой! Да ведь я вообще представления не имею, что такое любовь! Оказывается за шестьдесят лет мне не встретилось ни одной нормальной женщины. А Катин секрет в том, что с готовностью и нежностью она воспринимает и предугадывает любые мои движения. Она молодая. И кожа ее пахнет весной и непрерывающейся силой жизни.

— Ты плачешь? — прошептала она.

Я лежал на спине, головой на подушке, и не хотел, чтобы она заметила мои слезы. Да, плачу. Оттого, что прожил жизнь впустую, не подозревая, что двери в сад бесконечного счастья и радости устроены не хрен знает где, на небесах, а только руку протянуть. Например, на втором этаже пятиэтажки по улице Революции.

— Слегка, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Мне так нравится с тобой...

— И мне...

Она прижалась щекой к моей груди.

Почему я ей не верю? Только что она отдавалась мне с полным самозабвением, как последний раз в жизни. В мое время так могли себя вести только влюбленные женщины... Может, сейчас так принято — отдаваться, выкачивая максимум удовольствия из момента? Может, молодым сейчас все равно, с кем спать — с мальчиками на заре полового созревания, ровесниками или стариками на пороге климакса? Во всех случаях можно получить свой странный кайф?.. Для нее нет секретов в сексе. В свои двадцать про любовь или про технику секса (что одно и то же) она знает в сто раз больше, чем я в свои шестьдесят, но тактично не выставляет напоказ.

Я спросил:

— Ты правда не думала, что сегодня так получится?

— Правда. Думала, просто посидим, поговорим.

— Но ты ведь этого хотела?

— Не знаю. Наверное.

— Послушай, я самый возрастной мужчина в твоей жизни?

— Нет.

Я чуть не подпрыгнул:

— Хочешь сказать, что спала с мужчинами старше меня?

— Да.

— Ну и как?

— Нормально.

— А со мной как?

— Божественно.

Не следовало об этом спрашивать. Обычно такими вещами интересуются неуверенные в себе слабаки. Разве я — неуверенный в себе слабак? Может быть, раньше — год назад, месяц назад, неделю назад. Но теперь страх кончился. Все страхи кончились... А в ее ответе я не уловил ни фальши, ни иронии...

Она явно не собиралась вдаваться в подробности относительно загадочного рекордсмена в ее жизни, но все же я попытался уточнить:

— Ну, а... Ты намекаешь, что вообще предпочитаешь... ну... взрослых мужчин?

— Вовсе нет. Так получилось... То есть так получается. Я вообще, как бы по возрасту мужчин не делю...

— А сейчас у тебя кто-нибудь есть?

— Нет... Но я надеюсь, что появился ты...

Задыхаясь от нежности, я погладил ее по голому бедру и сделал почти неуловимое направляющее движение, но она уже сама все знала. Устроилась сверху, так что ее волосы накрыли мое лицо, потом поднялась, прогибаясь и подставляясь...

...За окном, похожий на гигантское черное кладбище, тонет полуторамиллионный город Новосибирск... Уставленный пятиэтажными и девятиэтажными надгробьями со стертыми надписями: «Здесь в тесной трехкомнатной квартире спит и воздух явно не озонирует семья Ивановых — старая оглохшая бабка, муж, любитель водки, четвертый месяц без зарплаты, жена, измученная ненавистью к мужу, прыщавая дочь-одиннадцатиклассница и сын-двоечник, ученик седьмого класса»...

И лишь в одном из склепов по чистой случайности очутились два живых человека. Я и Катя. Быть похороненным заживо — ужасная мука, но теперь мне не страшно. Мой персональный склеп давно обветшал, и я знаю, по какому кирпичу стукнуть, чтобы стена рассыпалась...

— ...Я видел тебя во сне, — шепчу я. — Святой истинный крест! Неделю назад, в то самое утро, когда мне исполнилось шестьдесят лет.

Катя поднимает на меня глаза, выражение которых я не могу рассмотреть в темноте.

— В самом деле? — переспрашивает она. — И что мы делали?

— Занимались любовью. Чтоб мне подавиться.

— И как все прошло?

— Замечательно, — уж я не стал уточнять, что дело было в больничном морге. — Также, как сейчас. Только тогда тебя звали Аделаидой.

— Может, всё-таки это была не я?

— За кого ты меня принимаешь? Неужели я бы тебя не узнал?

Пока Катя на кухне мыла яблоки, в ее энциклопедическом словаре я отыскал «Гистологию». Оказывается, есть такое слово. Могу поклясться, что раньше я его не слышал. Разве что в бессознательном состоянии, опять же во сне. Или его повторяла беременная мною мать. Но она сроду не училась никакой медицине...

Валентина Филипповна позвонила около полудня. Ничего не соображая спросонья, я вывалился из постели и метнулся в прихожую к телефону. Кажется, я не сразу проснулся. Вроде бы, сквозь сон довольно долго доносились звонки.

В трубке заквакал знакомый до тошноты голос Валентины Филипповны Клепиковой. С чего я взял, что это Катя?

— Сколько времени? — спросил я, откашливаясь.

— Почти двенадцать.

Вот именно, Катя в это время не звонит, но спросонья мне показалось, что я проспал до вечера.

— Ты, что ли, еще спишь? — догадалась бухгалтерша.

— Нет, Так, задумался... Что новенького?

— Ничего особенного... Встретимся сегодня?

Как только из трубки прорезался голос бухгалтерши, я начал соображать, как бы потолковее отмазаться от свидания, но голова спросонья варила неважно.

— Э... сейчас соображу, — я пытался выиграть еще пару мгновений, продолжая в задумчивости прочищать горло покашливаниями.

— Ты что, заболел?

О, идея!

— Так, слегка. Простыл, что ли...

— В такую жару умудрился простыть?!

— Воды холодной попил из холодильника.

— Вон как... Ты при смерти или пока нет?

Ничего не попишешь, ироническая женщина... Скажешь — при смерти, примчится, чтобы застать в живых и снабдить парой напутственных слов. Или приветы начнет передавать ранее усопшим родным и близким... Скажешь — ничего страшного, значит можно встречаться.

— Пока нет, — с сожалением признался я.

— Я с улицы, из таксофона звоню, а жетончиков больше нет, — заторопилась Клепикова. — Разговор есть. В общем, после работы зайду. Принести чего-нибудь?

Чего-нибудь — это, надо полагать, шампанское с апельсинами. Потом ее потянет на секс...

Я сходил в туалет и вернулся на диван к смятой подушке. Лег, накрывшись простыней, и подумал о Кате... И душа сразу превратилась в цветущий луг под теплым весенним солнышком...

...В состоянии полуобморочной влюбленности я живу уже две недели. Любовь — медленно захлопывающийся капкан. Возможность выдернуть душу и убежать пока еще есть. Многие так и поступают. Выдергивают и живут без боли. Но без боли — вовсе не значит, что это и есть счастье. Надо рисковать и ждать до последнего, пока ржавые зубы любви не вопьются в сонную артерию. А дальше — как повезет. Правда я лично не слышал, чтобы кому-то везло. В лучшем случае в капкан попадают двое, и кровь любви медленно вытекает из обоих. Хотя, тоже мне лучший случай! Дерьмо! Наблюдать, как в тебе засыхает любовь — утомительное, скучное, бесполезное занятие...

Не только я, никто не слышал, чтобы кому-то повезло. Александр Грин умер, не дописав историю странных взаимоотношений деревенской дурочки и сына миллионера. Но и без окончания все так печально. Слова повести капаят, как слезы. А оптимизм паруса из алого шелка — такая, же формальность, как налоговая декларация для новых русских... А если бы дописал... То никого бы не удивил... Грэй возвращается домой вечно пьяным, Ассоль — нечесанная в неглаженном халате, склоки, ругань...

Но... Если мы все ищем вечную любовь... Сколько уже лет?.. Не зря мне папа заезжал дневником по морде — надо было учить историю... Миллион лет, пятьдесят тысяч лет — какая разница?.. Если мы все так долго ищем, значит есть, что искать. Значит кому-то должно повезти. Почему бы не мне? Надо рисковать. Цена выигрыша необычайно высока.

Почти каждый раз я ночую у Кати. Один раз она приходила ко мне в гости... Мне лично все равно, где встречаться... Наверное, мой дом показался ей не самым уютным гнездышком на свете... Катя дала мне ключ, и под вечер с пакетом продуктов я отправляюсь в ее пустую квартиру.

Моя фамилия Кузнецов, а не Макаревич, сроду я не гонялся за кулинарными изысками. То есть, съесть-то изыск я съем с аппетитом, но чтобы самому слепить и обжарить — не особенно. А тут вдруг начал изобретать блюда — какие-то половинки картофеля, запеченные в соусе из тринадцати составляющих, или замороженные грибы, смешанные со свиными стружками и, как ни странно, с томатами — чтобы вечером покормить вернувшуюся с работы Катю. Прямо странный женский кайф — приходит муж с завода, а ты ему на стол выкатываешь тарелку лоснящегося от жира борща и свеженькие, брызгающие маслом котлетки с картофельным пюре и никакого дополнительного секса уже не нужно. Сначала Катя очень мило удивлялась. Я, говорит, привыкла перекусывать на работе бесплатно, поэтому дома не ужинаю. Но очень скоро и она стала находить удовольствие в моей стряпне... Правда она возвращается поздно, а говорят, наедаться на ночь вредно. Не знаю, не знаю, я всю жизнь плотно ужинаю и пока не умер.

Минут пятнадцать перед сном мы смотрим телевизор. Обычно Катя говорит, что устала и хочет спать, но сразу заснуть опять же не удастся, потому что еще почти час мы занимаемся сексом. Офанно, что мне удастся жить в таком режиме уже две недели без всякой «Виагры», но я люблю Катю, и у меня на нее встает без проблем, как в детстве. Даже когда ее нет. Я готовлю для нее ужин, и уже встает, потому что я представляю, как она будет есть и хвалить. И ей моя геперсексуальность пока тоже не в лом. Хотя для нее это, может, вовсе и не гипер... Но, в общем, я чувствую, что ей нравится. И хватает.

...Проходит время любви, и она засыпает, а у меня не получается. Всю ночь лежу, боясь лишней раз шевельнуться, и не могу уснуть. Будто рядом мина, и каждую секунду она может взорваться. Не помню, чтобы со мной такое раньше случалось... А днем у себя дома отсыпаясь.

Однажды я сказал: «...Если бы я предложил выйти за меня замуж?» Катя сказала: «Если бы предложил, я бы подумала и согласилась». Я сказал: «Ты с ума сошла, ведь мне шестьдесят лет, я скоро умру»... А она: «Не говори глупостей».

Кто я для нее? Сексуальный гигант? Хрен. Получается, что денег у меня все-таки чуть-чуть побольше. У нее со всеми «халтурами» выходит не больше тысячи. Но она же красавица, может найти мужчину пообеспеченнее. Если вопрос в деньгах. А если не в деньгах, тогда в чем? Замкнутый круг. В последнее время я почти перестал нагревать на этот счет голову — все равно решения нет. Счастье есть, и на решение пока плевать.

Я думаю теперь вот о чем: сколько это продлится? Вдруг Кате надоест? За две недели мы ни разу не поссорились. Так не бывает. Ни одной даже самой пустяковой размолвки. Она — это я. У нас все совпадает. И даже мы вдвоем лучше, чем я один. Нельзя же быть постоянно довольным собой... Как это будет — когда мы первый раз поссоримся? Крушение поезда или пустячок? Не хочу с ней ссориться убоюсь любой размолвки. В день, когда мы первый раз поссоримся, начнет умирать любовь.

...Интересно, что ей никогда не звонят по телефону. В смысле — молодые люди, потенциальные или реальные ухажеры.

«Я же сказала, что у меня никого нет, — объяснила она в ответ на мои осторожные намеки, — а те, кто был, давно сплыли».

Две недели я пропадаю у Кати. «Беретта» с глушителем в это время занимаются скучной, бесшумной мастурбацией на антресолях по соседству с прикорнувшим узбекским ТТ.

План ограбления практически готов. План вполне примитивный, и в простоте его главное достоинство. Правда я до сих пор не могу отчетливо представить финальную стадию. Вот я поднимаюсь с набитыми сумками... С подозрительным выражением на лице навстречу выступает дородный привратник. Если он один в холле, тогда вопросов нет. А если полно народу? Стрелять в каждого? Положиться на здравый смысл мирных граждан, которые не станут бросаться с голыми руками на вооруженного бандюгу и спокойно пропустят к выходу? Но опять же сразу поднимут вой и убежать станет в сто раз сложнее. А Клепикова как раз переживает, что так почти не складывается, чтобы в холле никого не было.

...Но я почти не думаю про план и про привратника.

Пока мне хватает денег, чтобы к ужину купить продуктов и хорошего вина. Зато я думаю вот о чем... Полжизни я высиживал мысль про свои гнилые страхи и некую абсолютную свободу, которую, якобы, можно заполучить на исходе шестого десятка. И вот когда, казалось бы, окончательно высидел, повстречалась Катя. И я начал сомневаться. Ведь и сейчас, без убийств и ограблений, без Африки и пальм, купающихся в лучах заката, я нашел то, чего по случайности или некоему высочайшему расчету был лишен всю жизнь.

Точно, точно так: тот, кто следит за мировым порядком и за тем, чтобы уровень пролитой человеческой крови не превысил определенную отметку, контролировал меня вполглаза, не обременяя себя решительными мерами, пока я не обзавелся двумя стволами и не выработал окончательный план ограбления со смертоубийствами. Тут этот, не знаю кто, счел необходимым вмешаться, предприняв некие Элементарные и необременительные для себя действия, а именно выставил на моем пути танцовщицу варьете. И таким простым ходом решил и мою, и свою проблемы.

Больше не хочу никого убивать и грабить, не хочу никуда уезжать. Что я потерял в Африке, когда в Новосибирске есть Катя? Хочу жить, как живется сейчас, любить, чувствовать взаимность и умереть на Катиных руках. Она выйдет за меня замуж, и мы никогда не будем ссориться...

...Самое главное — меня снова раздирает страх! И еще какой! Боюсь остаться без Кати...

Как и предполагалось, Валентина Филипповна явилась с шампанским и апельсинами, но, кроме того, и с дешевым молдавским коньяком персонально для меня, а это означало далеко идущие планы — что она рассчитывает на секс.

...За последние две недели с Клепиковой я встречался дважды. Она заходила под вечер, но на ночь не оставалась. И хотела бы, но я делаю вид, что все мои силы отнимает подготовка к ограблению. Бухгалтерша верит, уходит, отпуская циничные шуточки, но в ее направленных на меня взглядах светятся страх и восхищение.

Мы сидим, и я угрюмо цежу мерзкое пойло. Валентина Филипповна тоже как шампанского в рот набрала. Тупая, блин, ситуация. Мне ей сказать совершенно нечего, а она-то чего молчит?

— Тебе не кажется, что в последнее время между нами что-то происходит? — наконец-то прорезалась в ней инициатива.

Ничего умнее придумать не смогла! Еще как кажется! Но я лениво пожимаю плечами и цыкаю зубом, вроде — с чего вдруг такие выводы?

— Может, ну их к черту, эти деньги?.. Что ты молчишь?.. Ты с этим ограблением вообще скоро чокнешься... Давай плюнем? Известно ведь, что не в деньгах счастье. В конце концов я и на двоих заработаю...

Да уж, перспективка разворачивается.

— Перестань, — возражаю я. — Решили, значит надо грабить... А я, действительно, того, что-то чересчур загрузился... Тут ты права. Надо встряхнуться и назначать день...

Мы отпиваем каждый из своей посуды. Я выпил уже граммов сто пятьдесят, но опьянения пока не чувствую.

— ...Знаешь что, — Валентина Филипповна обводит меня испытующим взглядом. — Даже не знаю... Сначала хотела не говорить... Но уж скажу... По крайней мере так честнее... В общем, я сегодня услышала случайно... Шеф разговаривал... В общем, кажется, контора скоро переедет... Вроде бы, по аренде не договорились, не продляют договор...

— Какая контора? — не сразу сообразил я.

— Да наша же.

Я насторожился:

— Когда переезжает?

— Точно не могу сказать... Но по документам срок аренды заканчивается через две недели.

— Уже через две недели!?

— Я же говорю, точно не знаю. Может, еще продлят аренду. А может, вообще за два дня свернемся. Ну не за два дня, ну к концу следующей недели... В общем, не знаю... Может, не стоило говорить... Все бы само собой прошло...

— Сегодня что?

— Четверг.

— А деньги еще на месте?

— Пока, вроде, да.

— Вроде?

— Ну, почти наверняка. Сегодняшнюю наличку обычным образом отправили...

Я задумался. Валентина Филипповна встала, обойдя стул и вздохнув по-коровьи, навалилась на меня сзади, уткнувшись губами не то в щеку, не то в ухо...

Главный вопрос: на самом ли деле я хочу ограбить «Коалу»? Или моя мечта — мирно дышать рядом с Катей? Но ведь я знаю, что у нас нет будущего. Как у всех влюбленных. Как нет и не было будущего у Ромео и Джульетты, Онегина и Татьяны, Анны Карениной и Вронского, Ассолы и Грэя. А вдруг есть? Кретинизм ситуации в том, что безумная надежда на удачный исход любви заглушает доводы разума, даже когда тебе шестьдесят и жить-то осталось с гулькин нос. А с деньгами гораздо проще, никакой двусмысленности — или они есть, или их нет.

— Что ты решил? — нежно прошептала Клепикова.

— Во вторник. Мы это сделаем. Вернее, конечно, я сделаю. В случае какой-нибудь фигни, ты ни при чем.

— Я пойду за тобой, куда ты захочешь.

А вот это уже лишнее.

— Посмотри...

Она вытянула руку, и перед моим носом закачался тяжелый солидный ключ сейфовой конфигурации.

— Это от подвала, где деньги лежат?

— Ну, не совсем. Это от той двери, которая в подсобке. Помнишь, я тебе рассказывала — старая дверь, которая лет сто не открывалась?

— Конечно, помню. Где взяла?

— У женщин свои секреты, — игриво пропищала Валентина Филипповна, как бы подражая молоденькой невесте из рекламного ролика про майонез.

— А если серьезно?

— Если серьезно, пока не хочу это обсуждать. Представился случай. Совершенно неожиданно. Правда, пришлось пойти на жертвы...

— Какие жертвы?

— Пусть это тебя тоже не волнует. Когда-нибудь расскажу про все... Нет, не подумай, ничего такого. Ну, сейчас не хочу говорить, вот и все.

— Да? А ключ-то точно подходит?

— Сто пудов!

Глупо звучит, когда пожилые солидные бухгалтерши ни с того ни с сего переходят на язык тинэйджеров.

— Там, поди, замок проржавел...

— Замок в порядке.

— Откуда ты знаешь?

— Можешь мне довериться.

— Но ведь все равно через эту дверь нельзя войти, — в задумчивости пробормотал я. — Охранник услышит...

— Зато можно выйти... Там подвал кафе. Мимо кухни, и сразу на улицу...

Справедливое суждение. Ключ упрощает проблему. Я и сам долго ломал голову над странной дверью, которой не пользовались лет сто. Прикидывал, нельзя ли, пробравшись в подвал кафе «Лебедь», что-нибудь сделать с замком. Например, сломать при помощи заготовки из твердого сплава и рычага, а потом отверткой можно было бы запросто отодвинуть язычок замка. Но такую немудреную слесарную операцию невозможно

провернуть бесшумно. А шуметь нельзя. Как я ни ломал голову, так и не сломал до конца... Умница-бухгалтерша решила задачу за меня. И все же откуда взялся ключ, и почему она уверена, что дверь непременно откроется?

— Пойдем в комнату, — проворковала Валентина Филипповна.

...Скажем, женщина дарит вам ключи от «Мерседеса», неужели вы не переспите с ней хотя бы в знак благодарности? Какое бы отвращение я не питал к Клепиковой, после ключа оттолкнуть ее было верхом цинизма. Или неосторожности... К тому же ключ был не от машины, а от двери, ведущей в мир абсолютной свободы, пальм, бананов и тех же машин...

Я поплелся в комнату и безучастно наблюдал за тем, что со мной проделывала соскучившаяся по мужским ласкам бухгалтерша...

— Миша, а ты меня не оставишь? — заводит она старую песню. — Уедешь и не позвонишь...

— Не говори ерунды, — лениво возражаю я...

...И тут у входной двери зазвенел звонок. Я лично воспринял, его с тем же энтузиазмом, с каким, должно быть, зэк встречает утро волшебного дня, когда заканчивается пятнадцатилетний срок заключения. В четверг в девять вечера мог прийти кто угодно. Филимонов — выпить «маленькую», сосед — занять пятерку, водопроводчик — проверите, кто затопил жильцов снизу, почтальон с телеграммой от гиппопотама, нищая беженка с закопченным ребенком. Прийти мог, кто угодно, только не Катя, у которой в девять часов на работе начинается самый сенокос. Поэтому я резво, даже резвее, чем в такой ситуации позволяют приличия, скатился с дивана, натянул трико, распахнул дверь и больно ударился взглядом о... Катю.

Радостно улыбаясь, она шагнула в прихожую.

— Держи, — она протянула пакет, в котором угадывалось шампанское с апельсинами. — Не ожидал? У нас, представляешь... В общем, позвонил какой-то детский голос и сказал, что кафе заминировано, и сегодня взорвется. Сначала посмеялись... Потом милиция приехала, короче начальство решило от греха подальше объявить санитарный день. Сейчас там как раз бомбу ищут... А я решила тебе сюрприз сделать... Фигня, конечно. Ничего они не найдут... Поставь в холодильник, а то теплое, как чай...

Светясь от радости, словно розовый елочный шар, она протягивала мне пакет с шампанским.

Сюрприз удался на славу.

У нас в армии... дай бог памяти, в каком году... да какая разница?.. был такой ужасно тормозной боец... в деревне воспитывался, среди вековых лесов, вечно спящих полей и задумчивых коров, а командиром роты у него был, наоборот, ленинградский капитан, ужасный выдумщик, большой любитель нестандартных вводных... И однажды капитан перед этим «тормозом» ставит теоретическую задачу: «Представь, — говорит, — ты лезешь по стене на пятый этаж, чтобы вытащить из огня маленького дошкольника, и, когда заглядываешь в окно, видишь, что в тебя летит топор... Твои действия?» «Так, — задумывается «тормоз». — Задание понятно... Значит, в меня летит топор... Что делать?.. Мои действия... Летит топор...» В таком роде он размышлял долго, может быть целую минуту...

Так же и я. Наверное, можно было что-нибудь придумать, но только не с моими медленными мозгами. Я просто стоял и дожидался, когда топор треснет по лбу...

На ходу расстегивая босоножки, Катя сделала еще один шаг, и перед ней открылась

комната с разобраным диваном, сбившейся в комок простыней и раздетой и распаренной Валентиной Филипповной...

...Я прожил сто лет, ни разу не оказавшись в ситуации, о которой сложено столько анекдотов. Точно, я всегда думал, что про меня можно фильмы снимать, как про Штирлица. Моя осторожность и предусмотрительность вызывали во мне законную гордость и даже восхищение. Нельзя сказать, что я так уж активно изменял жене или своим подружкам... Но ведь изменял и ни разу не попался на такой туфте! А оказывается, нельзя перейти море, не замочив ног... Ах, если бы теперь меня застала с любовницей жена, вот было бы счастье — так мне казалось. Но ведь это Катя — больше, чем жена, больше, чем жизнь. Катя — больше, чем жизнь. Катя — больше, чем смерть...

Счастливая улыбка на Катином лице теряла очертания... Точно так же когда-то давно посреди моря на земле был один материк, а потом бешеные силы разорвали его на части и растащили куски далеко-далеко по разным параллелям и меридианам.

Два топора летели с двух сторон. Может быть, Катя и не была для меня больше, чем жизнь, потому что я даже не мог решить, перед кем начать оправдываться — перед Катей или Валентиной Филипповной? Я не мог потерять деньги, и я не мог потерять любовь. Но ведь любви не существует, или по крайней мере она живет лишь шесть секунд на фоне вечности, а деньги... Кто посмеет сказать, что их нет?

— Ой! — сказала Катя. — Я помешала?

Я тупо принял из Катиных рук пакет с вином и фруктами.

— Нет, почему же?.. — холодно осведомилась Валентина Филипповна, завертываясь в простыню и не теряя при этом достоинства.

Ее грудь была похожа на две гнилые дыни. Мне стало стыдно.

— Извините, — сказала Катя, покраснев.

— Проходите, проходите, — гостеприимно приглашала Валентина Филипповна.

— Я помешала? — переспросила Катя уже гораздо более решительным тоном, глядя на меня в упор.

Что мне оставалось?..

— Я тебе позвоню, — пролепетал я.

Пакет с шампанским остался в моих руках.

Я не большой гурман, мне все равно, что пить, но с недавних пор я не люблю шампанское под апельсины. А еще ненавижу идиотов, которые звонят и выдумывают разные взрывные устройства. В Новосибирске чаще всего «взрывают» школы. Чертовы двоечники! Несколько раз «взрывали» вокзал. Рестораны-то им чем помешали?

— Кто это? — осведомилась Клепикова, когда Катя выбежала вон.

В ее голосе острыми иглами сверкал лед. А я еще ничего не успел придумать.

— Что ты так возбудилась? Я ж говорю, это дочь моего друга. По фамилии Филимонов... Я тебе рассказывал. Он артист в «Глобусе».

— Про артиста помню, а про дочку ты ничего не говорил.

— А и говорить нечего. Ну, она ко мне забегает иногда по пути... У нее ко мне детское чувство. Детская влюбленность. Да так, ерунда... Между нами никогда ничего не было. И быть не могло. Во-первых, она дочь друга, во-вторых — ребенок. Я разве похож на педофила? Ну, ты посмотри на меня. Мне шестьдесят лет. За кого ты меня принимаешь?

...Зато я очнулся от спячки. Любовь — фигня. Никогда больше при мне не произносите этого слова. Больше всего меня изумляет, что люди могут купиться на это даже на старости лет...

Погода в субботу весьма благоприятствовала самоубийству. Весь июль стояла жарница, а тут вдруг завертелись злые вихри. В такой день приятно прощаться с жизнью — ветер, мелкий холодный дождь, грязное одеяло мчится по небу, как обколотый дерьмом Бен Джонсон. Недовольные сырые люди по улицам ползают, как тени... Пока было тридцать пять в тени, всем хотелось сырости и прохлады. Когда похолодало, выясняется, что это опять никому не нужно.

...С утра я заехал домой за Филимоновым. В гастрономе на «Башне» мы взяли две бутылки водки, а на закуску — колбасы, сыру, баночку маринованных огурчиков и невесомую вакуумную упаковку копченого акульего мяса за девяносто тысяч.

— Ты че, дурак? — возмутился Филимонов насчет экзотического иностранного изобретенья. — Лучше еще колбасы.

— С сегодняшнего дня... я буду кушать за обедом... маленьких акул! Шестидесят лет изо дня в день — суп из свеклы и картофельное пюре. Теперь все позади. Теперь только акулы! Акулы, черепахи, лягушачьи окорочка, кокосы, и ничего больше. Понимаешь? Или лягушки, или ничего. Такой должна быть жизнь... Правильно я говорю?

Последний вопрос я адресовал юной особе за кассовым аппаратом, перед которой мы выкладывали покупки.

— Что? — переспросила сонная девушка.

— Говорю, есть нужно или лягушек, или ничего.

— Вы имеете в виду лягушачьи лапки? Я не пробовала. Да их у нас сейчас нет. Уже месяца два не было — не завозят. А когда были, их и брали неважно...

Ничего удивительного. Странно было, если бы у новосибирцев, сизмальства приученных к картофельным клубням, повышенное слюноотделение вызывали скользкие франкоговорящие амфибии. Да и недешево.

— ...Говорят, похоже на курицу, — напоследок поделилась информацией кассирша...

По скользкой глиняной дороге на своем «шиньоне» я подполз к берегу Оби в Бугринской роще. Три-четыре мокрых идиота с рыболовной снастью маячили у кромки воды. Что там поймал? В такую погоду рыба из дома нос не высунет.

Подобно Петру Первому из одноименного стихотворения Пушкина, я стоял на обрыве рядом с машиной и вниз глядел. Филимонов приоткрыл дверцу, но выходить под дождь не спешил.

— Если бы я был тебе настоящим другом, — сообщил он, — то вызвал скорую психиатрическую помощь... Была бы хоть погода нормальная. Может, перенесем заплыв? Через пару дней солнышко вернется...

— Все вернется... — задумчиво пропел я строчку из песенки беззубого певца Шуры...

...Только Кати никогда больше не будет. А может, оно и к лучшему...

— Миша, одумайся, — уговаривал Филимонов. — Лучше выпьем. Отгоним машину и начнем. Закусочка. — прелесть. Акула... А? В такую погоду не плавать надо, а водку пить. А то может статься, что и пить некому будет.

— Ну уж некому. Если не выплыву, то завещаю водку тебе. И машину.

— А квартиру кому? — заинтересовался лучший друг.

— Хрен ее знает. Я завещаний не писал. Хочешь, себе забирай.

— Кто же мне отдаст без завещания?

— Давай я тебе прямо сейчас напишу. Хоть вот на газете.

— Без нотариуса не поверят. Даже наоборот, заподозрят. Скажут: это ты перед тем, как утопить, заставил лучшего друга подписать...

Насчет завещаний мы оба шутили. А плыть мне уже и самому не хотелось. Чтобы и в самом деле не передумать, я начал раздеваться.

— Значит, как договорились, — напомнил я Филимонову. — Ждешь на набережной сразу за мостом. Если будет дальше сносить... ну, там проконтролируешь по обстановке.

— Не переживай, не прозеваю, — Филимонов похлопал себя по карману, где лежал древний театральный бинокль.

Я сполз с мокрого обрыва и решительно, словно атомный ледокол «Ленин», пошел в воду. Филимонов, стоя у «шиньона», провожал меня в последний путь взглядом. Когда на поверхности останется только моя голова, он поедет на место финиша, чтобы на другом берегу водкой и акульим мясом встретить уставшего, но довольного пловца.

...После пронизывающего ветра вода производила впечатление парного молока. Или скорее разогретой водки — от погружения у меня даже слегка качнулись два полушария в голове...

Я как-то уже обмолвился, что всю жизнь мечтал переплыть через Обь. Ну, не то, чтобы мечтал, а так — примеривался. А вообще, максимум через что я переплывал — это через Иню в самом узком месте возле Тогучина. Пловец я никудышный, просто во мне живет уверенность, что нормальный человек способен продержаться на воде, сколько захочет, а народ тонет элементарно из страха. Из-за этого самого страха раньше я и не замахивался на великую сибирскую реку. Но теперь-то страх исчез. Или вернее появилась конкретная и очень простая альтернатива: или я живу без страха в свое удовольствие, или Лучше умереть. Смысл сегодняшней акции заключался не то чтобы в проверке самого себя, а в импульсе. Захотелось убить, значит стреляй, захотелось переплыть, значит сбрасывай верхнюю одежду — такой должна быть настоящая жизнь.

Каждый год в Новосибирске устраивается массовый заплыв через Обь. Об этом всегда сообщают в прессе. Пишут, что участвуют старики и дети, в том числе чуть ли не десятилетние. На всякий случай на коротком фале все тащут за собой резиновый спасательный круг. Я поплыл без круга, но выбрал тот же самый опробованный маршрут. Если выныривать возле моста, длина пути получается около трех километров. При этом от берега до берега выходит километр, да два километра тащит река. Это все примерно. Точнее мог бы рассчитать автор теоремы про квадрат гипотенузы, но он давно умер.

С самого начала я выбрал самый тупой курс — перпендикулярно к берегу, а там уж куда вынесет... Перед глазами невдалеке маячил остров — то ли Отдыха, то ли Коровий, то ли Кораблик. На Оби в районе Новосибирска все островки имеют одно из трех названий. Считая гребки и не поднимая глаз, я плыл кролем. Интересно, один взмах рукой продвигает меня хотя бы на метр? Наверное, меньше. Даже длина шага по гладкому асфальту меньше метра.

На сотом гребке я позволил себе определиться на местности. Остров почти не приблизился, зато сдвинулся вправо. А берег с Бугринской рощей казался далекой, давно

покинутой родиной. Странный оптический эффект. В руках уже чувствовалась усталость. В этом году я еще ни разу не был на пляже. Когда вообще последний раз плавал? В прошлом году, дай Бог памяти, в начале июня что ли. Помню, вода была холодной. Или это было в позапрошлом году?

Я бросил счет и перешел на неспешный брасс, стараясь дышать ровно... Есть такое народное средство от бессонницы — считать до тысячи. Опасно: досчитаю до тысячи, усну и проснусь только под Ташарой.

А Коровий-то все-таки поддается. Вот уже болтается рядом. Кустарник гнется и кипит сырой листвой. Можно выйти на берег, передохнуть. Кстати, в правилах заплыва через Обь выходить на остров не запрещается. А я себе могу позволить? Не будет ли нарушена чистота эксперимента? Наверное, будет. И разве я так уж устал?

Пока я сомневался, течение отбросило остров вверх и передо мной открылись бескрайние просторы вод. Где мост? Проклятье! Мост исчез! Расстворился в дожде. Волны заливают глаза. Далеко впереди угадывается полоса правого берега. Но я не могу сориентироваться. Главный ориентир, двенадцатиэтажная гостиница «Обь», словно провалился под землю. И последняя — «Коровья» — надежда уползает в воду, словно «Титаник». Уползла.

Я перевернулся на спину. В этом положении я могу продержаться сколько угодно. Если слегка перебирать ногами, рано или поздно выплывешь. Пускай не возле моста, пусть хоть в Заельцовском парке, главное, что не утону. Но сегодня лежать на спине тяжело. Дыханье сбивается, приходится дергаться, чтобы вынырнуть из накрывшей волны. Отдых не заладился.

Я остался один. Это и есть смерть. Об этом я и мечтал — или жить, или умереть. Во мне нет страха перед смертью. Есть только усмешка... Смахивающая на гримасу штангиста под рекордным весом.

Я один среди волн. Гордый буреветник, черной молнии подобный... Чем сейчас занимается Катя? Проснулась, лежит и потягивается, выгибая бархатную спинку. И не задает себе вопроса: чем занимается отставной подполковник Михаил Павлович Кузнецов? Конечно нет. Между тем подполковник посреди реки хватает ртом разорванный на куски ветер. Глупая картина.

Вроде, похолодало. Странно, что вода больше не кажется теплой. Холод подбирается снизу и опускается сверху. Такое чувство, будто на волосах выступил иней. Я в тисках холода. Сколько прошло времени?

...Я позвонил Кате, как только ушла Клепикова. Часов в десять. И звонил каждые полчаса до полуночи. Потом пошел к ней домой, но за ее дверью притаилась тишина. И снова звонил по телефону до четырех часов, пока на улице не засветился новый бледный день. Наверное, она нашла занятие повеселей, чем сидеть дома в одиночестве... А вечером в пятницу я пришел в кафе «Лебедь». На секунду выглянув из уборной, где девушки меняют костюмы между номерами, Катя сказала, что больше не будет со мной встречаться.

Я пытался объяснить, дескать, все не так, как она думает.

Она сказала:

— Мне все равно, ошибаюсь я или нет. Просто не хочу с тобой встречаться... Все, мне надо переодеться...

...Не попрощавшись, она скрылась за дверью. Здесь же в коридоре неподалеку болтался паренек, не то здешняя секьюрити, не то приятель какой-нибудь из танцовщиц, скорее всего

поддавший. Гадко ухмыляясь, он заметил:

— Что, дед, на молоденьких потянуло?

Надо было съездить ему по морде. Но вряд ли я против него продержался бы больше пяти секунд. В таких случаях надо сразу стрелять, но пистолета не оказалось под рукой.

Главное, что, разговаривая со мной, Катя держалась так же непринужденно, как жареный окунь на блюде. И ее спокойствие лучше всяких слов сказало мне, что здесь ловить нечего. Никогда она меня и не любила. И любить не могла. Просто вышло недоразумение...

...Ноги все время задевают какую-то скользкую ерунду. Плавучие водоросли? Кто тут водится посреди реки? Жареные окуни. Из зеленой пучины за мной наблюдает мерзкая тварь, огромная глубоководная мокрица, питающаяся человечинной. Пока что она легонько скользит по моим ногам длинными щупальцами, прикидывая, как получше ухватить.

Скорее всего, это фантомные прикосновения, выдуманные. Или маленькие рыбки играют. Здесь же не Шотландия. У нас таких подводных чудовищ, как там, не водится. Сибирь вообще очень спокойное место. Здесь только комары. Нет, есть еще клещи, зараженные энцефалитом, но они живут в траве, а не в воде. Странно, что вздорные страхи возникают у взрослого человека. Точно, что все мы родом из детства. Живем и умираем детьми.

Да уж лучше бы кто-нибудь в самом деле уволок на дно. Сколько можно барахтаться на одном месте? Волны тащут в разные стороны за руки и ноги...

Берег вынырнул из воды в виде серой полосы. Рядом. Еще взмахов сто. И сразу же я понял, что не в состоянии сделать ни одного... Это набережная между речным вокзалом и старой пристанью «Октябрьской». Еще не хватало утонуть в центре города... Я всегда был уверен, что вода держит человека, что на ней можно лежать, как на матрасе. Но оказывается, это при условии, если в человеке осталась хоть капля сил. Вода, словно разумное существо, не трогает пловца, пока чувствует в нем силу. А как только сила исчезает, начинает тянуть вниз, засасывать в зеленое нутро. А на ногах — гири.

Если бы на набережной были люди, кто-нибудь мог броситься на помощь. Не успеют, никто не успеет, даже на моторной лодке. Идет дождь, на берегу никого нет. Но ведь хотя бы должен быть Филимонов со своим биноклем. Куда он смотрит?

— Помогите! — крикнул я.

Но крика не получилось. Волна залепила рот. Вода не только снаружи, но уже пробирается внутрь. Кашляя, я успел сделать еще несколько бессмысленных движений — точно так же хлопает крыльями петух с отрубленной головой.

В этом году, опасаясь весеннего половодья, гидрологи сбросили слишком много воды из Обского водохранилища. Об этом рассказывали в передаче «Панорама». А никакого половодья не случилось. То ли снега на Алтае оказалось меньше, чем ожидали... А потом редкостная жара полтора месяца иссушала реку. Кончилось тем, что уже в середине лета даже навигацию пришлось ограничивать из-за сильного обмеления...

Простившись с незаладившейся жизнью, я пошел на дно, только путь оказался неожиданно коротким — через мгновение отмель ударила по коленям. До бетонной стены набережной оставалось еще метров пятьдесят, но там уже было по пояс.

Я не жадный, а хозяйственный. Мне не жалко двадцати тысяч долларов, когда корячится миллион. Но у советских граждан с квартирным вопросом всегда были особые отношения. К тому же я свою новосибирскую квартиру не покупал, ее полжизни зарабатывали мои родители, царствие им небесное. Бросить родительский дом просто так — это все равно, что разорвать и втоптать в грязь фотографию отца с матерью.

В воскресенье под вечер я созвонился с барахольным Димой Сердцевым и сказал, что срочно хочу продать свою жилплощадь.

— Ты меня в последнее время изумляешь, — хмыкнул Сердцев. — Кстати, решил тогда свой вопрос?

Он имел в виду пистолет.

— Да. Только ты уж особо не распространяйся...

— Перед кем мне распространяться? Это я так спросил. Просто странные у тебя в последнее время идеи. Вроде и весна давно кончилась...

— При чем здесь весна?

— Весной же обострения случаются у... всяких нестабильных личностей... Ладно, не обижайся. В чем проблема-то? Обращайся в агентство, и все дела... Например, в «Ново-Николаевск». Поди, не обманут.

На Сердцева глупо обижаться. Он человек не злобный, просто любит насмешничать. В том числе и к себе иронически относится.

— Никогда раньше не приходилось, — объяснил я. — Сколько там вообще-то времени требуется?

— Смотря сколько запросишь... Ну, месяц, ну, два...

— Ничего себе — месяц! Мне на следующей неделе надо.

— Нереально.

— Я так и думал, что нереально. Поэтому тебе и позвонил. Может, ты купишь — я подешевле отдам.

— Мне-то зачем? Мне пока хватает. А прибавления в семействе не предвидится. Нет, то есть я-то еще мог бы, да жена, наверное, не согласится...

— Перепродашь потом.

— Логично. А что значит — подешевле?

— Ну, моя двухкомнатная стоит тысяч сто тридцать-сто сорок. Тебе отдам за сто — сто десять.

— Сначала нужно говорить: сто десять, а потом, если я не соглашаюсь: сто, — научил Сердцев. — А насчет верхней планки, это весной твоя конура столько стоит, если какой-нибудь... нестабильный заинтересуется... За сто десять продать можно, и то, если не спешить. А я... ну... за восемьдесят возьму. Чтобы тебя выручить.

— Уж ты выручишь... Девяносто.

— Восемьдесят пять.

— Идет.

— Тогда, если завтра плотно займемся, где-нибудь к пятнице-субботе оформим.

— Нет, — испугался я. — Мне ко вторнику надо.

— В карты продулся? погоди, ты скажи, если у тебя проблемы, может, вместе

посоображаем? Старики должны держаться вместе. На тебя никто не наезжает?

— Нет особых проблем. Все в пределах нормы. Просто надо.

— Понял, не дурак. Но до вторника не успеть. В одном БТИ три дня провозятся. А еще в домоуправлении надо справки брать, а еще в налоговой. До вторника даже на самолете не успеешь...

Я заметно приуныл. Не то чтобы так уж переживал из-за восьмидесяти пяти тысяч рублей, а просто можно же было заранее побеспокоиться. Если уж я такой крутой, то мог бы быть предусмотрительней. Между тем, чуя мое огорчение, Сердцев размышлял вслух:

— ...Допустим, в БТИ у меня есть «заточка»... Если... В налоговой тоже можно попробовать... В общем так, восемьдесят! И по рукам. Пять лимонов — на дачу взяток и первичные телеграммы.

— Какие телеграммы?

— Ты сколько классов закончил? Так Бендер говорил.

Я записывал, а Сердцев подробно диктовал, какие справки я должен завтра собрать и куда сдать. Справок получалось — вагон и маленькая тележка. Я запаниковал. Тогда на основных этапах мой приятель обещал меня сопровождать. А основными получались все этапы.

— Откуда ты все правила знаешь? — удивился я. — Прямо как настоящий риэлтер.

В наши времена такого слова не было. Поэтому не уверен, что я его правильно произнес. Я сказал так — «реэлтэр».

— Ну, так! — хихикнул польщенный «челнок». — Приходится осваивать смежные специальности... Ну, до понедельника. Встань пораньше, сделай зарядку, почисти зубы «Блендамедом». Клинические испытания доказали, что он не только зубы, но и яйца укрепляет.

Чертов балагур... Как только умудрился дожить почти до шестидесяти лет и сохранить в себе веселого подростка?

...Ни о какой зарядке в понедельник утром не могло быть и речи. В воскресенье я чувствовал, будто меня постирали в машине и с силой отжали. Я и говорить-то мог с трудом. А в понедельник утром вообще лежал словно деревянная чурка. Придурь дается человеку один раз, но зато так много, что ее до смерти не истратишь. Заработал бы миллион, а потом плавал сколько угодно. Хоть через Тихий океан.

Но именно для таких случаев человеку дается и сила воли.

Стеная не хуже коммуниста на допросе в гестаповских застенках, я доплелся до ванной и минут десять стоял под теплыми струями. Стоя под струями, почистил зубы «Блендамедом». А потом еще по привычке нагишом постоял перед зеркалом. В зеркале отражался человек, переплывавший Обь и вообще умеющий добиваться своих целей, если это нормальные мужские цели, а это редкая, редчайшая способность среди народонаселения страны и даже всей планеты. От такой приятной мысли боль в мышцах и прочих суставах пошла на убыль.

После экологически чистого завтрака жизнь завертелась, словно мячик от пинг-понга, пущенный умелой рукой. Не знаю, играет ли Дима в пинг-понг, но в бюрократических коридорах гуляет, как у себя дома. Через домоуправление он прошел, как Гагарин сквозь редкую облачность. Секретарше, еще ничего себе особе — лет тридцати пяти, просто улыбнулся на ходу, а она уже провожала его юношескую походку долгим завистливым взглядом. Что происходило в кабинете начальницы, не имею представления, но только,

завершив короткий прием, та радушно проводила его до дверей, и тут улыбались уже оба. Суровой пятидесятилетней распорядительнице жилищно-коммунальных услуг, которой лично я после одной-двух жилищно-коммунальных встреч старался лишний раз не попадаться на глаза (а если попадался, то подобострастно кланялся), будто в рот всыпали стакан бесплатной малины.

Может быть, жена Сердцева и не согласится на прибавление семейства, зато с другими женщинами проблем бы не возникло.

Бюро технической инвентаризации на улице Трудовой я ненавижу, сколько себя помню. Бычок — смоляной бочок: притронулся рукой и прилип. В БТИ я не был лет десять, но за это время здесь ничего не изменилось. Имеется в виду не интерьер, а выражение тупого, безнадежного ожидания на лицах квартиросъемщиков и квартирладельцев, разбитых на несколько очередей... Не исключено, что десять лет назад за вшивой справкой стояли те же люди.

Одно время мне казалось, что очереди в нашей стране изжили окончательно. Про туберкулез еще при социализме тоже хвалились, что окончательно, а теперь в больницах коек не хватает — уже очередь. Кстати, про туберкулез: говорят, в нашем следственном изоляторе зэки спрессованы плотней, чем быстрорастворимая корейская лапша, но туда, вроде, очередей нет... Нынче летом на Красном проспекте я увидел толпу. Чисто из любопытства поинтересовался. Оказалось, народ стоит в немецкое представительство за визами — то ли насовсем свинтить, то ли проветриться. И вот теперь БТИ... А тут еще жара Пот и вонь. Филимонов прав оказался, как в воду глядел — холодный дождь кончился в субботу к вечеру, а в понедельник вернулся зной.

— Встань сюда, — велел Сердцев, пристраивая меня в одну из очередей за довольно милостивой женщиной лет сорока.

А сам исчез. Время потянулось. Я успел прослушать несколько житейских историй, связанных с актами многоступенчатого обмена, дарения, купли и продажи квадратных метров. Особенно не стеснялись в подробностях толстые бабки, которых в любой очереди больше половины. Интеллигентный юноша с сотовым телефоном сообщил, что раньше в БТИ существовала система платных услуг. Любую услугу оформляли за пятнадцать секунд, называлось — за срочность. Но потом антимонопольный комитет усмотрел в этом нарушение закона, и срочность обратно поменяли на вечность.

Милостивая сорокалетняя подруга передо мной молчала, без конца перебирая кипу бумаг в своих руках. Заглядывая туда от скуки краем глаза, я успел понять, что на нее с мужем приходится две квартиры — трехкомнатная действующая и двухкомнатная недостроенная. Они жили счастливо и, вероятно, небедно, но любовь кончилась... И началась новая, похоже, что у мужа. Теперь люди разводятся и делят квадратные метры. Женщина стояла такая несчастная, что меня прямо подмывало обратиться к ней со словами утешения, в том смысле, что все — фигня, и семья — фигня, и любовь — фигня, и вообще все вернется, тем более, что она такая милая...

Пока собирался, появился Сердцев и к удовольствию позади стоящих выдернул меня из очереди.

— Какой кошмар! — я с наслаждением отхлебнул от горячего вина свободы. — Говорят, раньше здесь было срочное обслуживание — за деньги. Потом его отменили.

По улице Трудовой шагали счастливые свободные от очередей люди, правда всем было жарко.

— Что значит — раньше? — удивился Сердцев. — Оно здесь всегда было. И сейчас есть. Как это можно отменить обслуживание за деньги?! Так-с... Сейчас налоговая... Успеет до обеда.

Мы сели в его неяркую, распаренную «шестерку». Я накинул ремень...

Есть же люди, которые понимают законы миропорядка и умело их используют! Вот он — талант. Сердцев — талантливая натура... А я, наоборот, никогда не умел правильно улыбнуться секретарше в приемной какого-нибудь туза. Улыбался, конечно, как без этого обойтись, если работаешь начальником «Военторга». Но всегда получалось негармонично, и я же первый это понимал. С другой стороны, мне и не нужно улыбаться. Есть люди, использующие законы, — это энергичный балагур Сердцев, а есть те, кто эти законы создает. Я из последней категории... Я вершу для себя свою свободу.

...Возле светофора на углу Орджоникидзе и Красного проспекта, дожидаясь зеленого сигнала, стояла... Катя. В сиреновой блузке и светлой юбке ниже колен. А каблук был тонкий и длинный, а коричневая от загара голень была тонкая и длинная, как башня в Останкино. Длинные юбки — это ее стиль. На невысоком подиуме кафе «Лебедь» танцует девушка в самых, какие ни на есть, откровенных нарядах — кожаных ремнях, трусиках, состоящих из трех нитей и равнобедренного треугольника прозрачной ткани с длиной грани шестьдесят миллиметров, а в остальной жизни — всегда ниже колена. Ниже травы. Травы-отравы. Пенистый поток отравы ударил в голову.

— Притормози, пожалуйста, — попросил я.

— Зачем?

— Остановись.

— О'кей, только свернем за угол. Здесь же нельзя...

— Остановись, я сказал!

Таким голосом на расстреле командуют: «Пли!»

Сердцев испугался и резко утопил тормоз. Позади акульным манером вильнул большой «мерс», в бирюзовой полировке которого отражалась вся полнота жизни.

— Я сейчас, — пообещал я, выбираясь из машины.

Из «мерса» на меня смотрели две пары рассерженных самоуверенных глаз. Однако сейчас полноты жизни во мне было больше, чем в трех «Мерседесах», и ребята сочли за лучшее выругаться внутри машины и не связываться с психопатами из «шестерки». А может, на дело спешили. Как это у них называется — «на стрелку».

— Привет, — сказал я, догоняя Катю.

Я хотел схватить ее за руку, но не решился. С предельным равнодушием она могла сказать «Привет» и пойти дальше, могла вообще ничего не ответить, бросить безразличный взгляд и пойти дальше, могла сказать: «Не подходи ко мне больше никогда» и пойти дальше. Но она остановилась и молча уставилась на меня.

— Мне нужно пятнадцать минут, чтобы с тобой поговорить, — сказал я. — Я не буду ныть и не буду тебя уговаривать. И никогда больше не буду к тебе приставать. Я вообще завтра уезжаю...

— Куда? — спросила Катя.

— Неважно куда, важно, что отсюда и насовсем.

Она пожала плечами:

— Пожалуйста. Хоть шестнадцать. Я имею в виду минут. Мы же не в Государственной думе, где живут по регламенту.

Ей-богу, не ожидал от нее такой отзывчивости.

— Когда ты можешь? — спросил я.

— Да хоть сейчас. Я как раз собиралась перекусить. Можешь составить компанию.

Развернувшись, Сердцев припарковался у кромки тротуара неподалеку и метал вопросительные взгляды.

— А позже нельзя? — я пытался грамотно распределить свое время, чтобы успеть все. — Часа через два или вечером.

— Позже нельзя, — отрезала Катя.

Редкостный идиот! Появляется шанс, а я еще торгуюсь.

Я попросил Катю обождать секунду и подошел к машине Сердцева.

— Ну ты чего?! — возмутился тот. — Время — деньги!

Между прочим, твои.

— Слушай, — таким просящим тоном верующие просят Господа об особой милости, — я не могу сейчас ехать.

— Ничего себе! А что за дела-то?

— Ну, не могу, понимаешь.

— Квартиру раздумал продавать?

— Нет.

— Если нет, тогда садись и поехали, а то не успеем.

— Димыч, друг, ты не мог бы один съездить?

— Как это один?

— Какая разница, кто приедет? Там же не на человека смотрят, а на документы. Все документы у тебя. Скажи, что я заболел.

— Поносом, что ли?

— Хоть чем... Знаешь, что? Мы договорились за восемьдесят? Короче, теперь семьдесят пять! Сделаешь?

Сначала Сердцев из-за моего плеча пристально рассматривал Катю, потом вернул взгляд на меня. Такими глазами на нормальных граждан не смотрят.

— Уговорил, черт языкастый, — перед тем, как переключить скорость, Сердцев выразительно постучал себя по лбу. Получилось довольно звонко.

При социализме на площади Ленина окнами на госбанк выходило заведение под названием «Виринея». Название спорное, что-то в нем слышится порнографическое. Не одному мне, наверное, слышалось, потому что название в процессе перестройки исчезло, а заведение осталось. Уже при капитализме довольно-таки задешево здесь можно было хватить стаканчик и закусить. И с собой разрешалось приносить. В прошлом году на том же месте открыли «фаст-фуд» на американский манер. Я в Америке не был, но если судить по «фаст-фуду», Америка — страна странная... Закуска на вид еще ничего, а на язык, так пластилин вкуснее. Я слышал, что они все продукты откуда-то из-за границы привозят, а здесь только разогревают... Да и не закуска это вовсе, потому что ничего крепче кофе «капуччино» здесь не разливают, а с собой запрещают приносить даже пиво... Тоталитаризм самого хренового образца, но суровая сибирская молодежь, истосковавшаяся по американским ценностям, сюда захаживает, хоть оно и недешево обходится. Откуда только деньги берут?

Катя взяла тунца, похожего не на рыбу, а на плоский каблук от оранжевых штиблет, а я выбирал-выбирал, но не нашел в ассортименте ничего, кроме того же «капуччино» — по крайней мере у него хоть привкус, как у ликера «Амаретто». Иллюзия...

Катя ковырялась в своем тунце, выказывая нулевой интерес к моей жалкой персоне. Не дождавшись никаких наводящих вопросов, я сказал, с осторожностью подбирая слова:

— С той женщиной, с которой... которую ты видела, я познакомился нынче весной... Случайно... Я — одинокий человек... В общем, сошлись... Нет, лучше я с другого начну... Вот мне уже шестьдесят лет... Опять не так...

— Не волнуйся, — неожиданно сказала Катя, отправляя в рот очередной кусок подошвы. — Говори, как хочется...

Как хочется значит как хочется.

— Я тебя люблю, — объявил я. — Никого в жизни так не любил. А жизнь-то прожил, считай, полностью. И не то что никого не любил, а даже не знал, что бывает такая любовь. А за любовь принимал какую-нибудь... не знаю... морковку. Может, жизнь не удалась, может, любовь дается человеку только один раз и совсем не обязательно в семнадцать лет. Наверное, из-за того, что любви не было или тебя не было, я все время и маялся. Думал: неужели то, как я убого живу, и есть настоящая жизнь? И все так живут?! Тупая работа без радости и без денег... Заплеванный, вонючий подъезд, желтая раковина на кухне, которую никаким «Кометом» никакая тетя Ася не отчистит... Вареная картошка и сухой сыр на ужин. Неискоренимая мерзкая ругань в автобусах, мерзкие бабки в черных юбках во дворе... Сидят и смотрят... Кретины-политики в телевизоре... Бог мой, если ты политик, то хоть раз скажи что-нибудь умное! А если ты такой же, как я, то лучше молчи и отворачивай морду от камеры с микрофоном... В газетах и по телевизору новости — кошмар. Больше не могу читать про убийства, изнасилования и как цыганки дурят доверчивых русских женщин... Ну куда от этого денешься!? Куда от дерьма-то? А? Подскажите, кто умный!.. И я придумал выход. Я придумал — нужно плюнуть на все, забыть про страхи и начать новую жизнь, где в каждом углу не блевотина, а свет и покой. Если есть мир дерьма, то должен быть мир, где нет метаний, нет разочарований, нет ежедневной заботы о том, что будешь есть завтра... Ученые доказали, что для всего можно найти противоположный мир... Многие сегодня

ошибочно полагают, что лучший мир называется Америкой...

... На самом деле лучший мир — это Африка. Ей-богу, не шучу. Хотя дело, конечно, и не в Африке вовсе.

Я лично понял, что хочу жить один! В тростниковой хижине! На берегу теплого океана! Чтобы вокруг ходили только нецивилизованные пигмеи и скакали миролюбивые обезьяны! Чтобы каждый вечер, на закате солнца, с неба падал теплый душ... Это называется абсолютной свободой — жить в Африке и ни от кого не зависеть... Хочешь ни от кого не зависеть?

— Смотря от кого не зависеть, — чисто по-женски уточнила Катя.

— От дерьма не зависеть.

— Конечно. Этого все хотят.

— Ну вот. Я об этом и говорю. Дерьмо нельзя убить, зато можно отодвинуться от него в сторону...

...Я, кстати, не имею в виду, что дерьмо — это наша русская страна. Дерьмо — это люди и отношения, которые лично тебя душат...

...И как, ты думаешь, можно отодвинуться в сторону от дерьма?

— Не знаю, — явно заинтригованная Катя чуть отодвинула тунца, от которого и отщипнула-то только с краю... — Или вернее у меня есть свой рецепт, но я бы хотела услышать твой.

— Правильно говоришь. У каждого свой рецепт. Есть такие невысокие тибетские горы, там народ сидит на корточках и не жрет месяцами — вот в чем кайф. Еще есть народ, который ходит босиком по огню — в этом тоже кайф. Мусульманин отрезал уши у правоверного сибирского парня — прямая дорога в ихний рай. Короче, у всех свой способ. А я придумал свой. Может, это кому-то смешно, но у меня другого нет. Или не было. В общем, ты сама сейчас разберешься... Я придумал, что доживу до шестидесяти лет и забуду свою прошлую жизнь. Стану другим. Как я жил? Улыбался и раскланивался со своими врагами... А теперь чего мне с ними цацкаться? Я их буду убивать... Но убийства — не главное. Для того, чтобы уехать в Африку и забыть Россию, нужны деньги. Не хочу жить среди пигмеев и болеть их вшивой цингой, или чем они там болеют. В конце концов, может, я не захочу забывать Россию, значит я должен иметь возможность приезжать сюда на выходные. Такие варианты можно получить только за большие деньги. За очень большие деньги...

— Само собой, только где их взять? Банк, что ли, ограбить?

— О! В самую точку! Значит и тебе это приходило в голову. Хотелось банк ограбить?

— Конечно, хотелось. Мне и сейчас хочется. Только это ничего не значит. Мне и в Африку, может, хочется, а вместо Африки я на полюсе холода перед пьяными мордами уже полтора года стриптиз исполняю...

— И со мной такая же ерунда. И со всеми. Никто не может вырваться из круга несбыточных желаний. Но только однажды я себе сказал: хватит мечтать, надо делать. И вот, значит, теперь к делу... Три месяца назад я познакомился с этой Клепиковой... Которую, ну, ты видела... Оказалось, что она работает бухгалтером в одной темной конторе, которая «в черную» торгует водкой. У них есть подвал, под самый потолок набитый баксами. Эта самая Клепикова мне по пьяной лавочке проговорилась. Я ее три месяца «пасу» из-за этого подвала. Можешь не верить, но она мне противна, как чужие сопли... Извини...

— Ничего, я есть больше не хочу...

— ...Она нужна только из-за этих денег. Она ко мне привязалась, или влюбилась, уж не

знаю, но в общем, согласилась помочь. И как раз в этот день принесла очень важный ключ. Понимаешь?..

— Забавно, — задумчиво пробормотала Катя. — Ты действительно собрался ограбить фирму?

— Да.

— Точно не врешь?

— Нет.

— Ну, ты даешь! Никогда бы не подумала... Как-то ты не производишь впечатления человека, который может... Я не имею в виду, что не способен или что-то такое. Просто ты достаточно порядочный, что ли, для такого дела... Хотя, причем здесь порядочность?..

— Может быть, и причем...

— И что дальше?

По крайней мере заинтересовать ее удалось.

— Собственно, вот и все... Вернее, нет... В общем, я уж совсем было настроился... И тут познакомился с тобой. Я говорю, со мной никогда такого не было. Я думал, что от дерьма можно отодвинуться только в Африке и только при помощи ограбления. А получилось, что с тобой я обо всем забыл. Не то, что забыл, а как-то все отодвинулось на второй план. Вяло текло...

— И куда вытекло?

— Куда... Вытекло, что все-таки надо брать деньги. Вот и все.

— То есть ты уже все окончательно решил?

— Да.

— И когда?

— Завтра.

— Завтра?!

Катя распахнула глаза, едва тронутые тушью и тенями. С ее глазами и в ее возрасте можно обходиться без посторонних наполнителей.

— ...Возьми мне еще кофе, — попросила она.

Я принес два кофе. Катя задумчиво отхлебнула свой и, не поднимая глаз, сказала:

— ...Возьми меня с собой в Африку.

Она сказала:

— Возьми меня в Африку. Или для того, чтобы там оказаться, обязательно нужно быть одному? Ты сказал, что для этого необходимо одиночество...

— Я так думал раньше, пока не встретил тебя. Я возьму тебя с удовольствием, куда угодно... А ты правда хочешь? Или смеешься надо мной?

— Да уж, над тобой обхохочешься... Я в тот день вообще думала: а зачем теперь жить?..

— Ты имеешь в виду, когда...

— Да.

— Я тебе звонил всю ночь, хотел объяснить.

— С подругой в ночной клуб забрались. Она танцевала, а я одна напилась с тоски.

— Катюша, я возьму тебя... Только есть еще аспект... Ведь сорваться может... Я не в том смысле, чтобы ты мне передачи в тюрьму носила, а просто должна знать, что Африка может сорваться.

— Если ты не врешь, если все так и есть, то я могу и передачи носить, и ждать. Не знаю, что ты про меня думаешь, но если бы ты только захотел, я буду с тобой всегда. Никто другой

мне никогда не потребуется.

Катины слова растеклись во мне, словно водка в морозный день. Если бы я был Святославом Рихтером, то сказал, что слова растеклись, как ноты лучшей в мире еще ненаписанной симфонии, если — Ильей Глазуновым, то — как краски, если Шварценеггером, то слова легли бы, как пули, но я простой человек... Правда, в конечном итоге не такой уж и простой... От присутствия Кати и от ее слов я сам превратился в горячую водку.

— А если ты не врешь, тогда давай договариваться. Если все пройдет, как надо... я завтра собирался из города уехать... Я, кстати, сейчас как раз ехал документы оформлять на продажу квартиры. Не то, что деньги большие, но не бросать же.

— Ты уже и квартиру продал?

— Почти что. Завтра с утра нотариус все заверит... Значит, примерно в час, может быть чуть раньше, заеду? Успеешь собраться?

— Что собирать-то? У меня здесь нет ничего, из-за чего стоило бы задерживаться. Только родителям до свиданья сказать... Но ты все-таки расскажи, какой план. Куда уезжать? На чем?.. Все так странно. Неожиданно... А знаешь, я всегда знала, что когда-нибудь что-то такое обязательно случится — когда в одну минуту придется бросить все, и тогда начнется счастье. Как в «Алых парусах».

Мы сидели и шептались, чуть ли не соприкасаясь губами над столиком с остатками подметок. Революционно настроенный художник-соцреалист мог бы писать с нас картину «Заговорщики».

— Собственно, как раз эту стадию — после ограбления — я детально не продумывал, — признался я. — Через Толмачево нельзя. Там же чемоданы просвечивают. Кучу денег просто так не пропустят. Насчет вокзала — не знаю. Просто предчувствие, что опасно садиться в Новосибирске и все. Спокойнее всего выехать из города на машине. Приехать в Барнаул, оттуда на поезде в Москву... Остановимся у одного моего сослуживца. Я у него всегда раньше останавливался. Оглядимся. Деньги лучше всего отправить за границу через какой-нибудь банк или частями через несколько банков. Сделать визу в какое-нибудь шенгенское пространство. Там опять оглядеться...

Я ждал, что Катя начнет вносить поправки, но, не дождавшись, как бы слегка протрезвел: с чего вдруг воодушевился? Какие у меня основания верить, что она на самом деле собирается бросить все и уехать черт знает куда, черт знает с кем? Я заволновался:

— Что-нибудь не так?

— Тебе виднее, только...

— Что?

— А как ты грабить собираешься? Один или с кем-то? В масках, что ли? С оружием? Или это кража? Ничего, что я спрашиваю? Но ведь не в булочную сбегать...

— Один. Без маски. С оружием. Не хочу это обсуждать, тебя впутывать. Получится — будем счастливы. Не получится, я один пострадаю. Только не думай, что я тебе не доверяю...

— А с этой женщиной как будет? Отдашь ей часть?

— Честно говоря... Не было такой идеи... Ты думаешь, стоит?..

— ...Хочешь я тебе скажу название фирмы? — вдруг спросила Катя. — «Коала»?

Мир пронизан невидимыми нитями. Каждый предмет связан с каждым. Каждая хлебная крошка на столе связана с далекой звездой Бетельгейзе и с далекой звездой Сириус и со

всеми другими близкими и далекими звездами. Тем более каждый человек связан со всеми людьми. Мы живем в паутине взаимодействий и взаимопроникновений. Но не до такой же степени! Не знаю почему, но первая мысль, которая мелькнула в моей голове, это то, что Катя — милицейский спецгент, специально приставленный ко мне, чтобы предотвратить ограбление века.

Я спросил:

— Ты так решила, потому что я вроде бы ошиваюсь вокруг этого места?

— Угадала?

Я молчал.

— Ты уверен в своей тетке? — спросила Катя.

— Да какая она мне своя? А в каком смысле уверен?

— ...Что она тебя не подставляет? Не использует в своих целях для ограбления?

— Как она может меня подставлять, если каждый день уговаривает этого не делать?

— Ну, знаешь, можно так уговаривать, что как раз все наоборот и выйдет...

— Да она простая, как три рубля. Ее на пятой секунде всю понимаешь, до дна. Жадная и трусливая. И, извини, мной увлечена.

— Никогда нельзя быть уверенным в человеке на сто процентов.

— Ты хочешь сказать, что она собирается меня надуть? Каким образом?

— Ничего я не хочу сказать. Я просто делаю предположения.

— Если только предположения...

Вдруг мне пришло в голову: что, если, знакомясь со мной на барахолке, Клепикова уже примеряла на меня роль грабителя? Ведь если посмотреть непредвзято, действительно, с самого начала она внушала мне мысль про ограбление. Но в таком случае я-то каков дурак! А почему для такого дела не нанять профессионала? Профессионал скорее обманет или запросит большие комиссионные. Посторонний дурак для такого дела лучше подойдет.

— Она замужем? — спросила Катя.

— Развелась давным-давно. У нее лет сто мужика не было.

— Она сама тебе сказала?

— И она сказала, и... это же чувствуется.

— Ты дома у нее был?

— Нет. Как-то случая не представилось. И желания не возникало. Я даже точно не знаю, где она живет.

— Вот оно ка-а-ак? — со значением протянула Катя.

— В чем дело-то? — возмутился я.

— Просто я ее знаю. И в этом не было бы ничего-странного, но, по-моему, она все-таки замужем. Ее муж в нашем кафе работал завскладом. Я их видела вместе. Про нее ничего не могу сказать. Зато мужик ейный... Он недолго работал, месяца полтора... Если хочешь знать, он какой-то жулик, по крайней мере сидел. Когда на работу устраивался, естественно, этот факт не афишировал, а потом наше начальство узнало... и вроде к тому же какую-то недостачу нашли по пиву... Точно не знаю, потому что не интересовалась, но было что-то в этом роде...

— И этот мужик ей точно муж?

— Я в документы не заглядывала, но, если все говорят...

— Кто говорит?

— На работе говорят. Люди.

— Ты фамилию его помнишь?

— Фамилию... Вроде раньше знала. Сейчас соображу...

— Не Клепиков?

— Точно.

Я никогда бухгалтершу всерьез не пытал насчет семейного положения. А когда она сама что-то говорила, слушал вполуха. Может, она и пыталась что-то втолковать. Что официально не развелась. Или развелась, да отношения до конца не прервались. Может, он ее достает, пристаёт, как случается с бывшими мужьями... Только было понятно, что обсуждать эту тему для нее не самое большое удовольствие.

— Где ты их видела вместе? — спросил я. — Сколько раз?

— Раза два... На улице, рядом с кафе. Случайно. Мельком.

Ясно, что мельком. Но что из этого следует? Работали рядом, случайно сталкивались... А ключ откуда взялся? Вот как раз, может, этот неожиданный мужик и раздобыл? Точно, кто же еще? Ночей не спал, подбирал ключ ночами со стороны своего подвала, в смысле со стороны кафе, тихо-тихо, как мышка, проворачивал в замке заготовки, чтобы не потревожить спокойствие охраны за дверью. Может такое быть? В конце концов дело не в технологии. Но как же Клепикова к нему додумалась обратиться? И чем соблазнила? Бутылкой водки? Как же! Если он жулик, то должен сообразить что к чему, или заподозрить, или уловить запах наживы.

Следовало настоять, чтобы Клепикова рассказала все в подробностях. А я опять не придавал значения... Я — идиот. Слишком редко эта простая мысль приходит людям в голову. Если предположить, что Клепикова не так уж мною увлечена?.. Вполне может быть, что они сговорились со своим мужем, дружкой, не знаю с кем... И выбрали меня в исполнители. Клепикова с самого начала выдала готовый план. А я всего лишь перенял!.. Не может быть! Она простая, как валенок. Мне с ней всегда было так скучно!

— Не знаю, — покачал я головой. — Просто не знаю, что из этого следует... Может, ее расспросить с пристрастием, и все прояснится? Время еще есть.

— Можно, конечно. Но представь, только представь, что она играет против тебя... У нее-то найдутся оправдания, зато ты своими подозрениями заставишь ее стать еще более осторожной.

В полном обалдении я воззрился на Катю. Не прошло и пяти минут, как она вполне свыклась с идеей ограбления, освоилась и даже начинает давать советы. Я почувствовал слабенький укол ревности — столько лет я высиживаю идею, а молодые стриптизерши запросто раздают советы. Я спросил:

— Он вообще-то какое впечатление производит, этот завскладом?

— У него на морде написано. Неудачливый рецидивист. Алкоголик.

— И все?

— А что еще?

— Кто-нибудь у вас на работе знает про него больше?

— Наверное, начальство знает. Директриса. Только я не знаю, насколько удобно к ним обращаться. Надо же как-то объяснить...

— И больше никто? Он, что ли, не дружил ни с кем?

— Я ж говорю, работал недолго... Вообще-то есть у него один дружбан...

Дружбан носил гордое имя Володя, и у него во рту не хватало тридцати зубов. Когда-то он работал кузнецом на заводе. Это он сам про себя сказал. Я сначала не поверил. Кузнецов с такой впалой грудью не бывает. Уж я-то знаю, сам Кузнецов. А потом сообразил: он же не лошадей подковывал, удерживая одной рукой лошадиную ногу, а другой — пудовый молоток. На заводе поди на кнопки нажимал, а молот был паровой, или какие они там бывают... Из всего разнообразия одежды кузнец предпочитал необыкновенно засаленную майку, серую хлопчатобумажную спецовку, которых даже в такой угрюмой стране, как Россия, не шьют уже лет десять, и стоптанные плетенки на босу ногу. Он обитал в подвале кафе «Лебедь» в фанерной каморке, оклеенной дореволюционными выпусками газеты «Советская Сибирь». Пожелтевшие от старости дебилские лица передовиков промышленного труда и знатных хлебобобов вполне гармонировали с серой беззубой личностью хозяина.

Зимой и летом, днем, а при необходимости и ночью, Володя разгружал машины с продуктами и напитками, подметал мусор, сгребал снег, чистил канализацию, кстати, не прячась за резиновые перчатки, а, как известно, канализация в общепите может засориться хоть каждый день, и имел за это бесплатные кухонные объедки, а так же весь комплекс жилищно-коммунальных услуг в виде вышеупомянутой конуры. К тому же кофейная администрация пока что сквозь пальцы смотрела на... Ясное дело, как всякий бомж, Володя ненавидел трезвость.

Бутылка водки из моего кармана сдружила нас лучше всякой соли. Чтобы не вызвать подозрений, я избегал задавать прямые вопросы, может быть, поэтому мало что выяснил. Да и Володя, скорее всего, вовсе не был тайным поверенным в делах Валерия Клепикова. Ну, выпивали вместе, пока тот работал завскладом, и потом Клепиков еще несколько раз заходил, обычно подвыпивший, с «пузырем» и обычно ночью — чтобы лишний раз не «светиться» перед начальством, потому что выгнали-то со скандалом...

Клепиков вообще оказался не самым уживчивым человеком на земле. До «Лебедя» работал в... «Коале», экспедитором что ли, но тоже недолго, и опять же уволили без благодарственной записи в трудовой книжке...

Сидел. Может, не раз. Но по какой статье — черт его знает. Вряд ли «по мокрухе».

Женат. Однако жену Володя ни разу не видел и никаких подробностей на сей счет не знает.

Есть сын. В данный момент, продолжая семейную традицию, отдыхает на нарах. «Уж не тот ли самый, — вспомнил я, — который мечтает о карьере прапорщика в непобедимой Российской армии?»

...Но не мог же я одним Клепиковым интересоваться, для пущей конспирации следовало разнообразить темы, и я, конечно, не удержался, чтобы не затронуть еще один аспект местного быта:

— А вот девки, которые голыми на сцене пляшут, как они? Блудуют?

— О! — с готовностью замахал руками опьяневший разнорабочий общепита. — Еще как! Я тут такого насмотрелся...

Я не стал дальше уточнять. Зачем вообще спросил? Что хотел услышать? Что они здесь, как снежные королевы? Что у них монастырь, а не варьете? Дурак, только настроение себе

испортил. Хотя что он может знать? И что такого особенного видел?

...Между делом, под предлогом сходить в туалет я обследовал подвал. Дом возвели еще при Сталине... Что-что, а в суровые предвоенные и послевоенные времена подвалы любили и умели строить. Мрачный и солидный, теряясь концом во мраке, он тянулся метров на сто и имел географию, в которой с ходу не разобрался бы сам Крузенштерн — отростки, аппендиксы, рукава, заставленные огромными проржавевшими весами, отсыревшими деревянными поддонами, бочками из-под квашеной капусты, сорокалитровыми алюминиевыми бидонами, покрытые толстым слоем ржавого растительного масла.

Прошло не меньше четверти часа, пока в темноте, пропахшей солеными огурцами, не обнаружилась железная, вросшая в стену дверь, судя по отдельным признакам, противоположной стороной как раз выходящая в комнату отдыха охранников «Коалы». На замочную скважину годы наложили лепешку липкой бурой грязи... Я поскреб ногтем, и она легко отвалилась. Если бы в подвале было чуть посветлей и под рукой оказалась лупа, я наверняка обнаружил бы вокруг замка тонкие царапины, следы тайных усилий жуликоватого Клепикова... Нашлепку я приклеил обратно.

Познавательное застолье с кузнецом оборвала приземистая усатая тетка в замызганном белом халате, незнакомая с культурным обхождением. Сорок минут назад в кухонном коридорчике неподалеку от лестницы в подвал, по-кавалерийски оседлав перевернутую табуретку, она чистила морковь. Я разыскивал Володю, и именно женщина-буденовец указала дорогу вниз, проводив мою личность таким же неприязненным взглядом, каким чистоплотные домашние хозяйки смотрят на грязные следы, оставленные в прихожей башмаками слесаря.

— Вовка! — закричала она, заглядывая в каморку. — Мусорка приехала! Я за тебя грузить не буду!

Кузнец покорно засобирался, благо и водка кончилась. Я сам-то выпил полплотка, но, чтобы на общем фоне не выделяться трезвым видом, счел за лучшее придать членам расслабленный вид и соорудить дебильную физиономию. Усатая подсобница, чувствуете, сама не дура выпить, с одного взгляда поняла, что опоздала, и тогда, приняв вид строгий и начальствующий, и меня погнала вон, костеря грубыми словами всех нетрудолюбивых алкашей...

Как я уже упоминал, главные, украшенные натуральными гусиными перьями окна кафе «Лебедь» выходят на улицу Орджоникидзе, трамвайную линию и довольно запущенный парк, разбитый на задворках Оперного театра. Соответственно подсобные помещения первого этажа, как в зеркало, смотрятся во двор — на детскую песочницу без песка, погнутый турник, пять чахлах тонконогих березок и пять мусорных контейнеров, вокруг которых состоятельные граждане выставляют импортные автомобили. Машины пропитываются запахом разлагающегося мусора, но другой стоянки поблизости нет. Тот же несимпатичный вид можно наблюдать из четырех давно не мытых окон АОЗТ «Коала», соседствующего с общепитом.

Во вторник утром, вернее без нескольких минут одиннадцать, мы с Катей, выражаясь по-милиейски, установили наружное наблюдение под пыльной акацией на скамеечке в палисаднике, откуда «простреливается» пространство перед основным и служебным входами кафе «Лебедь».

Для такого случая я попросил Катю приодеться как-нибудь нетрадиционно, чтобы никто, а именно парочка Клепиковых, с ходу не смогла ее опознать. Катя приняла просьбу близко к сердцу. Традиционные джинсы остались при ней, зато из милой рыжеволосой девушки, благодаря парикю, она превратилась в довольно пошлую блондинку. Темные очки довершили метаморфозу. Я и сам попытался законспирироваться, но вряд ли у меня получилось так же убедительно. Еще нас слегка прикрывали свисающие ветви акации.

По-хорошему следовало занять наблюдательный пункт в палисаднике пораньше — времени для такого дела не стоило жалеть, но в десять утра частный нотариус с неприятной фамилией Крысин заверял нашу сделку с Сердцевым, который за сутки успел таки оформить все полагающиеся бумаги на мою квартиру. После того, как нотариус оставил свои отметины на документах, в кабине своих «Жигулей» Дмитрий Викторович отдал мне две перетянутые черными резинками разнокалиберные пачки купюр сиреневого цвета, и я поразился странному тождеству большой-пребольшой, тяжелой-претяжелой двухкомнатной квартиры и невесомых бумажек на другой чаше виртуальных весов.

Испытывая странное чувство, я взвесил деньги в руках и заметил:

— Если бы в других купюрах, вот если бы полный дипломат «бабок», как показывают в кино, выглядело бы солиднее... И вот это все, что заработали мои родители за всю жизнь!..

Сердцева в этот момент ничуть не интересовали мои переживания.

— Значит, завтра я могу вступать в права собственности? — уточнил он.

— Точно. Где-нибудь к вечеру...

К завтрашнему вечеру передо мной открывались три основных перспективы: или я умру, или в наручниках меня отведут в переполненную тюрьму, или, отягощенный баксами, с Катей на соседнем сиденье я буду удаляться от Новосибирска со скоростью восемьдесят километров в час — быстрее мой «шиньон» не бегаёт. Правда существует и четвертый вариант. Если ограбление не состоится, за семьдесят пять тысяч рублей придется искать скромное однокомнатное жилье и доживать недолгий человеческий век на военную пенсию. Может быть, Катя согласится взять меня к себе, тогда на семьдесят пять тысяч можно устроить симпатичные каникулы для двоих где-нибудь в Ницце. Но вряд ли можно рисковать такой суммой. Что, если после Ниццы юная танцовщица меня разлюбит?..

Придется пополнять армию вшивых бомжей...

— ...Удивительная фамилия! — ни к селу ни к городу пробормотал Сердцев.

— Какая фамилия?

— У нотариуса. Нельзя нотариусу с такой фамилией. Клиентов отпугивает. Если бы знал заранее, другого бы нашел, благо их сейчас, как крыс нерезанных...

— Семьдесят пять, как договаривались, — сообщил он укоризненно, уловив с моей стороны жлобскую попытку пересчитать деньги. — Впрочем, если по справедливости, я вчера на пять тысяч, любезно тобою подаренных, не наработал. Все оказалось чуть проще, чем я ожидал... Не все еще у нас продается, остались еще бескорыстные люди — будущее России.

— Ну, раз уж обещал... — замялся я.

— Ладно, не переживай. Девушка того стоила. Где ты только таких берешь? Я за тобой давно наблюдаю. Всегда у тебя девки классные...

— Ну, уж классные, — польщенно зарделся я, — ну, уж всегда...

— Не скромничай. Ну, «колись», где откопал?

— Есть места...

— Кроме шуток. Давай так. Ты мне говоришь, где они водятся, а я тебе возвращаю пять тысяч...

Во, люди, круто заворачивают! Неужто Катя действительно так хороша? «Ах ты, старый козел! — подумал я про Сердцева. — Оказывается, у тебя не заржавеет отобрать самое дорогое у приятеля!» Чему я удивляюсь? У всех приятелей такая фигня не заржавеет. Я совершенно не собирался торговать Катей. Я бы ее ни за пять тысяч, ни за квартиру, ни за свою жизнь не стал выставлять. Потому что она и была моей жизнью. Но, во-первых, все-таки неожиданное предложение могло быть жестом вежливости со стороны истинного друга — человек хочет вернуть пять тысяч и, особо не задумываясь, сочиняет для этого повод, во-вторых, завтра Катя все равно уезжает со мной в Африку. И я честно признался, что такие девушки танцуют в кафе «Лебедь», а Сердцев, не помедлив ни секунды, дополнительно отсчитал десять пятисотрублевых бумажек...

...Теперь, сидя на скамейке под акацией, я все время чувствовал деньги в левом нагрудном кармане парусиновой куртки. Разные суммы проходили через мои руки, но возле сердца никогда столько не лежало. А должно лежать несоизмеримо больше.

...Коротая время в ожидании неизвестно чего, мы с Катей вели эвристические беседы. Про необыкновенную жару нынешнего лета, про политический кризис, в который Россия неизбежно впадет осенью, про «Титаник». Фильм я посмотреть не удосужился, но мнение тем не менее выработал. У пенсионеров с личным мнением никогда не задерживается.

— Этот Леонардо, — презрительно отозвался я о главном кинематографическом герое, — может, и нормальный парень, но ведь не Ален же Делон! Не понимаю, за что его все старшеклассницы любят? Тебе он нравится?

Нельзя с такими вопросами обращаться к любимым девушкам, когда в них не уверен, тем более, когда они только что родились, а тебе уже шестьдесят.

— Ну... — задумалась Катя. — Он симпатичный, но дело все равно не в нем. Просто этот фильм про вечную любовь.

— В самом деле? — заинтересовался я. — А я слышал, что этот паренек утонул... Или кто там кого любит?

— Он утонул, но любовь-то не умерла. Поэтому фильм оптимистический.

Я усмехнулся:

— Вечная любовь — штука хорошая. Но почему-то, чтобы она случилась, хотя бы одному из влюбленных полагается умереть. А то и обоим. Если рассуждать, как ты, то и «Ромео и Джульетта» — оптимистическая трагедия. Потому что любовь пережила их самих уже на триста лет... А вот я верю, что любовь можно найти и при жизни, только дается она избранным единицам. Лично мне не нужна любовь, сгорающая со скоростью спички...

Стрелки часов подползали к половине первого. Вчера вечером у меня дома я назвал Валентине Филипповне точное время операции — двенадцать сорок. По словам бухгалтерши, после обеда в «Коане» бывало больше посетителей, а лишние люди для нашего предприятия це требовались.

— Зачем такая точность? — удивилась она. — Можно прийти и в одиннадцать, и в двенадцать, и полпервого.

— Можно, но я полжизни провел в армии и привык жить по расписанию. Сказано, в двенадцать сорок, значит плюс-минус одна минута..

Я внимательно всматривался в Клепикову, но никакой двойной игры обнаружить не мог. Она с интересом оглядела разгром в квартире, который я учинил, готовясь к отъезду. Предложила свою помощь, но я отказался. Мы еще раз обсудили план действий после ограбления. Я тотчас уезжаю и дней через десять звоню Валентине Филипповне, чтобы договориться, когда и куда она должна приехать. Ей сняться с насиженного места едва ли не проще, чем мне. Во всяком случае недвижимость записана на сына, который по одной версии служит в армии, а по другой — сидит в тюрьме...

Про Катю Валентина Филипповна не вспоминает. Поверила моим сказкам или считает за лучшее не нарываться на бессмысленную ссору. С изменами всегда так — если не хочешь потерять любимого, лучше поверить объяснениям, как бы глупо они ни звучали.

...Я сказал Клепиковой, что все начнется завтра в двенадцать сорок. Часы показывали два, два тридцать. Катя откровенно маялась...

Еще никто не доказал, что бухгалтерша ведет двойную игру, а если и так, чего от нее можно ждать? Я мог только предполагать, что неподалеку от места событий окажется ее загадочный криминальный муж.

И он появился... Не хотелось впутывать в это Катю, но кто-то должен был мне на него указать...

Однако случилось так, что я сам его узнал...

Время приближалось к четырем...

— Жарко, — пожаловалась Катя, — а еще с этим париком... Как в зимней шапке.

— Потерпи еще чуть-чуть.

— Я не ною. Это просто так — волнуюсь. Надо же о чем-то говорить... Принести водички?

— Я сам. А ты смотри.

Я поднялся, чтобы в ближайшем киоске купить минералки или лимонада, но не успел сделать и нескольких шагов, как из главного входа кафе появился... Фантасмагорический персонаж сна, привидевшегося мне в день рождения... Мужик с отвратительной физиономией, отплясывающий канкан в операционной и напевающий песню про кофей. Воздух вокруг прокалился уже не меньше, чем до тридцати градусов, а на меня будто повеяло сквознячком больничного морга.

На всякий случай я нырнул за акацию.

Катя на скамейке крутила головой, чтобы подать знак, и не видела меня из-за дерева. Но уже и без ее пояснений я знал, что фамилия певца из сна — Клепиков. Оглядевшись по сторонам, он направился к запыленной двадцать четвертой «Волге», с самого начала торчавшей на противоположной от «Лебедя» стороне улицы. Машина была не первой свежести, зато с тонированными стеклами.

Когда он уехал, я купил-таки банку холодного «Спрайта» и вернулся к Кате.

— Он появился, — доложила она. — Пока ты ходил в киоск, Клепиков вышел из кафе и уехал на той самой «Волге», которая здесь стояла.

— Я видел. Это его тачка?

— Понятия не имею. Я его за рулем ни разу не видела...

Может, его машина, может, угнал для такого дела, а мог взять в аренду у приятеля. Это не важно, важно, что он здесь дежурил. Подждал меня. А кого же еще? Наверное, с самого утра стерег. Хотя я и назвал Клепиковой точное время, а подстраховаться не мешало...

...Отправив Катю домой, я направился в кафе с черного хода.

Возле дверей курили сигареты две молодые кругленькие поварихи в грязных передниках.

— Володя у себя? — спросил я, проходя мимо.

Обе неопределенно пожали плечами. Им дела не было ни до Володи, ни до его престарелых дружков.

В каморке, слепленной из «Советской Сибири», Володя спал мертвым сном. В смысле, был живой, хотя что-то мне подсказывало, что мог и не пережить сегодняшнего дня. На столе лежали объедки, а под столом две пустые водочные бутылки и смятый пакет. Разбудить дворника и слесаря не представлялось возможным. Я ему уши чуть не оторвал, а он только промычал недовольно в ответ, даже не приоткрыв глаз. Вряд ли Клепиков сегодня налегал на водку, значит весь литр достался Володе. А еще и подсыпать можно было чего-нибудь для надежности.

Несколько лет назад мне вырезали грыжу в больнице, расположенной чуть ли не на окраине города, но сегодня я не пожалел времени и бензина. И не то, что не пожалел, а даже не задумался о таких тратах. Я вообще не помнил, как сюда приехал, на каких светофорах останавливался... Как во сне.

Все нормально, жизнь превращается в сон. Выдающиеся умы математически доказывают реальность сна и нереальность бодрствования. Я, конечно, никогда особенно философией не увлекался, но про такие идеи слышал. Или вот даже стихи есть: Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. Поэты всяко не глупее математиков. Парень, хоть и из деревни, а соображал.

Да я сам всегда знал, что бред и реальность составляют один кисель. Разве я в действительности переплывал через Обь? Кто это может доказать? Только не я. Филимонов? Он сам призрак. Разве могут показания призрака служить доказательством? Заплыв происходил в субботу, а мне кажется, что много лет назад. Много лет назад, догладив юбку, от меня ушла Люда, а из деталей в памяти только эта юбка и осталась. Даже Людиного лица не могу вспомнить. Если сейчас встречу — узнаю? Все, как в тумане, как в бреду. Может ли юбка служить доказательством произошедшей драмы, произошедшей трагедии, произошедшего бреда?

А еще я никак не мог для себя решить: что проецируется в снах — будущее или прошлое. Мне представляется, что я видел во сне незнакомых людей, читал незнакомые слова, слышал незнакомые песни. И песни и слова я мог знать, не отдавая в этом отлета. Мало ли, что хранится в памяти за семью замками... Песню про кофей наверняка слышал — нельзя жить в мире пошлых песен и быть свободным от них. Это еще Ленин заметил. И Катю, и Клепикова мог случайно, мимоходом увидеть в том же кафе «Лебедь». Теперь я хочу убедиться, что и хирург Апполинарич оперирует не только в моих снах. Может быть, это он вырезал мне грыжу. В жизни я лицо не вспомнил бы, а во сне другое дело. И опять же смогу я узнать его теперь, ведь лицо было по уши в маске?

Даже если я его отыщу, что из того? Получится, что мой сон — это мое прошлое... Тогда что означает собственная смерть во сне? Не могла же она быть в прошлом...

Вот это мысль! Сердце пропустило удар. Смерть могла быть в прошлом! Если я допускаю физическое равенство бреда и реальности, тогда по справедливости обязан допустить тождество жизни и смерти. Если я мертв, то кто может доказать обратное? Я ничего не знаю про смерть, чтобы искать для нее доказательства. Точно так же ничего не знаю про жизнь. Нельзя же всерьез считать признаком реальности боль, от того, что тебя щиплют какие-то выдуманные дураки... И еще я ничего не знаю о принципах существования души отдельно от тела.

Может быть, мое тело до сих пор лежит в больничном морге. Может, в другой действительности с момента моей смерти прошло несколько секунд, а моей душе кажется, что тянутся дни, недели. Она влюбляется в молодых девушек и даже занимается сексом, мечтает ограбить несуществующую в другой реальности фирму «Коала» и покупает пистолет с глушителем... Если так, то сейчас начнется главный аттракцион. Я загляну в морг и снова увижу... свое мертвое тело.

...А еще мертвая Катя предположила, что это последние электрические импульсы

блуждают в засыпающем мозгу...

Примерно такие соображения блуждали в моем засыпающем мозгу, когда я въезжал в больничный двор. Вообще-то на воротах висел «кирпич», кроме машин скорой помощи, но я не обратил на него внимания — стоит ли обращать внимание на то, чего нет хотя бы в одной из реальностей? Я настолько поверил в свою смерть, что от машины к приемному покою направился походкой голливудского мертвеца. Точно также шла по коридору Катя (или Аделаида), когда хотела напугать студента с учебником по гистологии. Двое больных, прогуливающих поблизости, при виде меня обменялись репликами, но в целом, можно сказать, моя неживая персона их не слишком заинтересовала. А, вот в чем дело, — догадался я, — таким манером переступают не только мертвецы, но и граждане, страдающие болезнями живота, например перестал работать мочевой пузырь. Они так же ходят — боясь расплескать внутри себя свою боль. А к боли здесь привыкли.

...Я заранее не сообразил подготовиться и с двумя медсестрами в приемном покое объяснялся довольно невразумительно.

— Понимаете, какое дело, — втолковывал я. — Мне нужно увидеть врача, но я не знаю, как его зовут.

— Зачем увидеть? — спрашивали медсестры.

— Он мне операцию делал.

— В каком отделении.

— Не знаю.

— Как это?

Я только глупо пожимал плечами.

— Хоть по какому поводу операция?

— Э-э-э... Пулевое ранение в живот. Такой, знаете ли, замечательный хирург. Он меня просто воскресил. Надо же поблагодарить человека.

Да уж, воскресил. Из операционной меня как раз доставили в морг. Такое дело без подарка никак нельзя оставить.

Насколько я знаю, хирургам дарят коньяк. А у меня в руках ничего не было, эта деталь не ускользнула от внимания медсестер. А может, я деньгами хочу отблагодарить?

— «Травма», наверное, — заметили медсестры. — Как же так, вас воскресили, а вы имя забыли...

Может, они бы меня еще и пустили, но я все испортил последним замечанием:

— У него отчество — Апполинарич.

Тут они окончательно решили, что я над ними издеваюсь, мешая исполнению непосредственных обязанностей по приемке больных, потому что никакого Апполинарича в этой больнице сроду не водилось. Они мне так и объявили. Действительно, отчество какое-то ироническое...

Пришлось пойти на штурм со стороны главного входа, где расположен холл для свиданий. Здесь на стене висят списки больных. Я выбрал одного подходящего из травматологического отделения по фамилии Капустин. Этот неизвестный Капустин с утра нагрелся до тридцати девяти и четырех, а его состояние характеризовалось как тяжелое.

— Мне к Капустину, в травматологическое отделение, — довольно решительно информировал я старушку в белом поварском халате, занимающую ответственный пост подле дверей.

Бабка для порядка заартачилась, но я объяснил, что обязательно должен увидеть

Капустина перед операцией и внушить ему необходимую психологическую устойчивость, а без меня несчастный непременно погибнет на операционном столе. Ради такого дела в бабкином гардеробе для меня отыскан застиранный халат в дырах и тапочки. С детства не люблю тапочки, поэтому незаметно сунул их в щель между белыми тумбочками, а халат, так и быть, честно накинул.

В ординаторской травматологического отделения обитали три мужчины. Один, не помедицински обросший длинными рыжими патлами, работал за компьютером, другой, в зеленом хирургическом колпаке, примостившись на подоконнике, со страшной скоростью выуживал вилкой из поллитровой баночки и отправлял в рот коричневые кусочки мяса и капусты. Третий, не то узбек, не то казах, прохаживался между столами, беседуя с коллегами. И никто с ходу не напоминал ни одного из тех, кто оперировал меня во сне. Узбека среди тех точно не было.

— Вам чего? — поинтересовался узбек на чистом русском языке.

— Мне нужен хирург, но я не знаю его имени. Видел один раз.

— Зачем?

— Это по личному делу. Понимаете, нужно было его увидеть.

— Ну пожалуйста, смотрите.

Рыжий за компьютером так и не поднял головы от клавиатуры и дисплея, колпак у окна поглядывал на меня, не отрываясь от бигуса.

— А вообще, где все хирурги? — спросил я.

— Где-где... Кто где, кто в больнице, кто в отпуске, кто вообще уволился.

Узбек явно забавлялся. Больше мне нечего было сказать. Я извинился и сделал шаг назад, наступив на...

...Позади, поджимая отдавленную ногу, морщился скорее от неожиданности и досады, чем от боли... Апполинарич, собственной персоной. Хоть в маске, хоть без маски я узнал бы его по светлым глазам и сросшимся седым бровям.

Я посторонился. С осторожностью обойдя меня, Апполинарич вскричал:

— Тебе, Вася, надо в цирке работать. Будущее предсказывать.

В голосе Апполинарича звучала незлобная насмешка. Вася, человек с банкой, кажется, сразу врубился, о чем идет речь.

— Капустин? — коротко осведомился он.

— Ага.

— А я сразу предупреждал, что ему сторож на кладбище прогулы ставит.

— Короче глаз у тебя плохой. Больше на моих не смотри. На своих смотри.

— Глаз-алмаз, — не без гордости согласился Вася с бигусом.

— А что с Капустиным? — спросил я.

— А вы кто? — Апполинарич устремил на меня светлый взгляд. — А вы ему кто?

— Я так... Просто я его... Скажите, вы меня не узнаете?

— Честно говоря, не припомню.

Конечно, он не обязан помнить всех своих пациентов и тем более не обязан помнить всех, кто видит его во сне.

— А как ваше имя-отчество?

— Андрей Константинович.

И никаких Апполинаричей, но разве это меняет дело?

— Простите, — я сделал движение, чтобы прикрыть за собой дверь. — Я, наверное,

ошибся. Слаб стал глазами. А что, вы говорите, с Капустиным?

— Умер Капустин. Удар, знаете, серьезный, скорее всего ломиком. Да и сердце уже не то...

Ну вот, не успел внушить человеку устойчивость.

...По лестнице навстречу снизу вверх двое санитаров с посиневшими от натуги лицами волокли коричневый сейф, так примерно пятидесятого года выпуска. Правильно эта штука называется железным ящиком, настоящий сейф они вдвоем не уперли бы. Рядом суетилась медработница средних лет, по виду из хозяйственного персонала. «Осторожнее, — говорит, — ребята, пальцы не прищемите»...

Я отступил в сторону, уступая дорогу.

...Один из санитаров чуть меньше месяца назад ночью во время дежурства читал «Гистологию», а потом, увидев мертвую Аделаиду, вывалился из окна.

Добравшись до площадки, они гулко ухнули сейфом о цементный пол, устраивая короткий отдых.

— Что, дедушка, помочь хочешь?

Весело балагуру... Я хотел поинтересоваться, не случилось ли ему недавно сталкиваться с живыми мертвецами. Но вряд ли он бы меня правильно понял. Не отвечая, я направился вниз. Еще и в психушку могли сдать чего доброго...

Я вернулся домой в десятом часу вечера и сразу наткнулся на телефонный звонок. Известно, Валентина Филипповна переволновалась.

— Ты куда пропал? — запрочитала она в трубку. — Я себе места не нахожу. Может, что случилось?

— Может, случилось.

Мой холодный тон ее насторожил. Надо бы полегче. Не стоит будить спящую собаку, хотя она, может, и не собака, а так — шпиц.

— Почему ты не пришел? Может, передумал?

То ли ирония звучала, то ли сочувствие.

— Не передумал. Знаешь, сердце прихватило... Думаешь, струсил? Уже собрался, доехал почти до Орджоникидзе, и тут как долбанет! Думал, смерть моя пришла. Добрые люди помогли до поликлиники добраться, знаешь, возле «Оперного». Оттуда хотели в больницу отправить, да я отказался. Посидел там, вроде слегка отпустило.

Валентина Филипповна молчала.

— Не веришь?

— Верю. Почему не верю? Может, тебе, правда, в больницу надо? Может, что серьезное...

— Нет. Уже почти все прошло.

У нее, конечно, на языке вертелся вопрос: когда же теперь? Вместо этого она как бы мимоходом заметила:

— Может, и правильно, что ты сегодня не пошел. Начальство весь день тусовалось... Знаешь, кажется, мы, действительно, переезжаем. Наверное, на следующей неделе. Ну так есть, каждый день может оказаться последним.

Кто ее знает, скорей всего, врет, чтобы подстегнуть. Да мне и самому уже откладывать некуда.

— Скорее всего послезавтра, — сказал я, помедлив. — Сердчишко восстановится.

Если Валентина Филипповна долго и упорно улавливала меня в свою сеть, то теперь должна локти кусать от того, что попалась не акула, а каша-размазня. Сердце у него разболелось!..

— Во сколько?

— Знаешь, пока не будем загадывать. Послезавтра и все. В первой половине дня.

— А где весь вечер был? Я звонила...

...Вечером я ходил в... театр, но Валентине Филипповне знать об этом совсем не обязательно... Давали «Жизнь и смерть Рэдрика Шухарта» по мотивам «Пикника на обочине». Когда-то давно я «Пикник» читал, в восторг, правда, не пришел. Но сюжет запомнился...

По сцене почти в полной темноте ходили мертвяки и мигали красными фонариками...

После спектакля вместе с Филимоновым мы выпили мою бутылку водки в его уборной. После первой же рюмки я сказал:

— Ты просил, чтобы я предупредил, когда окончательно соберусь грабить банк. Вот и предупреждаю. Хочешь пойти со мной?

Он растерялся:

— Ты серьезно?

— Еще как.

— Когда?

— Завтра.

— Завтра!?

— А чего тянуть? Жизнь все хуже, смерть все ближе.

— Это так, — согласился Филимонов.

— Слышал, что Явлинский по телевизору говорил? Что в сентябре начнется полный и окончательный развал экономики, а доллар скакнет до двадцати пяти рублей. Может, и больше.

— Врешь. Когда говорил?

— Не помню. Вчера или позавчера... Да ты где живешь? Сам, что ли, не видишь? Тебе когда зарплату последний раз давали?

Явлинский для Филимонова — главный политический авторитет. Во время выборов президента, когда в финале остались Ельцин с Зюгановым, артист в своем бюллетене упрямо проставил Явлинского, чем, конечно же, помог коммунистам. Демократы так говорили: каждый испорченный бюллетень — капля на мельницу Зюганова.

— Вообще-то, конечно, — признал Филимонов, — но насчет бакса... Что-то тут не так. Ну восемь будет, ну девять...

— Хоть восемь, хоть девять. Тебе-то что. У тебя их все равно никогда не было. И откуда им взяться? Впереди старость. Представь, как в вонючей больнице из-под тебя, морщась, будут вытаскивать судно. А ты будешь лежать одинокий и небритый. Надо бежать пока не поздно. Из страны. От вшивой старости.

— Да что ты мне рисуешь картины. Я ж не отказываюсь. Только расскажи все в деталях.

Филимонов — все равно что мой младший брат. Донашивает одежду, жену донашивал. Все время дышит в затылок. Я был уверен, что он и сейчас не отстанет. Побойтся отстать. Да он заснуть не сможет, если будет знать, что я украл кучу денег и трачу их на лазурном берегу, а он тут как дурак.

Я ему рассказал почти все. Пообещал двадцать процентов. Детально объяснил, что стрелять буду только в крайнем случае, если тамошний охранник окончательно взбесится, и его не напугает вид наставленной пули. И добавил:

— А чего их жалеть? Они же все — скоты! У них бычьи шеи и свинячьи щеки, а лапы с нестриженными ногтями похожи на клешни рака. А свои щеки они наедают на наши деньги, которые воруют. Тебе их жалко? Лично тебе жалко убитого бандита?

— Такого свинячего бандита мне совсем не жаль, — согласился Филимонов. — Но сам я стрелять не согласен.

Это было отличное теплое утро, переходящее в жаркий полдень. По улицам по своим загадочным делам шли загорелые девушки. До полного развала экономики великой империи оставалось полтора месяца. На соседнем сиденье трясся позеленевший за ночь неудавшийся артист детского театра Сергей Юрьевич Филимонов — будто его вымачивали в уксусе. Нет, скорее всего всю ночь завещание писал, а может, — стихи...

А с утра он додумался приклеить себе искусственные усики и густые черные брови и теперь был похож одновременно на Брежнева и Гитлера...

Сам я спал сном ребенка, хотя и проснулся по-стариковски рано — в половине шестого. Постоял под теплым душем и перед зеркалом. С серебряной поверхности меня разглядывал еще не окончательно состарившийся мужчина. А над дряблым животом еще не поздно поработать — тренажеры, заплывы в океане, кроссы между пальмами...

Главное, что я не находил в себе страха. Ни внизу его не было, ни вверху. Разве что легкое приятное волнение, как перед экзаменом, зазубренным на отлично. Теперь так будет всегда. Теперь каждый раз солнце будет всходить вместе с радостью.

— Что-то подташнивает, — пожаловался артист.

— Может, водка вчера несвежая была? — пошутил я. — Слушай, а ты потом без меня не поддавал ли еще?..

— Н-нет...

— Не переживай, скоро пройдет. Скоро все пройдет. Может, тебе минералки выпить?

— Хорошо бы...

— ...Пива, — добавил я, притормаживая у киоска.

Нестерпимо долго Филимонов отпивал минералку мелкими судорожными глотками. Меня жажда не мучила, но чтобы скорее прикончить бутылку, я тоже отпил со стакан. Не дожидаясь, пока артист снова заночует, я с преувеличенной решительностью скомандовал:

— И больше никакой воды! Там дел на пятнадцать минут, и хоть всю жизнь воду пей.

Метров за пятьдесят до кафе «Лебедь», на прежнем месте томилась знакомая «Волга» с тонированными стеклами. Хоть вчера я сказал Клепиковой насчет послезавтра, они с мужиком вновь предпочли перестраховаться... Меня присутствие машины ничуть не взволновало, ведь такой расклад я с самого начала предусматривал. Для чего, собственно, и понадобился лучший друг.

Я проехал мимо «Волги», мимо кафе, пересек Каменскую и припарковался перед супермаркетом, развернутым не так чтобы давно в здании хореографического училища. Балета в России становится все меньше, консервированных оливок все больше. Торжествует историческая справедливость: нас все время учили, что русский балет сводит с ума всю границу, а теперь выясняется, что все-таки оливки «катят» лучше, особенно под водку. Впрочем, под водку «катит» все, даже «Дон Кихот» Минкуса.

...Мы вернулись во двор. Со мной была легкая, но просторная клеенчатая сумка, где в свернутом виде лежали еще три такие же, специально изобретенные не то турками, не то китайцами для российского челночного бизнеса... А в член мне довольно неуютно упирался глушитель «Беретты», спрятанной за брючным ремнем.

К моему удивлению, Филимонов держался на ногах самостоятельно, хотя его слегка и мотало из стороны в сторону... В последний миг мне показалось, что я вижу лицо

Клепиковой в пыльном окне...

...Прихожая фирмы «Коала» напоминала студенческое общежитие — металлическая вертушка перед деревянной конторкой, на стене вывешены выцветшие таблицы насчет того, как быстро и правильно натянуть противогаз и как вообще реагировать на ядерный взрыв. Вот уж не предполагал, что для пиратских фирм, торгующих алкоголем, так актуальны идеи гражданской обороны.

За конторкой, словно шарик мороженого в вафельном стаканчике, дежурил бритый наголо, с плечами в два нормальных человеческих обхвата бандит. Поверх растянутой найковской майки покоилась массивная цепь из желтого металла. Я думал, таких уже не носят. Судя по выражению лица этого, с позволения сказать, вахтера, под конторкой дожидался удобного случая автомат Калашникова со сдвоенным рожком. По предварительным описаниям Клепиковой, дежуривший сегодня бандит носил ласковое женское имя — Женя.

Отключив затянутые в джинсы задницы и навалившись на стойку локтями, с Женей приятельски беседовали еще два неприятных типа боксерской наружности. Валентина Филипповна уверяла, что вахтер у них один, значит остальные двое здесь случайно.

— Здравствуйте. Мы к Гале Толбухиной, — объявил я, радостно улыбаясь.

Филимонов держался сзади... Какие чувства отражались на его лице?.. Наверное, какие-то необыкновенные, потому что Женя с интересом уставился как раз мне за спину... Но ведь артист, они любую рожу могут скорчить...

Галя Толбухина — это местный товаровед. Если по случайным причинам ее не окажется на месте, была заготовлена и другая фамилия.

Теперь Женя должен был сказать: «Проходите, гости дорогие, в комнату номер зри — по коридору налево».

Вместо этого здоровяк поднял трубку селектора и сказал:

— Галя, к тебе пришли...

О подобных формальностях Клепикова не предупреждала.

...И, обращаясь к нам, Женя добавил:

— ...Сейчас выйдет.

Но и на такой случай в моем арсенале имелась заготовка, правда — так себе... А на Филимонова и вовсе не было надежды.

Трое боксеров возле вертушки вернулись к прерванному при нашем появлении разговору про каких-то Усача и Дудочку. Будто бы Усач как-то там необыкновенно удачно «вдул» Дудочке. А может не Дудочка, а дурочка?..

Толбухина оказалась маленькой, невзрачненькой, прыщеватой девушкой лет двадцати пяти в серенькой маечке и коротенькой юбочке. Несмотря на чудовищную жару, она была в колготках. Говорят, что в некоторых идиотских фирмах от девушек это требуется. Это бы ладно и в принципе выглядит сексуально, если бы правое колено товароведа не пересекала совершенно безобразная затяжка.

— Кто ко мне? — необыкновенно громким голосом вскричала она, выглядывая из двери.

Если такая начнет звать на помощь, сбегутся не только местные бандиты, но и вся новосибирская милиция.

— Вы — Галя? — уточнил я, продолжая идиотски улыбаться. — Мы к вам... Вас предупреждали?.. Вообще-то мы вчера должны были прийти...

Не соврал я только насчет вчера...

— Кто предупреждал? О чем?

Что ж ты так орешь?!

— Ну, о... Насчет... Давайте все-таки к вам пройдем...

Как мог, я изобразил глазами нежелание разговаривать при посторонних.

— Конечно, — Гале Толбухиной ничего не оставалось делать, как соглашаться. —

Пойдемте.

Лбы возле вертушки посторонились, пропуская нас с Филимоновым.

...В коридоре было все, как описывала Клепикова, несколько закрытых дверей и главное — лестница вниз... Столько раз ночью и днем я представлял этот пейзаж!

Я все еще не решил, как поступить с неожиданной Толбухиной, но пройти мимо подвала было невозможно.

Быстро и почти насильно я впахнул в безвольную клешню артиста сумку... Выхватив из-под ремня пистолет, стукнул глушителем по Галиной рыжеволосой башке и скомандовал:

— Молчи, сука, если хочешь жить.

Я говорил почти шепотом, чтобы не переполошить здешний персонал. Мне показалось, что мой голос прозвучал жалобно, почти умоляюще. В ответ на такое требование, точнее просьбу, нормальный человек мог расхихикаться. Но то ли на нее подействовал увесистый глушитель у виска, то ли я неправильно услышал собственные интонации — Галя вздрогнула, присела, в ужасе выпучила глаза и разве что тихонько квакнула — то ли икнула, то ли хотела возразить...

Я подтолкнул ее к лестнице.

Филимонов продолжал представлять из себя арьергард.

Мы продвинулись почти на половину лестничного марша, когда снизу раздалась ленивая, ненастоящая мужская команда:

— Стой, кто идет...

— Свои, — отозвался я.

Снизу, из-за угла слева нехотя выдвинулась зевающая фигура молодого, стройного, симпатичного мужчины. Все это я разглядел за секунду или за полсекунды — секундомером я с собой не захватил — и что молодой, и стройный, и симпатичный, и с перекошенным зевотой ртом, и с голым, блестящим от пота торсом, и что на ногах у него кожаные шлепанцы И зеленые бумажные штаны, похожие на шаровары.

Он был молодой и симпатичный, но он был бандитом — кто же еще может работать охранником — значит, жалеть его глупо.

Я совершил быструю перегруппировку. Переместил девушку за себя и успел бросить Филимонову:

— Держи ее! Заткни ей рот!

Парень внизу все равно ничего не успел бы сообразить... Я выстрелил. На блестящем коричневом торсе, под правым соском возникло мгновенное бесшумное пятно. Под правым — если смотреть с моей стороны.

Смерть негодя оказалась быстрой и тихой. Как во сне. На полу подвала. Он ударился головой о стену, да так и затих, уткнувшись подбородком в плечо. Говорят, что некоторые люди умирают во сне, и это считается большой милостью небес, которую эти люди заслужили, уж не знаю чем. В общем, точно, он не мучился.

Некоторое время я ожидал, что снизу вынырнет кто-нибудь незапрограммированный.

Но из подвала не доносилось ни шороха.

Я обернулся...

Ни черта провинциальные артисты не умеют следить за лицом! У Бельмондо на его месте было бы нормальное мужественное лицо, может, даже чуть скучающее. А Филимонов превратился в рыбу, выброшенную на берег.

Сохраняя рыбе выражение, одной рукой Филимонов ухватил товароведа Толбухину за локоть, а другой шарил по ее груди. Это выглядело глупо и неуместно — на его глазах убивают человека, а он растопыренной ладонью удовлетворяет эротические фантазии...

Я даже не сразу сообразил, что артист всего лишь пытается выполнить мое распоряжение — зажать девушке рот, но впопыхах не может его найти.

Между тем Толбухина готова была заголосить во всю мощь своих сверхъестественных способностей. Ей оставалось вобрать в легкие один грамм воздуха, а ее глаза уже заняли необходимые орбиты... У меня опять не осталось времени на размышления. Я выстрелил почти в упор. И снова попал в сердце. Вместо крика из ее рта вырвалась шипящая струя воздуха...

Филимонов продолжал удерживать тело, с каждым мгновением наливавшееся неживой чугунной тяжестью.

С правой руки Филимонова стекала кровь. Я так никогда и не узнал: то ли он перепачкался в крови Толбухиной, то ли пуля зацепила его по пальцам...

Теперь он и сам был готов завопить... Я поднес отягощенный глушителем ствол к своим губам и приказал:

— Тихо! Все позади. Осталась фигня... Брось ее. За мной! Быстро! И тихо!

Комната охраны выглядела примерно как кабинет... тех же товароведов в моем «Военторге» — канцелярский стол с «Плэйбоем» и со следами не то позднего завтрака, не то раннего обеда. Так, насколько мне известно, перекусывают в Берлине. Продавленное кресло. Зеркало на стене. Все стены в плакатах неизвестных голых девок. В углу вешалка с курткой защитного цвета, на полу под вешалкой раздавленный окурочек и стоптанные кеды. Все, как в «Военторге», только в наше время был не «Плэйбой», а газета «Правда», и вместе с порнухой висел любимец женщин времен социализма певец Сергей Захаров, которого потом посадили.

И вот еще чего не было в «Военторге» — это железной двери, покрашенной под цвет панелей. Снизу зеленый цвет, сверху белый... Главное, что дверь на месте! А то я и в ней сомневался.

Обстановку дежурки я оценил периферийным зрением, одновременно шаря по карманам охранника в поисках ключей... Связка на цепочке то ли зацепилась, то ли изначально крепилась к карману. В целях экономии времени пришлось вырвать ее вместе с куском материи.

Слева от лестницы помещалась дежурка, а справа бронированным боком выступала еще одна комната...

Два сейфовских замка на два сейфовских ключа. Обе пары совпали так же любезно, как юноши и девушки в телепередаче «Любовь с первого взгляда».

Я потянул за ручку... Дверь отворилась... С такой же готовностью Валентина Филипповна раздвигает ноги... На одной чаше весов болтались шестьдесят лет моей хреновой жизни плюс две загубленные молодые души... Сейчас я узнаю, на сколько тянет этот дьявольский набор... Я нашарил выключатель...

Комната оказалась довольно просторной — метра три на четыре, абсолютно подвального вида, с некрашеными стенами. Левый дальний угол занимал старый массивный, похоже, сломанный тренажер с отягощениями в виде красных чугунных кирпичиков, подле в беспорядке валялись короткая легкоатлетическая штанга, несколько «блинов», две чугунные гири... На противоположную стену напозала груда здоровенных томов и сереньких брошюрок, судя по корешкам, по большей части политического назначения — Маркс, Энгельс, «Один шаг вперед, два — назад», «Как организовать...», «Как реорганизовать...» Рядом с политической макулатурой уже в гораздо большем порядке — на стеллаже, в перевязанных шпагатом кипах хранилось что-то вроде бухгалтерских бланков... А все остальное место занимали деньги!

...Как в мультфильме про Али-Бабу и сорок разбойников или в кинофильме «Золото Маккенны»... Здесь лежали пенсии всех пенсионеров России на десять лет вперед. Или все невыплаченные пенсии пенсионеров России. На стеллажах, в полиэтиленовых пакетах, и даже в картонном ящике из-под телевизора «Сони»... В рублевом и баксовом эквиваленте, в марках, пиастрах, черт знает в чем...

...Вот я и в Африке. Почти в Африке. Прозрачные волны Атлантического океана шуршат в моих ушах...

— Серега, все нормально, — тихо-тихо сообщил я лучшему другу, словно деревяшка застывшему у подножия лестницы. — Мы — миллионеры. Стой здесь. Никого не пускай.

— Как? А если кто-нибудь...

— Кашляй — я услышу.

Я вошел в комнату и прикрыл за собой дверь.

...В своей жизни я рыбачил не больше двадцати раз. Рыбак я никакой. Но как-то в детстве на реке Бердь на меня нарвалась огромная стая пескарей!.. Плыли тучей и думали, что уж из-под воды-то я их не достану. Они были кругленькие, как поросята, а бросались на червя с ненасытностью пулемета — один, два, десять, двадцать... Незабываемое чувство. Но лучше я расскажу другой случай — про грибы. Опять же насчет грибов я не шибко большой умелец. Скорее наоборот, всякие боровики и подборовики умеют найти против меня аргументы. И вот однажды я шел-шел с почти пустым ведерком, как вдруг на полянке... Полянка оказалась узенькая, как коридор в коммуналке, и вдоль нее стояли маслята. Словно на войну собрались — строем, молоденькие, численностью до роты. Ну, может, не до роты... За пять минут я наполнил ведро, пластиковый пакет и куртку, которую превратил в мешок, связав рукава. Я их не срезал, а косил... Незабываемое ощущение.

А деньги — это вам не пескари и не маслята. Это гораздо лучше. Но, похоже, в том смысле, что шел-шел, почти потерял надежду — река отравлена керосином и год не грибной... И все-таки нашел.

Сумки получились гораздо увесистее, чем я ожидал. Подхватив первую пару, я выполз в коридорчик. За время моего отсутствия никаких происшествий снаружи не произошло. Филимонов маялся, но при виде объемных сумок его лицо просветлело, как лесная полянка, с которой ветерок прогнал тень.

— Держи, — сказал я, передавая ему ношу.

— Это что — деньги? — не поверил артист.

— Можешь не сомневаться.

— Рубли или доллары?

— Все подряд, в общем, конвертируемая валюта.

Оставалось убедиться, что сработает ключ Валентины Филипповны. Что бы ни затевала хитроумная бухгалтерша, у ржавой двери могла оказаться своя позиция. Сорвав плакаты, я вставил ключ в замочную скважину. Должно быть, Валерий Клепиков — выдающийся слесарь. Может, он и сидел по этой части. А кроме того не пожалел денег и заправил замок не какой-нибудь машинной смазкой, а не иначе, как растительным маслом «Идеал» с нежным вкусом еды, потому что ключ провернулся на два оборота легко и почти бесшумно. Я толкнул дверь... Еще раз... Железная плита подвинулась, посыпалась старая штукатурка...

— Вперед! — скомандовал я. — Сере га...

— А?

— Нет, ничего. Жди у машины...

Не мешкая, истомившийся Филимонов с сумками нырнул в черную дыру подвала.

Я подождал. Тот, кто ждал за дверью с той стороны, если действительно кто-то ждал, мог ринуться за оставшимися сокровищами. Но было тихо. Со стороны кафе раздавались разве что невнятные шорохи, но то могли веселиться крысы.

Галя Толбухина лежала на ступеньках, словно брошенная кукла с переломанными руками... Перешагнув через мертвого охранника, я вынес из пещеры Али-Бабы вторую партию сумок. Вторые получились даже тяжелее первых, но оно и понятно — для себя старался.

Филимонов ушел почти минуту назад. Теперь и мне можно. Осторожно, ожидая подвоха, я покинул территорию АОЗТ «Коала», перейдя в уже знакомый мне подсобный подвал кафе, переименованного в честь известного новосибирского мафиози.

Неподалеку от каморки бомжа Володи одиноко светилась крохотная двадцатипятиваттная лампочка. Путь был пуст и свободен...

...Труп артиста я нашел там, где ожидал, — в удобном темном закоулке, где в гнилой луже разлагалась куча картонных формованных поддонов из-под куриных яиц. Вернее сказать, не то, чтобы ожидал увидеть именно труп, а просто не исключал такой возможности...

Бедный-бедный Сергей Юрьевич Филимонов, лучший друг, лежал, уткнувшись щекой в размокшие яичные упаковки. Странно, с утра я не заметил, оказывается, один носок на нем был кремовый, а второй темный — красный или синий — точнее не позволяло определить освещение. Высокий — брюнет в кремовом носке. Он точно уже не дышал. А если и дышал. «Скорую помощь» я звать бы не стал... А не надо спать с чужими женами...

Похоже, его убили ножом или заточкой, ткнув несколько раз.

Что скрывать, была у меня мысль — выбрать момент и выстрелить самому, но все-таки столько пива и водки вместе выпили... Опять же лучший друг... Вот я и придумал лотерею. Ведь могло ему повезти. Если бы повезло, жил да жил бы, правда в таком случае своей доли награбленного все равно не дождался. А разве в деньгах счастье? С голоду на сцене не дали бы умереть...

...Вчера с фонариком артист ходил по сцене в спектакле «Пикник на обочине», а сегодня сыграл роль отмычки почти по тому же спектаклю. Кто как живет, тот так и умирает.

Турецких сумок рядом с ним, естественно, не оказалось — иначе и убивать не стоило...

Я легонько, легко-легко, почти нежно пнул артиста по подошве — то ли прощался, то ли напоминал, что за любое говно приходится рассчитывать...

...В Володиной комнатке горел свет, асам Володя, по идее, должен был спать, как и

накануне... Я читал сегодняшний день, как мало того что открытую, так еще и с детства известную до последней строчки книгу про колобка.

Я прошел мимо, поднялся по лестнице и тут снизу, неожиданно, как ревизия, раздался грубый окрик:

— А ты че это поволок-то?

Бросив сумки, я резко развернулся. Следом за мной по лестнице по-тараканьи молниеносно неся уже знакомый мне завсегдай здешних коридоров — толстая усатая подсобница поваров. Возможно, тоже выпивала в Володиной подсобке, но оказалась крепче мужиков или выпила меньше.

— А кто разрешил?! — разорялась тетка.

Она еще ничего не знала про убийство и по стародавней привычке качала права... Она мне не нравилась с самого начала. Мне вообще усатые женщины несимпатичны. И халат у нее постоянно грязный. И ляжки похожи на окорочка Буша.

Казалось бы, лишнее убийство не имело никакого смысла, но все же я навел на нее пистолет.

Бог мой! Шестьдесят лет прошли впустую. Я всегда знал, как нужно решать проблемы. Зачем же ждал так долго? С усатыми окорочками не нужно вступать в пререкания, их нужно расстреливать на месте... Глупо иметь хоть какие-то разногласия с окорочками....

От вида пистолета маленькие глазки над усиками превратились в суповые тарелки, наполненные недоумением и ужасом.

Я нажал на спуск. Но еще раньше тетка из буденновского отряда отступила на шаг, оступилась на лестнице и повалилась назад, брыкаясь омерзительными ногами и сверкая несвежим бельем.

Я нажал на спуск или почти нажал. Люфт спас ей жизнь. Выстрела не произошло, и тетка благополучно укатилась в подвал. Пусть живет. Может, в следующий раз призадумается прежде, чем орать на людей.

Суетливые поварихи на кухне и юноши-повара бросали на меня и на клетчатые сумки любознательные взгляды. Тем более что за минуту до меня с точно такими же сумками здесь должен был пройти Клепиков. Но в конечном итоге хоть знакомый, хоть незнакомый человек, не спеша пересекающий кухню с тяжелым багажом в руках, выглядит гораздо более естественно, нежели тот же канкан в хирургической операционной. Никому не пришло в голову меня окликнуть и поинтересоваться, кто я такой, что здесь делаю и что выношу.

Дело ясное, идет человек, не хмырь какой-нибудь, а положительный пенсионер — значит, так надо. И барменша за стойкой почти не обратила внимания на дедушку, проходящего мимо барной стойки через служебный вход, тем более, что в тот момент ей выпало пересчитывать деньги, вырученные за два стакана желтого сока и два микроскопических пирожных. В наше время пирожные были вдвое больше, а стоили двадцать две копейки... Тем более и немногочисленным посетителям местного бара до меня не было никакого дела.

Я приостановился возле окна и осторожно выглянул из-за негнущейся капроновой шторы.

По улице шли загорелые девушки, не обращая внимания на забавные события, происходившие поблизости.

Выяснилось, что Валентина Филипповна вовсе не собиралась отсиживаться в своей бухгалтерии, в ожидании того, когда спадут первые волнения, связанные с дерзким

ограблением. Может быть, она никому не доверяла, в том числе и своему мужу.

С похвальным единодушием и слаженностью бухгалтерша и ее мужик, обладающий выдающимся вокалом, укладывали сумки Филимонова в багажник «Волги», а уложив, погрузились сами и, не мешкая, дали газу.

Счастливая семья. Остроумная семья. Какая разница, кому принадлежал гениальный план ограбления — найти «чайника», направить его на самую опасную стадию ограбления, а потом спокойно пришить в тиши подвала и забрать готовые деньги. Может быть, Клепиков и сам настраивался на то, чтобы совершить мой маршрут. Может, боялся. Может, начальство велело на пушечный выстрел не подпускать к «Коале» бывшего экспедитора. Кто их разберет, этих загадочных Клепиковых? Главное, что их идея сработала на все сто процентов... Сейчас они примчатся в аэропорт, сдадут сумки в багаж, приземлятся в каком-нибудь еще более душном, чем Новосибирск, Ташкенте, приедут в гостиницу, заплатят за дорогой номер, в зеркальном лифте поднимутся на двадцать второй этаж... Откроют сумки...

Весьма привлекательная картина.

Может, они и не собираются ни в какой Ташкент. Приедут домой, по вонючей лестнице, пыхтя и потев, затащатся на третий этаж, откроют сумки...

Или побоятся заезжать домой, а начнут претворять в жизнь мой замысел. Проедут город, минуют КПП, выберут безлюдный лесок, откроют багажник, откроют сумки...

Вот еще ради чего стоит жить. Жаль, что я этого не увижу. Счастливая и остроумная семья Клепиковых, открыв сумки, сильно удивится и тотчас перестанет быть счастливой. Потому что вместо денег в предназначенные для них сумки я щедрой рукой набросал... бухгалтерские бланки...

...А этот как здесь очутился? Я всегда говорил, что Новосибирск — большая деревня. Старый знакомый, тощий, как фонарный столб, кореец, с которым на барахолке я договаривался насчет пистолета... Поднял руку, останавливает тачку. Первым среагировал мятый, словно спохмелья, «жигуленок». Быстро сговорившись с водителем, кореец уехал по своим делам. Тоже крутится, хочет попасть в свою Африку. Небось, очередной ствол толкает.

Под палящим солнцем я дотащил добычу до Универсама и забросил в кузов «шиньона», где, готовые к дальней дороге, лежали еще две небольшие спортивные сумки с вещами, на первое время, необходимыми для жизни в Африке. Вблизи «Лебедя» суеты пока не наблюдалось. В «Коале» не заметили ограбления. Подруга буденовца могла поднять крик, что, дескать, чуть не убили... Но пока поверят, пока сообразят. А когда все откроется в «Коале», первым делом начнут искать Клепиковых — и бухгалтерша испарилась, и ее мужика видели в кафе с подозрительной ношей. Меня, конечно, тоже видели, но Клепикова знают лучше.

Я чувствовал себя превосходно. Нигде ничего не болело. И совесть не болела, а также не наблюдалось ни следа страха. А вот еще говорят, что убийц в первое время тошнит от содеянного... Только одна неприятная неоформившаяся мысль мешала радоваться жизни. Я попытался заглянуть в глубину своего сознания и, не найдя ничего по-настоящему тревожащего, вновь успокоился.

Движок работал надежно, кузов поскрипывал, как обычно. Я ехал за Катей.

Отягощенные мелкими заботами, по улицам шли загорелые девушки, юноши, женщины и мужчины, старички и старушки. Жизнь всех пешеходов полна пошлости и скуки, но они этого не сознают. А те, кто случайно сознает, ничего не может поделать.

Я чуть не проехал на красный свет. А тут еще впереди метрах в ста от перекрестка милиция устроила засаду. Не хватало с полным кузовом денег и двумя пистолетами нарваться на разборки. Сзади коротко заверещало тормозами. Вот ведь что мучает — не внутри, а снаружи. Пыльный желтый «Хундай» давно маячит в зеркальце заднего обзора. Кому я нужен? Клепиковы удаляются в противоположном направлении... Отвалили на моих глазах. И еще я видел...

Ах ты, блин! Через окна кафе я видел корейца. И он не просто «голосовал» на дороге... Вот Клепиковы укладывают сумки в багажник, закрывают крышку, с разных сторон одновременно садятся в «Волгу»... А чуть впереди уже стоит «Хундай»... Клепиковы садятся, а из «Хундая» выходит кореец. И я его вижу, но только не прямым зрением, а периферическим, потому что главное внимание отнимают Клепиковы. «Волга» проезжает мимо, кореец поднимает руку, ловит частника и уезжает за... сумками.

Как ни крути, получается, что мафия, продавшая «Беретту», знает про ограбление. Выходит, отпустив мне оружие, они потом не спускали с меня глаз. Зачем? Предположили, что неизвестный покупатель затеял ограбление века? Нереально. А следить просто так — глупо. Правда, в последнее время я довольно часто болтал про ограбление. Не конкретное, а вообще... Особенно с Филимоновым. Но мало ли, кто о чем болтает. Мог Филимонов кому-то проговориться?..

«Хундай» шел сзади, как приклеенный, и не особенно скрывался. Может, водитель

догадался, что его расшифровали? Я проехал по Гоголя, по Челюскинцев, у вокзала свернул на Ленина... К Кате, на улицу Революции, можно было проехать более коротким путем. Но, чтобы пораскинуть мозгами сопоставить факты и придумать новую картину мира, требовалось время.

Улица Революции — странный оазис тишины и покоя в центре города. Машины появляются редко, пешеходов мало. По утрам по улице спешат в фешенебельную десятую школу фешенебельные ученики в дорогих кроссовках и фирменных джинсах. Но теперь лето, каникулы... Жаркий полдень.

Я остановился у Катиного дома со стороны улицы. «Хвост» замер сзади метрах в тридцати. Стараясь, чтобы движения выглядели неторопливыми, я выбрался из машины и зашел за угол дома. Если люди из «Хундая» решат забрать деньги, им потребуется время, чтобы вскрыть замок. Там у меня не сейф, конечно, но все же пришлось в свое время принять меры предосторожности, я ж товары возил.

Скрывшись за углом, к изумлению отдохавших на лавочке старушек я перешел на бег и вскоре оказался на той же улице, только уже в арьергарде событий. Из машины никто не выходил. Похоже, там один водитель. Силуэт просматривается через заднее стекло. Курит, стряхивая пепел на асфальт.

...Даже если в последний момент он и заметил мою крадущуюся фигуру в зеркале, все равно ничего не успел предпринять. Я приставил глушитель к кудрявой голове, и мужик превратился в статую с зажатой между пальцами сигаретой. Незнакомый тип лет двадцати пяти, цыганской наружности, уж не Милин ли сынок часом? В шортах и безрукавке. Главное, что незнакомый, а я уж приготовился бог знает кого встретить...

— Эта штука, — сообщил я, тыча глушителем под цыганское ухо с пустой дырочкой для серьги, — любит и умеет убивать. Ох, некрасиво получится — вся машина в мозгах. Усвоил? Если да, медленно кивни. Медленномедленно, чтобы я от неожиданности не вздрогнул.

Как в замедленной съемке, цыган изобразил понятливость.

— Скажешь правду, отпущу. Сколько человек в квартире у девушки?

— Наверное, двое, но точно не знаю.

Честно говоря, я всего лишь предположил, что в Катиной квартире может быть засада. И так уж ляпнул — на всякий случай, на пушку взял, а пушка сработала так, что я сам чуть не присел. Не умею вести допросов, тем более в походных условиях. Вопрос следовало сформулировать иначе. А теперь, как говорится, возможны варианты. И самый гнусный, если Катя — предательница. Двинулась по неверному пути Клепиковой и задумала облапошить несчастного пенсионера. А слезку приставила из страха, что я с деньгами улизну в свою Африку без нее. Мог я так поступить? Мог. И сейчас могу плюнуть на все сомнения и исчезнуть, раствориться в шуме морского прибоя и шелесте пальмовых листьев. Черта с два плюну. Влюбленные всегда карабкаются на скалу любви до конца, хоть и понимают, что падение с вершины может оказаться смертельным. По крайней мере будет больно. Не мог я ее бросить, не бросив еще один взгляд и до конца все не выяснив. Я снова спросил почти наугад:

— Сердцев там?

— Я не знаю фамилий...

Я ткнул глушителем так, что у него лязгнули зубы.

— Правда, не знаю!

— Не вопи, скотина, не на футболе! — приказал Я. — Давно меня водите?

— С утра. И вчера силе.

А ведь правда, если призадуматься... Недаром «Хундай» показался мне до боли знакомым.

— Для чего? То есть какова задача?

— Следить и сообщать о перемещениях.

— Кому сообщать?

— Толяну. Его Толяном зовут. Одного там Толяном зовут. Телефон на бардачке записан. Вон видите.

Натурально, на светлой панели синим фломастером был записан шестизначный номер.

— Мобильный? — уточнил я.

Цыган кивнул.

— Тихо, падла! Я же велел не дергаться.

Столбик пепла с сигареты упал ему на голую ногу.

Цыган не шевельнулся.

— А второго как зовут?

— Жоржем.

— Издеваешься?

— Нет. Точно Жоржем.

— Француз, что ли?

— Да нет, русский.

— Ладно. Куда кореец ушел?

— Какой?

— Который с тобой ездил.

— Ну, видим, из кафе двое выходят, мужчина и женщина, с полными сумками, а сумки точно такие, как у вас была. Мы позвонили. Толян сказал, что у вас тут помощница работает, может, она, и сказал, чтобы Руслан, это тот, кореец, за ними следил, а я оставался на месте.

— Оружие есть? — наконец сообразил спросить я.

— У меня? Нету. Правда, нету. И не было никогда. У Руслана есть пистолет.

— А у тех двоих — в квартире девушки?

— Точно не знаю.

И тут в кабине заверещал сотовый телефон. Мы оба вздрогнули. Цыгану, верно, показалось, что такой же звук издает пуля, ввинчиваясь в черепную коробку. Он зажмурил глаза крепче, чем молоток бьет по гвоздю, и приготовился умереть.

— Тихо-тихо, это еще не смерть, — я пощекотал парня глушителем возле уха, — это только первый звонок... Возьми трубочку и отвечай. Но, если что-нибудь неправильное выкнешь, секунды не протянешь... Усвоил? Толяну своему скажи, мол, подъехали к дому, я... Я, а не ты... Вышел из машины, но схватился за сердце и присел рядом на бордюр. Что по виду вот-вот кони брошу, и уже прохожие оглядываются... Давай. Смелей. И не дергайся ради своей же безопасности.

— Алло, — сказал цыган послушным деревянным голосом. — Да. Привет. Не тс чтобы... Хорошо...

Что это за «не то чтобы», что это за «хорошо»? Я напрягся, но цыган и сам сообразил, что его реплики в моих ушах звучат двусмысленно:

— Ларис, я сейчас не могу долго говорить, — затараторил он. — Перезвоню вечером... Нет... Ну... Ага...

Странная жизнь: у человека, можно сказать, пуля зависла в трех сантиметрах от головного мозга, а тут девушки звонят...

— Теперь набирай номер Толяна, — приказал я. — И говори, что велено... Что у меня мотор глохнет, в смысле сердце. И никаких других намеков!

Цыган набрал номер:

— ...Алло, Толян. Мы на месте. Со стороны улицы. Он во двор не стал заезжать... Слушай, тут такое дело. Старику, кажется, хана приходит. Он из машины выполз, за сердце держится... Не знаю, может, переволновался. Или от жары... Ну, сидит рядом с машиной на поребрике... Ага... Понял.

Мобильник пикнул, отключаясь...

— Достоверно, — одобрил я. — Тебе на радио надо работать диктором. Что Толян?

— Велел ждать. Сейчас выйдет...

Цыган был плохим человеком. Бандитом и при случае меня бы не пожалел...

Я выстрелил, направляя пулю по диагонали в шею и дальше вниз. В самом деле не хватало, чтобы кровь заляпала стекла, привлекая внимание ППС и прочих граждан. Получилось довольно чисто. Я оглянулся — прохожих поблизости не наблюдалось. Разве что по противоположному тротуару, не обращая на нас внимания, брела печальная старушка с палочкой, не по сезону укутанная в плотный шерстяной жакет.

Рану в шее цыгана слегка прикрывали волосы, правда, на майку побежала кровянистая. В общем, в роли спящего водителя труп выглядел неубедительно. Это вблизи. А кому придет в голову рассматривать его в упор... Не мог же я его здесь оставить живого. С собой, что ли, тащить на мушке?..

Соблюдая минимум приличий, почти бегом я вернулся к Катиному подъезду и поднялся на второй этаж почти вовремя. Дверь квартиры распахнулась, и на пороге с «мобильником» в правой руке нарисовался тип, в котором я сразу узнал человека, на набережной передавшего мне ствол в обмен на баксы.

Теперь тот же ствол своим единственным бездонным глазом уставился ему в лоб. Круговорот оружия в природе. За его спиной произошло быстрое движение, смысла которого я не уловил. Кажется, некто нырнул за угол, в комнату. Я выстрелил. Мужик замахал руками, попятился и рухнул на пол, увлекая за собой одежду с вешалки и шторы в крупных алых гвоздиках, прикрывавшую одежду.

Захлопнув за собой дверь, я широко шагнул через труп, из безразличия опасаясь наступить на разбросанные конечности.

...Возле окна, обхватив Катю за талию и приставив нож к ее горлу, стоял... почетный «челнок» Новосибирска, любимец всех продавщиц барахолки, балагур и весельчак Дмитрий Викторович Сердцев. И даже сейчас пытался сохранять на лице ироническое выражение.

Нож был почти ненастоящий, кухонный, но острый, я его сам недавно подтачивал. И все же, увидев этот нож у Катиного горла, я испытал странное облегчение: значит, Катя меня не предавала.

— Рад видеть вас, сэр, в добром здравии, — Сердцев скривился в ухмылке. — А то уж я думал, сердечный приступ срубил тебя окончательно...

— Привет, — ничего умнее я придумать не успел.

— Э, нет. Приближаться не стоит. Ты ведь меня знаешь, я реактивный, как истребитель, и в этой жизни мне терять нечего. А тебе, насколько я понимаю, теперь есть, что терять...

Катя глотала воздух с таким видом, будто ее вот-вот стошнит.

Меня нервировала открытая дверь в спальню.

— Там есть кто-нибудь? — спросил я.

— Не-а, — опять ослабился Сердцев. — У нас сейчас классический треугольник: он, она и он с двумя сумками денег.

— Не врет? — подстраховался я, обращаясь к Кате.

— Нет, — голос прозвучал не громче, чем шипенье магнитофонной ленты в паузе между песнями.

И добавила еще тише:

— Не стреляй.

— Держись. Все будет нормально.

— Правильно, — одобрил Сердцев. — Зачем стрелять? Без стрельбы разберемся.

— Что ж ты, сволочь?.. — обиделся я тогда на Сердцева. — Ведь, вроде, друзьями считались...

Про Филимонова я тогда не вспомнил. Тем более, какой он мне друг? Друзья не спят с женами друзей.

— Просто деньги сильно были нужны. А так я бы никогда... Не скрою, хотел забрать все. Все, что ты вынес из это вшивой «Коалы»... Я, кстати, и сам за ней давно наблюдал, так что тебе повезло, что ты первым успел... Не ожидал такой прыти... А кстати, как поживает Ваня? Не знаешь Ваню? Это такой кудрявый, на цыгана похож, водитель — тройка, семерка, шестерка...

Он назвал номер «Хундая». Я быстро скосил глаза на свой пистолет.

— Понимаю, — обрадовался Сердцев. — Ты и его успел?.. Правильно сделал. Дрянн человек. Ни в чем положиться нельзя. Одни бабы на уме. К тому же еще и долю свою стал бы требовать... Без лишних лиц мы с тобой быстрее договоримся... Вот ты говоришь — друзья. Убедил. Значит, делим пополам и расходимся... Да соображай ты быстрее, времени жалко.

— Допустим, — кивнул я, сглатывая слюну. — А как?

— Молодец, — одобрил Сердцев. — Люблю нежадных людей. Они и живут дольше, и спят спокойнее... Значит, предлагаю вариант обмена. Ты на своем «шиньоне» заезжаешь во двор, встаешь вон там, возле трансформаторной будки. Берешь одну сумку, так уж и быть, любую, взвешивать не станем, пусть тебе достанется лишний килограмм денег. Берешь сумку и ставишь на тот столик, посреди двора возле песочницы, и возвращаешься к машине. Я буду наблюдать в окно. Как только все сделаешь, мы выйдем вдвоем с твоей девушкой, она пойдет к тебе, а я заберу сумку и отправлюсь своей дорогой. Вот это и есть дружба.

— Постой-постой. Как это я отдаю тебе сумку? Это разве пополам? А те две сумки, за которыми следит этот твой Руслан?

— Правильно, следит, — согласился Сердцев. — А если не уследит? Уйдут те две сумки, и что мне тогда — на паперть?

— Да уж, ты выйдешь на паперть...

— Ладно, не торгуйся. Сумка за девушку — нормальная цена. Снимаем все проблемы.

— Хрен с тобой, сволочь. Значит въезжаю во двор...

Я еще раз прокрутил в уме план Сердцева, пытаюсь найти подвох.

— Все чисто, — убеждал Сердцев. — Мы же не станем шуметь на улице, гоняться друг за другом с ножом и пистолетом. И девушку мне нет резона убивать. Мне деньги нужны, а не трупы.

Я колебался. А если выстрелить?

— Катя, — позвал я. — Ты как?

Она окатила меня взглядом коровы, спросонья жующей траву.

— С тобой все в порядке?

Она слабо кивнула.

— Сможешь выйти?

Она сглотнула слюну. Хорошо хоть, рефлексy работают.

— О'кей, — согласился я на американский манер — уж больно ситуация была нерусская. Это же в Америке каждый день людей берут в заложники. А в России другая ситуация — люди сидят за одним столом и выпивают.

— Катя, все будет в порядке, — пообещал я, отступая к прихожей.

— Да, — напомнил Сердцев, — только давай без глупостей. Утром возле дома ты загрузил в тачку шмотки в двух темных спортивных сумках, а из кафе вынес две большие красные клеенчатые сумки китайского производства. Меня интересуют китайские. Одну поставишь на столик... Удачи!

Сколько цинизма в человеке! И опять улыбается. Есть же люди, которые всегда чувствуют себя уютно. Им ни в какую Африку переезжать нет смысла. Их Африка всегда с ними...

Я кивнул на труп в прихожей:

— У него есть оружие?

— ПМ в правом кармане пиджака. Можешь забрать на память, если не доверяешь. Бесплатно. Имей в виду: сейчас я тебя обманывать не собираюсь. Мне стрельбу нет резона открывать. Если все сделаешь, как договорились, то и я не подведу. Получишь подругу живой и невредимой.

— На всякий случай, — объяснил я, доставая ПМ. — Слушай, это тебя Толяном кличут? Или Жоржем?

— Ну ты сам подумай! Какой я тебе Толян? Толян мертвый лежит. А я живой.

— Значит, Жоржем. А на фига?

— А просто так. Люблю Францию. Все-таки чемпионы мира. А тебе не все ли равно?

Абсолютно все равно, но я тянул время, пытаюсь отыскать подвох в плане Жоржа Сердцева. Вроде все выходило чисто.

...За десять минут никто не обратил внимания на спящего мертвым сном цыгана Ваню.

Я медленно проехал по двору под Катиными окнами, согласно предписанию припарковался возле кирпичного куба подстанции... достал сумку... медленно пересек двор в обратную сторону, демонстративно выставил китайскую сумку на столик — по таким в шестидесятые годы любили стучать костяшками домино — и возвратился к машине.

Двор выглядел уснувшим — лишь по газончику гуляла девочка с доберманом, да две бабки, общавшиеся на скамеечке под топодем, следили за моими загадочными манипуляциями, посматривая то на меня, то на сумку, аппетитно красневшую перед пятиэтажкой.

Из подъезда чуть ли не в обнимку вышли Катя и Сердцев. Катя направилась ко мне, а Сердцев подкатился к деньгам. Прежде, чем утащить добычу в неизвестном направлении, Дмитрий Викторович весело помахал рукой в мою сторону и даже слегка поклонился, не то на прощанье, не то выражая признательность за финансовую поддержку.

...Ватная Катя плюхнулась рядом, и я стал разворачиваться.

— Ну, как ты? — спросил я.

— Нормально, — она махнула рукой. — Есть закурить?

— Я ж не курю.

— Ах да! Все из головы выскочило... Слушай, я не взяла ничего из дома. Собиралась-собиралась вчера весь вечер... Ни косметички, ни даже трусов, а они бы, кажется, сейчас не помешали...

О! Уже и шутит.

— Да ну их, эти трусы! Убраться бы побыстрее. К тому же все есть сзади. Там и трусы, и губная помада, и апельсиновый сок, и пальмы. Все там есть... А вместо сигареты есть водка — захватил на всякий случай, вон в пакете. Там и стаканчик. Хочешь?

— Не-а. Что-то до сих пор мутит. Может, попозже и выпью, а сейчас только хуже будет... Думала — все, конец. Миш, я точно живая?

— Живая, живая, — успокоил я. — Могу ущипнуть.

И с каждой минутой делается все живей.

— Ну и сволочи! — выругалась Катя. — А ты-то их откуда знаешь? Дружки, что ли?

Улица Советская несла нас к Красному проспекту. Не выпуская из вида дорожную ситуацию, я виновато покосился на Катю:

— Извини, но, кажется, это действительно я тебя подставил. Случайно... Этот Сердцев, который, ну... с ножом... Я с ним еще в институте учился. Считались друзьями. Он на барахолке подторговывает, да и вообще пронырливый.

— Да уж. Я заметила.

— Он что, приставал? — насторожился я. — В смысле...

— Да нет. Если в смысле, то нет. Успокойся, ничего они мне не сделали. Напугали только до смерти... Миш, я тебя тоже подставила.

Она робко погладила меня по руке.

— Как?

— Да тоже не хотела. Когда они сегодня ворвались... Прямо из-под душа вытащили... Ну, в общем, сначала хотела молчать или наврать что-нибудь... Не вышло из меня Зои' Космодемьянской... В общем, я им все рассказала. Про твой план. Но они и сами много знали... Стыдно.

— Не переживай. Это только в кино партизаны под пытками молчат. Тем более, что я сам виноват... Всех простаками считаю, а сам лопухнулся, как... лопух. Я пистолет доставал через Сердцева. Он меня к каким-то цыганкам направил. Я думал, просто ходы знает, а теперь получается, что он сам оружием подторговывает. Через посредников, которые ему же и подчиняются. Он вообще-то интересовался, зачем мне оружие, но не особенно настойчиво. Я ему, естественно, ничего не сказал... А потом я ему же свою квартиру продал и при этом порол горячку. Так что даже идиот догадается, что, если я что-то затеваю, то сделаю это в ближайшие дни. А еще я в последние дни философствовал перед всеми подряд, что хотел бы ограбить банк, а у нас с Сердцевым общих знакомых пол города...

...И кстати, Филимонова он знает, — отметил я про себя. — Артист ему много мог рассказать по душевной простоте да под «маленькую» с закусочкой...

— ...А потом еще он нас увидел на улице и почувствовал, как я к тебе отношусь, а я же ему, дурак, сам и сказал, где ты работаешь... Без задней мысли. Я и подумать не мог... А еще он откуда-то знал про эту бухгалтершу Клепикову. Наверное, наводил справки. И про «Коалу», выходит, знал. Да это-то теперь хрен с ним.

Мимо, вернее в прошлую жизнь навсегда улетала двухэтажная деревянная Россия —

Матвеевка, Нижняя Ельцовка... Вслед за странным, окутанным жутким снами городом.

Похоже, после Искитима Катя окончательно пришла в себя. Приняла весьма расслабленную позу — утонула в глубине сиденья, одну ногу, сбросив туфлю, задрала и выставила на приборную панель. Короткое платяишко подвинулось, здесь-то и выяснилось, что девушка путешествует в Африку без трусов.

— Ты еще и без трусов? — определил я, пытаюсь восстановить сбившееся дыхание.

— Я ж говорила, что трусы бы мне не помешали...

— Я думал, ты намекаешь, что от страха того...

— Ну уж... Я ж говорила, что прямо из душа вытащили... Одеваться по полной программе времени не было...

Некоторое время я терпел. Танцовщица щебетала про пережитые страхи с непринужденностью птички, а встречный ветер тем временем развеивал ее рыжие волосы.

Верхняя ножка выглядела, как изделие из хрупкого китайского фарфора — от пальчиков со следами бесцветного лака на ноготках до того места, где шоколадный загар постепенно сменялся нежной бледностью кожи. Я влюбился в это точеное изделие, в каждую его линию в один миг без надежды на избавление. Я был обречен на любовь до смерти.

И вдруг она сказала:

— Помнишь, ты как-то говорил, что видел меня во сне?

— Видел. Кроме шуток.

— Знаю. Потому что я тебя тоже видела во сне. Почти месяц назад...

— Где? В морге?

Она устала на меня с изумлением:

— Почему в морге? Что за странная идея? Дома. Ты же знаешь, я всегда дома сплю.

— А почему сразу не сказала?

— Не знаю. Потом бы я тебе все равно рассказала. Я же не знала, что все повторится почти один в один... Было так ярко, как в жизни... Видела тебя и этого мужика Жоржа или как его там... Все было почти как сегодня. Он схватил меня и приставил нож, правда не к горлу, а к животу. Тут появился ты, выстрелил, но он успел меня ударить. Отчетливо помню ощущение — как сталь входит в тело. И еще нож был ледяной. Такой ледяной, что я сразу замерзла...

Холодный пот выступил на моих ладонях.

— А потом? — спросил я.

— Все. Больше ничего. Странно, правда?.. И тут я тебя в кафе увидел уже по-настоящему...

— Потому и задержалась с йами?

— Да. Довольно необычное впечатление, когда видишь незнакомого человека во сне, а потом встречаешь в жизни.

— Да уж, представляю. Испугалась?

— Немного. Но больше любопытно было. Я подумала: а вдруг это судьба?

— А Сердцева раньше не видела?

— До сегодняшнего дня не видела.

— Когда я из машины вышел на Красном проспекте, он был за рулем...

— Я не смотрела, кто там за рулем... Я только тебя видела. Зато, когда он сегодня

появился... Знаешь, как в анекдоте. В дверь позвонили, хозяин открыл, а там смерть с косою...

— Не знаю я такого анекдота.

— ...Правда смерть маленькая такая. Со спичечный коробок. Хозяин перепугался, а смерть говорит: «Не бойся, мужик, я не к тебе, а к твоей канарейке пришла»... Забавно, да?

— Ага.

— Ну и вот, когда я его увидела, все равно что свою смерть увидела. А дальше поняла, что так и будет, что появишься ты с пистолетом... Удивительное чувство, будто перечитываешь знакомую книгу... Знаешь, что произойдет на следующей странице... Вот только конец другой получился... Никогда мне ничего такого не снилось... Как тут не поверить в...

— Во что?

— Не знаю...

— И я не знаю, но точно, это предупреждение... Не хотел говорить, но теперь можно: в своем сне я видел нас обоих мертвыми. Я тоже сначала не придал значения — ну, сон и сон.... И, когда тебя встретил, еще не допер. А у меня еще и Клепиков был во сне. Вот когда его увидел, тут и осенило... Уж больно много похожего получается во сне и в жизни. Я понял, что где-то притаилась смерть...

...В операционной появился небритый бандит, и в тот же миг я скончался под ножом Апполинарича... Прозрачнее намека не придумаешь...

— Что? Какого Апполинарича?

Меня разбудил звук Катиного голоса.

— Я что — спал?

— Почему?

— А... Показалось, что уснул за рулем и снова вижу тот же сон. А Апполинарич — это тоже из того сна. Так хирурга звали. Такой хирург действительно существует, я проверял. Только его не Апполинаричем зовут... В общем, смерть была неизбежной, и я решил ее обмануть. Подставить вместо себя под нож другого человека. Смерти-то какая разница? С точки зрения физики — это же всего лишь обмен энергий. Тем более, что мы с тем человеком даже похожи... И все получилось. А еще я был почти уверен, что и тебе угрожает опасность...

Я замолчал. Когда я стрелял в товароведа в испорченных колготках, я не только хотел предотвратить крик, но и сознательно обменивал ее жизнь на Катину. Сознательно — ничего себе словечко. Может, бессознательно? Что есть реальность молитвы? Я почти просил, неизвестно Кого, чтобы Он взял одну ненужную мне жизнь вместо другой — нужной.

— Думаешь, я сумасшедший? — усмехнулся я, выезжая на обочину и тормозя.

— Нет. В крайнем случае мы оба сумасшедшие... Что ты делаешь?..

— Не могу больше, — сказал я.

Я начал целовать колено выставленной ноги, спускаясь вниз, к пальцам. Никогда в жизни мне не приходило в голову целовать подошвы чьих-то ног. Они пахли горячим солнцем Африки, травой, прибрежным песком, и... ветром, омывающим финиковые рощи.

— Что ты делаешь? — испугалась она. — Грязные же!..

— Кто грязные? Что грязные?.. Как здорово! — пробормотал я. — Как будто, ты не по земле, а по воздуху ходишь. Твои ноги пахнут ветром.

Мои обезумевшие после шестидесятилетней жажды губы совершили обратное путешествие по ноге и, перевалив через холм колена, спустились к другому месту... Все смешалось — жизнь, смерть, сон... Для всего есть ловушка. Для воды — ведро, для ветра — стена. Даже для света есть ловушка. Есть такие звезды с плотностью вещества сотни тонн в кубическом сантиметре — они свет от себя не отпускают. А для человека ловушка — любовь. В этом капкане жизнь, смерть и сон взбиваются в коктейль...

— Миш, — почти простонала она. — Подожди...

— Что?

Она сняла ногу с панели, приняв вид школьницы на уроке математики.

— Подожди, — повторила она, озираясь по сторонам. — Я здесь была один раз... Видишь впереди домик. Там поворот. Если проехать километра два в сторону, там есть очень красивое озеро в лесу. Там, наверное, нет никого — довольно глухое место.

— Ты когда там была? — уточнил я, с сожалением отрываясь от Катиной правой ноги и заводя мотор.

— Лет пять назад. Мы с классом приезжали...

Как забавно: оказывается, еще пять лет назад твоя девушка училась в школе, получала двойки и выезжала с классом любоваться пейзажами, а сколько лет прошло с тех пор, как закончил школу я? Лучше не считать, потому что до смерти осталось гораздо меньше... Ее ноги пахнут ветром юности, этот ветер и меня перенесет в страну вечной юности, где я буду жить рядом с ней до самого конца.

— Там за это время, небось, дач понастроили, — пробурчал я, чтобы хоть чуть-чуть замаскировать проступавшее изнутри счастье.

...Положим, до озера оказалось не два километра, а все пять. Зато никаких дач. И людей. Вообще-то местность была не хуже, чем в Африке. Впечатление портило только сознание того, что где-то рядом, невидимый отсюда, дымит трубой искитимский электродный завод. Конечно, кому как, но лично мне для счастья никаких электродов не надо.

Окруженное березами, озеро смирно лежало в ложбинке.

— Искупаемся? — предложила Катя.

— Обязательно. Надо запомнить вкус русской воды.

Мы купались долго, раздевшись донага.

— Поплыли к тому берегу, — позвала Катя.

— Не-а. Неохота.

Не хочу от берега до берега. Могу, но не хочу — скучное, утомительное занятие.

На берегу Катя по-собачьи мотала головой, стряхивая воду с волос. Я достал из кучи своей одежды два пистолета — толянковский ПМ и «Беретту» с глушаком. Насчет «пээма» ничего не могу сказать, а «Беретта» точно любит и умеет убивать. Все-таки нукусский Межид выразился весьма удачно, если я запомнил его зловещую формулировку на всю жизнь... Если из каждого произведенного на свет пистолета убили хотя бы одного человека, по земле разгуливали бы только зверьки да паучки. Про «пээм» опять-таки не могу ничего сказать, а «Беретта» всяко свой план смертельных убийств перевыполнила. Я с удовольствием запустил в озеро оба ствола вместе с их кровавой историей. В одной из сумок еще лежит старый ТТ, уж не знаю, почему я и его здесь не захоронил? Все равно рано или поздно с ним придется расстаться — в самолеты с оружием не пускают. Но впереди еще несколько дней на земле — мало ли что...

Древние греки не просто так придумали историю про то, как Одиссея пришлось привязывать к мачте, чтобы он не сбежал к девкам. Я потянулся к Кате...

— Подожди, — сказала она. — Как дверцу открыть?

— Вон ключи, в замке зажиганья.

Я ее понял, я бы и сам еще раз взглянул...

С трудом вытащив красную клеенчатую сумку из кузова, Катя опрокинула ее вверх тормашками и на траву повалились разноцветные пачки денег — баксы, рубли, марки, пиастры...

Прежде не приходилось слышать, чтобы Катя ругалась:

— Твою мать!.. Никогда столько не видела! Даже в кино.

— И я.

— Сколько здесь? Миллион, есть? Если в баксы перевести...

— Два-три наберется. Надо посчитать...

— Потом посчитаем... Иди сюда...

Мы занимались этим прямо на деньгах. Не знаю, сколько прошло времени. Мы перепробовали все. Теоретики этого дела на основе наших упражнений могли бы, наверное, к Камасутре приписать пару глав. Вообще-то я не читал, но вряд ли там имеется само предположение, что сексом можно заниматься на берегу лесного озера на куче денег.

Потом мы просто лежали. Катя лениво перебирала попадавшиеся под руку пачки.

— И все-таки жалко...

— Чего жалко? — переспросил я.

— Я прямо как в анекдоте. Мальчик плачет. Дяденька его спрашивает: «Чего реवेशь?» «Десять копеек потерял». «На тебе десять копеек и не реви». А он все равно ревет. «А сейчас-то чего реवेशь?» «А если бы, — говорит, — я те десять копеек не потерял, то сейчас бы двадцать было». Жалко вторую сумку.

— Да не стоит переживать.

— Да я знаю, что не стоит, а все равно жалко. Это жадность, да?

— Конечно, жадность... А вообще-то там в подвале не так уж и много оказалось денег.

Все вошли в одну сумку.

— В смысле?

— Очень просто. Это все, больше там не было.

— А у Жоржа что?

— Маркс, Энгельс, Ленин... В общем классики... Там книжки были свалены. Я подумал, может, пригодятся. Захватил на всякий случай. И, как видишь, пригодились. А Сердцев, кстати, всегда тянулся к научному коммунизму. Так что ему понравится...

— Ты шутишь? То есть, в той сумке не было денег?!

— Никогда.

Катя смотрела на меня не то с недоверием, не то с изумлением, а потом расхохоталась на весь лес. По озеру туда-сюда каталось серебристое эхо.

— Представляю его лицо, — Катя размазывала по щекам слезы. — ...Ну как ты все-таки догадался? Откуда ты знал, что так будет? Опять, что ли, во сне увидел?

— Может, и во сне. У меня сейчас вообще все перепуталось — где сон, где явь... То ли я нереальный, то ли мир вокруг. И от этого слегка кружится голова... Ну что, наверное, пора... Собирай деньги, а я сейчас...

Я отошел в сторонку за деревья по малой нужд, е... Я не чувствовал ни страха перед

будущим, ни угрызений совести за прошлое. Вот таким и должен быть человек.

...Я обернулся, услышав шорох... И увидел застывшее Катино лицо и мой ТТ в ее руках.

— Ты чего? — спросил я, застегивая молнию на брюках.

— Да вот, понимаешь... В Африку может уехать только один человек... Не двигайся!

— Почему один?

— Так ведь второй неизбежно создает помехи. Никому нельзя верить на сто процентов.

Что будет, когда я тебе надоем?

— Ты мне никогда не надоешь.

— Вот уж не ожидала от взрослого человека услышать такое... Нет ничего вечного.

Кроме Африки, конечно.

Откуда она так хорошо знает про Африку? Ведь говорит почти моими словами...

— Может, все-таки попробуем, — заканючил я так, что самому стало противно.

— Ну, если я тебе надоем — это еще полбеды. А представь, что ты мне надоешь. А представь, что я тебя не люблю. И никогда не любила.

— Врешь! — выпалил я. — А вот это все? Все, что было...

— А что такого особенного было?

— А сейчас, вот только что?

Я хотел сказать, что такой неистовый секс может быть только между влюбленными людьми.

— Ты же сам говорил...

— Что?

— Ну вот, что если девушка дарит тебе ключи от «Мерседеса», то хотя бы из благодарности ты должен с ней переспать. А ты мне подарил ключи даже не от «Мерседеса», а от целого континента.

Что-то подвинулось в моей голове. Я вдруг заметил, что листья на березах совсем не похожи на березовые. Березы вокруг стоят словно новогодние елки — украшенные кленовыми и дубовыми листьями вперемешку. Если даже деревья сошли с ума, чего ожидать от человека? Я имею в виду от Кати... Совершенно ясно, что она тронулась. Надо разговаривать спокойно. Надо спокойно ее убедить. Разубедить. Главное, чтобы она опустила пистолет. Пистолет-то безобидный. Соврал Межид. Этот ствол не умеет и не любит убивать. Вот «Беретта», которая сейчас лежит на дне озера, — другое дело. Если бы у Кати была «Беретта», я испугался бы гораздо сильнее. А так страха вообще нет.

А про березы — блин! Так ведь на них всегда росли дубовые и кленовые листья. И я это всегда знал, просто не отдавал отчета...

— Значит, все ложь? От начала до конца? — пробормотал я.

— Не знаю, что ты имеешь в виду. Но разве ты знаешь разницу между ложью и правдой? Если знаешь, скажи.

Она не только мои слова, но и моим голосом говорит. А ведь она всегда так говорила. — Что-то есть во всем этом странное.

— Ты меня никогда... Тогда из-за чего все это?..

Я хотел спросить: «Ты меня никогда не любила?», но не смог выговорить последнего слова.

— Я разве не сказала? В моем сне ты был очень богатым...

Я вдруг сообразил... Никогда я ей не говорил про «Мерседес» и что за него нужно переспать. Я так думал, но никогда не говорил. Почти с облегчением я перевел дух. Теперь

все понятно. Это дурацкий, но все-таки сон. Сейчас все кончится.

Раздался шорох, как будто змейка скользнула в траву. Разве выстрел может звучать так тихо? Пуля ударила в живот. Маленькая остренькая пуля, а ощущение такое, что по животу ударили молотком. Земля встала или это я упал лицом в траву...

Сначала Вселенная бесконечно долго представляла из себя чередование вспышек, берущихся неизвестно откуда. А потом оказалось, что прямо надо мной, мигая круглыми иллюминаторами, плавает летающая тарелка, похожая на хирургическую лампу. Сам я лежал на хирургическом столе, и картина казалась мне смутно знакомой.

— Вот она, — обрадовался хирург Апполинарич, вытаскивая из меня пулю.

Сейчас он ее выронит, потому что... Точно, вот и музыка уже доносится про чашку кофея. Все это уже было со мной. Шесть вспотевших девушек из варьете, вскидывая капроновые колени, пересекали операционную в режиме канкана. А в середине шеренги пританцовывал и напевал женским голосом небритый бандит Клепиков.

Я вспомнил все. И даже еще успел удивиться. Стреляли в меня хрен знает где, чуть ли не возле Искитима, а оперируют в Новосибирске. Что, у них в Искитиме скальпели кончились?..

Это, впрочем, пустяки по сравнению с тем, что жизнь пробежала по кругу.

— А дед-то того... — заметил анестезиолог.

Бригада продолжала бороться за мою ускользающую суть. Марлевая маска Апполинарича превратилась в мокрую от пота и горячего дыханья тряпку.

«Спасибо, конечно, но зря стараетесь, ребята», — хотел сказать, но, естественно, не проронил ни звука.

Смерти я не боялся. Я вообще больше ничего не боялся. Уж теперь-то я знал, что со смертью жизнь не заканчивается. Жизнь представляет из себя воплощенный в бред сплав реальности и небытия.

Жизнь сделала круг. Или петлю? Сейчас все начнется сызнова. Меня отправят в морг, где уже лежит Катя или Аделаида — какая разница? Она будет пугать студента. Потом между нами начнется странный секс мертвецов. Потом мне покажется, что я проснулся, хотя никто не сможет ответить: чем проснулся отличается от заснул? Я проснусь и обнаружу в своей постели Валентину Филипповну, бухгалтера по специальности. И она будет портить мой аппетит своим шумным утренним туалетом...

В детстве я читал фантастический рассказ про пилота Пиркса. Его космический корабль угодил в катастрофу и сразу же в какую-то спираль времени. На глазах Пиркса катастрофа повторялась уже несколько раз. Спираль сужалась, промежуток между возвращающейся катастрофой становился все меньше и грозил вот-вот и вовсе исчезнуть. А вырваться из спирали можно было, лишь нажав на некую кнопку. И вот Пиркс занимался тем, что подбирал такое положение руки, чтобы при очередном возврате на исходную позицию попасть по кнопке. Он не мог сосчитать количества попыток, но по кнопке все-таки попал.

Возможно, я угодил в такую же петлю. Не так просто попасть в Африку, как кажется. Что-то я сделал не так. Мне казалось, что я обманул смерть, но и смерть оказалась не такой уж дурочкой.

«Экситус», — мысленно подсказал я анестезиологу.

И он повторил подсказку, отключая мое остывающее тело от причудливых жизнеобеспечивающих приборов.

Две молодые женщины вкатили каталку с трупом в лифт. Сейчас меня прикатят в

больничный морг, где уже лежит... одна известная мне особа. Интересно, как пройдет встреча и какой между нами получится разговор? Как ни странно, я не испытываю к Кате злобы. Она, как я, жертва обстоятельств или точнее жертва реки времени, которая несет свои воды из будущего в прошлое хоть по кругу, хоть по спирали, а для пловца сделать хоть одно движение поперек необыкновенно сложно. Гораздо сложнее, чем переплыть Обь. Собственно, чтобы попасть в мою Африку как раз и нужно было сделать движение поперек. Мне не удалось. По крайней мере с первой попытки... Но ведь теперь, как я понимаю, начинается вторая...

Санитарка открывает дверь... Каталка въезжает в дверной проем и... передо мной словно вид с Эйфелевой башни на весь мир открывается ужас последнего и вечного одиночества. Никогда не был в Париже, просто мне всегда казалось, что Эйфелева башня стоит как раз посередине мира...

...Ни Кати, ни Аделаиды в комнате нет... Ее нет! Девушки в белых халатах выходят, выключая за собой свет.

Но темнее не становится, уже давно мир залит туманом, сквозь который проникают разноцветные вспышки. Я пытаюсь шевельнуться. Но у меня ничего не выходит... Что происходит? Волна ужасной догадки накрывает мое сознание. Она победила смерть. Я был прав, я всегда знал, что человек может разорвать круг. Катя победила смерть. Нам дали шанс, одновременно поставили на стартовую черту и пустили по кругу. Победить должен был кто-то один. Я всегда знал, и Катя знала, что билет в Африку выдается только на одну персону. А я расчувствовался, решил, что можно и вдвоем... И проиграл.

Вспышки все чаще. Сон, смерть, бред. Ничего не существует в действительности. У действительности даже нет параметров. Нельзя же всерьез считать параметрами действительности длину, ширину, высоту или вес.

Нет и не было Кати, Африки, Филимонова, Валентины Филипповны... Есть только последний электрический импульс, заблудившийся в умирающем мозгу. Может быть, даже и не в моем мозгу. Может быть, я ненадолго ожил в Катином умирающем сознании. Проще говоря, приснился кому-то.

История Африки длилась меньше мгновенья, а мне показалось... Привиделось Бог знает что... Но кто тогда в меня стрелял, если не Катя?..

Вспышки все чаще. Свет колотится в замкнутом пространстве, которое сужается до размеров комнаты, до размеров гроба, до размеров черепной коробки... Пространство тает и вместе с ним тает свет...

Больше книг на сайте - Knigoed.net